О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

Зарубежная фантастика

ДОРОГА ВОСПОМИНАНИЙ

Сборник научно-фантастических произведений

ПРЕДИСЛОВИЕ

КИБЕРЫ БУДУТ, НО ПОДУМАЕМ ЛУЧШЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Хотите увидеть Францию, какой она была за миллион лет до основания Парижа? Побывать в Голландии двадцать первого века? Или вас больше привлекает планета другой звёздной системы, где неведомая цивилизация воздвигла зловещий Храм Будущего? Предлагаемый вниманию читателей сборник научно-фантастических произведении европейских писателей предоставит вам любую возможность.

Однако в каждом рассказе вы встретитесь с обыкновенным человеком. С нашим современником, который то пытается разглядеть себя в будущем, то использует магический кристалл воображения, чтобы лучше разобраться в себе самом, какой он есть в настоящем.

Но если так, к чему тогда столько невероятного, зачем все эти несуществующие миры и прочие выверты фантазии? Разве недостаточно тех испытанных и могучих средств художественного познания действительности, которые так плодотворно заявили о себе в классике и исправно служат мастерам настоящего? Зачем иные состояния действительности, когда вокруг кипит реальная жизнь, откуда можно черпать какие угодно образы и сюжеты?

Где научная фантастика, там недоумения и споры, какие не разгораются вокруг других видов художественной литературы. И это закономерно.

Прелюбопытная вещь: не было, кажется, ни одной крупной научно-технической новинки, о которой сначала не говорили бы, что она либо невозможна, либо ненужна, либо сомнительна. Так обстояло с паровозом (когда он уже стоял на рельсах), с самолётом (когда он уже летал), с атомной энергией (когда до её высвобождения оставались годы), с космическими полётами (буквально накануне запуска первого спутника). Причём так говорили не только обыватели или закоренелые ретрограды: были в числе опровергателей и крупные специалисты, более того, эксперты именно в той области, перспективу которой они позже ставили под сомнение. Так в науке и технике, так и в искусстве. Такова закономерность восприятия нового.

Научная фантастика едва ли самый молодой вид художественной литературы, она не избежала и, очевидно, не могла избежать общей участи. Вокруг неё тоже развернулась очень длительная, хотя, впрочем, утихающая полемика. И это при том, что корни научной фантастики стары, как само искусство. Мы говорили о литературных традициях, вот и вернёмся к ним.

Достоевский однажды сказал, что «все мы вышли из «Шинели» Гоголя». «Все мы» — это классики русской литературы XIX века, мастера реалистического отображения жизни. Эти слова Достоевского вот уже более ста лет повторяются с пиететом, потому что в них много правды. Стоит, однако, вспомнить, что гоголевская «Шинель», между прочим, ещё и фантастика… Рассказ-то кончается появлением мертвеца, который и карает обидчика-генерала!

Но и это, конечно, не ИСТОКИ. Простейшая мыслительная операция исключения фантастики из литературы приводит к таким страшным опустошениям, что иного доказательства её значения в искусстве уже не требуется. Исчезают «Фауст» и «Гулливер», рушится «Гамлет», скудеет Гоголь — подкашиваются становые кряжи мировой литературы.

Невольно напрашивается вывод: фантастика — это одна из составляющих реализма, его средство и выражение. Вот откуда эти невероятные ситуации и прочие ухищрения художественного воображения.

Однако легко заметить, что фантастика фантастике рознь. Интуитивно мы улавливаем, что фантастика, скажем, Гоголя — это одно, а фантастика, предположим, Уэллса — нечто иное, и смешивать их не следует. Хотя то и другое, конечно же, хорошая литература. Но Гоголя мы не относим к научным фантастам, а Уэллса — причисляем.

Вроде бы, очевидна такая разграничительная линия: фантастическое у Гоголя или Гёте обусловлено действием каких-то надчеловеческих СИЛ или ничем не обусловлено. Срывает мертвец с генерала шинель, разгуливает Нос в виц-мундире — и всё, думайте, что хотите! А в научной фантастике невероятное обусловлено либо какими-то достижениями науки будущего, либо действием ещё непознанных сил природы.

Действительно, такой водораздел существует. Однако он далеко не всегда чёток. Вот, к примеру, помещённый в этом сборнике рассказ Джона Браннера «Будущего у этого ремесла нет». Какая это фантастика? С одной стороны, явно ненаучная: средневековая магия, вызов нечистой силы… С другой стороны, сугубо физические условия «эксперимента», что особо подчёркнуто в рассказе, вместо дьявола материализуют человека из будущего, путешественника во времени. Тут уже пахнет не серой, а лабораторией энного века. Кто знает, чего там достигнет наука будущего, мало ли, казалось бы, невозможного стало возможным на наших глазах! Вдруг и неосуществимое по всем

современным теориям путешествие во времени станет реальным, и такая закрадывается мысль…

И вот тут нас подстерегает опасность принять видимость за сущность. Сложное мы склонны сводить к простому и из всего извлекать корень ощутимой полезности. Применительно к научной фантастике это подчас оборачивается требованием: раз фантастика называется научной, значит, она должна строго держаться науки, воспитывать научное мышление, в художественной форме популяризировать новые перспективные гипотезы, будить мечту и рисовать предвидимое будущее, а что сверх того, то от лукавого. Действительно, научная фантастика делает и то, и другое, и третье, причём так, что некоторые авторитетные учёные и космонавты считают её вклад в освоение космоса (да и не только космоса) вполне очевидным и ценным. В этом смысле можно говорить о прикладном значении научной фантастики, её роли в развёртывании НТР. Однако это лишь побочное следствие её свойств, особенностей и возможностей. Лес даёт топливо и стройматериалы, но это ли главное в нём?

Основное в фантастике то же, что и в любом другом виде художественной литературы. Всё прочее лишь средство художественного проникновения и познания действительности. Хотя, конечно же, наука вошла в фантастику не случайно.

Фантастика (любая!) подчиняется законам искусства, а не науки. В то же время литература отражает жизнь, а жизнь всё стремительней меняется, во многом под воздействием научно-технического прогресса. Это новое обстоятельство не могло не повлиять на литературу, оно-то и породило научную фантастику.

Если приглядеться к мировой литературе, то окажется, что в ней можно выделить три, что ли, сверхтемы. Вот они: духовный мир человека; человек во взаимосвязи с другими людьми; человек и общество (шире, но куда реже в произведениях — человек и окружающий его мир).

Само собой понятно, что эти сверхтемы взаимно переплетаются, хотя и не обязательно все вместе присутствуют в любом произведении. Фантастика закономерно оказывается в этом круге, потому что, во-первых, мы всегда были окружены неведомым, а, во-вторых, в нас самих присутствует фантастическое «я» нашего воображения. Литература этого не могла не заметить, она это отражала и отражает, используя фантастический элемент то как тему, то как приём.

Но вот жизнь стала быстро меняться, чего прежде не было. Постепенно стало ясно, что будущее влечёт за собой не просто житейские перемены, что завтрашний день несёт в себе новое качество. Человек перед лицом Будущего! Вот что стало злободневным и новой темой вошло в литературу. И трансформировало фантастику. Именно она более всего и прежде всего отозвалась на это принципиальное изменение действительности. Почему так произошло, почему именно в фантастике, а не в обычной прозе особенно громко зазвучала тема Будущего, тема человека перед лицом Будущего?

Ответ прост: будущее несло с собой новую фантастику жизни. Ведь что такое для наших прадедов, а то и дедов космические полёты и даже обыденный ныне телевизор? Фантастика, сказка…

Казалось бы, невероятное, невозможное, фантастическое стало сбываться по воле человека. Так тема «человек перед лицом Будущего» сплелась с темой «человек перед лицом Невероятного».

Сам термин «научная фантастика», возможно, не совсем удачен. Так или иначе писатели, которых захватила эта новая тематика, будучи реалистами (или романтиками, как представленный в сборнике Ф. Карсак), не могли решать возникающие перед ними художественные задачи без опоры на науку. Ведь для того, чтобы отразить новое явление жизни, представить, чем обернётся прогресс для человека, как под его воздействием изменится духовный мир, надо очень пристально вглядеться в будущее, проиграть в уме или на бумаге различные его варианты. В том числе самые невероятные, потому что далеко не всегда можно заранее угадать, что сбудется, а что нет. Без интереса к науке, без знания её основ и перспектив, без введения её как действующей силы сделать это непросто. Пренебрежение этим могло обернуться и даже для мастеров часто оборачивается художественной неудачей. Хотя, конечно, сама по себе такая мысленная проработка не гарантирует успеха, ибо, повторяю, научная фантастика подчиняется законам литературы, а не науки.

Наиболее нагляден пример такой проработки «поля действия», пожалуй, в рассказе Белькампо «Дорога воспоминаний», который и дал название всему сборнику. Первые страницы даже выглядят популяризацией достижений и перспектив нейрохирургии (мимоходом заметим, что кое-что здесь уже успело устареть и не всё так уж точно). Но это не более чем трамплин, подход к той самой теме, о которой шла речь: человек и Будущее. Рассказ-то об этом: вот фантастическая, и в принципе возможная перспектива, а вот человек и что тогда произойдёт с его духовным миром? Неявно в рассказе присутствует и другая, уже традиционная, тема литературы — человек и общество. Впрочем, почему неявно? Общество купли-продажи оставлено неизменным, всё происходящее рассматривается на его фоне. Уверен, что автор сделал это сознательно. Вот, посмотрите, словно говорит он, что может произойти с человеком, если наука и техника будут стремительно развиваться, а общественные отношения нет. Устраивает вас такое Будущее?

«Научно-фантастическая» проработка темы в той или иной мере свойственна большинству рассказов сборника. Но не всем. Ничего похожего, например, нет в рассказе выдающегося итальянского писателя Джанни Родари «Карлино, Карло, Карлитто, или как бороться со скверными привычками у детей». На свет появляется младенец с феноменальными способностями. Как, почему, откуда они — неважно, никаких квазинаучных объяснений писатель не даёт. Не потому, что не смог их найти, а потому, что избрал другую тему и другую художественную задачу, не человек перед лицом Будущего, а «человек и общество». Фантастика здесь служит целям скорей сатиры, чем проникновения в грядущую реальность. Привлечение атрибутов науки было бы здесь художественно неоправданно.

Но всякое подлинно литературное произведение неоднозначно. Образ Карлино в какой-то мере является символом скрытых возможностей человека. Заброшенный в мещанскую, буржуазную среду сверхгений — вот он кто. Не терпят такое общество, такая среда никаких гениев, душат их в колыбели, требуют «будь, как все?» Тем самым они отказываются и от Будущего, в котором могли бы раскрыться невиданные таланты и способности человека.

Научная фантастика, помимо прочего, ввела в литературу героя, какого в ней прежде не было. Обратимся к рассказу Мориса Ренара «Туманный день». Фантастическая экскурсия в прошлое поначалу выглядит в нём чем-то самодовлеющим, люди выписаны схематично, это своего рода «глаза», призванные фиксировать облик иной геологической эпохи. Может быть, М. Ренар неумелый художник? Писатель, которому не даются характеры? Однако пейзаж зрим, автор мыслит образами и тогда, когда описывает обстановку, и тогда, когда дело касается переживаний человека. Нет, тут что-то другое. И точно: под конец всё встаёт на свои места. Главный-то герой, оказывается, не геолог, не его приятель, а весь человеческий род! Вот нейтральный образ, вот на что работает сюжет, вот чему подчинено всё остальное.

Примерно то же самое и в рассказе Яцека Савашкевича «Мы позволили им улететь». Снова в центре внимания не столько конкретный человек, сколько род человеческий, его судьба в туманных далях грядущего. Описан фантастический, едва ли осуществимый в действительности вариант, но «сказка ложь, да в ней намёк…» — В какой-то мере это верно и для фантастики.

В ней усиливается нравственный поиск. Он всегда в ней присутствовал, ярко проступал в творчестве ведущих мастеров, но были десятилетия, когда массив научной фантастики выглядел иначе. Порою самодовлеющим оказывался технический антураж, головоломный сюжет, на передний план выпирала какая-нибудь сногсшибательная фантастическая идея. Всевозможные «киберы» заслоняли человека, художественное начало умалялось. Отчасти это было связано с новизной и сложностью тематики, её неосвоенностью, неотработанностью арсенала художественных средств, отчасти с тем, что и читатель был заворожён победной поступью научно-технического прогресса, многих прежде всего и более всего интересовали те же «киберы», Однако шло время и восприятие происходящего изменилось, да и в самой научной фантастике произошло накопление художественного опыта. Стало ясно: киберы будут, подумаем лучше о человеке! О человеке в грядущем мире киберов и всяких других чудес НТР. О социальных, нравственных и прочих последствиях научно-технического прогресса.

Этот поворот произошёл во всей мировой фантастике. Он заметен и в сборнике. Уходящая волна представлена в нём, пожалуй, рассказом Стефана Вайнфельда «Поединок», где киберы затеняют своих творцов. А, например, в рассказе Владимира Колина «Лнага» или в рассказе Анри Труайя «Подопытные кролики» в центре всего оказывается уже морально-нравственная проблематика.

И всё это научная фантастика.

Новая, нетрадиционная тематика, с которой она связана, требует и особой поэтики, своей образной системы, своих средств выражения. Это огромная, мало затронутая литературоведами область исследований, в неё мы не будем углубляться. Но кое-что всё же стоит отметить.

Немного остановимся на рассказе Нильса Нильсена «Ночная погоня». Не потому, что это самый выдающийся рассказ сборника, не потому, что в нём сделано художественное открытие, а потому, что в нём всё наглядно, как на предметном стекле. Герой повествования учёный, творец кибернетических «муравьёв», которые едва не губят как своего создателя, так и всё человечество. Приглядимся к этому образу. Он прост: безмерная любознательность, неукротимая жажда творчества и наивность — вот, пожалуй, и все краски.

Художественная бедность? Да, если сравнивать с образцами обычной прозы, характерами, выписанными со всеми нюансами, противоречиями и сложностями. По сравнению с ними образ учёного в рассказе «Ночная погоня» типичная маска характера, а не сам характер.

Однако у тех же классиков, особенно в рассказах, мы находим образы совсем иного рода. Таков, например, унтер Пришибеев у Чехова. Тоже ведь маска! «Не толпись, разойдись, не велено, тащить и не пущать» — вот и все краски… А какой образ!

Этим я отнюдь не хочу сказать, что мастерство датского фантаста равноценно мастерству Чехова. Речь о другом. О том, что образ может быть создан разными средствами и его «масочность» далеко не всегда недостаток. Есть два типа образов, два способа их создания, они в принципе равноценны. Об этом стоит упомянуть потому, что фантастика тяготеет именно к образам-маскам. Особенно научная.

В сборнике это бросается в глаза. Представлено свыше десяти стран, около двадцати авторов, есть маститые, есть малоизвестные, одни рассказы, что типично для любого сборника, получше, другие послабей, почерк писателей иногда разительно несхож, а вот образы — одного ряда.

Это не случайно. Герои фантастических произведений чаще всего действуют в ином пространстве-времени, чем персонажи; допустим, «семейного романа». В научной фантастике, уж таково поле её тематики, гораздо выше степень условности, куда меньше бытовых реалий. Поэтому способ, каким создан тот же Безухов, здесь, как правило, не работает, не может работать — вне зависимости от степени таланта. Зато на редкость пригоден тот способ, каким создан, к примеру, гоголевский Плюшкин. Тоже ведь «маска»!

Разумеется, нет правил без исключений, но такова тенденция. При разговоре о достоинствах и недостатках научной фантастики её нельзя не учитывать.

Представленные в сборниках рассказы европейских фантастов объединяет ещё одно — гуманизм. Дальнейшее развёртывание научно-технического прогресса при неизменности условий «западного образа жизни» ни у кого не вызывает восторга. Скорей тревогу. Я уж не говорю о едкой социальной сатире Эрманно Либенци «Автозавры». Но вот, скажем, «Патент Симпсона» Примо Леви. В рассказе есть мечта, есть завораживающая воображение идея союза и дружбы с живой природой, а чем всё кончается? Достижение тотчас используют торговцы наркотиками…

Так поблекли и осыпались недавно ещё характерные для западной фантастики технократические иллюзии, упования, что научно-технический прогресс сам по себе всё разрешит и улучшит, мир. Да, киберы будут, но подумаем лучше о человеке!

И фантасты Европы думают. Используют магический кристалл художественной фантазии, чтобы лучше понять настоящее и разглядеть туманные дали грядущего. От десятилетия к десятилетию растёт удельный вес фантастики в литературе, всё шире её популярность, всё больше произведений.

Уж очень актуально то, о чём она пишет.

1. Встреча старых друзей

Меня зовут Марк Бронкхорст. Я преподаю историю. Доцент. Закоренелый холостяк. И вовсе не склонен к авантюрам. Хотя, с другой стороны, что за жизнь без приключений?

Почему именно мне была доверена эта тайна, не знаю, ведь такая ноша не по плечу даже людям с более твёрдым характером. Как бы то ни было, непреодолимая сила побуждает меня доверить рассказ бумаге. Преданный гласности, он не может не найти живого отклика. И если только его не сочтут праздной выдумкой, он доставит мне немало хлопот. Но приступим к делу.

Сомневаюсь, чтобы отец Кристиан дотянул до пасхи. Боюсь, что не ошибаюсь. И, как мне кажется, он сам молча разделяет мои опасения, хотя о своей близкой смерти ничего не говорит. Присущее ему чувство юмора, очевидно, не может примириться с романтическим представлением о тайнах, которые уносят с собой в гроб. Он же сделал свой выбор. И даже неумолимо надвигающаяся тень смерти не в силах заставить его отступиться. Я дал слово сохранить его тайну.

— Нет, дорогой Марк, не клянись, — отвечал он. — Ведь должен же я кому-то довериться. Даже аббату на исповеди я рассказал не все.

Я его понимаю. Психический перелом произошёл в нём под влиянием панического страха перед оглаской, страха, граничившего с отчаянием. Скрывшись в монастыре траппистов, он смог сохранить свою страшную тайну, так как устав ордена предусматривал полное молчание.

— Представляешь себе, — сказал он с усталой улыбкой, — нашу прессу, столь падкую до сенсаций. Газеты и журналы не дали бы мне умереть спокойно. Мои соотечественники наверняка не отказались бы от такой лакомой добычи. Жадной толпой они примчались бы сюда из-за океана, до зубов вооружённые теле и кинокамерами, магнитофонами, фотоаппаратами. А я не из тех, кто согласен быть орудием чуда. С меня довольно и того, что двадцать веков назад кучка оголтелых провозгласила пророком какого-то нищего и это на многие века изменило лицо мира. Роль пророка, желающего вновь изменить мир, мне не по силам, но когда я уйду из жизни, ты волен сделать так, как сочтёшь нужным.

Не знаю, как я поступлю, когда моего друга не станет. Пока я поместил тетрадь с записью его рассказа в сейф Торгово-промышленного банка. Иногда спрашиваю себя, уж не сон ли всё это, долгий, мучительный сон? Но, увы,…напечатанное на плотной глянцевой бумаге лежит передо мной письмо, с которого всё началось. Вот его содержание.

Вестерхаут. 12 февраля 1963.

Многоуважаемый господин Бронкхорст!

Уверен, что моё письмо удивит Вас, но надеюсь, Вы меня простите за беспокойство. Речь идёт об одном очень важном деле, которое невозможно изложить в письме. Поэтому я вынужден просить Вас о встрече. Строго конфиденциальные моменты, к которым причастны посторонние лица, заставляют меня просить Вас приехать ко мне в аббатство Вестерхаут. Поверьте, мне в высшей степени неприятно, что я не могу изложить на бумаге причины, которые побудили меня обратиться к Вам. Смею заверить, что Ваше посещение весьма необходимо, в чём Вы сами сможете убедиться. Могу ли в заключение выразить надежду, что моё обращение Вы сохраните в тайне?

Едва я успел назвать себя, как брат-привратник наградил меня доброжелательной улыбкой. Через лабиринт коридоров с готическими сводами он молча проводил меня в покои аббата. Коренастый старик приветливо встретил меня и крепко пожал руку.

— От всей души приветствую вас, менеер Бронкхорст, — сказал он. Мне понравилось, что в его голосе отсутствовали маслянистые нотки.

— Польщён встречей, — ответил я, смущённый тем, что не знаю, как титуловать своего собеседника.

— Откровенно говоря, я не был уверен, что вы благосклонно отнесётесь к моему приглашению. Я надеялся пробудить хотя бы любопытство. И, пожалуйста, не обижайтесь, если тон моего письма показался вам несколько повелительным.

— Об обиде не может быть и речи. А вот любопытство моё действительно оказалось задето.

— Имя отца Кристиана вам ничего не говорит? — спросил он меня.

Профессиональные интересы сводили меня с несколькими духовными особами, причастными к историческим исследованиям. Но отца Кристиана между ними не было.

— Нет, этого имени я никогда не слышал, — сказал я. — В университете, правда, среди моих сокурсников было несколько священнослужителей, но…

— Нет, среди них искать не стоит…

— Тогда, боюсь, я не смогу быть вам полезен, — пробормотал я. Мне и в самом деле было жаль, что пришлось разочаровать этого приветливого старца.

— Не иначе, вам всё это кажется странным, менеер Бронкхорст, — улыбнулся аббат. — А может, вы усматриваете здесь что-то от методов инквизиции. Но такая уж у меня привычка — не торопиться и соблюдать во всём осторожность. Дело в том, что для брата Кристиана ваш приезд необычайно важен.

Напрасно я напрягал свою память, стараясь вспомнить, числятся ли в рядах ордена траппистов, помимо пивоваров, и пионеры науки.

— Уверены ли вы, что не произошло ошибки? — спросил я. — Память подводит меня не слишком часто, но…

— Не беспокойтесь, менеер Бронкхорст. Я навёл необходимые справки. Но ближе к делу. Две недели назад брат Кристиан попросил меня выслушать его исповедь. Он был так взволнован, что я тут же принял его. То, что он мне поведал, было столь ошеломляющим, что я счёл своим долгом посоветовать ему как можно скорее обменяться своими мыслями с мирянином.

— Я всё никак не уловлю, о чём речь, — ответил я смущённо.

— Самое лучшее, если вы сами с ним побеседуете, — проникновенным голосом заключил аббат.

Он проводил меня в монастырский сад, содержавшийся в образцовом порядке, где прекрасно подготовленные цветочные клумбы ждали прихода весны. Молча указав на аскетическую фигуру в орденском одеянии, он дружелюбно сжал мне локоть и, заговорщицки подмигнув, удалился.

Незнакомец, поглощённый чтением молитвенника, казалось, не замечал ничего вокруг. Красная галька дорожки поскрипывала под моими подошвами. Я смущённо кашлянул. Монах рассеянно поднял голову. Некоторое время он молча смотрел на меня, как бы возвращаясь с высот на землю, и вдруг просиял улыбкой.

— Хелло, Марк, — сказал он бодро, — рад тебя видеть, дружище. — В нашем крепком рукопожатии выразилась вся полнота мужской нежности.

— Джимми, Джимми О'Хара, — бормотал я. — Джимми О'Хара — цел и невредим. Возможно ли это?

— Бог, видимо, этого пожелал, — засмеялся он, его немного близорукие глаза подёрнулись слезой.

— Так ты стал…

— Теперь я отец Кристиан.

Я, словно посетитель картинной галереи, сделал несколько шагов назад, чтобы лучше рассмотреть его.

— Да, — хрипло пробормотал я. — Ты — отец Кристиан. Но ты — и Джимми О'Хара. Теперь я начинаю понимать, почему выбор аббата пал на меня. Но нет, на самом деле я ничего не понимаю…

— Тебе что, кажется такой странной наша встреча?.

— Но ведь минуло семнадцать лет!

— Ты, конечно, растерялся от неожиданности! Но давай сядем, тебе это, как вижу, совершенно необходимо.

Ноги мои действительно подкашивались, колени были как резиновые. Он дружески взял меня под руку и усадил рядом с собой. Этот товарищеский жест подействовал на меня успокаивающе. Перед моим мысленным взором пронеслись кадры в стиле ретро. Антверпен. Осень 1944 года. Бегут разгромленные нацисты. Пришли англичане и канадцы со своими сигаретами и жвачкой. Потом американцы. Воинская часть, в которой я как резервист замещал отозванного коллегу, расквартирована в женском лицее. Мой первый разговор с майором О'Хара. Моложавый, костлявый верзила — и такая обаятельная улыбка! Обветренное, загорелое лицо, волосы ёжиком. Ему были поручены поиски спрятанных немцами перед бегством награбленных произведений искусства. Он не был ни знатоком живописи, ни искусствоведом. Он был археологом. Но на войне в таких тонкостях не разбираются. Итак, во время арденнского наступления и после него он в своём неизменном джипе с лихостью ковбоя объезжал славные своей историей фландрские городки.

О'Хара инстинктивно угадал, что сейчас творится в моей душе.

— Не думай, — сказал он, — что я забыл, как в полдень под Новый год мы с тобой сидели за кружкой пива, которое привозили из ближнего траппистского монастыря.

— Да-да, — подхватил я. — И нам подавали две официантки с весьма откровенными декольте, которые презирали нас за полнейшее наше невнимание к их особам.

— Подожди, Джимми, именно тогда ты мне, кажется, сказал, что, хотя происходишь из католической ирландской семьи, сам неверующий. Ради бога, не обижайся на меня. Ведь и девушки у тебя тоже были. Как всё это свести воедино?

— Нормально, старина. А не припомнишь ли ты наш тогдашний разговор?

— Нет. Стыдно признаться, но я помню только метавшие молнии глаза девчонок, которые, очевидно, принимали нас за кромешных олухов.

— Ты мне тогда сказал, Марк, что не веришь в бога и что тебя это порой огорчает, что на тебя иногда находит тоска по средневековой мистике, воплощённой в монастырях и церквах твоей страны…

— Ну вот теперь, когда ты мне напомнил… Я не понимал, как можно быть католиком в стране, которая никогда не знала нашего европейского религиозного средневековья.

— То-то и оно. Всё, что ты мне тогда говорил, я осознал гораздо позднее. В Германии через мои руки прошли сотни средневековых примитивов, романских и готических скульптур, рукописных фолиантов… Может это и послужило началом…

— Уж не хочешь ли ты сказать, что в твоём преображении есть доля моей вины, что…

— Что поэтому я ушёл от мира? Да нет же. Своё решение я принял лет десять спустя. Хотя вполне возможно, что возвращение к религии предков произошло во мне не без влияния старой Европы. После принятия послушничества у траппистов в Небраске я попросил отослать меня сюда, в Вестерхаут.

— И давно ты здесь?

— Около пяти лет.

— Почему же ты не уведомил меня?

— Это противоречит уставу.

Всё ещё не придя в себя от удивления, я внимательно разглядывал его. В этом монахе в грубошёрстной рясе, казалось, не было и следа от прежнего красавца офицера, любившего блеснуть выправкой и щегольским мундиром. Но меня не оставляло чувство, что тут что-то неладно. Я сказал:

— Я в этих вещах мало разбираюсь, Джимми. А потому никак не могу понять… Чтобы такой человек, как ты, очутился на другом конце света, погребённым в тиши монастыря?! Что ты мог натворить, чтобы так далеко зайти?

Мне стало неловко от своего вопроса, и я с облегчением услышал его ответ. Говорил он спокойно, без малейшего волнения.

— Я обратился к тому, чем собирался заняться ещё до войны. Отец мой, имея кое-какие связи в правительстве, внёс за меня солидную сумму, благодаря чему я смог осуществить свою юношескую мечту — отправиться на раскопки древней доколумбовой цивилизации в Гватемале…

Мы замолчали и некоторое время следили за февральским солнцем, которое с невероятной быстротой садилось за сосновым лесом. Я поёжился от холода и поднял воротник пальто. Джимми О'Хара — я всё ещё не мог называть его отцом Кристианом — предложил мне пройти в библиотеку. Там было очень тепло. Книги в старинных переплётах действовали на меня успокаивающе, что не могло не отразиться на задушевности нашей беседы. Там я и услышал рассказ, который попытаюсь передать как можно более точно.

2. Экспедиция

Приблизительно за месяц до Пирл-Харбора я получил степень доктора археологии. В своей диссертации я резко критиковал методы, применявшиеся тогда при изучении древних цивилизаций Центральной и Южной Америки. Через неделю после объявления войны меня призвали в действующую армию. Я стал лётчиком и летал пилотом на бомбардировщике. За несколько дней до высадки в Нормандии мой самолёт был обстрелян и загорелся. Однако, к собственному удивлению, мне удалось дотянуть до нашей базы в Кенте и посадить свой ящик. Нервное потрясение дало основание врачебной комиссии больше не допускать меня до полётов. Но по выздоровлении меня не демобилизовали, а послали руководить спецгруппой по розыску награбленных и запрятанных немцами произведений искусства. В конце 1945 года, уволившись из армии, я занялся научно-педагогической работой в одном из американских университетов. Мне даже сулили в самом ближайшем будущем профессуру на факультете археологии. Наконец-то я мог пополнить свои знания, опубликовал тезисы докторской диссертации, правда, кое-кто из моих коллег советовал мне этого не делать.

— А почему? — заинтересовался я.

— Да, это целая история. В определённых научных кругах меня, если хочешь знать, считали шутником и авантюристом.

— На каком основании?

— В известной мере это понятно… Дело в том, что даже в наше время археологические исследования в Мексике и Южной Америке ещё пребывают в пелёнках.

— Я рад, Джимми, что наши взгляды сходятся! — оживлённо перебил его я. — Я всегда считал, что мы в долгу перед девятнадцатым веком.

— Полностью с тобой согласен, Марк… Археология достигла высот в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. А потом экспедиции Стефенса и Катервуда пролили свет на древние цивилизации индейцев. У археологов от этих открытий голова пошла кругом. Но установить какие-либо ассоциативные связи они не смогли. Ни одного камня, подобного Розеттскому, ни одной глиняной таблички, ничего похожего на Гомера или даже Гильгамеша. Вместо этого появляются всякие бредовые гипотезы…

— Вот-вот… Воображаемый мост, перекинутый к Евроафриканскому континенту, всё вновь и вновь всплывающие фантазии насчёт разных атлантид…

— В конце концов Эдуард Селер решил схватить быка за рога. С присущей ему типично немецкой методикой, которую отличают научная строгость и жёсткость, он вознёс свою теорию на столь неприступную высоту, что все решили, будто она непогрешима.

— Короче говоря, он стал для Америки своим Шлиманом.

— Что ты говоришь, Марк! Это чистейший вздор. Но я тебя понимаю. Мы теперь воспринимаем Шлимана не без доли иронии. Но какое, в сущности, имеет значение, что первую попавшуюся ему на глаза гробницу в Микенах он принял за погребение Агамемнона и что его Троя вовсе не Троя Гомера?

— Ты прав. Он потряс весь мир. Такого рода ошибка дилетанта больше содействует прогрессу археологии, чем книжная учёность и университетская схоластика всех его предшественников, — с воодушевлением подхватил я.

— Да, тут что-то есть. Америка не обрела своего Шлимана. Селер был, конечно, человеком недюжинным, но лишённым дара воображения, а именно это и отличает гения от посредственности., Он был одержим фактами и только фактами, но из-за леса не видел деревьев. Ну так вот, я в своих тезисах исходил из того, что археология, занимающаяся доколумбовой Америкой, полностью обанкротилась. Она оказалась не в состоянии даже проложить мост к собственной истории. Разве были предприняты сколько-нибудь серьёзные исследования по поводу происхождения бога Кетцалькоатля, которого древние изображали как белого человека, приплывшего с запада на таинственном корабле? И потом ещё эта бредовая путаница с хронологией. Культуру Юкатана и Тиауанако отнесли к одному Периоду — от тысячного года до позорного похода Кортеса.

— Да это просто чепуха.

— Вот именно. Мой голос был гласом вопиющего в пустыне. И в отличие от учёного из «Затерянного мира» Конан Дойля, который в подкрепление фактам продемонстрировал авторитетным специалистам выращенного из яйца живого птеродактиля, я не располагал своим

«птеродактилем». Так что два года я топтался на месте, пока в 1949 году у меня не появилась надежда.

— Господи, уж не в виде ли метода радиоуглеродного датирования?

— Его самого. Как-то раз утром, раскрыв свежий номер журнала, я увидел статью Либби о его методе и тут же вылетел в Чикаго. Столь молниеносная реакции расположила учёного, и он пообещал мне всякий присланный ему образец органики сопоставлять по времени с другими находками. Для меня настал решающий момент… Конечно, наша экспедиция представляла собой довольно жалкое зрелище. Помимо меня в ней приняли участие моя ассистентка Мэри Кроуфорд, геолог Спрингфилд, врач Джонсон, давно сменивший стетоскоп на лопату археолога, и ещё два студента Херберт Коле и Доналд Паркинсон.

Нам повезло. Военных переворотов в это время в Гватемале не было, и правительство предоставило в наше распоряжение четыре джипа, что значительно облегчило нашу поездку в отдалённую местность, лишённую приличных дорог. Из соображений безопасности мы умолчали о наших ультракоротковолновых передатчиках, с помощью которых рассчитывали поддерживать связь с чикагской лабораторией, чтобы по мере надобности вызывать вертолёты для перевозки проб для радиоуглеродного анализа. Кстати, те же вертолёты должны были привозить нам свежие овощи.

— Да это звучит как приключенческий роман!

— Сознаюсь, некоторое соблюдение секретности нам было необходимо. Дело в том, что мы обещали гватемальскому министру просвещения все наши находки передать в распоряжение его правительства. По совести говоря, история с вертолётами не вписывалась в это соглашение… Но не будем отвлекаться. Тикал уже не был для археологов белым пятном.

Но всё же все прежние раскопки не доказали существования того огромного доисторического государства, которое, как я предполагал, некогда занимало территорию вдоль границы пампасов и девственных лесов. Как бы то ни было, но мы нашли райский уголок и с энтузиазмом первооткрывателей разбили здесь свой лагерь. Ближайшая к нам деревня находилась в нескольких часах ходьбы, что, впрочем, никак не служило препятствием для любознательных туземцев. Они были не из трусливого десятка, видимо, уже не раз имели дело с разного рода экспедициями, выносили на продажу по смехотворно низким ценам свои красивые ручные поделки, а в случае необходимости становились нашими надёжными и усердными помощниками.

Во время отдыха, сидя перед палатками, мы любовались восхитительной панорамой — уходящая вдаль горная цепь с её переходами от яркой зелени до прозрачной голубизны напоминала горные ландшафты Иоахима Патинира. Позади нас простирался девственный лес. Почти недоступный для человека, он предоставлял убежище только зверью, которое практически никогда не появлялось на плоскогорье.

Наша группа состояла из любителей поговорить, так что мы отнюдь не страдали от гнетущей тишины. Доналд Паркинсон проделывал чудеса с нашей коротковолновой аппаратурой. Он соорудил антенну, походившую на мощный астрономический детектор, так что мы по вечерам могли слушать передачи Эн-би-си, размышляя над тем, какие эмоции испытывают наши помощники-индейцы при звуках бетховенской музыки. Мы рыли землю как одержимые, позволяя себе прерываться лишь в полуденные часы, когда зной был особенно невыносим. Наше первое существенное открытие было детской игрушкой по сравнению с тем, что нас ожидало впереди. Неподалёку от расположенной среди скал площадки, которая должна была служить местом для посадки вертолёта, возвышался холм метров сорока высотой. Этот холм не давал покоя Спрингфилду. «С геологической точки зрения, — утверждал он, — это совершеннейший нонсенс». Коле и Паркинсон немедля вырыли несколько глубоких ям, взяли пробы грунта, и уже к вечеру мы знали, что нанесённый ветром мелкий песок да густая тропическая растительность, маскировавшая уступы холма, не позволили нам сразу распознать ступенчатую пирамиду. Мэри Кроуфорд без особых усилий обмерила это сооружение и набросала его эскиз. Доктор Джонсон, взобравшись на его вершину, сделал оттуда несколько снимков ближайших окрестностей. До поздней ночи сидели мы, возбуждённо ожидая результатов. И были вознаграждены: то, чего нельзя было заметить невооружённым глазом, обнаружила эмульсия — на снимках были отчётливо видны следы каких-то вытянутых в длину сооружений, покрытых не слишком толстым слоем земли. Это не могло не вселить в наши сердца надежду и отвагу. На следующий день мы с удвоенной энергией принялись за работу.

Сделанные Джонсоном снимки, конечно, ещё не давали объяснения продолговатым выпуклым линиям. Но я не сомневался, что руины, открытые нашими предшественниками, составляют едва ли не ничтожную часть существовавшего некогда громадного поселения. Я приказал прокопать по диагонали не слишком широкую траншею в юго-восточном направлении и попросил наших друзей-индейцев прислать на помощь ещё человек пятнадцать.

Снимки, сделанные доктором, не ввели нас в заблуждение. К тому же они прямо-таки воспламенили

наших добровольных помощников. Не прошло и двух дней, как я узнал, что служит источником их воодушевления. Оказалось, среди пришедших индейцев находился деревенский учитель Бернал дель Энсико, который даже закрыл на время школу, чтобы присоединиться к нам. Искусно играя на чувствах односельчан, он внушал им, что они прямые потомки великого народа майя, а мы, учёные из цивилизованной страны, прибыли специально за тем, чтобы весь мир мог узнать о блеске и пышности жизни их предков. Так благодаря его красноречию раскопки продвигались такими темпами, о которых никто из нас и не помышлял.

Счастливая звезда не подвела меня, когда я указал, в каком направлении следует вести раскопки. Мы начали с места, оказавшегося границей древнего поселения.

На небольшой глубине мы натолкнулись на толстые стены крепости. Поблизости от них почти под прямым углом открылись мощные руины домов и храмов, проступили широкие, прекрасно вымощенные плитами дороги, которые, вероятно, вели к пирамидам. Зачем? Это мне пока ещё было неясно. На берегу, где земля круто обрывалась к воде, мы обнаружили то, что, на наш взгляд, увенчало эти увлекательные поиски — роскошный дворец. К нашей невыразимой радости время пощадило его купол.

Перед моей палаткой быстро росла груда предметов древней культуры. Мэри Кроуфорд помогала мне приводить в порядок найденные нами дивные керамические изделия, которые мы отнесли к особо ценным находкам. Однажды вечером мы сидели возле палатки Мэри, слушая приправленного хрипами радиопомех Моцарта. При свете керосиновой лампы Мэри трудилась над цилиндрическим кувшином для жертвоприношений, украшенным изображением бога, скорее всего Кецалькоатла, стараясь восстановить первозданный блеск сосуда.

— Нет, Джимми, — грустно сказала она, — не могу я примириться с тем, что эти бесценные сокровища попадут в руки этих подонков из военной хунты, которые их непременно прикарманят.

— Давши слово, держись, — сказал я без особого энтузиазма и стал выбивать из трубки золу. — А впрочем… Завтра прилетит вертолёт…

— Чем больше я об этом думаю, тем яснее мне становится их дальнейшая судьба, — процедила она сквозь зубы. — Получив наши сокровища, министр не преминет перепутать служебный адрес с домашним. Потом мой бесценный папочка позвонит ему как-нибудь вечерком домой и спросит, на какую сумму выписывать, чек. Тут уж господин министр сам решит, продавать ли раритеты от своего имени или от имени вверенного ему министерства.

(Мэри не ошиблась, и только благодаря её усилиям любитель виски и бейсбола, умеющий из одного цента делать десять, передал все наши находки в дар музею Миннеаполиса в знак нежной любви достопочтенного мистера Сэмюэля Эфраима Кроуфорда, всесильного президента компании «Кроуфорд электроник саиндайс», к своему родному городу.)

Когда прилетел вертолёт, через две минуты после приземления я уже мог сообщить своим товарищам, что, согласно данным радиоуглеродных исследований, город Тикал достиг своего наивысшего расцвета где-то в те времена, когда царь Ирод издал приказ об истреблении младенцев. Когда я прикинул, сколько веков этому могло предшествовать, у меня круги поплыли перед глазами.

Все последующие дни мы вели себя словно безумные. По ночам нервное возбуждение не давало мне уснуть, к тому же снаружи доносились голоса Берта и Дона, которые до первых петухов болтали у догорающего костра в компании с нашим добрейшим умницей Берналом дель Энсико. Они, видно, искали веские аргументы, чтобы не выглядеть в моих глазах недоучками, и, когда, наконец, пришли ко мне со своим планом, им и в голову не могло прийти, что я уже давно думаю над тем же.

— Послушайте, Джимми, — начал Коле, — значит, результаты радиоуглероддого анализа полностью подтвердили перспективность дальнейших раскопок?

Я равнодушно пожал плечами, лишь лёгкой ухмылкой дав им понять о своей солидарности с ними в этом вопросе.

— Что правда, то правда, — согласился я, как мог равнодушнее.

— Вот об этом-то мы и хотели с вами поговорить, — подхватил Паркинсон. — Эта идея пришла нам в голову довольно неожиданно, но Мэри тоже находит, что…

— Да вы дипломат, Дон. Привлечь для подкрепления даму — прекрасный стратегический ход, — засмеялся я. — А теперь выкладывайте, что у вас на уме.

Разговор наш свёлся к следующему. До сего времени считалось ересью сравнивать доколумбовы пирамиды с египетскими, проводить между ними какие-либо аналогии. Если кто-нибудь осмеливался заявить, что сходство между ними покоится не на чистой случайности, апологеты

Селера тут же пригвождали его к позорному столбу. Но было бы верхом научной безнравственности предать всё, что мы узнали, забвению. Ведь радиоуглеродный метод подвёл конечную черту под целой эпохой школярских разглагольствований. Разве легенда о белом боге Кецалькоатле, приплывшем на своём диковинном корабле с востока, менее достойна уважения, чем фантастическая подоплёка других верований? И разве не настало время отнестись всерьёз к древнеегипетскому сказанию о таинственной стране Му, лежавшей на другом конце земли?…

— Кто знал, что американские пирамиды имеют столь древнее происхождение? Пока это не подтвердили радиоуглеродные анализы, с уверенностью трудно было что-либо утверждать, — заметил Паркинсон.

— К тому же, — вмешался Коле, — здесь в окрестностях много холмов, на вершинах которых могли быть устроены святилища.

Вряд ли тогда нашёлся бы хоть один учёный, который не счёл бы эти рассуждения чистейшим бредом. И я старался вдолбить в головы двух упрямцев, что мы пришли сюда как научная экспедиция, а не как авантюристы из романов Райдера Хаггарда. Однако должен признаться, что я с детства увлекался Хаггардом и именно ему обязан интересом к археологии, зачастую я даже ловил себя на том, что всерьёз принимаю его фантасмагории.

На следующий день я всё же остановил работы на опытном участке, решив бросить силы на пирамиду Коле и Паркинсона, как мы с этого времени стали фамильярно называть облюбованный ими холм.

3. Открытие

И трёх дней не прошло, как меня охватило такое нервное волнение, что я не находил себе места. Когда в полдень я уходил в свою палатку, чтобы прилечь и попытаться хоть немного соснуть, сон бежал от меня. Моя романтическая натура, увы, побудила меня прислушаться к доводам студентов, пойти на поводу их безумной идеи. Отдавшись на миг мальчишескому удальству, я позволил себе заразиться верой этих парнишек. Что теперь делать? Я решил, что завтра приостановлю раскопки у подножия ступенчатой пирамиды, которые, по счастью, ещё могли войти в общий объём земляных работ.

Успокоив таким образом свою совесть, я наконец задремал. Внезапно меня разбудил хриплый голос Энсико, донёсшийся как бы издалека.

— Доктор! — задыхался он от волнения. — Вы должны немедленно пойти со мной…

Я сразу же сообразил, что в дело замешаны наши диоскуры Коле и Паркинсон. Злой как чёрт шёл я вслед за учителем, обжигаемый безжалостным солнцем. До пирамиды ещё оставалось, с полкилометра, но оба студента уже рьяно махали мне издали своими сомбреро, обычным головным убором местных жителей. Я не задал Энсико ни одного вопроса, но он заговорил сам.

— Я думаю, доктор, что это очень важно. В самом подножии скрывается какой-то выступ, украшенный скульптурными фигурами. Мистер Коле уверен, что это своего рода портал.

— Чепуха, — оборвал я его. — На сто миллионов ни одного шанса, что в этой чёртовой пирамиде скрывается что-нибудь, кроме песка и камней.

Я так и кипел от злости, пока мы шли под раскалённым небом. Но вся злость сразу же улетучилась, как только я увидел выражение растерянности и настороженности в глазах моих помощников. Не успели они произнести и слова, как я уже решил плюнуть на все предубеждения моих высокомерных учёных коллег. Между тем Коле и Паркинсон молча смотрели на меня. На мой вопрос они ответили лёгким кивком. Мне стало ясно, что отныне я становлюсь действующим лицом какого-то приключенческого романа викторианской эпохи. Всё остальное меня перестало волновать.

Примерно треть восточного основания была очищена. Моё внимание привлекла монументальная лестница, которая когда-то вела наверх в разрушенное святилище. Спрыгнув в глубокую выемку, я не мог сдержать громкого возгласа удивления. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что каменная резьба содержит не только декоративные элементы, но и надписи. Выпуклый карниз обрамлял четырёхугольную нишу, достаточно глубокую, чтобы в ней поместились два здоровенных стража, задняя стена была покрыта надписями на языке майя.

— Вот это да, — заорал я, возвращаясь к солдатскому жаргону, и так здорово хлопнул ребят по плечу, что они даже съёжились. — Великолепная работа. Поздравляю вас… Пусть Бернал позовёт Мэри сделать замеры, а доктор Джонсон сфотографирует всё это и снимет на киноплёнку. Как только жара спадёт, примемся за дело…

Лишь наступление темноты заставило нас прекратить работы. Мы успели окончательно раскрыть тайну Портала. Позднее, сидя при свете луны возле моей палатки, мы не могли наговориться. Придя немного в себя, я пытался холодно взвесить возникавшие гипотезы.

— Обнаруженные нами у подножия пирамиды руины вовсе не означают, что мы имеем дело с надгробным памятником, — старался я сохранить деловой тон.

Спрингфилд тут же понял моё намерение и из чисто геологических соображений стал уговаривать меня не возлагать на наше открытие неоправданно больших надежд.

— Прежде всего необходимо провести глубокий шурф, — заключил он.

— Ничего вы этим не докажете, — возразил Коле. Ведь чем важнее была тайна, тем тщательнее маскировался вход в святилище.

— Не сердитесь на меня, ребята, — вмешалась Мэри. — Тут много всякой чертовщины. Но самое главное то, что в любом случае мы имеем дело с твёрдым намерением всеми силами препятствовать проникновению профанов в этот тайник.

Сам я не хотел подливать масла в огонь. Но и моё молчание не смогло надолго удержать Коле, Паркинсона и даже обычно молчаливого Джонсона. Полусерьёзно-полушутя рассуждали они о потомках Ноя, об их затерянных городах, о посреднической роли таких материков, как Американский, и тут же приводили заимствованные из научной фантастики гипотезы о заселении в доисторические времена Южной Америки космическими посленцами с Венеры, которые её

колонизовали и дали начало цивилизации. Всё это не опрокидывало того несомненного факта, что мы находились перед археологической загадкой, решение которой должно было привести нас к раскрытию тайны древнеамериканской пирамиды.

С рассветом мы вновь принялись за работу. Несколько часов возились с верхними плитами, но так и не смогли сдвинуть их с места. Наконец, Коле пришло на ум подсунуть под карниз лапчатый лом, и, к нашему великому изумлению, этот весивший тонны ключевой камень стал медленно опускаться в землю, где для него многие века назад древние архитекторы предусмотрели специальное углубление. Тёмное пространство распахнуло перед нами свою зияющую пропасть, обдав нас неземным холодом. По щиколотку в затхлой жиже шаг за шагом пробирались мы по круто спускавшемуся вниз неширокому проходу, который местами был таким узким, что приходилось протискиваться боком. До нас уже не доносились голоса оставшихся наверху товарищей, как проход вдруг расширился. При свете карманного фонаря я разглядел лестницу, которая вела в устрашающую глубину. Хотя её ступени были покрыты плесенью, спуск не требовал особых мер предосторожности. Я насчитал двести ступеней, преодолев которые мы очутились в небольшом кубической формы помещении, напоминавшем заброшенный водоём средневекового замка. Стекавшие со стен капли влаги поглощались расщелинами в полу. Отчаяние ещё не успело овладеть нами, как мы убедились, что задняя стена, которую мы было приняли за скалу, на самом деле представляет собой огромный монолит. Не говоря ни слова, Спрингфилд стал разбивать киркой кладку из мелких камней, обрамлявших блок по сторонам. Когда камни осыпались, монолит, очевидно вращаясь вокруг невидимой оси, к нашей великой радости, стал медленно поворачиваться. Подняв кверху фонари, мы осветили представившуюся нашим взорам пещеру.

Сердце моё громко стучало. Неразговорчивый Спрингфилд лишь удивлённо присвистнул сквозь зубы, а доктор Джонсон, закряхтев, как обычно, стал подыскивать наиболее подходящее к случаю ругательство.

Первое впечатление было таким, будто мы вдруг очутились на пороге какого-то иного мира, оказавшись во власти двух чуждых друг другу сил, или полей, каждое из которых принадлежало другому измерению, прямо-таки как в научно-фантастическом романе.

Вначале нам показалось, что это естественная пещера сталактитового происхождения.

— Нет, — услышал я шёпот Спрингфилда, — хоть это и сталактиты, но грот искусственный.

И он, конечно, был прав. При всей громадности помещения причудливые известняковые отложения не могли скрыть от нас его рукотворности — грот был выстроен человеком и вместе со сводчатым потолком составлял единое архитектурное целое. В свете наших фонарей он удивительно напоминал боковой неф обыкновенной деревенской церкви.

— Голову отдаю на отсечение, что это усыпальница, — сказал Спрингфилд и двинулся дальше, прокладывая себе путь через сталагмиты в том направлении, где анфиладой открывались нашим глазам всё новые и новые помещения.

Мы шли за ним по пятам. Вдруг, напрягшись, он застыл на месте с протянутым в руке фонарём. Мы бросились вперёд. Хотя мы уже и повидали достаточно неожиданностей, я не мог не спросить себя: во сне я или наяву? Перед нами был гигантский саркофаг из чёрного гранита. Затаив дыхание, стояли мы вокруг и медленно водили фонарями по украшавшей его невыразимо прекрасной тончайшей работы резьбе, по тесно переплетающимся иероглифам, среди которых чаще всего появлялся символ бога Кецалькоатла — Пернатого Змея.

4. Чудо

Каждый раз, когда я мысленно снова и снова представляю себе всё, что тогда произошло, я не перестаю удивляться, в каком ошеломляющем темпе развивались тогда события… В тот же день мы возвратились сюда уже со всеми остальными членами экспедиции, причём по моей инициативе к нам присоединился и Бернал дель Энсико. Вечером по старой привычке мы держали военный совет, который ещё никогда не был так необходим, как теперь. Мы бились над вопросом, как поднять крышку гроба, не нанося ущерба саркофагу огромной археологической и художественной ценности. Казалось, студенты не придавали большого значения нашим, впрочем бесплодным, рассуждениям. Но утром, когда мы всей гурьбой направились к гробнице, Коле и Паркинсон каждый несли по автомобильному домкрату. На сей раз мы вооружились мощными бензиновыми фонарями, канатами, балками, а доктор Джонсон тащил две камеры со вспышкой, узкоплёночный аппарат и портативный магнитофон.

Только теперь, Марк, я понимаю, что это были последние действительно спокойные и беззаботные часы моей жизни…

После немалых усилий дело продвинулось настолько, что мы стали осторожно поднимать домкратами гигантскую крышку. В гробнице стоял ледяной холод, но всё моё тело было покрыто испариной. Коле и Паркинсон не ошиблись и на сей раз. Сантиметр за сантиметром крышка саркофага поднималась кверху, пока не соскользнула по канатам на заранее подложенные балки. Мы заорали, завизжали как одержимые. И вдруг наступила мёртвая тишина — мы направили наши фонари в глубь саркофага. В первый момент нам показалось, что там причудливо составленная, переливающаяся мозаика из золота и драгоценных камней. Но очень скоро мы поняли, что это саван. Под ним оказался хорошо сохранившийся скелет мужчины атлетического сложения. Череп был покрыт чешуйками яшмы, а в глазницах сверкали чёрные алмазы. На самом скелете не было никаких украшений, зато они лежали вокруг: коралловые бусы, браслеты, серьги перемежались с миниатюрными фигурками летучих мышей, пернатых змеев и людей. Кое-где ткань савана сохранилась, и я подумал, что эти уцелевшие кусочки помогут заткнуть глотку даже самым отъявленным скептикам. Но вместе с тем, как ни странно, меня не покидало ощущение какой-то родственности между мной и этим мёртвым вождём, останки которого, я понимал это, принадлежат весьма отдалённой исторической эпохе. Джонсон пробормотал сиплым голосом, что без антрополога нам тут не обойтись, но во всех случаях это важнейшее археологическое открытие с того времени, как Хоуард Картер переступил порог гробницы Тутанхамона. Остальные с воодушевлением согласились с ним, да я и сам знал, что это правда.

И всё же, пока мои помощники суетились вокруг, радостно поздравляя и хлопая по плечу друг друга, мой взгляд был неотрывно прикован к скромному предмету цилиндрической формы, он был сделан из белого металла и лежал в ногах скелета среди щедрых россыпей золота и драгоценных камней. Я не спускал с него глаз всё время, пока Джонсон несколько часов подряд фотографировал и снимал на киноплёнку гробницу и её содержимое, категорически настаивая на том (мне это тогда казалось святотатством), чтобы как можно скорее опустошить саркофаг: воздух настолько насыщен влагой, утверждал он, что находки могут мгновенно подвергнуться порче. Вслед за этим Мэри, преисполненная глубочайшего уважения к святыням древности, записала на магнитофонную ленту все наши соображения по поводу необходимости научного анализа и реконструкции нашей находки. Я в своём выступлении ни слова не сказал о металлическом цилиндре, остальные, видимо, его просто не заметили или не придали ему никакого значения. Но мне было так неловко, будто я выставил в игре краплёную карту.

Разумеется, каждый из нас в этот день дошёл до крайнего физического и нервного переутомления. Я тоже боялся, что не смогу всё это выдержать. Поэтому за ужином, затянувшимся далеко за полночь, принял слоновую дозу успокоительных таблеток. В результате я всё ещё продолжал бодрствовать, когда весь лагерь уже погрузился в сон…

А теперь, мой друг, начинается самая невероятная часть моего повествования. Ради неё мне пришлось сделать такое обширное вступление. Прошу вас — выслушайте меня молча и не задавайте мне сразу вопросов. Знайте, что, за исключением аббата, вы первый, кому я после стольких лет молчания вверяю эту страшную тайну…

Цилиндрический ларец, я и теперь его так называю, стоял перед моей походной кровью. Опустившись на колени, я стал пристально его осматривать. Полированная поверхность цилиндра с пугающей завершённостью ярко сверкала при свете лампы. Пот выступил у меня на лбу. Я уже был совершенно уверен в том, что этот предмет изготовлен с помощью наисовременнейшей техники из сплава, близкого к хромистой стали наивысшего качества. Напрасно пытался я убедить себя в том, что это какое-то наваждение и что неприлично даже говорить о таких вещах, но ведь я мог ощупать и даже определить примерный вес моего сокровища. Ларец имел около фута в длину, был с ладонь в диаметре и весил фунтов восемь. Единственное, что меня несколько смущало, никак не укладываясь в представление о современном изделии, — это выгравированное в углу ларца изображение Пернатого Змея — Кецалькоатла, бога древних индейцев. И хотя это было невероятное

сочетание, я ни минуты не сомневался, что цилиндрический предмет современного происхождения и древняя гравировка составляют одно легендарное целое. Понимая вопиющую абсурдность этого, я считал, что иного толкования здесь быть не может. Полукруглая крышка ящичка не поднималась, несмотря на все мои усилия. Тогда я выбрал самый большой гаечный ключ и, не заботясь о том, что могу повредить стальной предмет, попробовал повернуть её. Крышка поддалась и стала поворачиваться. Моё сердце заколотилось с бешеной силой. И если я ещё как-то мог сомневаться в современном происхождении ларца, то теперь при виде великолепной металлической резьбы все мои сомнения исчезли. Никаких других доказательств мне не требовалось…

Просунув внутрь цилиндра средний и указательный пальцы, я нащупал хрустящую бумагу. С помощью небольших щипцов мне удалось вытащить её. Это оказался свёрнутый в трубочку листок прекрасной бумаги. Отпечатанный на портативной машинке текст хорошо сохранился. Привожу его дословно.

«Вот уже двадцать лет, как я отказываюсь повиноваться внутреннему голосу, побуждающему меня вставить в мой старенький «Ремингтон» остатки бумаги, чтобы записать рассказ о своих невероятных приключениях. По правде говоря, у меня нет никаких надежд, что со временем его кто-нибудь прочтёт. Но в то же время силы мои с некоторых пор стали мне изменять, и я уже не в состоянии под разными предлогами сопротивляться своим тайным желаниям. Смерти я не боюсь, хотя и знаю, что она не принесёт мне избавления. Возможно, я должен рассматривать себя как человека совершенно исключительной судьбы, оказавшегося причастным к тайнам мира, в котором заблуждения являются источником безмятежного покоя. Не получив религиозного воспитания, я всё же верю, что после того, как закроются здесь мои глаза, я непременно должен буду возродиться вновь, но не сейчас, а через головокружительно долгую смену веков. Возродиться таким, каким я был. И никакой мистики, ничего сверхъестественного в этом нет. Коль скоро мне выпало заглянуть в тайны мироздания, стать их соучастником, было бы неразумно не усмотреть в этом реальной закономерности. Неизбежно ли повторение Великой Катастрофы, как я со временем стал это называть, я пока не знаю, хотя все двадцать лет иступленно, до умопомрачения об этом думаю. Возможно, я напрасно тёшу себя мыслью, что в одеждах Вселенной образовалась складка, которая со временем разгладится. Надежда поддерживает жизнь, даже если смерть уже занесла над жертвой свой меч…

Как меня зовут, не имеет значения. Скажу только, что я родился младшим сыном фермера в штате Кентукки 1 апреля — похоже на неуместную шутку — 1965 года. В Филадельфийском университете изучал электронику и физику. В 1990 году получил диплом инженера, а через год, защитив диссертацию, — степень доктора. Своими работами я привлёк внимание министерства обороны и мне предложили солидное место в лаборатории на мысе Кеннеди.

Ещё до того, как я закончил университет, учёные пришли к выводу, что будущее межпланетных сообщений и других космических полётов в гораздо большей степени зависит от данных многомерной математики с вытекающими из неё философскими идеями, чем от самых усовершенствованных достижений «баллистики», как мы их тогда иронически называли.

Короче говоря, в центре внимания оказалась пресловутая формула уроженца Америки физика Майкла Ко-Минг-Вея. Согласно его гипотезе, в основе которой лежит эйнштейновская теория растяжения времени, для любого тела можно рассчитать некую траекторию его движения в пространстве, способную вызвать трансформацию того, что он назвал «полем хронополяризации».

Таким образом, прежней методике познания Вселенной был нанесён сокрушительный удар. Человечество пришло к убеждению, что до сих пор ошибочно находилось во власти картезианского комплекса, не принимая во внимание всех аспектов теории относительности Эйнштейна. Проще сказать: настало время, когда сделалось очевидным, что между скрупулёзной разработкой космического полёта в звёздную бесконечность и составлением графика движения пассажирского поезда существует громадная разница. Как это ни невероятно, но блестящие гипотезы Эйнштейна десятилетиями отчасти сознательно, отчасти случайно оставались в тени и рассматривались как фантастические заблуждения гениального физика…

В течение пяти лет я работал в чине полковника над космическим проектом высшей степени секретности… На мой взгляд, широкие круги нашей общественности к тому времени тихо примирились с мыслью о том, что табачные плантации, пластиковые города или урановые залежи на Марсе или Венере, равно как и аптеки и бензоколонки по пути туда на Луне, пока ещё не вышли из области фантазии. Мы же в то время лихорадочно работали над тем, что я назвал бы первой ступенью в подлинно грандиозной задаче, которую предстояло решить человечеству. Необходимо было коренным образом пересмотреть все соотношения, все расчёты, ибо то, чем мы занимались, оставляло далеко за собой все предыдущие эксперименты. И в самом деле, нам не на что было опираться в прошлых изысканиях. Новая математика и не менее новые воззрения легли в основу теории, которую мы держали в строгой тайне. Нашей задачей было исследование таинственного туманного пятна в созвездии Рака, которое, согласно концепции англичанина Фреда Хойла, одного из крупнейших астрономов предыдущего поколения, является демаркационной линией между материей и антиматерией.

Я добровольно присоединился к экипажу космического корабля, специально сконструированного для этого полёта, и немало был удивлён, узнав, что мне отведена роль командира…

Уже много дней, как я не прикасался к моему старенькому «Ремингтону». Здоровье моё пошатнулось и с каждым днём ухудшается. Мне придётся сократить свой рассказ, опустив второстепенные детали, без которых можно обойтись…

После того как четырёхмерная ракета типа «Атланта» вынесла нас за пределы земного притяжения и всё указывало на то, что самочувствие членов экипажа вполне удовлетворительно, мы включили электронную аппаратуру и получили с Земли команду значительно увеличить скорость. И вдруг что-то произошло. Мы ведь двигались вперёд с помощью совершенно новых средств. Я вовсе не собираюсь делать секрета из того, что эти средства не имеют ничего общего ни с заимствованной от четырёхмерной ракеты движущей силой, ни с каким-либо видом двигателя в общеупотребительном значении этого слова. Движение было обусловлено теми возможностями, которые предоставили силы, открытые хронофизикой Ко-Минг-Вея. Пусть то, что тогда было в секрете, в секрете и останется, я имею в виду далёкое будущее. Смею ли я вдаваться в подробности нашего полёта? Если бы я даже это сделал, мне всё равно пришлось бы уничтожить свою рукопись.

И всё же я не могу умолчать о том, что мы развили скорость, почти равную скорости света. Эта подробность, конечно, не раскрывает технические тайны, а вся научно-фантастическая беллетристика предшествующих десятилетий и эмоционально, и интеллектуально подготавливала к этому событию.

Но вот произошла катастрофа… Двадцать лет после этого я ломал себе голову над тем, как это могло случиться. Годами я старался использовать каждую свободную минуту для вычислений, которые были заранее обречены, поскольку я не располагал теперь электронно-вычислительной машиной. И всё же по поводу катастрофы у меня сложилось определённое мнение. Майкл Ко-Минг-Вей думал, что открытая им плоскость хронополяризации разрешит все сомнения относительно скорости и времени. Никто тогда не принимал всерьёз, что после уже вычеркнутых, казалось, последних знаков вопроса могут возникнуть новые. Впрочем, Ко-Минг-Вен был единственным, кто мог довести свои расчёты до окончательных выводов… Короче говоря, подобно тому как пятьдесят лет назад первые примитивные реактивные самолёты взрывали звуковой барьер, что в то время рассматривалось как нечто почти невероятное, так и теперь мы в определённый момент (собственно о «моментах» не могло быть и речи, но объяснить это без математических формул невозможно) пробились через так называемую вершину Дельта уравнения Ко-Минг-Вея.

Как это ни невероятно, но нас сбил с толку в первую очередь выход из строя почти единственного на нашем корабле механизма старинного происхождения, и это при том, что мы обладали точнейшей аппаратурой, по сравнению с которой прежняя атомная станция кажется не более чем игрушкой.

В паническом страхе глядел наш радист на свои карманные часы — большой белый циферблат с великолепными римскими цифрами и головкой для завода над ним. Над этим подарком деда мы нередко подтрунивали. Чтобы доказать превосходные изоляционные свойства своей луковицы, радист повесил часы на магнитную стенку, на которой они висели как чуждый современности, но одновременно внушавший уважение анахронизм. Некоторое время они шли с перебоями, но мы это связывали с недостаточной антимагнитной защитой. Однако то, что мы увидели потом, потрясло нас настолько, что мы на какое-то время даже забыли о своём трагическом положении: с размеренной регулярностью, но в то же время так быстро, что это сразу же бросалось в глаза, стрелки стали вращаться в обратном направлении! Как это ни парадоксально, но хотя этот феномен мог быть в тысячу раз точнее зарегистрирован бортовыми инструментами, обратный ход старинной луковицы стал последней каплей, переполнившей чашу наших опасений. Нас снабдили чёткими инструкциями, согласно которым в случае возникновения непредвиденных осложнений, не согласующихся с теорией и вытекающей из неё практикой, мы должны тут же возвратиться на Землю. Приняв все необходимые меры предосторожности, мы нажали на соответствующие кнопки. Убедились в том, что включили обратный ход. В поведении хронометрических инструментов не наступило никаких перемен, а часы радиста, хотя и неровно, но всё так же весело крутились в обратную сторону.

Шли дни, и мы продолжали пребывать в состоянии полной растерянности. Когда же наконец в поле зрения наших телескопов появилась Земля, контрольная аппаратура стояла на положении «нормально». Нам только казалось странным упрямое молчание всех каналов радиосвязи. Радист был совершенно убеждён, что на корабле всё в порядке, а не откликаются радиостанции всех четырёх частей света. И даже когда стали смутно различимы контуры континентов, в эфире продолжала царить зловещая тишина. Между тем появилась возможность с помощью специального электронного приспособления вычислить нашу траекторию и установить тормозной механизм таким образом, чтобы автоматически опуститься в Карибском море к юго-западу от осиной талии Американского континента. До меня донеслись безбожные ругательства моего коллеги, стоявшего у телескопа, — его возмущало, что треклятый Панамский канал как бы начисто исчез с карты Земли. Я тогда не придал его словам большого значения, ибо напряжённо ожидал, когда включатся

тормозные ракеты.

Едва мы приводнились, как страшный толчок потряс наш корабль. Через толщенные, раскалённые снаружи до бела стены капсулы было слышно, как кипит вода. Струя пара высотой не менее километра взметнулась к небу. Корабль медленно поднимался кверху в кромешной водной тьме.

Я уцелел каким-то чудом. И мне стоило огромного труда взять себя в руки. Электропитание вышло из строя. Наконец, сквозь стёкла иллюминаторов брызнули солнечные лучи. Я увидел бездыханные тела моих спутников — кровь шла у них из носа и ушей…

Все мои попытки установить связь с какой-нибудь радиостанцией с помощью коротковолнового передатчика оставались безуспешными. Мне пришлось подключить гидравлические прессы, чтобы открыть люк с верхней стороны моего вращающегося отсека. Я так и ахнул от удивления, когда увидел, что нахожусь всего лишь в километре от окаймлённого высокими пальмами песчаного берега, на котором теснились тысячи пёстро одетых людей. За ними на фоне нежно-голубого неба и смарагдовой зелени я мог без труда рассмотреть город. Его терракотовые, белоснежные, серые, словно из обсидиана, дворцы и храмы…

…Морской ветер резко подталкивал капсулу к берегу. Я уже находился метрах в двухстах от суши, но всё ещё не слышал ни звука. Со всех сторон к берегу молча стекались люди в пышных и ярких одеждах, украшенных золотом и сверкающими камнями, в головных уборах из пёстрых перьев…

Мне вдруг вспомнилось одно письмо, которое уже лет сорок хранилось в архиве нашей лаборатории. Даже я долгое время не имел к нему доступа, и только накануне отлёта мне показали его фотокопию. Письмо пришло в адрес лаборатории от одного монаха-трапписта из какого-то европейского монастыря. Монах этот, обладавший, по его словам, даром предвиденья, с неслыханным фанатизмом предупреждал отступиться от дерзкого познания миров за пределами нашей Вселенной. Тогда я принял это письмо за последний психологический тест и не придал ему никакого значения. Теперь я понял его смысл… Но это «теперь» уже не было моим временем, моей эпохой. Я вступил в мир, тысячелетиями принадлежавший к прошлому, к прошлому человечества.

Наверное, никогда человек не испытывал того чувства одиночества, которое охватило меня. Потерпевший крушение на корабле, который налетел на коралловый риф, изнемогая от голода и жажды вдали от морского пути, всё ещё сохраняет крупицу надежды, веры в свою счастливую звезду и пристально вглядывается в горизонт, не появится ли там парус или дымок. Мне же не на что было надеяться, не было той былинки, уцепившись за которую я смог бы возвратиться в свою прежнюю жизнь…

Тысячи глаз неотрывно следили за мной. Голова у меня кружилась, словно во хмелю. И всё же я смело выплыл из неглубокой воды и пошёл прямо на ожидавшую меня толпу. Моя жизнь могла быть в любой момент прервана отравленной стрелой, бумерангом или просто острым камнем. Но мои опасения были напрасными. Я почувствовал, что мой переливающийся всеми цветами радуги комбинезон оказывает магическое действие на туземцев, охраняет от всякого нападения.

Когда я добрался до берега, толпа расступилась передо мной и опустилась на колени. Было невыносимо жарко, раскалённый воздух шевелил верхушки пальм. Я сорвал с головы шлем и швырнул его на песок в груду засохших морских звёзд. И тогда по берегу прокатился лёгкий стон. Медленно нарастая, он перешёл в ликующие возгласы, своим плавным ритмом напоминавшие грегорианские песнопения. Из коленопреклонённой толпы выделился мужчина в великолепном уборе из перьев и длинном лиловом одеянии. Извиваясь в танце, он стал выкрикивать повторяемое тысячами голосов слово, которое отныне стало моим именем: «Кецалькоатл, Небесный Пернатый Змей.»

5. Очень короткий эпилог

0'Хара кончил свой рассказ. Несколько секунд молчания показались мне вечностью. Потом он поднял глаза. И я увидел в них страх загнанного зверя, ожидающего неминуемой смерти. В тот вечер я больше не задавал ему вопросов. Позднее он поведал мне о том, что с ним произошло в дальнейшем. О том сострадании, которое вызвали в нём записки человека из будущего, заблудившегося во времени. О том, как кстати пришло письмо, отзывавшее его в Штаты. О своём решении укрыться в монастыре.

— Для меня это было единственным выходом, — просто сказал он.

Я согласно кивнул и положил руку ему на плечо. Надо было расставаться. Когда двери монастыря закрылись за мной, я почувствовал себя ужасно одиноким, словно тот незнакомый мне человек, который, пройдя через множество спиралей времени, шёл по залитому солнцем песчаному берегу в звенящую тишину неизвестности навстречу своей одинокой судьбе.

ЕЛМИЛ ХРИСТОВ

ЗАБАСТОВКА

В первый момент Польтаво не понял, с кем говорит шеф. Кроме коренастой фигуры за столом, в кабинете никого не было. Но когда из стоявшего вполоборота кресла раздался тоненький, пискливый голосок, он увидел щуплую фигурку генерального директора концерна «Бианка». По опыту инженер знал, что за каждым посещением этого пигмея предстоят часы напряжённой работы. Синьор Ферручини был не только самым щедрым, но и самым капризным клиентом фирмы.

Польтаво подождал, пока Сартуццо проводит клиента, потом сел в ещё тёплое кресло. Он явился слишком рано и ожидал неприятностей. Но шеф был настроен великодушно.

— Итак, молодой человек, — сказал он, — начнём. Пишите! Прежде всего — сценарий для сорокаминутной постановки. Пусть речь идёт о встрече двух молодых людей у озера Дель Кампо. Дайте побольше настроения, динамики и в конце — свадьбу. Используйте случай для рекламы экскурсионных прогулок на озеро в автобусах «Петруччи и Басси»! Дальше. Весёлый диалог-скетч для двух комиков. Пусть оба яростно утверждают одно и то же, возражая друг другу. Зритель же из этого спора должен вынести только одно — ему на целый день достанет бодрости, если он будет чистить зубы пастой «Зефир». Продолжительность диалога четыре минуты. Ещё две рекламы: одна пусть восхваляет мышеловки «Додо», другая — удобства в отеле «Сплендид». Не забудьте отметить, что в каждом номере там имеется белый телефон из специального пластика производства фирмы «Сандо»! Ещё две передачи…

Польтаво нетерпеливо шевельнулся.

— Многовато, — заметил он.

— Почему? Разве машина неисправна?

— О, нет! Она может выдать на порядок больше, но я удивляюсь, зачем всё это, когда ящики у нас забиты неиспользованными материалами!

Слова Польтаво, казалось, понравились шефу — он вытащил бутылку «Мартини» и две рюмки. Когда Сартуццо разливал ароматную жидкость, в глазах у него играли весёлые огоньки.

— Ваша машинка, молодой человек, — чудо! Меня вполне удовлетворяет скорость, с которой она фабрикует сценарии. Наши конкуренты горят один за другим!

— Знаю, — равнодушно отозвался Польтаво. — Вчера прекратила передачи и уступила свои каналы нам северо-ломбардская телевизионная компания «Манцини».

Сартуццо отпил из рюмки. Лицо у него вдруг побагровело, словно в горло ему попал не коньяк, а серная кислота.

— «Манцини» — это чепуха! Готовы опустить занавес «Корреджио», «Рикорди», «Самуэль» — и даже «Росси»! До конца месяца останется только национальный передатчик. Сартуццо заполнит все остальные каналы. Неплохо, а?

Польтаво откашлялся.

— Надеюсь, — произнёс он неуверенно, — тогда вы позволите мне опубликовать своё изобретение?

Лицо шефа окаменело. Отвечал он уже ледяным тоном:

— Я обещал вам, что освобожу вас от обязательств по договору, когда наступит подходящий момент. Обнародовав открытие сегодня, мы поступим крайне неосмотрительно. Как только станет известно, что телевизионная фирма «Сартуццо» пользуется услугами обыкновенного электронного устройства, исчезнет всякий интерес к её программам, исчезнут прибыли, на которые вам, надеюсь, жаловаться не приходится. Я знаю, что как конструктор вы испытываете неудовлетворённость от того, что не можете козырнуть своим детищем перед коллегами. Но жизнь очень непроста! Люди хотят сопереживать героям, порождённым воображением человека, а не скроенным машиной! А критики? Они взахлёб расхваливают таланты нашего «штаба неизвестных сценаристов». Вы представляете себе, что произойдёт, если станет известным, что вместо группы талантливых авторов у нас пачка программ? Нет, не спешите. Я знаю, когда вам можно будет запатентовать машину!

Польтаво был уверен, что получит отказ. Год назад, показывая свои выкладки и схемы владельцу фирмы, он был готов на всё. Ему хотелось поесть досыта, одеться в новый костюм, переселиться в приличную квартиру. Он даже не считал своё изобретение законченным. Он знал только, что не без оснований ищет математическое описание связи между духовными проявлениями человека.

Остроты, идеи, фразы были для него лишь математическими символами, связанными в определённые последовательности. Всякую ситуацию, всякие эмоции он рассматривал как частный случай более общей закономерности, поддающейся статистическому исследованию.

Тогда Сартуццо без труда обвёл голодного юношу вокруг пальца. Обещал ему построить его машину и финансировать дальнейшие исследования, за что Польтаво должен был поставлять сценарный материал для телевизионных передач фирмы. Инженеру показалось забавным ставить перед машиной задачи из житейской практики и получать ответы в форме возможных человеческих судеб. И он подписал договор.

Сейчас, однако, когда благодаря ему Сартуццо стал воротилой громадной фирмы, Польтаво уже не испытывал иллюзий относительно того, что сможет вырваться.

— Сколько вариантов каждого сценария вы хотели бы иметь? — спросил он, вставая.

Толстяк нервно указал на кресло.

— Садитесь. Я ещё не кончил.

Он встал и начал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Польтаво не без интереса следил за ним. Он знал, в каких случаях нос у шефа приобретает лиловый оттенок.

— Теперь, — произнёс Сартуццо, — самое важное. Необходимо запустить новую серию передач… — Он запнулся. — Показать зрителю, что представляет для него… да!.. показать среднему гражданину, что такое для него… церковь.

— Боюсь, что после этого ряды прихожан в божьих храмах ощутимо поредеют.

— Напротив! — Сартуццо резко повернулся. — Напротив! Необходимо всё сделать для усиления религиозных чувств!

— Ага! — ядовито заметил Польтаво. — Святые отцы нуждаются в высококачественней рекламе…

Шеф пронзил его строгим взглядом.

— Синьор Ферручини был здесь именно по этому поводу! Вы знаете его нрав. Так что начинаете работать! Если вы недовольны процентом, я готов пойти вам навстречу.

— Дело не в процентах. Просто клерикальная тематика мне не по вкусу.

Голос у Сартуццо сделался резким:

— Фирму не интересуют ваши вкусы, синьор! Тем более что передачу подготовит машина, а не вы. Или вы хотите сказать, что такого рода материал ей тоже не по нутру?

— Она решает те задачи, какие перед ней ставятся.

— Вот именно! От вас требуется поставить задачу! — Сартуццо сел на край письменного стола. Несколько секунд он разглядывал свои отполированные ногти, потом, выпятив нижнюю губу, заговорил:

— В наш — век науки, рекламы развиваются очень бурно. Это и прекрасно! Но церковь, пекущаяся о непрестанном совершенствовании человека путём смирения, терпит удар за ударом. Дело в том, что творцы испугались истинного бога. Запершись в лаборатории, я уверен, они пренебрегли равновесием добра и зла в мире. Они не вразумляют людей, не проповедуют вечных истин христианского учения. Возьмём, к примеру, вашу машину. Из незначительных фактов она умеет состряпать такую историю, что волосы дыбом встают! Почему бы не попытаться с её помощью сделать людей лучше? Пусть она сочинит такую новеллу, чтобы зрители призадумались над тем, что ожидает их после смерти! Или, скажем, посредством остроумного диалога в духе древних философов покажет, что наука и техника отнюдь не противоречат христианскому мировоззрению. Не кажется ли вам, Польтаво, что именно с таких современных познаний следует особенно энергично производить божественные начала?

Сартуццо остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова, он даже подумал, что смог убедить Польтаво, так как молодой человек стоял опустив голову. Но когда инженер поднял глаза, шеф понял, что он ошибся.

— Кто наговорил вам такой ерунды, Ферручини? Пошлите его во всём чертям! Над нами будут смеяться! Давайте лучше я сочиню вам криминальную историю, в которой убийцей окажется пастор!

Он двинулся к двери, но Сартуццо на удивление прытко догнал его:

— Я запрещаю вам уходить!

— А, синьор хочет принудить меня силой?

— Послушайте! Не забывайтесь! Вы что, уже не помните, чем были год назад! Если бы я не взялся реализовать ваше изобретение, вы и по сей день с пустыми карманами делали бы круги вокруг ресторанов… Посмотрите на себя! Вы же выглядите человеком нашего круга!

— И потому непременно браться за явные глупости? — гневно спросил Польтаво. — Стоит ли слушать всякого урода, даже если он носит звучное имя Ферручини? Обойдёмся и без его жалких лир!

Сартуццо рухнул в кресло. Это была расплывшаяся груда ветчины и тонкой английской фланели. Польтаво впервые видел его сломленным!

— Мы не можем, Польтаво! Мы в тисках!

— У кого? У Ферручини?

Сартуццо жалобно вздохнул.

— Будь только он, мы бы ещё справились…

— Тогда кто же?

Сартуццо снова запыхтел. Казалось, он надеялся, что в оставшиеся у него несколько секунд может ещё поправить положение.

— Польтаво! — гнусаво произнёс он. — Я не собственник фирмы!

— Как так? — Глаза у инженера от изумления готовы были выскочить из орбит. — Что вы говорите?!

— Предприятие, которое носит моё имя, мне не принадлежит.

— А чьё же оно?

— Церкви!

Даже появление из-под письменного стола шестигорбого верблюда не повергло бы Польтаво в такое изумление.

— До сих пор святые отцы не вмешивались в мою работу, — продолжал Сартуццо. — Для них важно было не прерывать живительной струи золота, поддерживающей одряхлевшие силы церкви. Но, надо думать, склеротические старцы ещё не выдохлись: оценив достоинства вашей машины, они решили, что неплохо будет впрячь её и в более серьёзную работу. Сделать её тонким пропагандистом христианских догм. В их намерения входит построить под вашим руководством ещё и портативную модификацию, призванную варьировать для них церковные проповеди о смирении. У этих людей широкие планы, Польтаво! Они не остановятся ни перед чем, пока не увидят их осуществления.

Польтаво не слышал последних слов. Его мозг лихорадочно работал. Ему пришло в голову предложить Сартуццо основать собственную фирму. Но толстяк словно угадал его мысли.

— Мы бессильны, Польтаво! Нам не вырваться! Руки у церкви длинные… Если мы не выполним заказ, через несколько дней полиция будет ломать себе голову, чтобы установить личность двух трупов с размозженными головами. А должен вам сказать, что мне совершенно безразлично, как будет выглядеть мир после моей смерти. — Сартуццо одним глотком осушил свою рюмку. — Выпейте! — Он протянул инженеру другую.

Польтаво оставил её без внимания и нетвёрдой походкой направился к двери.

— А Ферручини тоже их человек? — спросил он.

Сартуццо кивнул. Оба хорошо видели друг друга в стенном зеркале. Потом шеф опустился в кресло. Наполняя рюмку, он услышал, как снаружи тихо прикрыли дверь. Он знал, что молодой человек отправился выполнять заказ.

Польтаво двигался, словно во сне. В голове была пустота. Церковь! Какая насмешка! Он почувствовал, как в нём поднимается тошнота, хоть бы остановиться! Но ноги сами собой вели его в подвал. По длинному, мрачному коридору, который кончался потайной дверью. Ключ, выключатель, рубильник…

Голова кружилась. Он сел на стул и закрыл лицо руками. Церковь! Наука должна быть её глашатаем! Почему? Потому что так хотят святые отцы!.. Руки у них длинные…

Он вскочил. Нет, ему не хотелось быть найденным с разможжённым черепом. Скорей! Он зашарил пальцами по панели.

Скорей!

И весь зал словно проснулся. По мощному корпусу машины прошла дрожь. Из электронной груди вырвалось подавленное хрипение, словно голос прочищал сказочный дракон.

Щёлкали клавиши, гнались друг за другом разноцветные огоньки лампочек, качались стрелки на приборах, на тёмных экранах невидимая рука рисовала зелёные зигзаги. Магнитное сердце машины с бешеной скоростью поглощало программу, чтобы передать кодированные приказы густой сети ячеек. Потом всё оборвалось. Из устройства вывода выпала красная карточка: «Ошибка!»

Польтаво рассеянно повертел карточку в руке. А где же сценарий?

Он проверил ввод. Пусто. Обернулся. Над пультом управления светилась красная лампочка, а под нею, на матовом экране, те же шесть букв: «Ошибка».

Он снова ввёл программу, которую знал на память. Цветные лампочки замелькали снова. Машина пожужжала с полминуты и умолкла. Из устройства вывода снова выпала красная карточка: «Ошибка». Засветилась и тревожная надпись.

Он решил сделать проверочный прогон в третий раз. Прежде чем включить рубильник, окинул взглядом машину. Всё в порядке.

«Ошибка!»

В груди рвануло острой болью. Он ухватился за перила металлической лесенки и присел на верхнюю ступеньку. И тут его осенило. Машина просто не может решить такую задачу…

Он долго сидел, подперев голову руками. Собственно, удивляться нечему. Лучше его никто не знает, что машина решает только уравнения с реальными величинами! Ведь он сам предусмотрел универсальное программирование, построенное на основе простейших формул, выражающих логически функции логических переменных.

А какая логика в требованиях церкви? Возможно ли доказать недоказуемое? Да ещё математическими методами… У абсурдных задач не бывает ответа!

На мгновение он ощутил гнев. Гнев на машину, на себя самого, на весь этот отвратительный мир, в котором нет свободы творческому гению.

— А, ты бастуешь? Хочешь моей гибели?

Голос его странно звучал в затихшем зале. Но в нём не было ни горечи, ни страха. Сознание, что случилось нечто непоправимое, сменялось ликующим ощущением торжества истины.

— Не умеешь лгать! Не умеешь…

Пальцы его прикоснулись к холодной поверхности металла. Это прикосновение словно успокоило смятенную душу. Он покачал головой:

— Что ты понимаешь в жизни, машина? Ты не знаешь ни силы денег, ни страха перед завтрашним днём. Для тебя существует лишь один закон — закон математической логики. Ты честна. Не умеешь лгать. А мы, твои создатели, кривляемся, словно шуты, пресмыкаясь и надеясь…

Рука его гладила машину, которая весь этот год была его единственным другом и советчиком.

— Скажи, что мне делать? Известно ли тебе, что если я исчезну, то на моё место придут другие? Они сделают тебя лгуньей, как и они сами… Будешь ли ты служить им, скажи?

Машина молчала, кротко глядя своим рубиновым глазом. Быть может, в её электронном мозгу пробуждалось сострадание… Быть может, она силилась попять боль своего создателя…

ДЖОН БРАННЕР

БУДУЩЕГО У ЭТОГО РЕМЕСЛА НЕТ

— Ни-че-го!

Все ещё полный оптимизма, Альфьери ждал, но увы, его надежды не оправдывались. Тогда он взял одну из двух своих волшебных палочек (не самую лучшую, а другую, из чёрного дерева со слоновой костью) и стал лупить ею ученика. Да, конечно, в том, что ничего не получалось, молодой Монастикус не виноват, не ведь надо же на ком-нибудь сорвать злость!

Опуская палку на спину юнца, он всё же поглядывал на пентаграмму — вдруг, хоть и с опозданием, но получится — однако пространство между пятью чадящими лампами по-прежнему оставалось пустым. Наконец он сжалился над учеником и позволил ему вырваться.

— Пусть я стану подмастерьем, если в кровь летучих мышей не попало что-то! — пробормотал Альфьери.

Тут он заметил, что Монастикус хнычет как-то не очень искренне, и витавшее над Альфьери облако дурного настроения в мгновение ока превратилось в тёмную грозовую тучу. Едва ли, готовя смесь, мальчишка посмел хоть в чём-нибудь отступить от рецепта — тогда, по совести говоря, было бы не так обидно, но только этот болван и на такое не способен. Прямо беда: его, Альфьери, считают самым умелым магом в этих краях, а он не может даже вызвать хоть какого-нибудь пусть самого захудалого чёрта! Если так будет продолжаться, придётся ему держать ответ перед Монастикусом-старшим. Тогда в лучшем случае, если очень повезёт, он сумеет смыться из города, а в худшем…

От одной мысли о том, что может тогда случиться, у Альфьери похолодела кровь. Надо спровадить мальчишку, и никто не будет знать, что он, Альфьери, пока ещё только ставит опыты, пробует… Да, это выход!

И будет второе преимущество: он тогда может часть вины свалить на старого Гаргрийна. Великолепно изображая внезапно охватившую его ярость, чтобы нагнать страха на юного Монастикуса, ибо тот не только начал обнаруживать неподобающее ученику неверие, но и, как можно было догадаться, доносил обо всех его неудачах отцу, Альфьери бурей пронёсся через комнату, схватил с подставки гусиное перо и обмакнул его в кровь совы. Теперь уже все поймут, что ему не до шуток! Лишь бы никто не сообразил, что во всём виноват он сам и что, главное, сам он это прекрасно понимает.

«Мастеру Гаргрийну, именующему себя поставщикомволшебных снадобий»,

— начал Альфьери.

«…что и понуждает меня тебе писать, ибо только потому люди принимают тебя за поставщика оных, что ты сам таковым назвался. Да будет же ведомо тебе, что никогда ещё мне, приобщившемуся к мудрости в университете Алькалы, не доводилось покупать столь плохой товар.

Поскольку имел ты безрассудство сказать, что, если не буду я доволен твоими снадобьями, ты мне стоимость оных возместишь, верни мне деньги, кои дал я тебе за флакон крови летучих мышей. Если же отступишься от своего обещания, я тебя превращу в рогатую жабу с бородавками.

— Монастикус! — громко позвал он, свернув пергамент и запечатывая его чёрным воском. — Отправляйся немедля к мастеру Гаргрийну и отдай ему моё письмо, однако привета от меня передавать не нужно. Жди, пока он сам не вернёт тебе деньги. Затем быстрее возвращайся назад, дабы я не отдубасил тебя снова. Поспешай же!

Монастикус схватил письмо и бросился выполнять приказ. Едва дверь за ним захлопнулась, Альфьери рухнул в ближайшее кресло и облегчённо вздохнул. Нет, но каким же дураком надо быть, чтобы влипнуть в такую историю! Теперь придётся валить всё на старого Гаргрийна, хотя он, Альфьери, этого совсем не хочет: ведь Гаргрийн, честно говоря, вовсе не плохой человек — настолько, насколько можно быть неплохим, когда зарабатываешь себе на хлеб тем, что среди ночи собираешь сладкий укроп, или ставишь при лунном свете ловушки на летучих мышей, или прокрадываешься в церковь, чтобы добыть щепотку пыли с покойника.

В памяти у него всплыл день, когда он впервые приехал в этот городок. Тогда он был всего лишь здоровым и жизнерадостным коровьим лекарем. Кстати, вот она, его старая кожаная сумка с целебными травами, — висит на стене. Он с любовью на неё посмотрел. От этих трав, как он постепенно, пробуя и ошибаясь, выяснил, хоть на самом деле бывает польза. И, однако, именно они в каком-то смысле стали причиной его падения. Бельфегор побери тот день, когда он появился

здесь впервые и вылечил от крупа тёлку миссис Уокер! Если бы не эта болтливая старушенция, заниматься колдовством ему бы, может, и не пришлось.

Как это всё понятно теперь и каким пустяком казалось тогда! Старуха начала обходить всех и каждого, болтать, что-де он снял заклятье с больного животного, а поскольку и в этом городке, как и следовало ожидать, была своя колдунья, некая миссис Комфрей, все, за исключением его самого, восприняли это как брошенный ей вызов.

Ну и бой же был! К добру ли, худу ли, но сам он в этом «сражении» пальцем не пошевелил. Едва только слух о новоявленном исцелителе дошёл до ушей миссис Комфрей, она во всеуслышание поклялась уничтожить конкурента. Но поскольку никто не взял на себя труд довести до его сведения, что колдунья напускает на него порчу, ни одно из её заклятий на него не подействовало. Кончилось тем, что старая карга заболела коклюшем и протянула ноги.

После этого, конечно, уже можно было не заботиться о своей репутации. Мелкотравчатых чародеев и ведьм, способных высушить ручей в летнюю жару или досадить ближнему тем, чтобы у того молоко свернулось, в округе было пруд пруди, зато похвастаться колдуном, который убивает своими заклятьями, мог не каждый город. Конечно, на него сразу ополчились местные церковники, и знай он, что ждёт его впереди, он бы с лёгким сердцем позволил им тогда же изгнать себя из городка (горожане воспротивились сожжению его на костре — слишком многие считали миссис Комфрей виновницей всех их неприятностей и бед).

Вот тогда-то и взял его под свою защиту старый Монастикус, и это его, Альфьери, и погубило. Викарий хотел во что бы то ни стало расправиться с новоявленным колдуном, и такая защита казалась тогда очень ко времени. Дело не только в том, что Монастикус самый богатый купец в семи графствах… люди шёпотом говорили, будто он незаконнорождённый сын священника (отсюда и его имя), и говорили также, будто и сам он втихомолку занимается ведовством. Такого лучше не задевать. Альфьери наврал ему, что весьма сведущ в магии, и Монастикус, никогда не проходивший мимо того, что могло дать прибыль, помог ему заявить о себе как о практикующем маге и даже отдал в обучение Альфьери своего сына. Не иначе как решил: Альфьери передаст ему всё, что знает, а потом они избавятся от учителя, и дело станет, так сказать, чисто семейным.

Надо же было наболтать столько! Он осыпал проклятиями свой лживый язык, называя при этом имена, от одного упоминания которых весь городок, если верить книгам, должен был бы провалиться в тартарары. Ничего такого, однако, не произошло. Книги! Больше он ни на йоту не верил им. Сочинив историю о том, как один из прежних учеников, когда его не было дома, вызвал демона огня и не сумел с ним справиться, так что демон сжёг его, Альфьери, библиотеку, он уговорил старого Монастикуса купить ему все книги по волшебству и магии. Но хоть и много рецептов в этих книгах, ни один не действует!

Он окинул полку взглядом. Симон Маг — тьфу! Михаил Псёл — сплошная чушь! Гермес Трисмегист — полоумный! Жалкие лгуны, все до единого.

И однако… может быть, именно потому, что слишком уж давно его считают обладателем знаний и умений, которых у него нет, и он уже начинает верить в них сам… Но, чёрт возьми, должно же быть хоть сколько-нибудь правды во всём этом! Был ведь в Вюртемберге тот, как его… Фостер? Нет, не Фостер, а Фауст — именно так. У него, как рассказывают, получалось совсем неплохо — фонтаны вина били из столов и тому подобное. Но, с другой стороны, Фауст занимался колдовством очень долго, а получаться у него стало только потом. Это вам не какой-нибудь бродячий коровий лекарь Альфьери, у которого только и есть, что хорошо подвешенный язык да некая толика везения — совсем небольшая, если задуматься.

Что ж, можно попробовать ещё разок, хотя бы для практики. Тем более что практика ему нужна, ох как нужна! В конце концов, даже если Гаргрийн и вправду облапошил его, подсунул вместо крови летучих мышей что-нибудь другое (а это вполне возможно, учитывая, сколько их, колдунов, ему приходится снабжать своими товарами), всё равно с тем именем, Элевстис, у него в последний раз, когда он пытался вызвать демонов, чуть было что-то не получилось.

Элевстис… да, правильно: Э-лев-стис. Может быть, если в этот раз он произнесёт внятно и правильно, всё получится?

Он взял с полки свою лучшую волшебную палочку (золотую, с серебряными концами) и, тщательно выбрав место, стал около пентаграммы. То и дело заглядывая в открытую книгу рядом, на пюпитре, он налил масла в светильники, сжёг ещё одно красное петушиное перо, подбросил сушёных трав на жаровню и начал:

— In nomine Belphegoris conjuro te…

В центре пентаграммы что-то ярко вспыхнуло, и появилась человеческая фигура, ошеломлённо озирающаяся вокруг.

Чувствуя, что у него подкашиваются ноги, Альфьери нащупал сзади стол и прислонился к нему. Всё не так, всё не по правилам! Он ведь даже не дошёл до той части, где называют Элевстиса. Но всё-таки (и он, прищурившись, вгляделся получше) кое-чего он достиг. И если даже это не совсем то, чего он ожидал, всё равно перед ним настоящий, самый что ни на есть доподлинный демон. Никто другой просто не может быть!

Твёрдо, с уверенностью, которой на самом деле вовсе не испытывал, он сказал

— Покорись моей воле, демон! Исполняй повеления своего господина!

Из потока слов, который обрушил на него демон, Альфьери понял лишь немногие, и это его очень расстроило. Если ему не повезло и он вызвал какого-то из этих арабских джиннов, о которых упоминает «Аль, Хазред», никакой пользы от этого не будет. Он и латынь понимает плохо, а уж об арабском и говорить нечего.

Он заговорил снова, но уже не так уверенно:

— Кто ты? Назови себя, я хочу знать твоё имя.

В колеблющемся свете трудно было хорошо разглядеть демона, однако, присмотревшись, он увидел, что ростом демон с довольно высокого человека, ни хвоста, ни рогов у него нет и даже пламени не изрыгает. Не бог весть что за демон, какая-то мелкота. Вот тебе и везенье! И самое худшее во всём этом, что он, Альфьери, один и нет свидетелей его триумфу.

И, однако, в фигуре демона явно было что-то сверхъестественное. Собравшись с духом, Альфьери заговорил опять:

— In nomine Belphegoris, Adonis, Osiris, Lamachthani…

Он продолжал заклинание и вдруг умолк, охваченный изумлением и ужасом: демон поднял руку к подбородку, исторгнул огонь из кончиков пальцев, поднёс к чему-то, что держал во рту, и теперь дышал дымом! Альфьери, едва сдержав крик, отпрянул назад.

Демон, между тем, неторопливо оглядев комнату, принял, похоже, какое-то решение. Выпустив облако дыма, он медленно заговорил, и эхо его голоса гулко отдавалось в доме. Говорил он как-то чудно… но, может, он явился из частей преисподней, предназначенных для грешников других стран.

А сказал демон вот что:

— Это надо же, чтобы всё так совпало! Пять источников инфракрасных лучей, а чтение заклинаний вслух, видно, даёт молярные вибрации — условия почти идеальные! Не отсюда ли легенды о чертях и духах? Эй, послушай!

Альфьери подпрыгнул чуть не до потолка.

— Ч-что? — пролепетал он дрожащим голосом.

— Ты волшебник, колдун — или кто?

— Я волшебник, — сказал Альфьери, судорожно цепляясь за остатки самообладания. — Я учился в университете Алькалы, — поспешил он добавить, надеясь произвести на демона впечатление, — и я приказываю, чтобы ты мне служил.

Не обратив никакого внимания на его последпие слова, демон продолжал оглядывать комнату.

— Это надо же, чтобы так совпало! — повторил он, явно поглощённый своими мыслями. — Может, ты кто-нибудь из знаменитых? Не Фауст, случайно? — спросил он Альфьери.

— Нет, — неохотно признался тот и назвал себя.

— Никогда не слышал, — сказал, глядя мимо него, демон. — Меня, кстати, зовут Ал Снид.

Всё шло как-то не так, и Альфьери ухватился за единственное, что понял.

— Не из аравийских ли ты стран, Аль-Снид? — спросил он запинаясь.

— Слишком низкий уровень, до идеи путешествий во времени пока ещё не доросли, — констатировал Снид. — Нет, я из Лондона. Я бы с превеликим удовольствием остался и поболтал с тобой, но спешу — хочу посмотреть, как в пятьдесят пятом году до рождества Христова в Британии высаживается Юлий Цезарь. Ты уж извини меня.

Он дотронулся до какого-то диковинного предмета, висевшего на поясе, и стал что-то делать. Понять смысл того, что говорил демон, Альфьери было довольно трудно, однако до него всё-таки дошло, что его первый настоящий демон вот-вот от него ускользнёт, и потому он схватил книгу заклинаний и начал снова:

— Conjuro te…

Демон поднял на Альфьери глаза.

— Ну да, конечно, — с гримасой раздражения сказал он, — как я об этом не подумал? Совпадение или нет, но у тебя здесь абсолютно непреодолимый темпоральный барьер. Мне не двинуться ни вперёд, ни назад во времени, пока ты не задуешь светильники. Задуй их, пожалуйста, если тебе не трудно.

— Ни за что! — торжествующе воскликнул Альфьери. — Ты первый истинный демон, которого мне удалось вызвать, и я не отпущу тебя, пока не покажу моему покровителю, иначе меня ждёт четвертование или костёр.

Снид уловил ноту отчаянья в его голосе и сказал:

— Что ж, видно, смотреть на старика Юлия будет кто-то другой. Ждал он меня две тысячи лет, может подождать и ещё. А у тебя, вроде бы, и вправду неприятности?

— Воистину так, — признался Альфьери и неожиданно для себя самого начал рассказывать демону о том, как, сам того не желая, вынужден был прикинуться волшебником, которому всё под силу.

Снид, сочувственно его выслушав, прищёлкнул языком.

— Давай посмотрим, правильно ли я понял, — сказал он. — Своей ложью ты поставил себя в такое положение, когда все думают, что ты колдун, что ты можешь вызывать демонов, делать золото и тому подобное. Ты…

— Я и правду могу вызывать демонов! — опомнившись, перебил его Альфьери. — Разве не попал в мои сети ты?

Снид, наморщив лоб, опять посмотрел на свой измеритель времени.

— Да, ты поймал меня, — согласился он. — Но хоть я и не демон, у меня нет никакого желания до конца своих дней растолковывать тебе это и то, что такое четвёртое измерение и перемещение массы во времени. А если даже ты бы и понял что-то, то это могло бы запутать линию времени. Я сейчас хочу одного: поскорее отсюда выбраться. Можем мы заключить с тобой какую-нибудь сделку?

— Ч-что?

Альфьери всё более убеждался в том, что быть заклинателем духов не так-то просто.

— Иными словами, — необычайно терпеливо продолжал Снид, — могу я за то, чтобы ты меня отпустил, сделать что-нибудь для тебя?

До Альфьери вообще всё доходило туго, но уж если ему удавалось уловить мысль, он вцеплялся в неё мёртвой хваткой.

— Ты многое можешь? — спросил он. — Любое желание исполнишь?

— Не любое… — Снид задумался. — Но одно-два скромных выполнить могу. Менять историю основательно не стану, но на небольшие изменения пойду. Как я понимаю, старый Монастикус — тот тип, который сделал тебя волшебником, — влез в это дело исключительно ради корысти? Ему нужно, чтобы всё быстро окупилось? Прибыль нужна?

— Ты всё говоришь правильно, — со вздохом подтвердил Альфьери.

Снид достал из кармана блокнот и карандаш и затоптал окурок.

— Я сяду за стол и посчитаю, — сказал он.

— Не покидай пентаграммы! — крикнул Альфьери.

Он хорошо помнил о печальной судьбе волшебников, позволивших демонам перешагнуть очерченную границу.

— Я изолирован, — весело сказал Снид, — темпоральное поле в землю уйти не может.

Он перешагнул через начерченную мелом линию и положил блокнот на стол возле Альфьери; тот зажмурился, ожидая, что дом провалится в преисподнюю. Однако ничего не произошло, и он, хотя ему было очень страшно, приоткрыл глаза. Но тут же они так расширились, что ещё немного и вылезли бы из орбит: разложив на столе карту (на ней были обозначены исторические события трёх тысячелетий), демон что-то вычислял.

Закончив, он, довольный, повернулся к Альфьери и спросил:

— Три с четвертью килограмма золота тебя устроят? Столько я могу тебе дать, в линии времени от этого возникнет нарушение не более чем субтретьего уровня.

Альфьери уловил главное для себя слово и за него ухватился.

— Ты можешь дать мне золота? — поспешно спросил он. — Монастикус до потолка подпрыгнет от радости, когда увидит червонное золото.

— Хорошо, он его увидит, — сказал Снид. — Есть у тебя что-нибудь не очень нужное? Помассивней? Производить трансмутацию малых масс, разбросанных на большой площади, при помощи портативного прибора трудновато. А вот это как раз бы подошло! — и он показал на небольшой чугунный котёл. — Тебе эта штуковина очень нужна?

Альфьери, не в силах вымолвить ни слова, отрицательно покачал головой.

Демон снял с пояса небольшой продолговатый предмет и нажал на его конец. Другой конец сразу засветился чистым белым светом.

— Отойди подальше, — сказал Снид через плечо. — Может обжечь.

Он надел тёмные выпуклые очки и, будто играя, стал водить лучом света по котлу.

Повторять не понадобилось: Альфьери сам был бы рад оказаться сейчас где-нибудь подальше и ничего этого не видеть.

Снид между тем, мурлыча себе под нос, продолжал работать. Чёрный матовый край котла, омываемый лучом света, начал желтеть.

Через десять минут Снид повернулся к Альфьери и сказал улыбаясь:

— Химически чистое и, самое главное, настоящее — лучшего не сыскать и в Эльдорадо. Вообще-то, его тут даже больше, чем я тебе обещал, но я всё же надеюсь, что это в пределах допустимого.

Альфьери с опаской протянул руку и дотронулся до котла. Глаза его расширились от ужаса.

— Ну, а теперь, — строго сказал Снид, — задуешь ты свои лампы или мне превратить тебя в бородавочника?

Угроза была глупая, но Альфьери только что собственными глазами видел, как произошло невозможное, и рисковать ему не хотелось. Рука его мгновенно схватила щипцы, которыми он снимал нагар со светильников. Как жаль, что успеха его никто не видел! Но нечего бога гневить: ведь у него теперь есть золото.

Едва угас с чуть слышным хлопком первый светильник, как «демон» исчез, и в оставленную им пустоту мгновенно устремился воздух.

Альфьери упал в кресло. Поверить невозможно! И отделался он невероятно легко, демон даже не потребовал его душу! А что, если в следующий раз ему не повезёт так, как в этот? Что, если… Ему стало не по себе.

И внезапно он понял, что надо сделать: часть золота он оставит для себя, на собственные нужды. А остальное убедит Монастикуса-старшего в том, что он, Альфьери, не шарлатан. Надо, чтобы старик рот разинул от удивления — тогда можно будет дать стрекача, и через день-два он окажется далеко.

Он встал и решительно двинулся к полкам с книгами.

Внезапно послышались шаги, и, заскрипев ржавыми петлями, распахнулась дверь. Прямо с порога Монастикус-младший закричал:

— Мастер Гаргрийн говорит, что для миссис Комфрей его кровь летучих мышей была хороша и он денег не вернёт! Разреши мне, учитель, набрать трав, нужных, чтобы превратить его в жа… Ой, что это?!

Он увидел на полу горшок из литого золота.

— Как ты сделал это, учитель? — спросил он, не сводя с горшка глаз.

— Не учитель я тебе больше, — надменно ответил ему Альфьери. — Свой договор с твоим отцом я выполнил. Я сделал для него золото и отныне возвращаюсь к первоначальному своему занятию — буду, как и прежде, лечить коров.

Он бросил охапку пергаментов на ещё раскалённую жаровню и повернулся к молодому Монастикусу.

— Слушай меня внимательно, юнец, — подняв палец, сказал он. — Да не введёт тебя это золото в искушение. Брось заниматься колдовством, оно опасно и будущего у этого ремесла нет.

ДЖЕРАЛД КЕРШ

ОПАСНЫЙ ВКЛАД

У вас острый глаз, сэр, поистине острый глаз, если вы узнали меня по тем фотографиям, что появлялись в 1947 году в газетах и сенсационных журнальных репортажах. Думаю, я несколько изменился с тех пор; и всё же я действительно тот самый Питер Перфремент, которого так возносили за открытия в области ядерной физики. Я рад, что вы с первого взгляда узнали меня. Иначе могли бы принять за беглого каторжника или за сумасшедшего, или за кого-нибудь ещё в этом роде — ведь я хочу попросить вас пересесть вот сюда в этот затемнённый угол так, чтобы ваша широкая спина загородила меня от двери. Поглядывайте на зеркало над моей головой, и вы непременно увидите там двух молодчиков, которые явятся в этот уютный маленький бар. Они придут за мной. По отсутствующему выражению на их лицах вы поймёте, что это субчики из службы безопасности.

Увидев меня, они, разумеется, не преминут воскликнуть: «О, сэр Питер, как приятно встретить вас здесь!» А потом, сославшись на срочное дело, уведут меня отсюда. Ускользать от этих молодчиков — одна из немногих радостей, оставшихся мне на склоне лет. Однажды я спрятался в корзине для белья. А сегодня я надел поверх вечернего костюма рабочий комбинизон, чтобы улизнуть на концерт. После неплохо проведённого вечера я вернусь домой, в центр, но пока мне ещё хочется побыть немного одному. За те небольшие неудобства, которые мне приходится терпеть, я могу пенять только на себя самого. Я отошёл от дел ещё в 1950 году, когда, как мне казалось, истинная сущность атомных бомб, вроде той, что мы сбросили на Хиросиму, стала достоянием общественности. Моя работа, похоже, была завершена.

Итак, я удалился на прелестную маленькую виллу на мысе Фесс, поблизости от кошмарного фешенебельного Сюрта Сабль-де-Фесс на юге Франции. Я намеревался коротать там свои дни, собирая библиотеку и потихоньку занимаясь в небогатенькой, но достаточно оснащённой лаборатории. Я не пропускал ни одного музыкального фестиваля, выпивал свой стаканчик вина на террасе пришедшегося мне по вкусу заведения и продолжал академическую битву с доктором Франкенбургом. Эта битва, в сущности, не более кровопролитная, чем обычная шахматная партия, касалась свойств элемента фтора. Я догадываюсь, что тайны естественных наук, слава богу, находятся за пределами ваших интересов, но, быть может, из курса средней школы вам кое-что известно о свойствах фтора. Это прямо-таки сорви голова, разбойник среди элементов.

По своим капризам фтор — истая примадонна, а по характеру — врождённый преступник. Его невозможно удержать в чистом виде; его влечёт практически ко всему, что есть на Земле, и всё это он стремится уничтожить. Непосвящённому я могу изложить суть своей позиции так: приручённый фтор, фигурально выражаясь, — громила в упряжке. Доктор Франкенбург, любитель полистать на досуге юмористические журналы, возражал по поводу «упряжки», что тогда с таким же успехом Денниса-Угрозу можно представить в качестве кормильца семьи. Как бы то ни было, я продолжал трудиться для собственного удовольствия, без принуждения и слежки, имея доступ к большому компьютеру в Ассиньи. И вот в один прекрасный день я обнаружил, что мне удалось выделить субстанцию, которую для удобства я буду называть «фтор-80-прим»,

Я вовсе не хочу сказать, что только вывел формулу этого вещества. Свойства его таковы, что достаточно их понять, чтобы производство его стало простым до абсурда.

Итак, я приготовил небольшое количество вещества — около шести унций. Оно напоминало пластинку густого желе цвета извёстки. Потенциально этот кусочек студнеобразного вещества заключал в себе взрывную силу масштабов космической катастрофы. Но, заметьте, только потенциально. Пока фтор-80-прим находился у меня в руках, он, согласно моим расчётам, оставался полностью инертным. Можно было бить по нему, кузнечным молотом или жечь паяльной лампой — и ничего не произошло бы. Но при определённых условиях — условиях, казавшихся мне в то время абсолютно недостижимыми, — этот кусочек мог стать невероятно страшным. Говоря «невероятно», я хочу сказать «неизмеримо».

Записную книжку с формулой и расчётами я положил в бумажный пакет, чтобы спрятать в подвалах Морского банка в Сабль-де-Фесс. Пластинку фтора-80-прим я поместил между двумя кусочками картона и засунул в такой же пакет, который положил в карман. Дело в том, что в городе у меня был приятель, с которым мы любили выпить вместе по чашке чаю; он питал слабость ко всему непонятному и сверхъестественному. У меня возникло глупое желание развлечься, показав ему мой образец и объяснив, что эта безобидная с виду маленькая пластинка, попав в соответствующие условия, может отправить нашу планету в тартарары почти за такой же промежуток времени, какой понадобится щепотке пороха, чтобы вспыхнуть в пламени зажжённой спички. Итак, в приподнятом настроении я отправился в город, посетил банк, предварительно купив кулёк конфет «Услада джентльмена» и банку оксфордского джема, и позвонил у двери доктора Рэйзина.

Это был ещё один старый чудак, переживший свою полезность обществу, хотя в былые времена он пользовался заслуженным уважением как архитектор, специалист по стальным конструкциям.

— Тут кое-что особенное к чаю, — сказал я, небрежно бросив на стол мой маленький пакетик с фтором-80-прим.

— Копчёная лососина? — спросил он.

Я достал джем и ответил, идиотски хихикая:

— Нет.

— Без сомнения, ты уже успел побывать в баре, — сказал он ворчливо.

— Нет, я только что из банка.

— Ах вот как! Тогда, я полагаю, что свёрток с деньгами. Давай-ка выпьем лучше чая.

— Я был в банке не для того, чтобы взять что-либо оттуда, Рэйзин. Напротив, я кое-что положил туда.

— Сделай одолжение, не разыгрывай меня. Что это такое?

— Это, — ответил я, — неопровержимое доказательство того, что Франкенбург ошибался. То, что ты видишь, это полдюжины унций абсолютно устойчивого фтора-80-прим и в то же время его критическая масса.

Сухой, как старая кость, он проворчал:

— Не морочь мне голову своими мудрёными терминами. Насколько я в этом разбираюсь, атомный взрыв происходит, когда некоторое количество радиоактивного вещества достигает в определённых условиях того, что ты называешь критической массой. А если дело обстоит так, то этот маленький свёрток, я полагаю, может представлять опасность?

— Вот именно, — ответил я. — Его достаточно, чтобы испарить планету средней величины.

— Фторовая бомба или унция нитроглицерина — для меня это совершенно всё равно, — сказал Рэйзин. Налив чая, он беспечно спросил: — Как ты приводишь его в действие? Надеюсь, не путём швыряния на стол?

Я ответил:

— Его невозможно взорвать — если только ты понимаешь, что такое взрыв, — без необходимых условий, которых очень трудно добиться и которые, будучи достигнуты, становятся бесполезными. Но даже если это вещество не составит ценности в качестве оружия, его можно использовать для мирных целей.

— Не морочь мне голову. Я и сам понимаю, что из бойцового петуха можно сварить цыплячий бульон. Но я хочу знать, для чего ты принёс его сюда?

Я был разочарован. На Рэйзина всё это не произвело никакого впечатления.

— Ну, ни ты, ни кто другой никогда больше не увидят фтор-80-прим. Примерно через четырнадцать часов этот кусочек, как бы ты выразился, испарится.

— Что значит — как бы я выразился? А как бы выразился ты?

— Видишь ли, — начал я объяснять, — если быть совершенно точным, то это вещество взрывается уже сейчас. Но взрывается чрезвычайно медленно. А чтобы взрыв был действительно эффективным, надо дать этому кусочку увеличиться в объёме при температуре свыше шестидесяти градусов по Фаренгейту в герметически закупоренной бомбовой оболочке объёмом по меньшей мере в десять тысяч кубических футов. При этих условиях, когда создастся нужное давление, он взорвётся. Но чтобы достичь такого давления, при котором начнёт подвергаться перестройке её атомная структура, наша бомба объёмом в десять тысяч кубических футов должна иметь оболочку толщиной по меньшей мере в два или три фута.

Рэйзин, помешивая чай, перебил:

— Это химера. Пусть он себе спокойно испаряется. Сожги свою формулу и забудь обо всём этом. Но раз уж ты его принёс — давай взглянем. — Он развернул маленький пакетик и воскликнул: — Я так и знал, что ты меня разыгрываешь!

Тут и я увидел, что внутри лежит моя записная книжка.

Я закричал:

— Святое небо! Она должна лежать на сохранении в банке! Здесь формула!

— А бомба?

— Не бомба, Рэйзин, — я ведь только что объяснял тебе, что фтор-80-прим не может сам по себе превратиться в бомбу. Проклятье! Я, наверное, оставил его в магазине.

— Он ядовитый?

— Ядовитый? Не думаю… Одну минуту, одну минуту! Я отчётливо помню — выходя из дома, я положил записную книжку в правый карман пальто, а фтор — в левый. Затем я прежде всего зашёл в кондитерскую купить этот джем и конфеты и, чтобы не слишком оттопыривался левый карман, переложил… О, всё в порядке, Рэйзин! Можно не беспокоиться. Правда, эта записная книжка не тот предмет, который я хотел бы таскать с собой. Образец находится в банке в полной безопасности. Я перепутал пакеты. Для волнения нет никаких оснований. Не хочешь ли попробовать «Усладу джентльмена»?

Но Рэйзин не разделял моего благодушия:

— Так ты оставил этот ужасный кусочек фтора в банке?

— Ну и что?

— В Морском банке?

— Да, а в чём дело?

— Я тоже пользуюсь услугами этого банка. Это самый надёжный банк во Франции. Его подвалы — слушай меня внимательно, Перфремент! — надёжно защищены от грабителей, они бомбоустойчивы, огнеупорны, и герметичны. Подвал, где находится хранилище, имеет сорок футов в длину, тридцать в ширину и десять в высоту. Это составляет объём в двенадцать тысяч кубических футов. В подвале поддерживается низкая влажность и постоянная температура в шестьдесят пять градусов по Фаренгейту. Стены подвала — из прочной стали и железобетона толщиной в три фута. Одна только дверь весит тридцать тонн, но она подогнана с такой же точностью, как пробка в медицинской склянке. Тебе всё это о чём-нибудь говорит?

— Но позволь, — воскликнул я, — позволь…

— Вот именно — позволь! Знаешь ли ты, что натворил, мой безответственный друг? Ты сумел найти для своего куска фтора-80-прим ту самую немыслимую оболочку. Это совершенно в твоём духе! Тебе никогда не приходило в голову, что бомба может быть величиной с банк? Поздравляю тебя!

Я сказал:

— Я знаком с управляющим, мсье Ле Кэ. Я немедленно с ним повидаюсь.

— Сегодня суббота. Банк уже закрыт.

— Да, знаю, но я попрошу его прийти с ключами.

— Желаю тебе успеха, — сказал Рэйзин.

Телефонный звонок на квартиру управляющего не предвещал ничего хорошего: мсье Ле Кэ уехал на уик-энд в Лафферт, в горы, миль за восемьдесят от побережья. Я стал искать такси. Но начинался карнавал, и мне ничего не удалось достать, кроме одной из тех типично французских машин, в которых практически не исправен ни один блок, но которые, подобно дешёвым будильникам, кое-как продолжают ходить, без особой точности, зато с ужасающим грохотом. И шофёр оказался неприятным малым в берете, всю дорогу он грыз неочищенную головку чеснока и кричал вам прямо в лицо, будто вы находились на расстоянии сотни ярдов.

После утомительного и зловонного путешествия, во время которого автомобиль дважды пришлось ремонтировать с помощью мотка проволоки, мы добрались до Лафферта и не без труда отыскали мсье Ле Кэ.

— Для вас — всё что угодно, — сказал он мне. — Но открыть банк? Нет, это невозможно.

— Советую вам сделать это, — сказал я угрожающе.

— Сэр Питер, — ответил он, — дело не просто в моём нежелании. Не может быть, чтобы вы не читали наш проспект. Ведь там сказано, дверь подвала имеет замок с часовым механизмом. Это означает, что после того, как замок защёлкнут и дверь заперта, никто не может её открыть, прежде чем не минует установленный отрезок времени. Поэтому ровно в 7.45 утра в понедельник — ни мгновением раньше, ни мгновением позже — я смогу открыть для вас подвал.

— Тогда, насколько я понимаю, необходимо взломать замок.

Мсье Ле Кэ рассмеялся:

— Чтобы открыть наш подвал, надо снести всю дверь. — Он говорил с явной гордостью.

— В таком случае, боюсь, придётся снести всю дверь.

— Для этого практически понадобится снести весь банк, — мсье Ле Кэ определённо считал, что я спятил.

— В таком случае, — сказал я, — не остаётся ничего другого, как снести весь банк. Разумеется, с соответствующей компенсацией. Факт остаётся фактом, но по явной оплошности, в которой я полностью признаю себя виновным, я превратил подвал вашего банка в колоссальную бомбу — бомбу, по сравнению с которой мультимегатонные бомбы — просто разбавленное водичкой молоко. Мерять помещённый мною туда фтор-80-прим в обычных мегатоннах — это всё равно, что покупать уголь миллиграммами или вино — кубическими миллиметрами.

— Один из нас сошёл с ума, — заключил Ле Кэ.

— Допустим, что бомба, сброшенная на Хиросиму, весила одну мегатонну, — продолжал я. — Теперь составим таблицу для моего фтора-80-прпм. Итак, миллион мегатонн эквивалентен одной тиранотонне. Миллион тиранотонн составляет одну безднотонну. Миллион безднотонн равен одной браматонне. А после миллиона браматопн мы имеем нечто, названное мной ультимоном, потому что это находится даже за пределами математических расчётов. Через несколько часов — а мы теряем драгоценное время в пустых разговорах, мсье Ле Кэ, — если вы не откроете свой подвал, Вселенная испытает удар мощностью в половину безднотонны. Разрешите мне, пожалуйста, воспользоваться вашим телефоном.

Итак, я связался с соответствующим отделом службы безопасности, а затем попросил министра, чьё имя я не хочу называть, быть настолько любезным, чтобы поторопиться; при этом я, конечно, сослался на нескольких ядерных экспертов — на тот случай, если моё собственное имя будет для него недостаточным. Таким образом, по прошествии двадцати минут я уже смог сообщить мсье Ле Кэ:

— Всё улажено. Армия и полиция находятся на пути сюда, так же как и несколько моих коллег. Компания, которая оборудовала ваш подвал, отправила воздушным путём в Фесс своих лучших специалистов. Мы сможем открыть ваш подвал через пару часов или около того. Я сожалею, если это причинит вам неудобство, но дело должно быть сделано, и вам придётся с этим примириться.

Ошарашенный услышанным, он мог только повторить: «Причинит неудобство?!» Но, оправившись, заключил:

— Впредь, сэр Питер Перфремент, будьте любезны устраивать свои банковские дела в другом месте!

Мне было жаль его, но для сантиментов не оставалось времени: я чувствовал, что захвачен водоворотом головокружительной активности. В сопровождении традиционного эскорта службы безопасности в Фесс были спешно доставлены четыре высокоавторитетных физика. Не без удовольствия я увидел среди них моего оппонента — Франкенбурга; он вынужден был признать, что в полемике о фторе оказался полностью сокрушён.

Само собой, прибыла целая свора полицейских — как в форме, так и переодетых в штатское, — и ещё, бог знает зачем, два врача. Один из них без конца ни к селу ни к городу болтал о фторе, обнаруженном в высокой концентрации в человеческих эмбрионах, и о его пользе для детских зубов. Кто-то из экспертов заявил, что население с окружающего неисследованную бомбу пространства должно быть удалено, потому он считал благоразумным эвакуировать Сабль-до-Фесс.

Это привело мэра в состояние поистине галльского экстаза. Эвакуировать район во время карнавального уик-энда — хуже, чем разрушить его; лучше смерть, чем бесчестие, и т. д. Я заметил, что если мой фтор-80-прим взорвётся, то никакая эвакуация никого не спасёт, поскольку уже никто, нигде и никогда больше не сможет быть благоразумным. Начальник полиции, бросив на меня подозрительный взгляд, сказал, что обсуждаемая опасность носит чисто гипотетический характер; зато паника, которая будет сопутствовать массовым волнениям, неминуемо станет гибельной. Нужно окружить только квартал, где расположен банк. Он находится в центре города, а поскольку большинство учреждений на время уик-энда закрыто, то осуществить эту операцию будет

несложно. При этом начальник полиции, набивая свою трубку с видом артиллериста, заряжающего своё орудие последним снарядом, указал ею прямо на меня. Он дал понять, не говоря этого вслух, что считает весь план взлома банковского подвала заранее подстроенной махинацией.

Мсье Ле Кэ сказал:

— Но ведь бронеавтомобиль приезжал в конце дня, и в банке сейчас денег почти не осталось.

Однако начальник полиции не был удовлетворён. Глядя, как он утрамбовывает содержимое своей трубки, я не мог отказать себе в удовольствии процитировать поговорку моего дедушки: «Плотно порох ты набьёшь — дичь наверняка убьёшь». Он сделал это своим девизом.

Между тем Франкенбург и его коллеги сосредоточенно углубились в мои записи, которые я вынужден был им передать.

Франкенбург проворчал:

— Я должен всё проверить и перепроверить. Мне нужен компьютер. Мне нужны пять дней.

Но маленький доктор Имхоф сказал:

— Мы не должны исключать вероятности того, что написанное здесь действительно соответствует истине. Мы должны это допустить, хотя бы для очистки совести.

— Хорошо, хотя бы для очистки совести, — согласился Франкенбург. — Ну и что?

— А то, — ответил Имхоф, — что всякое уменьшение давления делает так называемый фтор-80-прим Перфремента безвредным веществом, не так ли? В таком случае дыра, просверлённая в двери подвала, будет достаточной мерой предосторожности. Так сделаем же эту дыру и подождём до понедельника!

— Пусть будет так, — сказал я. — Это вполне здравое рассуждение.

Специалисты из компании по оборудованию сейфов хранилищ, прибывшие самолётом, выгрузили своё хозяйство у банка. Среди баллонов, защитных очков и приборов я заметил несколько противогазов.

— А это зачем? — спросил я у Ле Кэ.

Франкенбург, не расположенный к разговорам, сказал недовольно:

— Да, да, сверлите дыру, оставьте эту штучку Перфремента до понедельника. Но пока я расшифрую эту формулу, его так называемый фтор-80-прим испарится.

Доктор Шьяпп мрачно поддержал:

— Это метафизика: если мы его оставим — он испарится, если мы его не оставим — он тоже испарится, но, насколько я понял из записей Перфремента, если мы оставим фтор-80-прим здесь, мы испаримся вместе с ним в коллективное небытие. Лучше сверлите дыру.

Я напомнил:

— Месье Ле Кэ, я вас спросил, для чего здесь эти противогазы?

— Видите ли, — ответил он, — когда дверь подвергается постороннему воздействию, автоматически включается сигнал тревоги, а, вместе с ним подвал заполняется слезоточивым газом из встроенных контейнеров.

— Вы сказали — слезоточивый газ? — спросил я.

— В высокой концентрации.

— Тогда, — закричал я, — немедленно отойдите от этой двери! — Я апеллировал к Франкенбургу. — У вас вызывает неприязнь каждое моё слово, старина, но вы честный человек. Признавая, что мои записи верны — а я клянусь, что они верны, — вы поймёте, что мой фтор-80-прим вступает в реакцию только с одним веществом. Только с одним! А именно — с СаНуСЮ, хлорацетофеноном. А это, будь я проклят, как раз то вещество, которое входит в состав слезоточивого газа!

Франкенбург согласно кивнул. Шьяпп сказал:

— Как ни вертите, но мы здорово влипли!

А старый Рэйзин проворчал:

— По-моему, это как раз то, что драматурги называют «абсолютный тупик». Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Но тут маленький Имхоф спросил:

— А есть ли хоть какая-то часть подвала, куда не подведён сигнал тревоги?

Ле Кэ ответил:

— Лишь одна сторона подвала достижима снаружи, если только это можно назвать «снаружи». Задняя стена нашего подвала примыкает к задней стене расположенного рядом ювелирного магазина Моникендама. Его подвал, видите ли, сам по себе имеет толщину в два фута. Следовательно…

— Ага! — воскликнул начальник полиции.

— Приведите Моникендама, — приказал министр безопасности, и этот известный ювелир и ростовщик был немедленно доставлен.

— Я охотно открою свой подвал, — сказал он, — но у меня есть партнёр, Уормердам. Наш подвал открывается комбинацией из двух замков, отпираемых одновременно. Они расположены таким образом, что один человек не может отпереть оба замка в одно и то же время. У меня своя секретная комбинация, у Уормердама — своя. Чтобы открыть подвал, мы должны здесь присутствовать оба.

— Вот как становятся богачами, — пробормотал старый Рэйзин.

— Вот как остаются богачами, — поправил его Моникендам.

— А где сейчас Уормердам?

— В Лондоне.

Тут же позвонили в Лондон, и агенты секретной службы вытащили возмущённого беднягу Уормердама прямо из-за обеденного стола, стремительно доставили его на аэродром реактивных самолётов и запустили вверх с такой скоростью, что он прибыл в Сабль-де-Фесс в состоянии полной прострации и с салфеткой, всё ещё засунутой под подбородок.

Зато теперь, по выражению начальника полиции, для него абсолютно всё стало ясным как на ладони. Я был в его глазах чем-то вроде главы преступной шайки, профессором Мориарти, и моей истинной целью была кладовая ювелиров. Он усилил полицейский кордон, и Моникендам с Уормердамом открыли свой подвал.

Люди из компании по оборудованию сейфов и хранилищ приступили к работе, но не раньше, чем оба ювелира получили подписанную президентом банка бумагу возмещения убытков (министру они не доверяли). И вот начали бурить заднюю стену банка.

— Время бежит, — заметил я.

Рейзин вызвал всеобщее раздражение, заявив:

— Фантазии, друзья мои, одни только фантазии заставляют вас так потеть. Принимая во внимание все обстоятельства, думаете ли вы, что мегатонна, или тиранотонна, или ультимон могут причинить нам — лично нам — больше вреда, чем, скажем, фунт динамита?

Начальник полиции заметил:

— Ха! Похоже, вы здорово разбираетесь в динамите.

— Надеюсь, что так, — ответил Рэйзин. — Я устраивал саботаж нацистам, друг мой, когда вы размахивали полицейской дубинкой во Втором бюро.

К пяти часам утра мы проделали скважину в стене.

— Пресрасно, — сказал я. — Теперь не о чем беспокоиться.

И предложил выпить по чашке горячего чаю. В ответ на предложение, месье Ле Кэ кинулся вон.

Мы подождали, пока банк не откроется, и вошли в хранилище, где лежал мой фтор. Я показал Франкенбургу, как сильно он уменьшился в объёме.

— Клянусь богом, мы были на волосок от гибели, — сказал я.

Вы думаете, этим дело и кончилось? Вы жестоко ошибаетесь! Потому что в эту безумную ночь, пока все полицейские в Сабль-де-Фесс и его окрестностей стояли на страже вокруг банка и магазина Моникендама, банда грабителей проникла в галерею принца Мамелюка, где хранилась одна из самых крупных в мире коллекций произведений искусства.

Воры очистили её не спеша, с полным комфортом. Они похитили бесценное собрание античных драгоценностей, трёх Рембрандтов, четырёх Гольбейнов, двух Рафаэлей, одного Тициана, двух Эль Греко, Вермеера, трёх Бетичелли, Гойю и Грёза. Мне сказали, что это была кража века и что страховое агентство Ллойда предпочло бы потерять флот трансатлантических лайнеров, чем ту сумму, на которую были застрахованы эти картины и драгоценности.

Вообще-то, если вдуматься, мне даже повезло, что меня отправили обратно в Англию и взяли под стражу.

Если б у меня была хоть капля здравого смысла, я бы, конечно, помалкивал об этом проклятом фторе-80-прим. В сущности, я сам себя сделал арестантом. Они считают меня — ведь это ж надо придумать! — пустомелей и болтуном. Как будто фтор-80-прим — это просто выдумка! Чёрт побери, вы сами можете его приготовить. Возьмите 500 граммов плавикового шпата…

Ох-ох! Боюсь, что пришли двое моих приятелей. Придётся мне теперь покинуть вас, сэр… Спокойной вам ночи.

Всего хорошего, джентльмены!

НИЛЬС НИЛЬСЕН

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

— Умные и трудолюбивые стальные муравьи, — воодушевлённо говорил профессор Макгатри, — вот что они такое! Когда их станет много, никому не взять над ними верх ни в войне, ни в работе. Потому я и назвал пробный образец «Муравьём». От него произойдут миллионы точно таких же, как он, они расползутся по всей земле на благо человека! Нынешние горы они превратят в плодородные долины, будут добывать уголь, орошать пустыни, побеждать в войнах, осваивать для людей далёкие планеты. Они, мой друг, будут творить настоящие чудеса!

Макгатри, профессор кибернетики Эдинбургского университета, расхаживал взад-вперёд по гостиной; его круглое брюшко покачивалось в такт шагам.

Жена профессора Урсула сидела в кресле и следила за мужем кротким, слегка встревоженным взглядом.

— Но, Малькольм…

Голос её немного дрожал, однако свести мужа с небес на землю было необходимо — кроме своих машин, он уже ни о чём не хотел знать!

— …не могут ли они стать опасными для людей? — договорила она. — Я хочу сказать только, что… вид у этих тварей — ну, тех, что у тебя в подвале, — не очень привлекательный.

— Не очень привлекательный? — Возмущённый, он потёр лысину. Глаза его засверкали. — О, эти женщины! «Муравей» ни красивый, ни безобразный, ни добрый, ни злой — внешний вид его не говорит ни о чём вообще! Это всего-навсего машина — самоуправляемый, самовоспроизводящийся и самовосстанавливающийся робот!

— Да, дорогой, — ласково сказала Урсула, понявшая не более половины сказанного, и страдальчески улыбнулась.

Однако профессор остыл. Шаркая, он подошёл к окну и устремил задумчивый взгляд на безрадостный ландшафт Шотландии, освещённый красноватыми лучами заходящего солнца — на унылые болота и тоскливые, покрытые вереском пустоши между гранитными стробами хребта Бен-Аттоу и морским побережьем у Моурей-Ферса. Это мир, которого чурались люди, если не считать неграмотных старых пастухов, сухих и жилистых; им чудеса молодого третьего тысячелетия были столь глубоко безразличны, что они едва поднимали голову, когда по небу в сгущающихся сумерках, проносились, оставляя огненный след, пассажирские ракеты, летящие откуда-нибудь с Тихого океана в лондонский аэропорт Хитроу.

Но профессора Макгатри безлюдье этих мест очень устраивало. Два года назад по его желанию сюда перевезли при помощи летающего воздушного крана его дом. Вместе с домом, похожим на огромную пластиковую слезу, перекочевала и оснащённая всем необходимым лаборатория. С тех пор он и Урсула спокойно жили здесь вместе со своими детьми, одиннадцатилетними близнецами Робертом и Лилиан. И каждый день, уйдя с головой в какой-нибудь из своих хитроумных кибернетических проектов, он что-то рассчитывал и мастерил у себя в подвале.

По тихому дому рассыпался звонкий детский смех, Мать и отец прислушались, потом оба заулыбались.

— Что они делают?

— Смотрят по телевизору «Робинзона Крузо», — сказала Урсула, уже позабывшая о «Муравье». — Ведь им интересно и смешно! Даже сейчас, в 2011 году, дети без ума от этих историй про Робинзона Крузо и Пятницу, про Белоснежку и семь гномов! Помнишь, какой был скандал, когда год назад детское телевидение попыталось заменить приключенческие программы занятиями по сборке машин и документальными передачами о Марсе? Все дети Шотландии потребовали, чтобы им вернули приключения!

— Ребёнок есть ребёнок, — профессор кашлянул, поглощённый своими мыслями. — Знаешь что? К вечеру на вересковой пустоши я хочу его испытать!

— Его?.. Да, конечно! — и она кивнула с таким видом, будто это очень её обрадовало. — Но что эта… штука будет делать на вересковой пустоши?

— Видишь ли, — и рука его обвела в воздухе что-то невидимое. — «Муравей» может путём электролиза добывать прямо из грунта алюминий. Алюминий я выбрал из-за его необычайной распространённости — он составляет не меньше семи процентов всей земной массы!

И профессор торжествующе посмотрел на жену.

— Да, мой друг, — сказала она таким тоном, каким все жёны говорят обычно эти слова своим нетрезвым или рассерженным супругам.

— …Так что «Муравей» может добывать алюминий в горах и в пустынях, и из любой породы — полевого шпата, каолина, глинозёма! А алюминиевые сплавы могут быть прочными как сталь, но втрое легче её!

— Да, мой друг.

Ей уже столько раз доводилось слышать эти малопонятые для неё речи! И через минуту, когда он заверил жену, что его изобретение не опасно для людей, она успокоилась и стала думать об ужине. Не слетать ли на вертолёте в Килданан за бифштексами? И, может, стоит прихватить бутылку вина, чтобы отпраздновать удачу Малькольма? Всего семьдесят километров — она обернётся за какой-нибудь час…

Тихо жужжа, дом, как подсолнечник, поворачивался вслед за солнцем. Небо над тёмными вершинами пылало. Между тем Малькольм всё говорил:

— …в электронный мозг вводятся элементарные приказы, и реле этого мозга смогут создавать из них всё новые и новые сочетания, практически бесконечное количество сочетаний! В результате получатся миллионы разных линий поведения! И, кроме того, у «Муравья» много органов чувств; радиолокаторы, фотоэлементы, искусственные органы обоняния, и многое другое. А питания ториевых батарей, которые дают ему энергию, хватает на десять лет. Торий, кстати, тоже есть на всех континентах!

— Да, дорогой.

Металлическая рука выдвинулась из стены и подобрала пепел, просыпавшийся с сигареты Малькольма. Как хорошо, подумала Урсула, что не надо самой следить за порядком. Но что сегодня с Малькольмом? Таким возбуждённым она ещё его не видела!

— …Его металлические мускулы не устают никогда! — уже почти кричал профессор. — Его мозгу не нужен сон! Его реакции мгновенны! Его производительность не укладывается в воображении! Ему нужно два часа, чтобы создать точную копию самого себя, и он совершает для этого сорок тысяч операций! А два «Муравья» тут же начинают делать ещё двух! Четыре — ещё четырёх! Знаешь, сколько их станет после двадцати четырёх часов удвоения?

— М-мм… сто?

Готовясь отправиться за покупками, она подкрашивала губы.

— Четыре тысячи девяносто шесть! — торжествующе воскликнул он. — А через тридцать шесть часов — двести шестьдесят две тысячи сто сорок четыре! А через двое суток — много миллионов! Мой «Муравей» — это ком снега, с которого начнётся лавина!

— Не… не чересчур ли это много? — слегка испуганно спросила она и, оторвав взгляд от зеркала, посмотрела на мужа.

— В любой момент, отдав приказ, можно остановить самовоспроизводство, — весело успокоил он жену. — Именно это я и сделаю, как только «Муравей» пройдёт испытания. Ты только представь себе, как быстро и дёшево могут мои «Муравьи» сровнять с землёй Гималаи или перенести Великобританию на Северный полюс!

Она рассмеялась.

— Что ты говоришь, Малькольм! Ведь мы там замёрзнем.

— Это просто пример, — ответил он, не обращая внимания на её смех. — Ну, а каково это оружие… Ты ведь слышала все эти бесконечные сетования на огромные военные расходы? «Муравей» может создать армию из кучи камней! Конечно, с одним «Муравьём» при всей его прочности легко управится противотанковая пушка, но миллиону, который через два часа станет двумя миллионами, сопротивляться бесполезно! Стальные челюсти сжуют даже танки, дивизии танков и опустошат территорию неприятеля так же основательно, как полчища настоящих муравьёв. Только представь себе, что будет, если двадцать моих «Муравьёв» перебросить по воздуху в пустыню Гоби. За сутки их станет там больше восьмидесяти одной тысячи! А если ввести в них инстинкт миграции, они вскоре расползутся по всей Азии!

— Нет, только не война! — и она вздохнула: ох уж эти мужчины! — Неужели нам мало тех войн, которые были?

— Разумеется, — пробормотал он немного растерянно. — Но ведь… любое достижение науки можно использовать как для блага человека, так и во зло ему. Всё зависит от того, в чьи руки оно попадёт. Но всё равно нужно изучать, пробовать…

— Нужно ли? — Она опять услышала детский смех, но теперь не улыбнулась. — Ведь у нас есть всё — достаток, досуг. Зачем тебе этим заниматься, Малькольм? Чего ещё может желать человек?

— Многого — например, удовлетворения своей любознательности, — и он пожал плечами. — К тому же мои «Муравьи» принесут людям пользу. Благодаря им человек сможет менять облик других планет, превратить их в цветущий сад!

— Или в пустыню! — Она уже закончила сборы и была готова лететь в город. — Ты меня отпускаешь, Малькольм?

Конечно, он её отпустил. Но в городке, делая покупки, она всё время думала о том, что мужчины, даже гениальные, — это всего лишь восторженные, любопытные, неосмотрительные дети…

Когда вечером из-за тяжёлых вершин Бен-Аттоу выскользнула луна, в её неярком свете, упавшем на вересковые пустоши, сверкнула полусфера из светлого металла, легко и быстро находившая себе дорогу между скал и небольших озёрец. Следом за ней, стараясь не отставать и тяжело дыша, бежал вприпрыжку немного грузный человек, явно чем-то взволнованный…

«Муравей» был запущен. На полусфере, в восьми футах над землёй, вращались антенны локаторов и мигающий зелёный индикатор. Малькольм поздравил себя с тем, какие у его машины ловкие, удивительно точные движения. Ничто не может остановить её: ни темнота, ни туман, ни холод, ни неровности рельефа. Ничего более совершенного кибернетика не создавала ещё никогда.

Однако реле, управляющие теплоуловителями, он предусмотрительно заблокировал. Ему не нужно, чтобы этот робот воевал, — его «Муравей» должен стать родоначальником миллиардов себе подобных, которые рассеются по земле, чтобы служить человечеству. Сердце профессора переполняла радость.

Между тем полусфера, словно живая, ползла вперёд. Её чёрная тень плясала на поросших вереском пригорках и на гранитных валунах. Её органы чувств нюхали, слушали и смотрели… Она тихо гудела и мигала зелёным глазом. Вдалеке, где-то под серебристо-серым силуэтом Бен-Аттоу, безнадёжно и насмешливо залаяла лиса, и эхо её голоса долго умирало в ущельях. Шотландское плоскогорье тянулось вдаль и исчезало, бесконечное и тёмное, в прохладной ночи. Но Малькольм не слышал охотничьего клича лисы, не видел пустынного плато. Он смотрел только на своё создание, смотрел, будто на собственное дитя.

Наконец, пробродив с добрую милю, полусфера остановилась у осыпи гравия, протянувшейся между топями от ближайшего горного отрога. Гравий лежал здесь со времён последнего оледенения, когда могучие естественные силы дробили острые вершины гор и сбрасывали обломки вниз.

Довольный, он улыбался в темноте. Да, эта штуковина знает, что ей нужно, и без колебаний и сомнений идёт к цели.

Тихое гудение «Муравья» превратилось в многоголосый вой. Вращающиеся с немыслимой скоростью лопасти вошли в грунт и выбрасывали в воздух измельчённую породу. За несколько минут «Муравей» выкопал яму в половину своей высоты, опустился туда и начал заглатывать гравий. Над полусферой поднялись маленькие облачка пара. Потом клешни на концах многосуставчатых металлических конечностей стали складывать штабелями серебристо-серые болванки алюминия.

По существу, «Муравей» выполнял работу большого завода-автомата, только намного быстрей. Один производственный процесс сменял другой. Вот уже готов полусферический верхний щит. В фотоэлементах, служивших «Муравью» глазами, мерцал бледный свет. Чувствительные антенны дрожали и вытягивались, как хоботки мух.

Профессор сидел на камне. Ему было холодно, к тому же в погоне за «Муравьём» он натёр правую ногу. Но что значат эти мелкие неприятности, когда он видит перед собой свою претворённую в жизнь мечту?

— Так, так, превосходно! — восклицал он, не отрывая взгляда от «Муравья». — Ещё, дружище, ещё!

Робот не отвечал. Он действовал с фанатичной сосредоточенностью, все его движения были невероятно быстрыми и точными. Вот он уже монтирует в своём будущем отпрыске основную электронную систему. А вот уже чуть заметными, до смешного осторожными движениями впаивает ячейки памяти, которые все вместе станут электронным мозгом «новорождённого». Робот помнил все операции, он даже обладал способностью совершенствовать заданную программу. Ещё час с

небольшим — и два совершенно одинаковых «Муравья» начнут изготовлять ещё двух точно таких же. И к утру в горе будет уже огромная пещера, а в ней — больше сотни «Муравьёв». Вскоре их станет двести, потом четыреста…

«А что если завтра сюда забредёт какой-нибудь пастух? — подумал профессор и улыбнулся. — Глазам своим не поверит! Но, вероятнее всего, здесь никто не появится. В этом главное преимущество здешних мест.

Через несколько дней он вылетит в Лондон и пригласит сюда правительственных экспертов. И конечно, лучше всего ошарашить их, показав им целый муравейник этих трудолюбивых созданий, которые удваивают своё число без малейших денежных затрат с вашей стороны. Все промышленные проблемы решаются раз и навсегда: создай прототип машины, и больше тебе не нужно думать ни о чём. Уже к завтрашнему вечеру по общей производительности «Муравьи» превзойдут промышленный центр средней величины…

Никогда ещё не испытывал он такого удовлетворения — даже когда изобрёл автомобиль без двигателя или когда создал электронные глаза для слепых.

Но в какое-то мгновение — он не мог бы точно сказать, когда именно, — что-то нарушило спокойное течение его мыслей, Какое-от смутное беспокойство… а-а, вот оно что! Занятый работой, «Муравей» вдруг повернул к нему бледные диски своих глаз. Многосуставчатое щупальце, монтировавшее гусеницы нового «Муравья», замерло в воздухе. Это длилось всего несколько секунд. Потом действующая программа вернула поведение робота в нужную колею.

Профессор поплотнее запахнул пальто. Ага, вот в чём дело: очевидно, слаба электронная блокировка между рабочей и боевой программами. Обнаружилось это только теперь, когда электронные схемы перегрелись. Но это только предположение. Уж он-то знает, как чувствителен сложный электронный мозг. Почти как нервная система человека… Этот мозг долго «просыпается», и у него могут быть «нервные срывы». К тому же «Муравей» — первый экспериментальный образец. Он бы много дал за то, чтобы точно знать, что происходит сейчас под этой сверкающей скорлупой…

Профессор сидел в нерешительности, раздираемый сомнениями. С одной стороны, ему хотелось увидеть первое дитя «Муравья» законченным, но, с другой — смутная тревога подталкивала его остановить это чудовище. Чудовище? Что за ерунда! Ведь это всего-навсего машина, робот, лишённый собственной воли!

Между тем «Муравей» с бешеной скоростью завершал своего первенца. Несколько минут он безукоризненно следовал программе, но вот бледные, похожие на две луны глаза снова обратили взгляд на своего создателя. Многосуставчатые металлические руки оставили работу, и машина передвинулась метра на два к нему. Испуганный, он вскочил на ноги. Разумеется, программа и на этот раз вернула машину к исполнению её обязанностей, и опять всё как будто было в порядке.

Но если «боевой инстинкт» проявится в третий раз, блокировка может не выдержать, и тогда…

Его прошиб пот. Могучие щупальца с клешнями, воющий туман лопастей… Если теплоуловители его почувствуют, если машина двинется за ним и схватит его, он будет как мышь в когтях у кошки!

Выключить её? Но для этого к ней надо подойти вплотную. Он стёр с лица пот. Запах пота, который сейчас исходит от него, как и чувство страха, её электронные чувствилища наверняка уловят и усилят, а потом…

Луна висела высоко над серебристо-серыми вершинами. Вересковые пустоши были залиты её неярким перламутровым светом. Растерянный, он глядел в безмолвную ночь, впервые осознав, как он сейчас беспомощен. Да и кто мог бы оказать ему помощь? Чтобы остановить «Муравья», нужна по крайней мере пушка!

Он не отрываясь смотрел на эту насекомоподобную машину, которую создали его собственные руки, его не знающий покоя мозг. Скоро их будет две, а через двое суток, если он не прервёт их размножения, — миллионы. И тогда вся английская армия будет бессильна перед ними.

Как же это он упустил из виду, что в мозг первого пробного образца нужно обязательно ввести приказ, автоматически останавливающий робота при первых признаках неподчинения программе? Как могло случиться, что эта простая мысль не пришла ему в голову раньше?

Пока эта машина одна, её ещё можно остановить. И он — единственный, кто способен это сделать. А… что если он будет убит? Тогда… тогда, проснувшись послезавтра утром, англичане обнаружат, что их страну захватили несметные полчища тварей из блестящего металла и эти твари остервенело превращают в руины города и, как зайцев, загоняют их обитателей. Море сверкающих полусфер затопит остров. А через неделю, через месяц? Десять миллиардов, сто миллиардов этих тварей расползутся по всей планете, спустятся на дно океана, заполнят джунгли, сроют под корень континенты!

Озарение пришло как молния: вот к чему привела его работа! Собственными руками он открыл ящик Пандоры, породил чудовище, у которого на месте отрубленных голов мгновенно вырастают новые!

До тех пор пока «Муравьи» не выделят из земной коры весь алюминии, металлическое воинство будет непрерывно расти! А когда следы человека уже давно будут стёрты с лица земли, полчища блестящих чудовищ закроют собой всю поверхность опустошённой планеты; не знающие, зачем они существуют, не поддающиеся износу, самовосстанавливающиеся, они обратят взгляд своих бледных глаз-фотоэлементов в небо, к звёздам, где ещё есть место, ещё есть алюминий…

Его била дрожь. Эти кошмарные видения лишали его последних сил. Перед каким мрачным будущим распахнул он двери, какие семена гибели посеял, ведомый слепой страстью исследователя! Во всём виноват он, только он. А ведь Урсула с её женской рассудительностью не раз предостерегала его — о, если бы он только внял её предостережениям! Но куда там! «Муравей», видите ли, новое достижение техники, а разве можно становиться на пути технического прогресса?

И он, твёрдо решив остановить грядущий кошмар, побежал к роботу. Он должен, если надо, пожертвовать собственной жизнью!

Пробежал он совсем немного. Бледные глаза-луны «Муравья» обратили на него взгляд в третий раз. И тут же машина оставила своего почти законченного первенца и покатилась навстречу. Профессор услышал вой вращающихся стальных ножей. Теперь речь шла о жизни и смерти — электронная блокировка рухнула! Только когда остановится его гулко бьющееся сердце, а тело станет холодным и бездыханным, машина вернётся снова к своей работе.

Охваченный ужасом, он повернулся и бросился бежать, совсем безотчётно, по направлению к дому. Спрятаться! Нужно, обязательно нужно, чтобы между ним и этой не знающей жалости металлической тварью встали запертые двери его дома!

Но хотя профессор мчался, как насмерть перепуганный заяц, «Муравей» догонял его. Поющая фреза неумолимо приближалась. Всё громче чмокали присоски гусениц. В лунно-сером сумраке вокруг него уже трепетал зеленоватый луч прожектора.

Когда поток воздуха от воющих стальных ножей уже обдувал ему затылок, профессор метнулся в сторону, за выступ скалы. Радиолокатор и теплоуловитель «Муравья» потеряли след — гранит прикрыл его. Профессор вжался в скалу и попытался не дышать. Совсем близко светилось тёплым золотым светом окно его дома — звезда надежды. Только триста метров — и он дома!

«Муравей», завывая, закружился на одном месте. Порывы ночного ветерка мешали ему обнаружить источник тепла, однако он слышал стук бешено бьющегося сердца. «Муравей» искал свою жертву.

Но теперь профессор смог отдышаться. Он лихорадочно перебирал в уме возможности. Нужно противопоставить холодной, молниеносно быстрой электронной логике свои, человеческие фантазию и смекалку! Ещё есть надежда, что он доберётся до дома живым. Там и сям из вереска поднимаются замшелые валуны. Они станут этапами его спасения. Может, он всё-таки перехитрит робота?

Но тут он оцепенел от ужаса. Домой? Как такое могло прийти ему в голову? Ведь там Урсула и дети. «Муравей», едва почуяв их тёплые, беззащитные тела, разнесёт дом в щепы. Чтобы он отдал их на растерзание чудовищу, которое сам пустил гулять по свету?! Нет, любыми средствами он должен увести «Муравья» прочь от дома, хотя бы в горы. Может, заманить машину в пропасть? Или разбить, сбросив на неё каменную глыбу? Любым способом, но он должен обезвредить её!

Всё ещё не зная, как поступить, он оторвал взгляд от тёплого света в окне и посмотрел в сторону хребта Бен-Аттоу, темневшего в нескольких милях от него. Удастся ли ему избавиться от этой неумолимой ищейки, которая не знает усталости и никогда не бросает след? Да, не только его семья, все семьи Шотландии вправе требовать, чтобы он вступил в борьбу с плодом своих изобретательских дерзаний. Мало просто увести проклятую тварь по тёмным вересковым пустошам куда-нибудь в сторону, он должен одолеть её. Он не имеет права потерпеть поражение в этой неравной борьбе. Ибо что будет потом? Уж он-то хорошо знает! Не он ли сам заложил в электронный мозг робота программу, определяющую его поступки?

Едва только он, Малькольм Макгатри, умрёт и остынет, как это одержимое жаждой деятельности исчадье ада вернётся к своему незаконченному детищу и доведёт работу до конца. У второго «Муравья» будут те же «чувства» и «инстинкты» и та же нарушенная блокировка.

Потом повторится всё сначала. Через два часа будет четыре «Муравье». Будет негромкое гудение, мигание прожекторов, лихорадочная работа — электромеханический завод среди вереска, где так редко появляются люди.

А завтра вечером, повинуясь вложенному в них инстинкту миграции, первые тысячи поползут во

все стороны. Они найдут его дом, уничтожат его обитателей и поползут дальше, искать новые жертвы. Послезавтра утром четверть миллиона сверкающих металлических тварей разрушат до основания ближайшие шотландские городки — Килданан, Аллапул, Дорнох. А к полудню этот всёразрастающийся поток хлынет в ничего не подозревающую Англию…

Он оторвался от валуна и как безумный кинулся в сторону предгорий. Поблёскивая в лунном свете, «Муравей» повернул и понёсся вслед за профессором.

Часом позже между тёмных скал Бен-Аттоу пробирался человек, он всхлипывал и задыхался, а за ним, не отставая, ползла чмокающая присосками и мигающая зелёным прожектором машина.

Силы профессора были на исходе. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Лишь огромным усилием воли он заставлял себя двигаться. И, однако, он делал больше, чем можно было от него ожидать. Он сбрасывал с высоты каменные глыбы на своего страшного преследователя, когда тот с тихим гудением полз по отвесному склону вверх. Но каждый раз стальная клешня парировала удар.

Колени профессора подгибались от усталости, а он брёл по самому краю обрыва, прыгая, рискуя жизнью, через темнеющие бездны в надежде на то, что робот, гонясь за ним, свалится вниз и разобьётся. Наивный! Разве не сам он наделил эту машину электронными чувствами, не сам оснастил её гусеницами с сильными, как у осьминога, присосками? А теперь только и оставалось что бежать зигзагами, продираться сквозь терновник. Но куда бы он ни прятался, угрожающий вой и чмоканье быстро настигали его.

Больше он не мог ни о чём думать, ни на что не мог надеяться. Всё труднее было отрывать ноги от земли, всё медленнее брёл он по вереску и между скал. И снова надвигался сзади, всё ближе и ближе, беспощадный вой, и снова становились ярче зелёные блики.

И вдруг, к величайшему своему ужасу, он увидел, что вдалеке, среди вереска, движется маленький белый огонёк. Карманный фонарик! Урсула вышла его искать! Встревожилась, что его так долго нет. Но через считанные минуты «Муравей» наверняка убьёт его. И тогда теплоуловители робота переключатся на этот новый источник инфракрасных лучей…

Но тут внезапно его озарила мысль: болота! Топкие болота, где пузырится чёрная трясина… Как ему сразу не пришло это в голову?

Надежда придала ему сил. Он не бежал, а летел, как птица, вниз по склону, перепрыгивая через кучи камней, автоматически ища укрытия за валунами и скалами каждый раз, когда зелёные блики касались его плеча. Огонёк в вереске приближался. Решали минуты. Он благодарил небо за громкие удары своего сердца и свистящее дыхание — то и другое по силе намного превосходило сигналы, поступавшие в органы чувств «Муравья» от Урсулы.

Вереск, бугры, камни, снова вереск. Потом земля у него под ногами запружинила. И вот он уже ступает по вязкой, чавкающей трясине. Ею пахло из заполненных водой ям, где, как в чёрных зрачках, отражались звёзды. Глаза профессора ничего не видели, о себе он не думал, однако некое шестое чувство вело его именно по тем поросшим осокой и тростником кочкам, которые могли выдержать вес человека, но не машину весом в целую тонну. Создавая робот-вездеход, профессор как-то не подумал о его проходимости в болотах, и именно на этом упущении и был основан возникший теперь у него план.

«Муравей» между тем неутомимо полз за ним. Минуту или две гусеницы чмокали по пружинящему грунту. Потом трясина заколыхалась, и «Муравей» начал, погружаться в болото. Чёрные глубины громко хлюпнули, и трясина сомкнулась над «Муравьём». Судорожно дёрнулась над поверхностью металлическая клешня, и чудесное изобретение Малькольма Макгатри навсегда скрылось от глаз своего создателя.

На твёрдую землю профессор выбирался довольно долго. Урсула ждала его на краю болота. Но он только посмотрел на неё невидящими глазами.

— Малькольм! Что случилось? Где твоя машина?

— Там! — Дрожащей рукой он показал туда, где, повинуясь какой-то мощной, снизу идущей силе, вздымалась и опускалась топь. «Муравей» был ещё жив, он ещё боролся. Глаза-фотоэлементы вглядывались в чёрную грязь. Гусеницы крутились. Но вязкая топь крепко держала его в объятиях.

— Ой, так, значит, вся твоя работа пропала зря? — огорчённо сказала Урсула.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого вдруг схватил её и повалил на землю. На мгновение над болотами вспыхнуло небольшое голубое солнце. Из глубины поднялся чёрный гейзер, похожий на огромную поганку, и снова исчез. Послышался глухой грохот. Земля задрожала.

— Взорвалась ториевая батарея — жижа затекла внутрь, — с глубоким облегчением сказал он. —

Теперь со всем этим… покончено!

— Не расстраивайся! — и она сжала его локоть, не совсем понимая, что происходит, но, как всегда, готовая утешить. — Ты ведь наверняка сможешь сделать новую! Ещё лучше, правда?

— Ох, Урсула!

Он с улыбкой посмотрел на неё и стал беспомощно стирать с лица брызги грязи. И вдруг над болотами и безмолвствующим вереском раздался его громкий смех.

— Урсула, — с трудом переводя дыхание, сказал он, — дорогая! Я создал лишённого жизни и в то же время живого демона! Алюминий и электронные вихри, магнитные поля и вечный танец нейтронов должны были стать величайшим благом для человечества. Годы я работал без отдыха, использовал в работе всо свои знания; к тому же всё это стоило мне кучи денег. И однако…

Он задохнулся. Хотя он продолжал смеяться, глаза его по-прежнему были полны страха.

— …и, однако, я благодарю небо за то, что моё детище погибло! Всё, Урсула, с этим покончено. Знаешь, чем я теперь займусь?

— Нет, дорогой, — и она с любопытством посмотрела на него.

— Куплю ферму и начну выращивать спаржу!

— С…спаржу? — растерянно пролепетала она. — Но почему именно спаржу?

— А потому, — медленно проговорил профессор, — что спаржа так удивительно безобидна!

МАНУЭЛЬ ГАРСИА-ВИНЬО

ЛЮБОВЬ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Первого и до сих пор единственного путешественника в четвёртое измерение звали Хулиан Сендер. К изобретению машины времени он не был причастен. На нём её только испытали.

В 1980 году, когда ему исполнилось тридцать лет, учёные Института хроноскопических исследований создали машину, которая могла переносить человека в будущее. Хулиан Сендер работал в институте заместителем начальника пресс-центра и был выбран из двенадцати других добровольцев для путешествия в 2020 год.

Никакой специальной подготовки он не проходил. Ему просто сказали, что он свершит один-единственный рейс. Пройдёт точно сорок лет, а он пробудет там всего неделю. Через семь дней он должен быть в том самом месте, где очутится по прибытии. Никаких вопросов задавать не позволили и сообщили, что, коль скоро он выбран, ему не разрешат пойти на попятную.

По окончании недельного отпуска, который ему предоставили перед опытом, он явился в институт ровно в восемь утра. И, следуя указаниям полученного накануне письма, направился к комнате номер 23.

Ему отворил молодой человек в белом комбинезоне с вышитой на кармане синей монограммой И. Х. И. Молодой человек, улыбаясь, пожал Хулиану руку и пригласил войти.

Затем он провёл его в камеру, где пол, потолок и стены были металлические, без единого отверстия. Единственный стул также был из металла. Ни коврика, ни картины, ни какой-либо иной мебели.

— Ну вот, — вымолвил провожатый, — как только я выйду, садитесь сюда.

Сендер хотел что-то сказать, но молодой человек его перебил.

— Ни о чём не беспокойтесь. Всё, что вам нужно знать, вы уже знаете. Сейчас от вас требуется лишь одно — выполнить мои указания. Когда я выйду, садитесь.

Молодой человек вышел, заперев за собой дверь, и Хулиан уселся на металлический стул. Он огляделся по сторонам. Помещение казалось ярко освещённым, но обнаружить источник света Хулиану не удалось. Он поискал глазами дверь, в которую совсем недавно вышел его провожатый, и не нашёл её. Камера представляла собой большой куб с рёбрами около пяти метров. Пол, стены и потолок выглядели одинаково: абсолютно гладкие металлические пластины матово блестели в странном свете.

Спустя некоторое время — Хулиан затруднился бы определить какое именно — послышалось своеобразное жужжанье, которое действовало не только на слух, но и на осязание и зрение. Впрочем, Хулиан не был уверен, началось ли оно теперь или существовало с самого начала. Нечто вроде дрожи застывшего воздуха камеры, дрожи, воспринятой совокупностью чувств и проникавшей в самую глубь организма.

Хулиан подумал, что с начала эксперимента, должно быть, прошли долгие часы. Однако он не испытывал ни голода, ни жажды, ни малейшей усталости или боли. Свет, озарявший камеру, казался теперь менее ярким. Стены — более тёмными и плотными. Но он решил, что просто привык к равномерному блеску, который вначале едва не ослепил его.

Хулиан закрыл глаза и то ли уснул, то ли нет — этого он впоследствии так и не уяснил. Когда он снова поднял веки, впечатление было такое, будто он вместе со стулом находится не на полу, а на одной из стен камеры. Гудение прекратилось, но теперь закружилась голова и появилось ощущение полёта в пустоте, непрерывного падения в бездну.

Очнулся он на лужайке, поросшей клевером, и интуиция сразу подсказала ему, что он уже в обещанном 2020 году. Судя по солнцу, возглавлявшему скопище белых, как вата, кучевых облаков, было между десятью и одиннадцатью часами весеннего утра.

Он вскочил на ноги, ощущая лёгкую усталость, и огляделся по сторонам. С севера, востока и запада лужайка была окаймлена оградой из побелённых металлических столбов, за которой до самого горизонта, низкого и далёкого, тянулись пашни. На юге же она переходила в пологий склон невысокого холма.

Хулиан направился к вершине холма, предчувствуя, что на противоположном склоне найдёт нужную дорогу.

В самом деле, по ту сторону холма также тянулись возделанные поля, но километрах в двух

виднелось не то большое селение, не то маленький город.

Мир, в который он проник, почти не отличался от мира, им покинутого, и он даже решил, что поменял не эпоху, а место.

Так он опознал марку и модель автомобиля, в который фермер лет пятидесяти с помощью мальчика накладывал, словно в грузовик, разноцветные призматические ящики. Затем внимание его привлекли необычный материал этой тары и её безукоризненная выделка. Вполне вероятно всё-таки, что такие предметы существовали и в его время, только в более развитой, чем его собственная, стране.

Хулиан прикинул в уме: фермеру должно быть теперь лет десять-двенадцать. Мальчик ещё не родился. От этой мысли Хулиан вздрогнул.

Он дошёл до первых домов города. Встречные не обращали на него ни малейшего внимания. Видят ли его эти люди? Существует ли он для них? Не снится ли ему всё это, не мираж ли?

На углу он увидел бар и подошёл ближе. За широкими стёклами витрины среди бутылок с напитками неизвестных ему марок он нашёл то, что искал, — календарь: 2020, май, 5, понедельник.

Мальчуган лет восьми, бежавший по тротуару, налетел на него и упал. Толчок послужил как бы электрическим разрядом, который помог Хулиану окончательно войти в новую действительность.

Мальчик испуганно глядел на незнакомца. Взгляд этих синих глаз, подумал Хулиан, доходит до него через бездну времени, через толщу его собственной жизни и жизни мальчика, через туман тайны…

Сознание этого порождало нечто вроде опьянения. Прозвучал голос мальчика:

— Извините, сеньор.

Голос такой же мягкий, как взгляд; чудесный голос, который осязаемо наделял Хулиана бытием, давал ему права гражданства в этом времени.

Он помог мальчику подняться и отряхнул ему штанишки.

— Как тебя зовут?

— Хосе.

— Отлично, Хосе, куда ты так мчался?

Мальчик пожал плечами.

— Ты искал друзей?

— Да.

Хулиан — держал мальчика за плечи и не хотел его выпускать, хотя понимал, что выпустить нужно. Время, которое любой сторонний наблюдатель счёл бы нормальным, уже истекло. Но ему не хотелось расставаться с Хосе. Он испытывал ни с чем не сравнимое блаженство, впивая глазами свет этого невинного взгляда, принадлежащего ещё не родившемуся существу.

Кем будет этот восьмилетний мальчик, когда ему, Хулиану, исполнится семьдесят? Может быть, его сыном, или — внуком, или учеником. Сердце у Хулиана колотилось, в висках стучало от глубокого чувства, которое стремилось выявить себя, стать понятным. Что-то вроде отдалённого воспоминания, рвавшегося на свет из глубин подсознания…

«Я тебя знаю, Хосе. Знаю… Но нет, это невозможно, пока ещё нет».

Он испугался, что сойдёт с ума от подобных размышлений. И выпустил мальчика. Тот снова пробормотал извинение и скрылся.

Хулиан пошёл дальше, с любопытством разглядывая всё вокруг. Он понимал, что его основная задача — смотреть, проверять, открывать, сравнивать и в меньшей мере присутствовать здесь, ибо действительно важными были не социальные, политические, экономические или религиозные перемены, происшедшие за сорок лет (их можно было более или менее точно предсказать), а собственно путешествие в четвёртое измерение, прыжок во времени, который он только что совершил.

Дойдя до перекрёстка, он увидел на остановке автобус с табличкой «До центра города». Недолго думая, он вскочил на площадку. И только когда автобус уже мчался полным ходом по проспекту,

пересекавшему обширный парк, Хулиан с тревогой подумал: какими деньгами он заплатит за проезд? Он ощупал карманы. При нём была некая сумма, но годны ли ещё эти деньги? Он поискал глазами кондуктора. А может, здесь платят водителю? Во избежание недоразумений, когда автобус, миновав парк, остановился, Хулиан поспешил выйти.

Он очутился на широкой улице с оживлённым движением, с тротуарами, полными народу, и узнал её — это была улица его родного города. Мелькнула мысль пойти к себе домой, или к друзьям, или в институт, но он интуитивно сознавал, что не должен поддаваться такому искушению.

И Хулиан смешался с шумной толпой. Ему хотелось понаблюдать за поведением окружавших его людей, послушать, о чём они говорят, узнать, чем живут. Но мучительная неуверенность овладела им с той минуты, когда он задумался об оплате проезда. Как будет решаться финансовая проблема в этой странной туристической поездке, совершить которую выпало на его долю первым из людей. Он почувствовал настоятельную необходимость выяснить это.

В конце поперечного переулка он заметил цветочный базар, а в одном из киосков старика. Хулиан подумал, что он-то по крайней мере опознает его деньги и, улучив момент, когда старик остался один, подошёл к нему.

— Что угодно сеньору?

Хулиан заколебался.

— Пожалуйста, две розы, — сказал он наконец. — Вон те. Мне для подарка… — счёл нужным пояснить он и протянул самую крупную из своих купюр.

Старик покрутил её в руках и наконец бросил в ящик.

— Где вы её откопали? — спросил он, отсчитывая сдачу. — Таких уже почти не осталось.

— Но они ещё годны? — с тревогой спросил Хулиан.

— Да, — ответил старик, улыбаясь. — Думаю, что годны.

— Мне дали её… — Хулиан не закончил фразы, не зная, что сказать.

Он заметил, что старик смотрит на него испытующе.

— Любопытно. Ткань и покрой вашего костюма также напоминает мне прошедшие времена… Моё время.

— Да? Ткань была под рукой, дома, я…

Смех старика прервал его.

— Вы целиком живёте в прошлом, а?

Хулиан смущённо улыбнулся.

Старик потрогал его за лацкан и утвердительно кивнул.

— Тысяча девятьсот семьдесят пятый, — сказал он. — Я родился в пятьдесят первом…

Хулиан чуть было не сообщил, что продавец только на год его моложе, но сдержался.

— Спасибо, — сказал он, отходя.

— Эй, вы забыли розы!

— Оставьте их себе, я только хотел разменять кредитку.

— Вернитесь, дружище, для размена не обязательно покупать.

Хулиан жестом показал, что это неважно, и удалился, не обращая внимания на призывы торговца.

На третий день, выйдя из отеля, где он остановился — тихий отель в северной части города, — Хулиан впервые почувствовал, что находится в небывалом положении. Он позавтракал в том же баре, что и накануне, купил газеты и спокойным шагом направился в ближайший сквер.

Усевшись на скамье, он принялся листать одну из газет. Сообщения о спортивных состязаниях, межпланетных путешествиях, театральных фестивалях… Никаких военных действий и приготовлений. По-видимому, для человечества настала эпоха мира. Хулиан улыбнулся про себя от мысли, что у него будет спокойная, а значит, и счастливая старость.

Внезапно он поднял глаза, нутром почувствовав чей-то взгляд. Она была здесь. Она пристально смотрела на него и, застигнутая врасплох, смешалась и густо покраснела. Он в свою очередь не в силах был оторвать от неё взгляд, испытывая, только в тысячу раз сильнее, чувство, которое два дня назад вызвал у него Хосе.

— Извините, — нервно сказала девушка. И пошла прочь.

После недолгого колебания Хулиан последовал за ней.

— Извините, — повторила девушка, когда он догнал её. — Мне показалось, что мы знакомы. Я, очевидно, ошиблась… Простите.

— Не за что. Я никоим образом…

Взгляд девушки, цвет её глаз, звук голоса действовали на чувства Хулиана с такой силой, что сознание истинного положения вещей не властно было над его порывами, желаниями, поступками и самим бытием.

Она была почти его ровесницей, самая чудесная из женщин, какую он когда-либо видел.

— А всё-таки, — сказала девушка, — я узнаю вас.

— Не может быть, — возразил Хулиан. — Я в этом городе впервые.

— Нет, я не утверждаю, что видела вас раньше. Просто неделю назад меня спрашивали о вас.

— Обо мне?

— Вас зовут Хулиан… Хулиан Сендер, не так ли?

У Хулиана закружилась голова. На минуту ему показалось, что он бредит или сходит с ума. Он пробормотал:

— Да.

— Это был пожилой человек, вернее, уже старик. Он показал мне вашу фотографию. И был очень расстроен, когда я сказала, что никогда вас не видела.

— Не понимаю, — сказал Хулиан.

Разговаривая, он искал в уме объяснение этой загадке. Она, несомненно, была связана с тем, что реальная жизнь их обоих протекала в различных системах пространства и времени. Но что это за связь?

— Не понимаю, — повторил он. — Здесь меня никто не знает.

Некоторое, время — Хулиану оно показалось бесконечным — оба молчали, не зная, что сказать. Наконец, сделав над собой усилие, он проговорил:

— Во всяком случае, ясно одно: нам суждено было познакомиться.

Девушка промолчала. Она пристально посмотрела на него, затем потупилась и после недолгого раздумья снова подняла взгляд. Хулиан истолковал это как знак согласия.

— Вы уже знаете, что меня зовут Хулиан. А вас?

— Исабель.

Исабель ласково улыбнулась, отрицательно покачав головой.

— Непонятно, правда? — спросил Хулиан.

Он схватил её руки, поднёс к губам и стал страстно целовать. Она не противилась.

— Я понимаю, что ты любишь меня всем сердцем, и верю тебе, хотя мы знакомы всего четыре дня; верю, потому что тоже очень тебя люблю… Но не понимаю причин твоего отчаяния.

— Это невозможно объяснить.

— Почему?

Хулиан замер, сжимая её ладони в своих. Потом он поднял глаза, ища её взгляда, но тут же опустил их, чтобы Исабель не увидела навернувшихся слёз.

— Потому что не могу, — выдавил он наконец.

Исабель откинула у него со лба прядь волос.

— Ты говоришь как ребёнок, — сказала она.

Но он возразил:

— Я намного старше тебя…

— Намного старше, — насмешливо протянула она. — На сколько же? Держу пари, что мы почти ровесники.

Хулиан снова поднял голову. Теперь ему было безразлично, увидит она его плачущим или нет. Закусив губу, он отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он настойчиво. — Я намного старше.

Исабель серьёзно посмотрела на него.

— Не понимаю тебя, — сказала она удивлённо.

Он молчал.

— Не понимаю ни твоих слёз, ни твоего запирательства, ни отчаяния, с которым, если верить тебе, ты меня любишь.

Хулиан не ответил, она тоже ничего не добавила, так что молчание затянулось.

Солнце клонилось к закату. Хулиан чувствовал, как с угасанием дня его покидают жизненные силы.

Никто, никогда, ни в какие времена не испытывал той тоски и скорби, которые сжимали сейчас его грудь при виде солнца, опускавшегося за горизонт и уносившего с собой день, прожитый им вне очереди, день, доживёт ли он до которого, неизвестно. Это была смерть в обличье жизни, нелепица. Словно ему дано было видеть мир, ощущать жизнь, испытывать блаженство и любовь из потустороннего далека.

— Мне пора, — сказала Исабель.

— Погоди ещё минутку, — взмолился он.

Он глядел ей в глаза так самозабвенно и неотрывно, с выражением такой беспомощности и отчуждения, что она ничего не ответила.

В предыдущие вечера они прощались на станции надземной железной дороги, которая вела в один из городов-спутников. В какой именно, Хулиан не знал и вдруг подумал, что ему надо это знать, совершенно необходимо знать, где она живёт, чтобы найти её потом.

— Пошли, — сказал он.

И встал. Он быстро увлёк её к выходу из парка. Ночь уже почти наступила.

— Сегодня я провожу тебя до дома.

— Не стоит, это очень далеко.

— Пошли скорей, — прервал он, тяжело дыша.

Он заподозрил, что, быть может, уже поздно. Снова послышалось отдалённое жужжанье, замерцал всеобъемлющий свет, воскрешая переживания минувших семи дней, минувших сорока лет в странном металлическом жилище.

Он понял — сквозь туман, сгущавшийся в мозгу, — что сейчас может произойти нечто, чего она не должна видеть.

— Исабель, Исабель… — прошептал он, останавливаясь.

Он неистово сжал её в объятиях, на мгновенье решив не разжимать рук, чтобы унести её с собой или, если верх возьмёт её молодость, остаться здесь. Потом бросился бежать, не оборачиваясь, в поисках той загородной лужайки, где очнулся после своего немыслимого полёта во времени.

Он так и не узнал, добрался ли до этой лужайки. Когда он пришёл в себя, он был в своей эпохе, в своём городе, доме, комнате,

Вся дальнейшая жизнь Хулиана Сендера, первого и до сих пор единственного путешественника в четвёртое измерение, протекала под знаком несбыточной, недостижимой любви.

Близкие вспоминают о нём как о замкнутом меланхолике, молчаливом, безучастном, отрешённом от окружающей действительности; он бродил по городским окрестностям, сроднившись с безмолвием и сумерками; вечный бродяга без сна и отдыха, потерянный, лишённый воли к жизни.

В одиночестве следил он за мельканием дней и ночей, за медленной сменой времён года; он соразмерял пульс своего существования с календарём и часами. До 1995 года жизнь его обращалась вокруг не родившейся ещё женщины, чьё имя не знали даже её будущие родители — быть может, одна из тех влюблённых парочек, которых во множестве он встречал на каждой улице, в любом сквере.

В 1995 году — в каком месяце, какого числа? — родилась она. Он стал разыскивать её. Единственным его желанием было видеть Исабель маленькой девочкой, следить, как она растёт. Но он знал только имя, а ведь могло случиться, что детство её прошло в другом месте, и сюда она прибудет только через двадцать пять лет…

И прошло двадцать пять лет. Хулиан Сендер состарился. Мир, с которым он познакомился раньше всех людей, мало-помалу, незаметно вырастал вокруг него. Он узнавал его как отголосок давнего сна, как предвестника пророчества, как воспоминание о далёком происшествии.

Вот уже несколько месяцев он регулярно наведывался в парк, где когда-то встретил её. Долгие часы просиживал на той самой скамье, настороженный, в ожидании её прихода.

В тот день, прежде чем его глаза увидели Исабель, об её присутствии возвестило участившееся сердцебиение, удушливая горечь в душе — неосознанный протест против загубленной молодости, впустую потраченной жизни, бесцельной любви, бесплодного ожидания.

У него не хватило мужества подойти к девушке. Больше часа он, затаившись, наблюдал за ней и, когда она вышла из парка, пошёл следом, чтобы знать, где можно увидеть её ещё раз.

Исабель удивлённо смотрела на него тем самым мягким и светлым взглядом, который он пронёс в своей памяти через всю жизнь, тем самым чудесным взглядом, в котором он растворялся сорок лет назад.

— Известие для меня?

Хулиан кивнул.

— От кого?

— От особы, хорошо вам знакомой, которая причинила вам боль, но… Заверяю вас, это было абсолютно против её воли.

— Не понимаю.

Хулиан закусил губу.

— Хулиан Сендер, — сказал он.

Исабель пожала плечами.

— Не знаю такого.

Он смотрел на неё, ошеломлённый, сбитый с толку.

— Вероятно, — добавила девушка, — вы путаете меня с другой женщиной.

— Нет, нет… Исабель.

Она наморщила лоб.

— Да, меня зовут Исабель. Однако…

Хулиан вынул из бумажника фотографию сорокалетней давности.

— Вот он.

Девушка долго рассматривала фотографию. Наконец вернула её:

— Мне очень жаль. Но этого человека я никогда не видала и не знаю его.

Спустя два дня Хулиана вызвали в Институт хроноскопических исследований. Когда он назвал себя помощнику швейцара, тот поспешно провёл его к директору.

— Явились? — спросил тот, вставая навстречу Хулиану. — Слава богу. Разве вы не получили нашего извещения? Мы вызывали вас к семи часам утра. А сейчас уже без четверти восемь.

Хулиан пожал плечами. Он не ведал ни дня, ни часа.

— Хорошо, сеньор Сендер. По данным нашей картотеки через час с четвертью наступит минута, когда вы прибыли в наш теперешний год, две тысячи двадцатый, из тысяча девятьсот восьмидесятого.

Хулиан резким движением вскинул голову.

— Значит, я ещё не…

Но директор прервал его.

— Мы не знаем, что с вами может произойти, — сказал он нервно. — Элементарные меры предосторожности требуют поместить вас в нашу клинику.

Хулиан не слушал. «Так вот в чём дело, — твердил он про себя. — Исабель ещё не познакомилась со мной, а потому не могла узнать на карточке».

Смягчив своё горе этим слабым утешением, он дал отвести себя в операционную, где его с любопытством окружила группа взволнованных, врачей и медсестёр.

— Сюда, сюда, скорей, пожалуйста.

Едва он улёгся на носилки, чей-то голос объявил:

— Десять минут девятого. Осталось две минуты.

Через две минуты Хулианом овладело странное головокружение и он погрузился в глубокое забытьё. Словно он всё больше отдалялся от мира и от жизни. С последним проблеском сознания он подумал, что умирает.

Вернувшись к жизни после недельного летаргического сна, он понял: никто не может дважды пережить одни и те же дни. Время, когда он находился без сознания, полностью совпадало с тем, которое он провёл сорок лет назад в мире будущего. В мире будущего, который стал уже прошедшим и с каждой минутой отдалялся всё больше и больше.

Пока длилась его летаргия, Хосе, маленький школьник, столкнулся у двери бара с неизвестным молодым человеком. С молодым человеком, пережившим спустя четыре дня в страдании и наслаждении любовь своей жизни, свою единственную любовь. Безнадёжную любовь, которой не могли помочь никакие чудеса, никакие достижения науки.

Сославшись на усталость, Хулиан обещал вернуться через несколько дней, чтобы ответить на вопросы медиков, и ушёл.

Медленным шагом направился он к городу. Теперь он твёрдо решил ничего не говорить Исабели. Она в эти дни, конечно, страдает. Но рано или поздно его таинственное исчезновение в тысячу раз больше утешит её, чем жестокая правда.

Он шёл куда глаза глядят и неожиданно очутился на цветочном базаре, возле киоска старика, у которого то ли неделю, то ли сорок лет назад он покупал розы… Да, эти розы ещё были здесь.

Видя, что около старика никого нет, он робко подошёл.

— Что угодно сеньору?

Хулиан помедлил.

— Несколько дней назад… — выдавил он наконец. — Точнее, неделю назад, молодой человек, мой… мой сын заплатил за две розы и не взял их.

— Ах да, верно. Я помню.

Продавец окинул взглядом свои цветы.

— Вот эти самые. Уже немного увяли.

— Неважно. Можете вы мне их дать?

— Разумеется. О чём разговор.

Он подал розы Хулиану.

— Сколько я вам должен?

— Ничего, бог с вами, они ваши.

— Спасибо.

Хулиан поплёлся прочь.

Он медленно шёл домой, ощущая на плечах весь груз своей старости. Он сжимал в руках розы, которые уже немного завяли, пожухли, были на пороге умирания.

Придя к себе, он бросил их на стол, рядом с фотографией Хулиана Сендера, которым он уже не был. Несколько сморщенных лепестков опало…

Он подумал об Исабели. О своей чистой, страстной, обречённой любви. Тоска и скорбь в его душе уже не были тем отчаянием и тревогой, которые терзали его, когда дни, недели, годы он, размышлял о грядущей трагедии. Теперь его любовь отошла в прошлое, как любовь тысяч других людей. Она была неотъемлемой частью его жизни. Стала воспоминанием. И заняла своё место.

ЛИНО АЛЬДАНИ

КОСМИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ

В кабине космического корабля было очень жарко. Все трое, Рулк, Дзион и Командир, испытывали непривычное нервное напряжение. Равномерное, негромкое гудение приборов эту нервозность лишь усиливало.

— Опусти рычаг, — приказал Командир Дзиону, — Быстрее же, быстрее!

Но Дзиона била мелкая дрожь, и ему никак не удавалось сжать непослушной рукой рычаг.

Командир оттолкнул его и сам сел за пульт управления. Он схватился за рычаг и резко его отжал. Всё осталось по-прежнему, ровным счётом ничего не произошло. Разве что в кабине стало немного прохладнее.

Но Командира не покидало чувство тревоги.

— Включи экран! — приказал он Дзиону.

Тот нажал на кнопку, и сферический экран, плававший в центре навигационной кабины, ярко засветился.

— Эксперимент удался! — радостно воскликнул Командир. — Мы вошли в Параллельное пространство. Учёные не ошиблись.

— Значит, можно возвращаться? — робко спросил Рулк.

— Да ты с ума сошёл! — воскликнул Командир. — Ведь перед нами была поставлена не одна, а две задачи. Пока мы лишь установили, что бортовое гиперразмерное устройство может ввести нас в Параллельное пространство. Но осталась ещё вторая задача — произвести предварительное обследование планет Солнечной системы, не совершая на них посадки. Вот когда мы выполним и это, можно будет со спокойной совестью возвращаться.

Командир тщательно проверил пульт управления и отдал Дзиону новый приказ:

— Направление — ближайшая от нас планета. Включи гиперпульсионный двигатель!

Маска лежала на столе, и казалось, будто она ехидно ухмыляется. Увы, удачной её никак не назовёшь. Даже ребятишки из детского сада не нашли бы её занятной.

Стефано с досадой стукнул кулаком по склеенным кускам папье-маше. Потом тяжело поднялся, у него закружилась голова, а глаза прямо-таки слипались от усталости.

Он посмотрел на часы — скоро полночь. Отец и мать уже давно спят. А он всё ещё мучается над непослушными кусками папье-маше. Он, первый ученик в классе. Учителя говорят, что он наделён живым воображением и душой артиста, а вот сделать интересную маску ему никак не удаётся. Между тем в его родном городке Пьеве Лунга никто лучше его не лепит фигурки из глины и воска.

Нет, он должен, он просто обязан придумать совершено необыкновенную маску, чтобы в ней были и реальность, и выдумка, и фантазия. Иначе первой премии ему не видать. А он так о ней мечтает!

Три дня назад директор вызвал его и ещё шесть лучших учеников и поручил им отстоять честь школы на карнавале масок.

В Пьеве Лунга это один из самых любимых праздников, на него толпами стекаются и горожане, и жители ближних селений. В нём принимают участие художники, ремесленники, школьники, студенты — все, у кого есть способности к лепке и рисованию и, конечно же, вдохновение.

Учителя и товарищи дружно уверяли Стефано, что и тем и другим бог его не обидел. Почему же сейчас, в этот вечер, он не испытывает ни малейшего вдохновения и ничто остроумное, яркое, как на зло, не идёт ему на ум. Стефано было совсем отчаялся.

И тут часы в доме пробили двенадцать, эхом отозвались удары церковного колокола.

Стефано поднял глаза и вдруг в чернильной тьме окна увидел голову совы, огромную голову этой ночной птицы.

Стефано вскочил.

— О господи! — пробормотал он, судорожно протирая глаза. — Видно, у меня уже галлюцинации от усталости.

И тут его осенило. Он радостно прищёлкнул пальцами. Какая разница, настоящая ли это сова или же птица ему только померещилась — важно, что теперь он знает, какую сделать маску.

С удвоенной энергией он снова принялся за работу. Сделал основу из папье-маше, придав ей форму совиной головы, и тщательно проклеил. Потом стал рыться в комоде в поисках каких-нибудь перьев, но только настоящих. Однако ничего подходящего так и не нашёл.

Тут к нему вернулась вся его прежняя изобретательность. Он пробрался в кабинет отца и вскоре вернулся оттуда с чучелом фазана. Этот охотничий трофей составлял гордость отца. Стефано виновато посмотрел на чучело, словно перед ним была живая птица. Ласково погладил фазана по шее, а затем выдрал у него все перья до единого.

Перья были длинные, мягкие и на редкость красивые. Стефано не составило большого труда приклеить их к основе из папье-маше. Под его умелыми пальцами рождалась удивительная полуреальная-полуфантастическая птица. Особенно удачным получился клюв. Стефано удалось придать ему все цвета и оттенки клюва живого фазана. Оставалось лишь сделать светящиеся глаза. Стефано и тут не растерялся.

Он отыскал два маленьких круглых зеркальца. Они отражали свет и должны были произвести на зрителей особо сильное впечатление. В клюве Стефано проделал две дырочки, чтобы, надев маску на голову, можно было видеть всё происходящее вокруг.

Стефано вытер рукавом пот со лба. Кажется, маска удалась на славу. Он смотрел на неё, предвкушая свой завтрашний триумф на Главной площади, где обычно происходил карнавал.

Тёмные, извилистые улочки Пьеве Лунга показались Дзиону страшнее и загадочнее любого лабиринта. Но он уже успел многое увидеть и составил себе довольно чёткое представление об этой планете. Осторожно, бесшумными прыжками Дзион добрался до окраины спящего городка и по крутому склону помчался к магнитной шлюпке, которую спрятал в зарослях акации. Он быстро влез в неё и включил двигатель. Шлюпка по эллипсоидальной кривой взмыла вверх. Однако в полной темноте Дзион не заметил проводов высокого напряжения, и шлюпка, пролетая мимо высоченной стальной мачты, задела изоляторы.

На мгновение вспыхнули огоньки на пульте управления. Дзион ощутил невероятный жар в теле и чудовищной силы удар.

Всё произошло бесшумно и молниеносно. Шлюпка вместе с Дзионом дезинтегрировалась и распалась на миллиарды невидимых частиц. В этот момент Рулк на борту космического корабля сбросил шлем с наушниками.

— Командир! — крикнул он в ужасе. — Поток магнитных волн прервался!

Они не могли оставить Дзиона на произвол судьбы, но и приземляться им строжайше запрещалось.

— Планета уже почти завершила полный период вращения. Дзион давно должен бы вернуться на борт корабля, — задумчиво сказал Командир.

— Но мы не можем возвратиться без него, — отозвался Рулк.

— Не говори чепухи, Рулк. Улетим, и не медля.

— Без Дзиона?! Может, у него неполадки с двигателем и к тому же одновременно мог выйти из строя яедедвагаю. Вот он и не сумел с нами связаться. Разрешите мне отправиться в поиски?!

— Не говори чепухи, Рулк, — повторил Командир. — К несчастью, мы не сможем спасти Дзиона. Планета оказалась обитаемой, а Дзион по легкомыслию не взял даже пояса-невидимки. Его наверняка поймали жители этой планеты.

— Я отправлюсь на поиски Дзиона, — не сдавался Рулк.

— Да ты рехнулся!

Но Рулк упрямо стоял на своём. Командир задумался, потом устало махнул рукой.

Рулк бросился вниз по лесенке в отсек, где находилась спасательная шлюпка.

В центре площади был воздвигнут трёхметровый помост. За длинным столом восседало двенадцать членов жюри. Одна за другой на помост выходили маски. Постояв несколько секунд перед жюри, они спускались по лесенке и смешивались с толпой, запрудившей площадь.

С балконов и окон свисали яркие флаги. Треск кастаньет сливался с мелодичными звуками гитар и мандолин. Но стоило взойти на помост очередной маске, как все звуки заглушали громкие крики одобрения или недовольный гул сотен голосов.

Стефано завоевал первую премию. Жюри единогласно признало его победителем. И в самом деле, его маска была верхом выдумки и мастерства. Толпа бурно аплодировала.

Тогда Стефано снял свою маску с перьями и положил её на стол, чтобы все могли любоваться ею до самого конца карнавала.

Остальные маски пустились на площади в пляс. Огромные головы из папье-маше причудливо колыхались и дёргались в такт музыке. Этот удивительный танец масок длился всю ночь.

Тем временем Командиром, оставшимся в полном одиночестве, овладело отчаяние, лишь изредка сменявшееся робкой надеждой. Прошло уже немало времени, а Рулк всё ещё не давал о себе знать.

Но вот на экране радара замигала светящаяся точка — спасательная шлюпка возвращалась на орбиту космического корабля. Наконец в дверце герметического отсека показался Рулк.

— Ну, где же Дзион?! — прохрипел Командир.

Рулк устало прислонился к стене.

— Его уже нет в живых, — прерывающимся голосом ответил он. — Эти безжалостные убийцы выкололи ему глаза.

— В своём ли ты уме, Рулк? Быть того не может!

— Увы, это правда, Командир. Я сам видел отрубленную голову Дзиона. Вместо глаз ему вставили два круглых сверкающих камня. Бедный Дзион! — Рулк всхлипнул. — Его отрубленная голова лежала на грубом примитивном алтаре, а вокруг невообразимо чудовищные существа исступлённо дёргались в каком-то неизвестном мне ритуальном танце!

ЭМИО ДОНАДЖО

УВАЖАТЬ МИКРОБЫ

Насморк. О нём упоминалось в старинном документе, который прислал Звёздный университет. Микроб был отчётливо виден через предохранявшее его сверхпрочное стекло.

Несравненный Дарби, светоч медицины, величайший учёный и целитель, в десятый раз принялся разглядывать пожелтевший лист бумаги. Он покачивался в паровом кресле, стараясь принять менее удобное положение. У него был лёгкий приступ чрезмерного благополучия, весьма распространённого заболевания, которое он легко излечивал у других. Насморк. Эта проблема мучила его уже несколько месяцев — с тех пор как он занялся изучением древних болезней.

Очевидно, это был чудовищно сильный микроб! И род человеческий, наверно, терпел ужасные муки. У несравненного Дарби мурашки забегали по коже. Возможно, он сам — плод мутаций, вызванных этим страшным микробом. Указательным пальцем правой ноги он нажал кнопку на паровом кресле. Немедленно явился робот. «Год три тысячи пятый, день шестидесятый, двадцать часов, восемь минут…»

Несравненному Дарби с лёгкостью удалось избежать утомительных формальностей. Ведь обычно всякий, кто вызывает робота, принуждён выслушать сообщение о годе, дне, часе и местоположении. Но несравненный Дарби не ведал препятствий.

— Я бы хотел знать, — сразу же приступил он к делу, — что мы записали в последние дни относительно насморка?

— Это весьма древняя болезнь, — ответил робот. — Вчера господин в момент озарения открыл, что она вызывалась переохллл… Прошу прощения, это слово встретилось мне впервые, и мои рецепторы плохо его усвоили.

— Вызывалась переохлаждением. И всё?

— Да, всё, господин.

Несравненный Дарби отпустил робота-ассистента. Он с нетерпением ждал вызова. Случай необузданной любви или неотвязной тоски помог бы ему отвлечься на время от крайне утомительных исследований, связанных с этой загадочной болезнью. Но, увы, в последнее время свирепствовала эпидемия чрезмерного благополучия, а это его мало интересовало. Он предписывал таким больным кресла из твёрдых материалов, а в тяжёлых случаях — кровати с матрацами, и больные быстро выздоравливали.

Итак… насморк вызывался переохлаждением. Действовал он также и на голосовые связки. Доказательство этому он, Дарби, обнаружил в сохранившемся с незапамятных времён отрывке пьесы. Там была реплика: «Мама, я люблю тебя». А затем шла ремарка:

«Произносится так, словно у вас насморк: гама, я гублю тебя».

«До чего же страшной была эта болезнь, — подумал несравненный Дарби, — если наши предки сочиняли о ней пьесы».

Он вспомнил, что однажды при раскопках были обнаружены ампулы с наклейкой «Принимать в случае насморка». Конечно, в них был яд — несчастные больные, потеряв всякую надежду на выздоровление, кончали жизнь самоубийством.

Но несравненному Дарби, светочу науки, никак не удавалось понять точный смысл слова «переохлаждение». Вероятно, болезнь косила свои жертвы в те незапамятные времена, когда города ещё не были защищены куполами и смена времён года целиком зависела от природы. Можно также предположить, что «переохлаждение» — производное от слова «холод». Холод же — это чувство, которое люди испытывали, стоя у сильного источника тепла… Или, может, наоборот?

Он вызвал робота и потребовал объяснить ему, что такое холод.

— Холод, — повторил робот, — ощущение, связанное с внезапным или постепенным понижением температуры. Он вызывает побледнение кожи, а также замерзание наиболее распространённой жидкости, то есть воды.

Несравненный Дарби нахмурил брови. Что это за «понижение температуры»? За последнее столетие лишь дважды трескались купола, но это не вызвало никаких изменений температуры. Значит, люди болели насморком во времена всеобщей дикости.

В этот момент на вмонтированном в пол экране замигала лампочка срочного вызова и возник

силуэт робота. Очередной случай чрезмерного благополучия. И конечно, на другом конце города.

Он нажал зелёную кнопку, и паровое кресло превратилось в элегантный костюм, плотно облегающий великого светоча науки. Ароматная пневматическая труба молниеносно доставила несравненного Дарби в личный гараж у самой клиники. Двое роботов-ассистентов сели за пульт управления, и гелибус бесшумло выкатился на улицу. Как ни странно, но великий Дарби не почувствовал, что на город надвигается катастрофа. Он забыл первое правило, обязательное для каждого горожанина: «Когда на экране телерадиоканала автоматически появляется робот, немедленно отправляйтесь домой, так как происходит нечто весьма опасное и неприятное».»

У несравненного Дарби это правило совершенно вылетело из головы. Он попросил у одного из роботов-ассистентов успокаивающую таблетку.

— Мрррргаагаррр, — ответил робот-ассистент.

— «Это две первые ноты знаменитой восьмой симфонии «Кяокетавхе иреетржастаа», исполняемой марсианской рокгруппой «Сейчас мы вас оглушим», — недоумённо подумал несравненный Дарби. Но тут же решил, что робот неисправен.

Зато когда герой-ассистент завопил: «Нападающий Стальная грудь ворвался в штрафную площадку и сбил с ног левого защитника Убьюнаместе, он подправил мяч и хотел бить по воротам, но в тот же миг правый защитник ударил его по голове», — несравненный Дарби понял, что случилось что-то ужасное.

И в самом деле, произошло нечто такое, что прежде можно было увидеть только в научно-фантастических фильмах — отвалился кусок внешнего купола, прикрывавшего город, и в дыру… полил дождь!

Несравненный Дарби пришёл в совершеннейший ужас. Он был в целых трёхстах метрах от дома. В панике выскочил он из застывшего неподвижно гелибуса и помчался по улице.

Паровой костюм ограждал его от всех возможных неприятностей: от прикосновения робота и людей, от скверных запахов. Но, увы, он не мог предохранить его от дождя. Ведь об этом атмосферном явлении даже он, светоч науки, знал лишь из книг.

Домой несравненный Дарби вернулся промокшим до нитки. Когда он заметил, что его кожа покрылась пупырышками, ему сделалось дурно. Его знобило, временами он начинал бредить.

Авария была очень быстро устранена, однако несравненный Дарби ещё несколько дней не решался выйти из дому. Он не желал никого видеть и отказывался беседовать с кем-либо. А пока, в ожидании выздоровления, он снова занялся изучением насморка. Сейчас он впервые чувствовал себя в «шкуре» своих предков, хотя отлично понимал, что его болезнь бесконечно легче грозного насморка. Он вызвал робота и приказал ему:

— Бримеси мовые мадериалы про масморк.

ПРИМО ЛЕВИ

ПАТЕНТ СИМПСОНА

— Точно как в тысяча девятьсот двадцать девятом году, — говорил Симпсон. — Вы ещё молоды и не можете этого помнить, но поверьте мне: та же инертность, неверие, отсутствие всякой инициативы. В Америке, правда, дела ещё кое-как идут, но, думаете, они собираются мне помочь? Ничего подобного! Именно сейчас, когда совершенно необходимо пустить в продажу что-либо принципиально новое, знаете что предложило мне проектное бюро «Натка»? Вот полюбуйтесь.

Он вынул из кармана металлическую коробку и с досадой положил её на стол.

— Можно ли с любовью рекламировать эту чепуху?

— А что это за штука? — поинтересовался я.

— В том-то и дело, что этот прибор может делать всё и ничего. Обычно прибор или машина имеют узкую специализацию: трактор пашет, пила пилит, версификатор сочиняет стихи. А этот — может всё или почти всё. Его назвали Минибрен. Имя и то, как видите, подобрали неудачно — оно претенциозно и ни о чём не говорит. Даже не звучит — никакой привлекательности для покупателей. Это селектор с четырьмя каналами. Вы хотите узнать, скольким сицилийским женщинам по имени Элеонора сделали операцию в тысяча девятьсот сороковом году? Или сколько самоубийц с тысяча девятисотого года по сегодняшний день были левшами и одновременно блондинами. Достаточно нажать вот на эту клавишу — и вы мгновенно получите ответ. Но сначала надо ввести определённые данные, а это порядочное неудобство. Фирма упирает на то, что прибор портативен и дешёв. Всего двадцать четыре тысячи лир, дешевле японского транзистора. Но этого мало. Если в течение года фирма не предложит ничего пооригинальнее, я всё брошу и уйду на пенсию. Нет, нет, уверяю вас, я не шучу. К счастью, у меня на руках все козыри! И пусть это не покажется вам хвастовством, я способен на большее, чем рекламировать дурацкие селекторы.

Разговор наш состоялся на банкете, который «Натка» ежегодно устраивает для своих постоянных клиентов.

Я с любопытством наблюдал за моим другом. Несмотря на горечь, звучавшую в его рассказе, Симпсон не выглядел подавленным и мрачным; наоборот, он был необычно оживлён и весел. За толстыми линзами очков лукаво поблёскивали маленькие глазки. Я решил вызвать его на ещё большую откровенность.

— Я убеждён, что при вашем опыте вы не обязаны вечно рекламировать пишущие машинки и селекторы. Продажа сопряжена с такими трудностями, столько людей приходится держать в поле зрения, столько вас ждёт неожиданностей. Разумеется, на «Натке» свет клином не сошёлся…

Симпсон охотно меня поддержал.

— В том-то и дело. В правлении фирмы сидят слишком самоуверенные люди. Понятно, машины и приборы — вещи крайне нужные, от них во многом зависит наше благополучие, но не только они всё решают.

Симпсон говорил довольно туманно, и я решил предпринять новый зондаж.

— Что и говорить, человеческий мозг незаменим. Создатели электронного мозга часто об этом забывают…

— Не говорите мне о человеческом мозге, — неожиданно резко отозвался Симпсон. — Прежде всего он чересчур сложен, а потом ещё далеко не доказано, способен ли он понять самого себя. О человеческом мозге написаны горы книг, и тысячи фирм, как две капли воды похожих на «Натку», вовсю рекламируют свои подлинные и мнимые достижения в этой области. Фрейд, Тьюринг, кибернетики, социологи — одни стараются его препарировать, другие — в точности воспроизвести. Нет, у меня возникла другая идея.

Он помолчал, явно заколебавшись, затем наклонился ко мне и тихо произнёс:

— Впрочем, это уже не только идея, приходите ко мне в воскресенье вместе с супругой.

Симпсон жил на старой вилле, которую за гроши купил сразу после войны.

Он встретил меня и мою жену любезно и гостеприимно. Нам было приятно познакомиться с его супругой, худенькой женщиной, с уже начавшими седеть волосами, добродушной, скромной и очень милой в обращении.

Хозяева провели нас в садовую беседку, стоявшую у самого пруда. Завязалась дружеская беседа.

Однако Симпсон вёл себя довольно странно. Он вертелся, вскидывал глаза к небу, нервно раскуривал трубку и тут же её гасил. Казалось, ему не терпится поскорее перейти от любезной преамбулы к сути дела.

Должен признать, что обставил он этот переход весьма эффектно. Когда хозяйка стала разливать чай, Симпсон спросил у моей жены:

— Синьора, не хотите ли немного свежей брусники? Пониже холма, в долине, её тьма-тьмущая.

— Мне совестно вас затруднять… — начала было моя жена.

— Что вы, что вы! — прервал её Симпсон. И, вынув из кармана маленький инструмент, похожий на миниатюрную флейту, сыграл три ноты. Послышался лёгкий шум, рябь пробежала по воде, и над нашими головами пролетела стая стрекоз.

— Срок — две минуты! — с гордостью воскликнул Симпсон, засекая время по ручному секундомеру.

Синьора Симпсон смущённо улыбнулась и ушла в дом. Вскоре она появилась с наполненной водой хрустальной вазой и бережно поставила её на стол. На исходе второй минуты стрекозы, сотни стрекоз, возвратились. Словно эскадра крохотных бомбардировщиков, они повисли прямо над нами и, одна за другой стремительно пикируя вниз, стали бросать в воду ягоду за ягодой. За считанные секунды ваза до краёв наполнилась спелой, влажной от росы брусникой. При этом ни одна ягода не упала мимо.

— Ну как? Впечатляющее зрелище? — спросил Симпсон. — Возможно, опыту не хватает научной строгости и завершённости, зато ваша супруга и вы видели всё сами. Вот и скажите мне теперь, если можно прибегнуть к помощи стрекоз, какой смысл проектировать специальную машину для сбора брусники? И потом, вы уверены, что удастся создать машину, которая способна была бы собрать всю бруснику с двух гектаров леса за две минуты? При этом бесшумно, не расходуя ни грамма горючего и не сломав ни веточки? А стоимость, вы подумали о стоимости? Во сколько, по-вашему, обходится стая стрекоз, этих грациозных, изящных насекомых?

— Это искусственные стрекозы? — неосторожно спросил я, и, не удержавшись, испуганно взглянул на жену. Лицо её оставалось бесстрастным, но я чувствовал, что ей явно не по себе.

— Нет, натуральные. Они находятся у меня на службе. Вернее, я заключил джентльменское соглашение с ними.

Симпсон откинулся на спинку стула, наслаждаясь эффектом.

— Пожалуй, расскажу вам всё по порядку. Вы, наверное, читали гениальные работы фон Фриша о языке пчёл, о «восьмёрке» — танце насекомых, указывающих расстояние до источника питания и направление полёта? Я познакомился с работами Фриша двенадцать дет назад и был потрясён. С тех пор всё свободное время я посвящал изучению пчёл. Вначале я хотел лишь научиться разговаривать с ними на их языке. Странно, но до меня никто об этом не подумал. Идёмте, я вам что-то покажу.

Он показал нам улей, одна из стенок которого была заменена стеклом. Затем пальцем вывел на стекле наклонную восьмёрку, и тут же из летка с жужжанием вылетел пчелиный рой.

— Мне жаль было их обманывать. Сейчас на юго-востоке, в двухстах метрах отсюда, для них нет никакой пищи. Но теперь вы ещё раз убедились, что мне удалось преодолеть барьер непонимания между человеком и насекомыми. Труднее всего было вначале. Мне самому приходилось выделывать на лугу замысловатые восьмёрки. Пчёлы не сразу поняли меня, а со стороны это выглядело, конечно, смешно и нелепо. Позже я обнаружил, что можно обойтись обычным прутом. Ну а затем я научился вычерчивать восьмёрки и другие знаки их кода просто пальцем.

— А со стрекозами? — спросил я.

— Со стрекозами я пока поддерживаю лишь опосредствованную связь. Очень скоро, я понял, что пчёлы умеют исполнять не только танец «восьмёрки». Они знают и другие танцы — вернее, фигуры танца. Пока мне не удалось расшифровать смысл каждой фигуры, но я уже составил пчелиный глоссарий на несколько сот слов. Смотрите, эти фигуры соответствуют нашим понятиям солнца, ветра, холода, жары и так далее. А это — названия растений. Я выяснил, что пчёлы, чтобы передать информацию о яблоке другим пчёлам, выписывают двенадцать различных фигур — в зависимости от того, висит ли яблоко на старой, молодой, больной, здоровой, «культурной» или дикой яблоне. Им известны понятия «собирать», «жалить», «упасть», «летать». У «летать» в их языке есть огромное число синонимов. А вот между такими видами передвижения, как ходить, бежать, плавать, ездить, пчёлы различия не делают.

— А вы сами хорошо владеете языком пчёл? — поинтересовался я.

— Пока ещё неважно. Но зато вполне прилично их понимаю. Я воспользовался этим и уговорил их раскрыть секреты жизни пчелиного улья. Пчёлы поведали мне, как и в какой день они решают уничтожить всех самцов, когда матки вступают между собой в смертельный поединок, каким образом они определяют необходимое числовое соотношение между трутнями и рабочими пчёлами. Впрочем, некоторых тайн они так и не открыли: у пчёл очень развито чувство собственного достоинства.

— Скажите, Симпсон, а со стрекозами они тоже изъясняются на языке танца?

— Нет, пчёлы переговариваются с помощью танцев только между собой и, простите за нескромность, со мной. Что же до других насекомых, то пчёлы поддерживают отношения лишь с теми видами, которые претерпели значительную эволюцию, прежде всего с насекомыми, живущими коллективно. К примеру, они поддерживают довольно тесные связи, хотя не всегда дружеские, с муравьями, осами и стрекозами. В отношении же саранчи и вообще всех прямокрылых они ограничиваются короткими приказаниями. Так или иначе, но с другими насекомыми пчёлы переговариваются с помощью своих антенн. Это весьма рудиментарный код, но зато обмен сообщениями происходит столь быстро, что я просто не успеваю за ним уследить. Боюсь, что человеку это вообще не под силу. Впрочем, я не собираюсь вступать в контакт с другими насекомыми без посредничества пчёл. Это было бы непорядочно, и к тому же пчёлы очень охотно выступают в роли посредников, для них это своеобразное развлечение. Но вернёмся к «межнасекомовому», если так можно выразиться, коду. У меня сложилось впечатление, что это не подлинный язык с определёнными, строгими нормами, а способ общения, во многом зависящий от интуиции и фантазии «собеседников». Он чем то напоминает сложный и одновременно чёткий способ общения человека с собакой. Как вы, конечно, сами заметили, человеко-собачьего языка не существует; между тем обе стороны достаточно хорошо понимают друг друга. Но код насекомых значительно богаче и разнообразнее, в чём вы сами вскоре убедитесь.

Симпсон провёл нас по виноградной аллее, и мы не увидели там ни единого муравья, хотя Симпсон, по его признанию, не прибегал ни к каким дезинфекционным средствам. Его жена, объяснил он, не выносит муравьёв (при этом синьора Симпсон густо покраснела), и вот он предложил им такое соглашение: он позаботится о питании всех муравьиных гнёзд (это обходится ему ежегодно в две-три тысячи лир), а те обязуются не строить новые муравейники в радиусе пятидесяти метров от дома и перенести подальше все старые. Муравьи согласились на переселение. Но вскоре через посредство пчёл они пожаловались на неких муравьёв-львов, которые заполонили песчаную полосу возле леса. Симпсон сказал, что в то время он даже не подозревал, что речь идёт о личинках стрекоз. Он отправился на «место преступления» и убедился, что личинки действительно занимаются кровожадным разбоем. Песок был усеян коническими отверстиями. Стоило муравью подползти к краю отверстия, как осыпающийся песок увлекал его вниз. Из глубины высовывались кривые челюсти, и бедняге муравью приходил конец.

Симпсону пришлось признать, что жалоба муравьёв вполне обоснованна. Он испытывал и гордость и растерянность — ведь от его решения зависела добрая слава всего рода человеческого.

Осенью он собрал небольшую ассамблею.

— Это была памятная встреча, — продолжал свой рассказ Симпсон. — В ней приняли участие муравьи, пчёлы и стрекозы. Взрослые стрекозы вежливо, но с упорством защищали права своих личинок. Личинки не виноваты в том, что вынуждены таким путём добывать себе пищу. Передвигаться они не могут, и им ничего другого не остаётся, как устраивать засаду муравьям, иначе они погибнут с голоду, доказывали они.

— Тогда я предложил выделить личинкам соответствующую дневную порцию кормовой смеси, которую мы даём цыплятам. Стрекозы потребовали провести пробное кормление. Личинкам смесь пришлась по вкусу, и они обязались не устраивать больше засад муравьям. Тогда же я пообещал стрекозам особое вознаграждение за каждый вылет за брусникой. Вообще же стрекозы выносливее и умнее других насекомых, и я многого от них жду.

Симпсон объяснил также, что он не стал предлагать специальный контракт пчёлам — они и так крайне заняты. Сейчас он ведёт сложные переговоры с мухами и муравьями.

— Мухи на редкость глупы, и ничего особенно полезного от них не добьёшься. Всё-таки в обмен на единичную порцию — четыре миллиграмма молока в день — они согласились не залетать осенью в дом и в конюшню. Кроме того, я рассчитываю приспособить мух для передачи срочных сообщений; по крайней мере до тех пор, пока на вилле не установят телефон. Переговоры с комарами протекают не легче, хотя и по другим причинам. Эти паразиты не только ничего не умеют делать, но и не хотят и не могут отказаться от человеческой крови или по крайней мере от крови млекопитающих. А поскольку пруд рядом с виллой, комары доставляют изрядное беспокойство. Я посоветовался с местным ветеринаром и теперь намерен предложить комарам пол-литра коровьего молока на каждые два месяца. Путём добавления цитрата можно будет избежать его свёртывания. Может быть, эта сделка не так и выгодна, но всё же это лучше, чем опыление ДДТ. А главное — не

нарушится биологическое равновесие. К тому же новый метод может быть запатентован и затем с успехом применён в любой малярийной местности, — добавил Симпсон.

Он считал также, что комары вскоре сами убедятся, насколько выгоднее пить коровье молоко, не рискуя заразиться от плазмодиев. Я спросил у него, нельзя ли заключить договор о ненападении с другими паразитарными насекомыми, этим бичом людей и животных. Симпсон ответил, что дело это нелёгкое, но он уже подготовил проект договора с саранчей, одобренный ФАО, и намерен обсудить его условия с представителями саранчи сразу же после периода миграции.

Солнце уже закатилось, и мы вернулись в гостиную. Мы испытывали смешанное чувство восхищения и какой-то неловкости. Наконец жена решилась и, с трудом подбирая слова, сказала Симпсону, что он сделал крупное научное открытие и что во всех его начинаниях есть нечто поэтичное…

— Синьора, не забывайте, я прежде всего деловой человек, — прервал её Симпсон. — Кстати, о самом важном я вам ещё не рассказал. Прошу пока об этом никому не говорить, но моими опытами крайне заинтересовались руководители центра научных исследований фирмы «Натка» в Форт-Киддивэни. Я подробно информировал их о своих работах, не забыв, разумеется, получить соответствующие патенты, и, кажется, наметилась возможность соглашения. Посмотрите, что тут внутри.

Симпсон протянул мне картонную коробочку размером с напёрсток. Я открыл её.

— Там ничего нет, она пустая.

— Почти ничего, — поправил меня Симпсон.

Он дал мне лупу. На белом дне коробки я увидел крохотную, тоньше волоса, нить длиной примерно в сантиметр. Посредине можно было различить небольшое утолщение.

— Это резисторное устройство, — объяснил Симпсон. — Нить толщиной в две тысячных сантиметра, соединительная муфта — в пять тысячных сантиметра. Стоимость устройства — четыре тысячи лир, но вскоре она снизится до двух. Нить сплетена из коры лилий отборными муравьями. Летом я обучил этому десять муравьёв, а они передали свой опыт собратьям. Поверьте мне на слово — это редкостное зрелище. Два муравья хватают челюстями два электрода, третий зачищает их и скрепляет каплей смолы. Затем все три муравья погружают деталь на транспортёр. Втроём они собирают резисторное устройство за четырнадцать секунд, включая сюда неизбежные заминки в работе. Их рабочий день длится ровно двадцать часов. Правда, возникли трения с рабочими профсоюзами, но всё уладится. Ведь в отличие от рабочих сами муравьи вполне довольны. Они получают вознаграждение в натуре. Всего пятнадцать граммов еды на отряд из двухсот муравьёв. Но это втрое превышает количество еды, которое те же муравьи собирают в лесу за день.

Однако это лишь начало. Сейчас я обучаю новые отряды муравьёв другим «непосильным» работам. К примеру, созданию дифракционной решётки в спектрометре, а это тысяча восьмимиллиметровых полос.

Другому отряду я поручил ремонтировать микросхемы: раньше их в случае поломки выбрасывали на свалку. Третий отряд муравьёв учится ретушировать негативы, и, наконец, четвёртый — оказывать помощь хирургу при операциях на мозге. Кстати, уже сейчас можно сказать, что муравьи показали себя незаменимыми при остановке кровотечений в капиллярах. Достаточно немного подумать, и на ум придут десятки несложных работ, требующих минимальных затрат энергии, но практически невыполнимых для нас, людей, или связанных с чудовищными расходами. Увы, наши пальцы слишком велики и неуклюжи, а микроманипулятор стоит крайне дорого.

Я уже установил контакт с одной сельскохозяйственной станцией с целью проведения совместных опытов. Хочу обучить муравьёв разносить удобрения «по месту жительства», иными словами, по крупице удобрения каждому семени. Второй муравейник я натренирую санировать рисовые посевы, уничтожая ещё в зародыше сорные травы, третий — очищать зерно, четвёртый — производить микроклеточные впрыскивания… Жизнь так коротка. Я проклинаю себя, что поздно начал. В одиночку мало чего добьёшься.

— Почему бы вам не взять компаньона?

— Думаете, я не пытался… И чуть было не угодил в тюрьму. Как говорится: «Лучше миллион, чем компаньон»… С тех пор я предпочитаю работать один.

— Вас хотели арестовать?!

— Да, шесть месяцев назад, из-за этого О'Толле. Молодой, умный, энергичный, неутомимый, он был вечно одержим какой-нибудь идеей. Но однажды я нашёл у него на столе странный предмет — пластиковый шарик величиной с виноградину, заполненный жёлтой пыльцой. Только я поднёс его к

глазам, как в дверь постучали. Я открыл — и в комнату ворвались восемь агентов Интерпола. Мне пришлось нанять лучших адвокатов, в они с великим трудом доказали, что я ничего не знал.

— А что вы такое могли знать?

— Об этой истории с угрями. Конечно, они рыбы, а не насекомые, но тоже каждый год мигрируют огромными стаями. Так вот, этот чудак О'Толле сговорился с ними, хотя я платил ему очень прилично. Он подкупил угрей жирными мёртвыми мухами. Каждая рыба, прежде, чем пуститься в долгий путь к Саргассову морю, подплывала к берегу. О'Толле привязывал ей к спине шарик с двумя граммами героина. А в море их уже ждала яхта Рика Папалео. Теперь, как я уже говорил, все подозрения на мой счёт отпали. Но о моих опытах стало известно агентам финансового управления, и с тех пор они преследуют меня буквально по пятам.

Старая как мир история, не правда ли? Изобретаешь огонь и даришь его людям, а потом коршун всю жизнь клюёт тебе печень.

ЭРМАННО ЛИБЕНЦИ

АВТОЗАВРЫ

К середине двадцать первого века человек, столетиями служивший объектом пристального внимания философов, врачей, психологов, социологов, писателей и антропологов, утратил свою притягательную силу. О нём было известно всё и вся. Однако на исходе этого столетия в городе Футурополисе произошло удивительное и необъяснимое событие, поставившее в тупик многочисленных учёных.

Один из жителей города, проснувшись утром и ступив на пол, обнаружил, что его тело претерпело за ночь невероятную трансформацию. В течение нескольких месяцев подобная участь постигла и остальных его сограждан. Лишь совсем недавно, по прошествии многих лет, удалось полностью восстановить весь ход событий и в результате серьёзных, глубоких исследований понять природу этого сложного явления.

Начало странным превращениями было положено в первой половине двадцатого века, когда человечество стало производить в огромном количестве автомашины. В те времена это были всего лишь примитивные коробки на колёсах с грохочущими и весьма несовершенными двигателями. Однако бурное развитие техники позволило придать машинам более изящный вид, сделать их быстроходнее и удобнее. Слабым местом у автомашин неизменно оставался мотор, или, как его тогда называли, двигатель внутреннего сгорания, громоздкий, сложный по конструкции, быстро перегревающийся. К тому же он потреблял невероятное количество бензина, а его выхлопные газы отравляли всё вокруг.

В Футурополисе уже к 1970 году таких машин была тьма-тьмущая. Если в девятнадцатом веке в дилижансе или на велосипеде город можно было объехать за час, то теперь на это уходило не менее двух часов. Машины стояли на всех мостовых, захватывая порой и тротуары. В часы пик они двигались с черепашьей скоростью, обдавая прохожих зловонными газами. Казалось бы, жители города должны были испытывать к машинам если не отвращение, то по крайней мере неприязнь. На самом деле происходило совершенно обратное: каждый холил и лелеял свою машину, и имей он малейшую возможность, охотно поставил бы её в спальню на место матримониальной кровати.

В том же 1970 году во избежание полного хаоса на улицах муниципалитет Футурополиса решил построить огромные подземные стоянки и эстакады. Эффект был почти мгновенным: машины больше не загромождали улицы и движение стало упорядоченным.

Тогда-то крупнейшие автомобильные концерны под броским лозунгом *«Жёны, проснитесь, вы тоже имеете право на свою машину»* развернули шумную рекламную кампанию по продаже новых моделей. Были учтены все женские причуды и вкусы. Появились машины розового, лилового и фисташкового цвета, и даже шины стали делать зелёными или голубыми, а в приборный щиток вмонтировали флаконы духов и губную помаду.

Но вот прошло шесть лет. Все мостовые и даже тротуары Футурополиса снова были запружены машинами. Гигантский скачок техники привёл к созданию электромобилей; с компактным и мощным мотором, которые были гораздо проще и экономичнее в эксплуатации. Новые машины очень понравились жителям города, и к 2010 году их числе вновь удвоилось.

Теперь автомобильные концерны в своей рекламе делали упор на утончённость вкусов и элегантность:

«Элегантный мужчина имеет две машины, дневную и вечернюю», «И в сто лет старости нет, если у вас машина марки «БЭТ»!

Очень скоро положение стало поистине критическим. Машины стояли уже не в два, а в четыре ряда. Для движения оставался лишь узкий коридор, да и то лишь на самых широких улицах и площадях. Светофоры, бесполезные при этом беспорядочном скоплении машин, были заменены громкоговорителями. Водителям приходилось часами томиться в своих машинах, слушая джазовую музыку, последние известия, авторекламу и призывы к терпению.

Наибольшим успехом пользовалась программа «Гимнастика всегда и всюду». Долгие часы, проводимые в кабине, вынуждали владельцев автомашин разминать затёкшие ноги. Для этого рекомендовалось взобраться на крышу машины и проделать по команде из громкоговорителя комплекс гимнастических упражнений.

Автомобильные концерны быстро сориентировались в создавшейся ситуации и организовали новую рекламную кампанию под лозунгом:

«Забудем все неудобства и неприятности уличного движения в суперкомфортабельных машинах».

Теперь на мостовых и тротуарах уже в шесть-восемь рядов выстраивались машины с телевизором, душем, раскладными кроватями и электробильярдом.

В 2040 году уличное движение в Футурополисе застопорилось полностью. Тогда решено было пустить машины и по тротуарам. Редким пешеходам приходилось теперь пробираться к своим домам по крышам вытянувшихся в бесконечные ряды машин. Дабы избежать «пробок», машинам под угрозой весьма крупного штрафа было запрещено останавливаться более чем на десять секунд. После этого постановления мужья могли попасть домой лишь в том случае, если у порога их заранее ждала жена или кто-то из детей, которые мгновенно сменяли главу семейства за рулём. Если какой-нибудь заядлый холостяк всё-таки отваживался выехать на работу или за покупками в автомобиле, то кончалось это для него весьма плачевно; ему приходилось безостановочно кружить по городу двое-трое суток, прежде чем он находил автостоянку.

В случае аварии неумолимый закон предписывал идущей сзади машине толкать повреждённую. Автомобилисты так и делали. Однако не прошло и двух лет, как вышедших из строя машин стало вдвое больше, чем исправных, и тогда даже самые упорные владельцы отступились.

Дороги Футурополиса превратились в гигантское кладбище автомашин. Нужно было немедля найти какой-то выход: автомобильные концерны не могли смириться с прекращением производства, а двадцать миллионов жителей Футурополиса не могли без конца пробираться по крышам застывших в неподвижности машин.

Над разрешением этой проблемы бились самые совершенные счётно-вычислительные устройства и самые светлые умы страны. Спустя несколько дней выход был найден. В город прибыли большие дорожные машины, сотни инженеров и техников и тысячи роботов. Беспрерывным потоком шли самосвалы, гружённые песком, щебнем, галькой, горячим асфальтом. Всё это обрушилось на неподвижные машины и вскоре погребло их под собой. Затем катки, грейдеры и другие дорожные машины заасфальтировали новые улицы. Одновременно тысячи строительных фирм с невероятной быстротой надстроили все дома, переселив в новые квартиры жителей первых этажей, которые тоже исчезли под грудами песка, гальки и щебня.

Неделю спустя обитатели Футурополиса получили в своё распоряжение чистые, «поднятые» улицы без единой машины. Столь важное событие было отмечено парадом, красочным карнавалом и праздником песни, ему посвятили юбилейную серию марок.

И тут все снова бросились покупать машины, первое время спрос даже превышал возможности производства. Прибыли монополий достигли невиданных размеров. Но число машин росло и росло. По прошествии года движение в Футурополисе снова было полностью парализовано. Предложение заасфальтировать и второй этаж машин было с энтузиазмом встречено главами автомобильных и строительных фирм, но вызвало и многочисленные протесты горожан. Больше всего возмущались те, кто купил машины в последнюю неделю. При одной мысли, что их новенькие, стоившие немалых денег машины зальют асфальтом, они приходили в ярость.

Автомобильные компании выступили с предложением предоставить наиболее пострадавшим после новой асфальтизации право первыми купить машины. Таким образом, они смогут пользоваться вновь приобретёнными машинами не меньше года. Предложение было принято, и строительные и дорожные компании вновь взялись за дело.

Спустя десять месяцев обнаружилось одно любопытное явление: хотя движение на улицах было сильно затруднено, полного его паралича не наступило. Оказалось, что жители, наученные горьким опытом, не желали покупать машины всего на два месяца.

Все те, кто с нетерпением ждал дня очередной асфальтизации, на какой-то момент растерялись. Однако служащие рекламных бюро, подстёгиваемые страхом потерять работу, нашли, чем привлечь покупателей. В продажу поступила новая модель машины, названная сокращённо «ПИВ» («Прокатись и выбрось»). Машина была на редкость экономичной и стоила в шесть раз меньше предыдущей модели. Она имела корпус из пластика, а её двигатель мог проработать в лучшем случае два месяца. Каждый владелец «ПИВа» получал право одним из первых приобрести машину нормальной конструкции сразу после асфальтизации.

Идея оказалась плодотворной, вскоре уличное движение в городе вновь замерло, и вновь появились самосвалы с песком, щебнем и асфальтом. Итак, сложнейшая проблема городского уличного движения была разрешена окончательно и с блеском. Специалисты подсчитали, что при одноэтажной годовой надстройке в четыре метра по истечении века Футурополис поднимется на четыреста метров, а к 3044 году — на четыре километра. Подобная перспектива никого, однако, не испугала. Наоборот, многие даже заявили, что в высотном городе воздух будет более свежим и чистым. Археологическое общество утверждало, что автомобильные монополии оказали большую услугу человечеству и особенно потомкам, предоставив им богатейшие возможности для исследований и раскопок.

Наступил 2080 год. Благодаря бесконечным погребениям автомашин Футурополис вырос на сто пятьдесят метров. И вот в одно злополучное утро жизнь города резко изменилась. Ничем не примечательный его гражданин, проснувшись, увидел, что за ночь у него… исчезли ноги. На их месте «выросли» два больших чёрных колеса с шинами. Безымянный гражданин глухо вскрикнул и, разинув рот, уставился на себя в зеркало. «Что это? Что со мной теперь будет?» — пронеслось у него в мозгу. Он попытался шагнуть и, к своему изумлению, обнаружил, что отлично сохраняет равновесие. Он медленно объехал вокруг кровати — колёса отлично ему повиновались. Тогда он расхрабрился и стал ездить быстрее. Распахнул дверь и с радостным криком вылетел в коридор.

На крик выскочили его мать, жена и дети. Увидев, что у их отца и мужа вместо ног колёса, чада и домочадцы застыли в ужасе, но у самого пострадавшего страх уже прошёл. Он закружился вокруг стола, демонстрируя, сколь удобен и приятен новый способ передвижения.

В последующие дни такая же судьба постигла и других жителей Футурополиса. Месяц спустя уже у всех горожан на месте ног появились колёса с шинами.

Учёные не в состоянии были дать научное объяснение столь странному явлению. Они ограничились констатацией того факта, что граждане Футурополиса остались людьми, но, очевидно, принадлежат к совершенно новому виду. Отныне следовало говорить уже не о Homo sapiens, а о Homo avtarius; это последнее определение вскоре вошло во все энциклопедии и словари, а в обиходе таких людей стали называть автозаврами. Была произведена последняя, окончательная асфальтизаиия, все лестницы были сняты и заменены наклонными эстакадами, и автозавры стали полновластными хозяевами Футурополиса.

Лишь совсем недавно наука сумела как-то объяснить происшедшее: жизнь подвергается беспрестанной эволюции. В какой-то момент своей истории человек изобрёл колесо. Сначала для того чтобы перевозить грузы, а потом — чтобы перевозить и себя. С наступлением эры автомобиля человеку всё меньше и меньше требовались ноги. Он почти разучился ходить. Природа наделила живые существа способностью адаптации к новым условиям. Раз человеку не нужны больше ноги — появились колёса.

Так в 3080 году появились автозавры. Однако говорить о наступлении эры автозавров было бы явно преждевременно. Автомобильные монополии уже разрабатывают новый тип машины, способный воссоздать иллюзию пешеходной прогулки.

ДЖАННИ РОДАРИ

КАРЛИНО, КАРЛО, КАРЛИНО

или как бороться со скверными привычками у детей

— Вот он, ваш Карлино, — сказала акушерка синьору Альфио, который пришёл за сыном в родильный дом.

— Какой ещё Карлино?! Что за мания называть детей уменьшительными именами. Зовите меня Карло, Паоло или же Верцингеторикс. Пусть даже Леонардо, лишь бы это было полное имя. Ясно вам?

Синьор Альфио в изумлении посмотрел на младенца, который даже рта не раскрыл. А ведь возмущался явно он, именно его слова проникли синьору Альфио прямо в мозг.

Акушерка тоже услышала вопли младенца.

— Ого, такой маленький, а уже умеет передавать мысли на расстояние! — воскликнула она.

— А что ещё вы можете предложить? — послышался тоненький голосок. — Не могу же я пользоваться голосовыми связками, если их пока у меня нет.

— Давайте положим его в колыбельку, а там видно будет, — сказал синьор Альфио в ещё большей растерянности.

Младенца положили в колыбель, рядом с задремавшей матерью. Синьор Альфио подошёл к двери и велел старшей дочери выключить радио, чтобы оно не мешало новорождённому. Но Карлино тут же мысленно подал отцу экстренный сигнал.

— Папа, что это тебе взбрело в голову? Ты не дал мне послушать сонату Шуберта для арфеджоне.

— Для арфеджоне? — невольно повторил синьор Альфио. — Мне показалось, что это была виолончель.

— Конечно, виолончель. Теперь эту сонату, сочинённую Шубертом в 1824 году, кстати, в ля минор, исполняют на виолончели. Но задумал её Шуберт для арфеджоне. Это нечто похожее на большую шестиструнную гитару, созданную в Вене Иоганом Георгом Штауфером. Этот инструмент, именуемый «гитара дамур», или же «гитара-виолончель», не пользовался популярностью и вскоре был забыт. А вот соната очень приятная.

— Прости, откуда тебе всё это известно? — пробормотал синьор Альфио.

— О боже! Ты же сам поставил здесь этот книжный шкаф, — с помощью телепатии ответил младенец. — В нём лежит превосходный музыкальный словарь. Как же я мог не увидеть, что на странице восемьдесят второй первого тома говорится об арфеджоне?!

Синьор Альфио, естественно, сделал вывод, что его крохотный сын умеет не только передавать мысли на расстояние, но и читать нераскрытые книги. И это ещё не научившись читать!

Матери, синьоре Аделе, когда она проснулась, рассказали о странностях новорождённого. Рассказали со всяческими предосторожностями, но она всё равно разрыдалась. В довершение всех бед рядом не оказалось носового платка, чтобы вытереть слёзы. И вдруг ящик комода бесшумно открылся, и оттуда вылетел аккуратно сложенный носовой платок, выстиранный в мыльном порошке «Бронк», любимом порошке кастелянши королевы Елизаветы. Белоснежный платок опустился на подушку синьоры Аделе, а младенец лукаво подмигнул матери из колыбели.

— Ну как, понравился вам мой трюк? — телепатическим путём спросил он у присутствующих.

Акушерка воздела руки к потолку и в смятении выбежала из комнаты. Синьора Аделе тут же потеряла сознание. А синьор Альфио закурил сигарету и сразу же бросил её на пол — он совсем не то собирался сделать.

— Сынок, — вымолвил он наконец, — у тебя появились весьма скверные привычки, совершенно не совместимые с правилами хорошего тона. С каких это пор воспитанный ребёнок позволяет себе открывать без разрешения мамины ящики?

Тут в комнату вошла их дочка Антония пятнадцати лет и пяти месяцев от роду, прозванная в семье Чиччи. Она ласково поздоровалась с младшим братом:

— Чао, как поживаешь?

— В общем, неплохо. Вот только пока мне немного не по себе. Но ведь я впервые родился на свет.

— О, ты говоришь мысленно. Да ты молоток! Как это тебе удаётся?

— Очень просто — когда хочешь заговорить, закрывай рот, а не открывай его. Кстати, это и гигиеничнее.

— Карло! — гневно воскликнул синьор Альфио. — Не смей с первого же дня портить свою сестру, послушную, воспитанную девочку!

— О боже! — простонала синьора Аделе, придя в себя. — Что скажет привратница, что скажет мой отец, служащий банка, человек сурового нрава и твёрдых обычаев, последний потомок целого поколения кавалерийских полковников.

— Ну, привет, малыш, — сказала Чиччи. — Мне ещё нужно решить задачи по математике.

— По математике? — задумчиво переспросил Карло. — А, понял. Евклид, Гаусс и тому подобное. Но если будешь решать задачи по учебнику, который держишь в руках, учти, что ответ к задаче 118 неверен. Икс равен не одной третьей, а двум десятым.

— Он позволяет себе критиковать даже школьные учебники. Совсем как левые газеты, — с горечью сказал синьор Альфио домашнему врачу.

Они сидели в кабинете врача и беседовали, а в прихожей синьора Аделе развлекала младенца.

— Да, — тяжко вздохнул врач, синьор Фойетти. — Нет больше ничего святого. Эти беспрестанные забастовки. Кто знает, чем всё кончится? А тут ещё новый подоходный налог. Попробуйте найти служанку — ничего не выйдет. Полицейским запрещают стрелять, крестьяне не хотят разводить кроликов. И попробуйте дозваться слесаря-сантехника. Э, что говорить. Сестра, пригласите мать с ребёнком.

Попав в кабинет, Карло сразу догадался, что доктор Фойетти долгое время жил в Загребе, и потому мысленно обратился к нему на хорватском языке:

— Доктор, я испытываю боль при глотании пищи. У меня бывает отрыжка. Особенно, когда съем морковку или свёклу.

Доктор Фойетти, застигнутый врасплох, невольно ответил тоже на хорватском языке:

— Пожалуйста, прилягте на кровать.

Потом стукнул себя кулаком по лбу и, приободрившись, приступил к осмотру. Длился медицинский осмотр ровно два дня и шесть часов. Доктор выяснил, что младенец Карло сорока семи дней от роду: читает в мозгу доктора Фойетти имена всех его родных вплоть до четвероюродных братьев, а также впитывает в себя все научные, литературные, философские и футбольные познания, накопленные синьором Фойетти ещё со времён детства; обнаружил марку Гватемалы, погребённую под восемнадцатью килограммами медицинских томов; силою взгляда передвигает стрелку весов, на которых медицинская сестра взвешивает больных; принимает и передаёт радиопрограммы, в том числе на ультракоротких волнах, а также стереофонические записи; воспроизводит на стене телевизионные программы, явно выказывая нелюбовь к передаче «Рискни всем»; движением рук проделал дырку в белоснежном халате доктора; глядя на фотографию одного из пациентов, ощутил сильную резь в желудке и безошибочно определил у больного острый приступ аппендицита; на расстоянии поджарил в оливковом масле семечки.

Кроме того, младенец сумел подпрыгнуть с кровати на пять метров девятнадцать сантиметров, волевым напряжением вынул медаль святого Антония из коробки сигар, запечатанной тремя мотками скотча. Не вставая, снял со стены картину Джулио Туркато, оживил муляж черепахи, хранившийся в шкафу с медикаментами, и лежавшего в ванне барсука, намагнитил несколько увядших хризантем, придав им прежний свежий вид. Притронувшись к куску уральского самоцвета, рассказал наизусть историю русских художников-авангардистов начала двадцатого века. Ещё он сделал несколько птичьих и рыбьх чучел и остановил брожение вина.

— Тяжёлый случай, да? — тревожно спросил синьор Альфио.

— Почти безнадёжный, — пробормотал доктор Фойетти. — Если он так себя ведёт в возрасте сорока семи дней, то что же будет в сорок семь месяцев!

— А что с ним станет в сорок семь лет?

— О, к этому времени он уже давным-давно будет на каторге!

— Какой позор — для его дедушки-полковника! — воскликнула синьора Аделе.

— А нельзя пока что-нибудь сделать? — с надеждой спросил синьор Альфио.

— Прежде всего надо унести младенца в прихожую и сунуть ему полный комплект «Официального вестника». Тогда малыш отвлечётся и перестанет слушать наши разговоры. Попытаться стоит.

— Ну а потом? Когда он покончит с «Официальным вестником»? — допытывался синьор Альфио.

Тут доктор Фойетти что-то зашептал ему в правое ухо. Таким образом он десять минут инструктировал синьора Альфио, а тот в свою очередь нашёптывал полученные инструкции жене в левое ухо.

— Да это же просто и гениально, как колумбово яйцо! — радостно воскликнул наконец синьор Альфио.

— Какого Колумба? Христофора или же министра Емилио? — спросил телепатический младенец из прихожей. — Ссылка на кого-либо всегда должна быть точной.

Доктор подмигнул синьору Альфио и синьоре Аделе. Все трое улыбнулись и ничего не ответили.

— Я спросил, о каком из двух Колумбов идёт речь? — настаивал малыш, силою умственного напряжения проделав дыру в стене.

А они молчат словно варёные рыбы. Немного спустя малыш Карло, чтобы его услышали, жалобно захныкал:

— УУУУ-УУУ

— Действует! — возликовал синьор Альфио.

Синьора Аделе схватила руку доктора Фойетти и с жаром её поцеловала.

— Вы наш благодетель. Великое вам спасибо. Я впишу ваше имя в свой дневник.

— Ууу-ууу! — не унимался младенец.

— Действует!

Синьор Альфио от восторга закружился в вальсе.

И средство оказалось действенным. Весь секрет заключался в том, чтобы не отвечать на телепатические вопросы Карло. Вот ему и пришлось, как всем нормальным детям, объясняться с помощью звуков.

Малыши очень быстро воспринимают новое и ещё быстрее забывают. В шесть месяцев Карло даже не помнил, что ещё совсем недавно он всё ловил лучше любого транзисторного приёмника. Тем временем из дома вынесли все книги, включая энциклопедии, купленные в рассрочку. Теперь Карло уже не мог упражняться в чтении закрытых книг на расстоянии и, к великой радости родителей, быстро утратил такую способность. Прежде он успел выучить наизусть библию. А теперь начал её забывать. Наконец-то приходский священник вздохнул спокойно.

Три года Карло ещё развлекался тем, что силою взгляда подымал стулья, заставлял танцевать кукол-марионеток, очищал на расстоянии апельсины, сунув палец в нос, менял, лёжа в постели, пластинки в проигрывателе. Но потом родители отдали его в детский сад. Там он в первый же день решил повеселить своих новых друзей и показал им, как можно ходить по потолку вниз головой. В наказание его поставили в угол. Карло страшно обиделся и поклялся, что отныне будет прилежно вышивать бабочек, втыкая иглу в точечки, нарисованные для него на куске материи сестрой-монахиней.

В семь лет Карло пошёл в начальную школу и, не долго думая, посадил на учительский стол чудесную лягушку. Учительница вместо того, чтобы объяснить происхождение этих земноводных и рассказать, какой из них получается вкусный бульон, позвала сторожа, а Карло отправила к директору. Синьор директор доказал Карло, что лягушки — преглупые животные, и пригрозил ему исключением из всех школ Итальянской республики и всей Солнечной системы, если тот ещё раз позволит себе подобную выходку.

— Могу я хотя бы убивать микробов?

— Нет, для этого есть врачи.

Задумавшись над столь категоричным ответом, Карло по рассеянности взял и заставил розу

расцвести в мусорной корзине. К счастью, прежде чем директор что-либо заметил, ему удалось снова спрятать её.

— Иди, — суровым голосом сказал директор, показав указательным пальцем на дверь. Жест совершенно излишний — в кабинете была только одна дверь, и её трудно было спутать с окном. — Иди, будь хорошим мальчиком, и ты станешь утешением в старости для своих родителей.

Карло ушёл. Вернулся домой, стал делать домашнее задание и всё напутал.

— Какой же ты глупый! — сказала Чиччи, заглянув в его тетрадь.

— Правда? — с затаённой радостью воскликнул Карло. — Совсем глупый?

От восторга он пустил белку на письменный столик, но тут же сделал её невидимой, чтобы Чиччи не заподозрила недоброе. Когда Чиччи ушла в свою комнату, он попробовал снова материализовать её, но не смог. Попытался вызвать к жизни морскую свинку, ничего у него не вышло; жука-скарабея, блоху — безуспешно.

— Слава богу. Наконец-то я начал отвыкать от скверных привычек, — облегчённо вздохнул Карло.

Все теперь зовут его Карлино, а он даже не помнит, что прежде был очень этим недоволен.

БЕЛЬКАМПО

ДОРОГА ВОСПОМИНАНИЙ

Нередко считают, что газетные сенсации рассчитаны на людей низшего сорта, однако, несмотря на такое презрение, число любителей смаковать эти захватывающие сообщения не уменьшается.

Но если говорить всерьёз, то, наверное, так и надо относиться к событиям мирового порядка и уж никак не презирать за пристрастие к ним, ибо новости, ради которых, собственно, и стоит читать, газеты, из-за которых зачастую мы забываем о жене и о завтраке, есть не что иное, как рассказ о тех же мировых событиях, лишь с продолжением. Именно из событий мирового значения и рождаются сенсации. Новый день с новыми событиями приходит к нам ежедневно. То, что один предпочитает поглощать сенсационные новости, а другой известия, говорит лишь о разнице во вкусах, но никакого принципиального различия тут нет.

Любая молоденькая секретарша знает, как досадно, если срок её подписки на газету истёк раньше, чем закончилось печатание детектива. Но уж такова наша общая участь — чего-то мы непременно не дождёмся, Что же касается людей гениальных, то в отношении их это выглядит просто трагически. И в самом деле, трудно поверить, что Ньютон никогда не был в кино, а Тамерлан даже не видел танка. Правда, встречаются иногда провидцы, способные светом своего ума озарить будущее, такие, как Жюль Верн или ваш покорный слуга Белькампо (да и то лишь в первом томе своих сочинений). Так давайте же сделаем то, на что не решится ни одна девица: быстренько перевернём несколько страниц и тайком заглянем, что будет впереди.

Не ждите всеобъемлющего обзора мировой арены будущего — это было бы выше наших возможностей. Мы ограничимся лишь небольшим участком одной области науки — хирургией мозга.

Нет большего чуда, чем человеческий мозг. В опрокинутом кверху дном котелке, обладающем теплом, которого недостанет даже на то, чтобы зажарить ворону, мы храним самое сложное, самое хитрое и самое грандиозное из всего, что есть на нашей планете. Ошеломляющие достижения современной техники по сравнению с человеческим мозгом выглядят жалкими безделушками.

Впрочем, не будем тратить время на никчёмные сравнения, любой из нас знает по собственному опыту, что наш мозг — это бесконечность с мириадами образов. Словно факелом мы высвечиваем то одно, то другое полотно, а порой это даже не живописные полотна, — а целые фильмы, к тому же озвученные. С каждым днём появляются новые залы, новые пристройки к ним. И мы помогаем друг другу создавать эти новые сооружения. В мозгу образованного человека помещаются такие же, как в Амстердаме, проспекты, парки, а кое у кого и площади. И наука всё больше склоняется к убеждению, что они действительно там есть. Теперь уже известно, куда сделать укол, чтобы согнулась рука, и куда — чтобы разогнулось колено. Мы знаем также, вмешательство в какой участок начисто вычеркнет из памяти все французские слова, а в какой — заставит навсегда забыть, что за штука часы или бутерброд с маслом.

Каждая картина воспоминаний имеет своё закреплённое за ней место в сером веществе. Если прибегнуть к научной терминологии, она строго локализована, и первоочередная задача современных нейрохирургов — точнейшим образом определить эту локализацию, вернее микролокализацию. Где-то около 1965 года уже можно было сказать, что в таких-то поперечных извилинах такого-то участка коры головного мозга площадью в столько-то микрон лежит намеченная поездка в Арденны, а в пятой извилине десятого поля площадью в 20 микрон — футболист Абе забил гол.

Кроме того, наше сознание либо ковыляет, либо мчится галопом по лабиринтам мозга, посвечивая фонариком то туда, то сюда. Но бывает и так, что вы нажимаете одну кнопку, а вспыхивает целая вереница огней, словно цепочки уличных фонарей.

Наши картины воспоминаний держатся обособленно, сами по себе, но в то же время могут таинственным образом переплетаться между собой. Узы, связывающие наши мысленные представления, называются ассоциативными связями. Через них с огромной быстротой пролетает нечто вроде искры нашего сознания. Разумеется, сеть ассоциативных связей у одних людей богаче и сложнее, у других — проще: это зависит от степени образованности и развития интеллекта.

Всегда есть какие-то воспоминания, какие-то образы прошлого, которые не оставляют нас равнодушными. Эти воспоминания иногда делают нас печальными, а иногда весёлыми, несут с собой груз эмоций, которые тоже воспринимаются различными людьми по-разному.

Воспоминания могут быть хорошими и плохими. Последние, по счастью, постепенно утрачивают свою пагубную силу, отчасти потому что на них наслаиваются более поздние переживания, отчасти от того что человеку свойственно привыкать к своему горю. И всё же то тут, то там, могут возникать настолько тяжёлые воспоминания, что они на долгое время отравляют жизнь человека, и тогда он

заболевает. Что же в таком случае остаётся делать? В первую очередь закрыть вход в тайное прибежище воспоминаний, но это не всегда удаётся. Тогда человек обращается к помощи врача.

Одни медики прибегают в этом случае к мерам, укрепляющим, по их мнению, в пациенте дух сопротивления, они воскрешают в его памяти неприятные воспоминания, чтобы снять с них налёт кошмара. Другие — как приверженцы фрейдизма — избирают самоанализ — кропотливо длящееся годами мучительное самокопание в прошлом. Иногда врачи предпочитают молниеносную активизацию всех мозговых клеток посредством электрошока. В результате применения каждой из этих мер сама картина воспоминаний превращается в труху.

Гораздо более радикальным представляется метод, возникший в последние годы, который состоит в расселении ассоциативных путей во враждебной, назовём её так, области. Для этого достаточно полоснуть хирургическим ножом по нужному месту. Это называют лоботомией.

Резать наугад, конечно, нельзя. Необходимо оставаться в пределах белого вещества, массы, формирующей ассоциативные пути. Орудие хирурга перерезает несколько десятков тысяч таких путей и делает ненужное воспоминание недоступным для сознания, отгораживает его стеной рубцовой ткани.

В наши дни в ходу все эти методы. Последний метод, пока ещё недостаточно отшлифованный, представляется самым перспективным, ибо легко поддаётся техническому усовершенствованию, вершин которого мы даже не можем предвидеть.

Итак, никаких длящихся годами сеансов на диване, никаких сотрясающих мозг шоков, а всего лишь проведённая за один приём операция по удалению тайного передатчика. Операция безболезненная, потому что сам головной мозг боли не испытывает.

Подобно тому как зубной врач извлекает из десны гнилой зуб, так и хирург удаляет зловредную мысль, скорее всего с помощью электрокоагуляции или каких-нибудь ещё доселе неизвестных средств да ещё под руководством самого пациента. Если зубной врач по восклицанию пациента или по тому, как он вздрогнул, узнаёт, что нащупал необходимый нерв, то при мозговых операциях реакция будет иной.

— А сейчас, доктор, вы попали в мой огород, — или, — осторожней, доктор, теперь вы очутились возле Вилльема Молчаливого!

Быстрота реакции объясняется здесь просто: стоит скальпелю прикоснуться к какому-то участку коры головного мозга, как у пациента сразу же резко активизируется ощущение его клеток.

Исследования церебрального электрического поля помогут локализовать участки, связанные с определёнными комплексами, для подавления их химическими методами. Вся операция займёт не более часа и будет производиться амбулаторно, после чего пациент встанет и, облегчённо вздохнув, покинет операционную. И, как это обычно бывает, чем безопасней операция, тем больше расширяются показания для её проведения. Если вначале пациентами будут подлинно душевнобольные люди, то потом по мере совершенствования операционной техники станет возможным изымать из мозга не только неприятные, но и счастливые воспоминания.

Люди таким образом станут одним махом очищать свои мозговые клетки от всяческих помех. Чего ради годами терзаться угрызениями совести, если ничего не стоит их выковырять? Зачем вспоминать о том, что умаляет наше достоинство: провалился на экзамене, совершил неблаговидный поступок, потерпел позорное поражение в соревновании? К тому же всё это совпадает с эволюцией ведущей научной мысли: прибегать к операционному вмешательству не только в целях предупреждения болезни, но и для того, чтобы создать пациенту солнечное, радужное ощущение жизни. Те духовные раны, которые неизменно наносит жизнь, будут исцеляться без труда. Для обеспеченного человека станет возможным сохранять в течение всей жизни жизнерадостность и непринуждённое чистосердечие юности. Врачи будут вырывать с корнем всё, что омрачает настроение людей. Как сейчас вы приходите в зубоврачебный кабинет проверить свои зубы, так станет обычным представлять на осмотр нейрохирурга свой мозг.

Но увы! Эти дары науки быстро станут предметом иных злоупотреблений. Преступный мир станет использовать эти новейшие открытия в области медицины в своих корыстных целях — во избежание уголовной ответственности. Совершив преступление, первым делом будут стараться избавиться от воспоминаний о нём. Уж коли попадёшь в руки правосудия, так хоть не проговориться, а искренне выразить неподдельное изумление! У этих негодяев даже войдёт в обычай, лишь только они попадут под нож нейрохирурга, сразу же требовать удаления всех десяти заповедей.

В ответ на это в качестве контрмеры последует внесение в законодательство строгого предписания хирургам до операции знакомиться с содержанием того комплекса, который просят удалить. Ну конечно, уголовникам не останется ничего другого, как искать врачей с гибкой совестью, прибегать к помощи подпольных хирургов.

Случается, человек помимо воли становится свидетелем преступления. Прежде такого опасного свидетеля отправляли на тот свет. Теперь же столь крайние меры уже не понадобятся. Достаточно затащить такого злополучного свидетеля к подпольному нейрохирургу. Чтобы быть уверенным в том, что вырезано всё, что надо, без остатка, подпольные хирурги станут применять волеослабляющие средства. Жертва уже не в состоянии будет скрыть те комплексы, которые подлежат удалению.

Так возникнет возможность извлекать мысли человека по частям, разумеется, против его воли, что весьма важно в борьбе противоборствующих политических партий. Окажется, что вовсе незачем убивать своего идейного противника или гноить его в тюрьме, куда проще удалить из его мозга все его убеждения. Ничего не скажешь, огромный шаг по пути прогресса гуманизма!

В странах, где к власти придёт диктатор, таким методом будут производить массовые операции, чтобы искоренить из памяти народа воспоминание о предыдущем, более либеральном образе правления.

К 2000 году наука изыщет способ длительного хранения мозговых клеток, как известно наиболее чувствительных из всех тканей человеческого организма. Само собой разумеется, специалисты не преминут подвергнуть срезы мозговой ткани тщательнейшим исследованиям. Один из наиболее важных вопросов, которые предстоит решить, — это зависит ли дальнейшее поведение экстрагированной ткани от влияния психического содержания всего мозгового комплекса. И вот вдоль стен лабораторий выстроятся ряды банок с надписями вроде ***«Первая жена»-Б. Л., 35 л. (муж.), «Крыса в колыбели»-В. Б., 12 л. (реб.), «Алгебра» — П. Б., 17 л. (муж.), «Потеря портфеля» — А. С., 61 г. (муж.).*** Никого не удивит просьба срочно отнести к профессору «железнодорожную катастрофу» или «банку с молнией».

Итак, к 2040 году трансплантация мозговой ткани достигла чрезвычайно высокого уровня. Стало возможным переносить содержимое мозговых клеток из одного мозга в другой.

Профессор Ариенс Капперс разработал методы, препятствующие отторжению, что послужило блестящим завершением всего предыдущего решения проблемы. Стало осуществимым то, над чем учёные сознательно или подсознательно работали столько лет, — трансплантация памяти, приобщение к духовному миру одного человека мыслей и чувств другого. Отныне перед хирургами раскрылось новое обширное поле деятельности — удалив из мозга всё вредное и нежелаемое, они могут заполнять пробелы, перестраивать духовную жизнь пациента путём пересадки в его мозговые клетки комплексов из клеток другого мыслящего человека.

Представьте, что сейчас 2050 год, и весь наш предыдущий рассказ — не что иное, как дорога воспоминаний о наступлении новой эры человеческого прогресса.

Правда, этот путь был утомительно длинным, сопровождался мучительным скрипом зубчатых колёс, и всё же он неуклонно вёл всё выше, открывая всё более широкие горизонты.

Теперь в ходу торговля воспоминаниями. В Амстердаме даже открыто Центральное Нидерландское бюро мыслей. Как только достижения нейрохирургии стали достоянием широкой общественности, возник громадный спрос на приятные воспоминания. Вот когда стало очевидным, что люди, как правило, не удовлетворены своей жизнью и что ощущение неудовлетворённости, несовершенства жизни гораздо реже проявляется там, где присутствуют воспоминания, связанные с положительными эмоциями.

Покупка и продажа приятных воспоминаний упорядочены и узаконены. Понятие сугубо личного объявлено обветшавшим. Нельзя купить счастье, само по себе оно не является предметом купли-продажи, продаются и покупаются воспоминания, совокупность которых и может сделать счастливым. Оказалось, что при самом различном восприятии почти невозможно найти то воспоминание, которое одного человека сделало бы несказанно счастливым, а другого невыразимо несчастным.

Иными словами, люди чувствуют себя несчастливыми потому, что в большинстве своём не располагают определёнными воспоминаниями. И тут им на помощь приходит бюро мыслей. Кстати, следует отметить, что торговля мыслями смягчает социальные конфликты. Возьмём, к примеру, военную службу. Один её ненавидит, другой о ней мечтает. Что может быть проще и лучше, если первый, уходя в запас, продаст свой служебный комплекс тому, кто жаждет отбыть воинский долг? Точно так же и с материнским комплексом. Одна к нему тянется, другая считает его бременем. Или воспоминания, связанные с мучительными угрызениями совести, — кому-то они могут доставить радость.

В первые годы объявления о спросе и предложении появлялись в газетах, на стендах, в рекламных проспектах, потом торговля сконцентрировалась на бирже. Там можно встретить объявления вроде «Имеются в продаже приятные, но смутные юношеские воспоминания», «Воспоминания о встречах со знаменитостями», «Продаётся весьма популярный религиозный комплекс» и т. п. Были и

предложения особые, специальные. Эти драгоценные комплексы не только укрепляли счастье человека, но и отдавали ему целиком всё ощущение счастья другого. Сюда входили мгновения полного самоудовлетворения, ощущение всеобщего признания и, наконец, такой редчайший дар, как мгновения, когда душа человека открывается навстречу окружающему его миру. Я имею в виду величайшее счастье любви. Но приходится с сожалением констатировать, что как следствие возник новый вариант супружеской неверности. Морально неустойчивые отцы семейств стали приобретать фривольные воспоминания и слишком часто погружаться в них.

Продажа приятных комплексов на долгое время обеспечивала средствами. За них платили бешеные деньги. В итоге, как бы ни был огорчён бывший счастливец, расставшись со своим чудесным комплексом, он всё же уходил домой с немалой суммой, что само по себе уже служило ему утешением.

Тридцатипятилетний писатель, отец семейства, торопливо вошёл в дом. Прежде чем повесить пальто, он стряхнул с него снег. «Пальто напоминает спущенную с цепи собаку», — подумал он.

Вид у мужчины был озабоченный. В гостиной горела лампа. За столом жена занималась переделкой своего старого голубого платья. Дочери играли на полу с мячом, поочерёдно бросая его в деревянную фигурку. Немного помолчав, муж вынул из кармана две бумажки и положил их на стол.

— Завтра утром в половине девятого, — сказал он. — В. Г. Павильон № 3. Нас примут одновременно.

Жена вздрогнула и ниже склонилась над своим рукоделием. Он пристально посмотрел на неё, и она не смогла унять охватившую её дрожь.

— Но ведь мы договорились, — мягко сказал он, выдержав небольшую паузу.

— Одно дело сказать, другое — сделать, — тихо отозвалась она.

Не находя себе места, он продолжал стоять посреди комнаты, казалось, он искал поддержки у знакомых предметов. Сколько раз они об этом говорили! Сколько обсуждали! Чего только он за это время не продал: путешествие в Далмацию, каникулы на Корсике, карнавал в Риме, забавное приключение с очаровательной наездницей, радость первых успехов на литературном поприще! Он не помнит даже, что написал. Остались только названия в записной книжке. И вот теперь надо пожертвовать друг другом. Иного выхода нет. Он должен закончить свой роман, на это понадобится не менее года, год работы без забот о заработках. Его будущая книга — шедевр, которым он потрясёт мир! Имеет ли значение всё остальное?!

Писатель должен выплеснуть ту таинственную Жизнь, что зреет в глубине его души. В этом ему удалось убедить жену, так по крайней мере ему казалось. А сейчас её бросает в дрожь при одной мысли о предстоящем.

Прийти к такому решению было нелегко. Всё, чем они были друг для друга, чудесное начало их любви, тысячи мельчайших подробностей: взгляды, ласки, подступавшие к горлу слёзы радости, наслаждение… Отказаться от всего этого, продать воспоминания и остаться один на один со своими разочарованиями, редкими заботами, ссорами. Но вот как раз этого последнего она и не захотела. «Тогда надо расстаться и с соседним комплексом, — сказала она, — или я тебя возненавижу».

Итак, им придётся изгнать из своих душ и всё остальное, всё до конца. Кроме воспоминаний о детях. Их надо пощадить. Они много раздумывали над тем, как спасти свои воспоминания; может, записать их все от начала и до конца, до последних дней. Он предложил, пусть один из них отправится на операцию месяцем позже другого, чтобы успеть передать свои воспоминания. Но она на это не согласилась.

— Как бы тесно ни переплелись наши переживания, всё-таки они разные. Я не могу дать тебе твоё восприятие, а ты мне моё. Останутся карикатурные обрывки. Нет, лучше раз и навсегда расстаться со всем.

Так и порешили. А теперь у неё дрожат руки, и лицо своё она прячет от него, своё чистое, прекрасное лицо, которое всегда трогало его выражением доброты и твёрдости. Серьёзная от природы, она умела и посмеяться, да ещё как!

Глупо, что раньше это было само собой разумеющимся и он не замечал таких простых вещей. Только теперь, когда ничего уже нельзя изменить, многое проступило особенно ярко. Интересно, испытывает ли она такие же чувства? Вряд ли. Какие у него теперь достоинства? Раньше была любовь, которая всё идеализировала, всё оправдывала, не отличая настоящих добродетелей от воображаемых. Позвольте, но ведь люди воздавали хвалу его творчеству! Уж не та ли он самая невзрачная ракушка, что скрывает в себе жемчужину? Он, как и ракушка, ничего собой не представляет, ценна лишь жемчужина, от которой ему рано или поздно необходимо избавиться.

Пожалуй, сравнение удачное. Но ведь он не только требует жертв, а и сам их приносит. Лишается воспоминаний о лучшем, что подарила ему жизнь. Может быть, она считает, что для него семейное счастье не столь всепоглощающе, как для неё, и в этом кроется источник её безысходной тоски? Откуда ей знать, что значит для художника его творчество! Впрочем, он и сам не очень-то в этом разбирается.

Неожиданно для себя он ощутил, что проголодался.

— А не поужинать ли нам? Девочки лягут спать, а мы с тобой проведём вдвоём последний вечер, — сказал он как можно мягче.

Она вздохнула и поднялась с места.

— Убери это отсюда, — сказала она, указывая на бумажки. — Я буду накрывать на стол.

Этими словами она как бы отстранилась от ответственности за предстоящее. Она даже прикасаться не хотела к этим купчим на продажу их душ.

Случайный прохожий при взгляде в окно, за которым вокруг стола сидела за ужином семья, был бы, несомненно, растроган картиной счастливой семейной идилии.

— Вы почему сегодня молчите? — неожиданно спросила старшая дочь.

— У мамы разболелся зуб, — нашёлся отец, — а для вас иногда и помолчать даже полезно.

Сказав это, он и сам удивился, как удачно подыскал ответ. Ужин они закончили в полном молчании.

— Девочки, быстро спать. Пожелайте папе спокойной ночи.

Церемония прощания прошла как обычно, и он проводил детей без особого волнения. Они-то ведь останутся в его памяти.

Пока жена наверху укладывала девочек спать, он торопливо собрал со стола посуду. Прочь всё это, прочь воспоминания об этом злосчастном ужине! Теперь они проведут остаток вечера вдвоём, забившись каждый в свой угол, недоступные друг другу, и любая попытка завязать разговор ещё больше усилит отчуждение. Неужели она будет опять растравлять его рану? Прежде она была не такой. Если, бывало, и ссорились и он обижался на неё, она никогда не теряла самообладания. Обида проходила, а любовь усиливалась. Но это было раньше, а сейчас перед лицом такого страшного испытания?..

Он со страхом ожидал её возвращения из детской, утешало только сознание, что завтра утром он навсегда расстанется с воспоминанием об этом вечере. Что-то она долго, дольше обычного не спускается вниз. Верно, сидит возле кроваток, опустив на руки лицо, переводя заплаканные глаза с одной девочки на другую. Но нет, она уже внизу. На кухне. Хлопнула дверца буфета, что-то ищет. Разговаривает сама с собой. Звякнуло стекло. Неужели она… А вдруг у неё там яд! При этой мысли его затрясло как в лихорадке. Может быть, все эти годы она была так безмятежно спокойна, так радовалась жизни потому, что хранила бутылочку с ядом. На всякий случай. А если такой случай настал? Если она решила расстаться и с прошлым и с будущим?!

Может, надо вмешаться? Но имеет ли он теперь на это право? Всё равно что столкнуть человека в воду, а потом бросать ему спасательный круг.

Дверь отворилась, и она вошла, держа в одной руке два рюмки, а в другой бутылку ликёра «Vieux cure», которая давно хранилась для особого случая. Не глядя на него, она поставила бутылку на стол и пододвинула ему штопор.

Наверное, не может решиться… Вот и стоит, слегка подавшись вперёд, словно испытывая смущение. Он ничего не может сказать, он раздавлен, но чувствует, что любовь к ней захлёстывает всё его существо.

— Открой же, — приказала она с лёгким нетерпением.

Он взял её за руку и нежно привлёк к себе. Не выпуская из объятий, откупорил бутылку. Дал ей первой вдохнуть тонкий аромат драгоценной влаги. Она засмеялась. У неё ещё хватает мужества смеяться! Потом он налил себе и ей. Она залпом осушила свою рюмку.

— Ликёр так быстро не пьют, — укоризненно сказал он.

— Ну и пусть, а мне хочется. — Она развеселилась, притянула его к себе за волосы и поцеловала.

— А теперь давай составим завещание. Впишем самые драгоценные для нас воспоминания. В первую очередь о зеркале, в котором ты меня увидел и сразу влюбился.

Их первая встреча произошла на шестьсот пятьдесят первом аукционе у Мак ван Вайя. С тех пор эту цифру они считают для себя счастливой. Они были тогда ещё незнакомы и находились среди публики. В секции старинной мебели продавалось зеркало времён Людовика XVI, его подвесили для всеобщего обозрения так высоко, что в нём отразился весь зал. И вдруг они увидели в нём друг друга. Затаив дыхание, изумлённые, не отрывали они взглядов от волшебного стекла. Зеркало оценили в пятнадцать гульденов. Цена стала подниматься. Тридцать, сорок два, сорок четыре, сорок шесть — никто больше не прибавлял. Аукционер произнёс: «Сорок шесть, кто больше? Раз… два… три», — и опустил молоток. Когда зеркало сняли, ей показалось, что произошло страшное бедствие. А он, испуганный и огорчённый не меньше, чем она, закричал «моё!» в тщетной надежде унести вместе с зеркалом и отражение, закричал так громко, что все, кто был в зале, обернулись в его сторону.

— Не успел я подумать, как же быть дальше, как ты подошла к конторе, откуда я выносил своё приобретение, а потом пошла рядом со мной и как бы между прочим обронила: «Я ведь тоже участвовала в покупке зеркала».

— А ты в ответ кивнул на зеркало и сказал: «Оно тоже участвовало в покупке», потом взял меня под руку и мы пошли дальше. О как мы были счастливы!

— А ты сказала, что теперь понимаешь, каким образом в Древнем Риме купленная на невольничьем рынке рабыня превращалась в госпожу и почему дочь проконсула для достижения своей цели позволила себя продать.

— И эту легенду ты довольно скоро претворила в жизнь. Мы и двух улиц не прошли, как я уже был твоею собственностью.

— Но когда мы оказались у тебя, ты сразу повёл себя весьма бесцеремонно. Ты, конечно, мне нравился, не отрицаю, но это совсем не значило, что со мной можно обращаться как с только что купленной невольницей.

— А ты, уходя, сказала мне, что тебе нужно идти домой к родителям, но я должен помнить, что ты остаёшься моей собственностью. И тут ты всё-таки позволила мне быть бесцеремонным, а потом я остался один и был безмерно счастлив. — Кем должен быть тот, кто всё это купит? Чем заслужил?

— Он должен быть женихом. А его невеста, когда узнает, в каком экстазе я тогда мчалась домой, сразу же позабудет обо всём на свете. Пусть только поостережётся и не наделает кучу глупостей.

— Я убеждён, что наши воспоминания обновят чью-то жизнь и сделают её счастливой.

— Может, в этом и состоит наша миссия? Мы испытали огромное чувство, а теперь отдаём его другим, чтобы им помочь, чтобы пробудить такое же чувство в них… Пусть же их счастье послужит нам утешением…

Потягивая ликёр, они стали вспоминать, как происходило их сближение, о первых днях знакомства, о первых месяцах совместной жизни.

— Помнишь, как однажды ты, глядя на потолок, сказал: «Блаженный Августин считал это грехом, ты — реализмом, для меня это сюрреализм. Нам выпала судьба представлять целое явление в развитии искусства.

— А помнишь, в липовой роще?..

— А помнишь, в пляже в Занфорде?..

— А на Зюдерзее в трескучий мороз?

— А помнишь, в купе поезда Амстердам — Утрехт мы целовались возле окна.

— Какой-то крестьянин погрозил нам вслед косой, а другой подбросил в воздух шапку!

— Этот тип, что купит наше прошлое, конечно, полное ничтожество. Нам надо запросить с него как можно больше. Может, не продавать всё сразу?

— Не выйдет. Покупатель приобретает абонемент и полностью его оплачивает.

Бутылка с ликёром наполовину опустела.

— А у нас впереди ещё ночь, — она пылко поцеловала его.

И наступила ночь… Как финал сонаты, в котором каждый мотив возвращается назад, а всё вместе замыкается мощным звучанием оркестра.

Сон был слишком коротким, чтобы восстановить их силы. День занимался, как глухая пелена, за которой не было ни утра, ни вечера.

Пока он брился, она поставила на стол молоко и тарелку с бутербродами и крупным детским почерком написала: «Мы будем через час». Потом они тихонько вышли на лестницу, плотно прикрыв за собой дверь.

Они молча шагали под хмурым небом раннего утра, ноги месили грязный снег, дождевые капли скатывались по лицу. Они уже подходили к месту. Оставались всего лишь четыре драгоценные минуты. Пережить их в одиночку было невозможно. Они взялись за руки и, тесно прильнув друг к другу, пошли дальше, как на эшафот, он вёл её, она — его.

Вот и вход в поликлинику. Ещё шестьдесят шагов вместе, пятьдесят, сорок пять, тридцать пять. Последнее объятие, последнее прикосновение к тёплым, нежным губам. Прощальный взгляд издали.

Он ещё мог схватить её за плечи, увести домой, расторгнуть сделку… Но надо быть твёрдым…

Час спустя из здания поликлиники, насвистывая, вышел жизнерадостного вида мужчина. Взгляд его рассеянно перескакивал с задорно чирикавших воробьёв в глаза проходивших девиц.

Мужчина шёл домой, к детям. Чем ближе, тем нетерпеливей его шаг. Он открывает дверь. Девочки в пижамах бросаются ему на шею. Он подхватывает их на руки и сваливает в кучу на диван. Завязывается весёлая потасовка. Кем-то задетая падает со стола тарелка.

— Ой, разбилась, что теперь скажет мама? — воскликнула девочка постарше. — А где же она?

— Понятия не имею, — отозвался отец. Да, но откуда же тогда у него дети? Глупо, но он этого не знает. Да ведь он только что из павильона номер три. Неужели хирурги оплошали и оставили детей только за ним? Как бы там ни было, но он отец этих крошек.

Внизу позвонили. Он спустился открыть дверь. Молодая дама взбежала наверх в детскую с таким радостным, лучившимся счастьем лицом, что дети не сразу узнали её.

— Доброе утро, Аннелиза, доброе утро, Жаннет.

— Мамочка, какая ты сегодня красивая! — закричала старшая. — Ты была в парикмахерской? — А потом смущённо добавила: — А мы тут тарелку разбили.

— Ну, мало ли на свете тарелок. А кто этот господин? Это вы с ним набедокурили?

— Кейс де Йонг, — представился он, подойдя поближе и протягивая ей руку.

— Мисс Брауэр. — Это была её девичья фамилия.

— Отец этих девочек.

— Мать этих девочек.

— Да чего вы ссоритесь? Помиритесь и поцелуйтесь, — вмешалась старшая. — Мы тут так хорошо играли. Давайте поиграем все вместе.

В доме весь день царил весёлый беспорядок, который обычно бывает в холостяцких домах.

Когда девочки улеглись, он, к своему удивлению, обнаружил на кухне полбутылки ликёра и торжественно принёс его в гостиную.

— Выпьем в знак знакомства?

Она согласно кивнула.

Утром их разбудил почтальон. Чек на пятнадцать тысяч гульденов положил конец финансовым затруднениям.

Была ли опубликована его книга, которой надлежало стать бестселлером, я не знаю, но мне известно, что он написал рассказ, где подробнейшим образом изложил все перипетии своей брачной жизни после операции, и что это творение купил у него Американский синдикат воспоминаний, дабы размножить его миллионным тиражом.

Какие это принесёт плоды? Даже самый гениальный человек не сможет точно ответить.

ТУР ОГЕ БРИНГСВЯРД

БАРАШЕК, РОЗА И ТРИ МАЛЕНЬКИХ ВУЛКАНА

Жил-был один француз.

Он был лётчиком и писателем.

Никто не умел писать о песке, ветре и звёздах так, как он.

Его звали Антуан де Сент-Экзюпери.

Однажды он совершил вынужденную посадку в Сахаре. Там он встретил Маленького принца. Принц прибыл с астероида B-612, он пережил много удивительных приключений на нашей Земле и в других местах. Антуан написал книгу о своём друге. Эта книга полна улыбки и грустной поэзии.

Много лет спустя один норвежский мальчик прочёл эту книгу и крепко полюбил лётчика и Маленького принца. Но к тому времени принц давно уже возвратился на свою звезду, а писатель умер.

В пятницу 31 июля 1964 года я прочёл в газете, будто бы Антуан де Сент-Экзюпери покончил жизнь самоубийством.

Я не мог в это поверить.

Три года я искал ответ. Наконец месяц назад понял, как всё было на самом деле.

Я знаю, что мой ответ правильный. Тем самым все остальные предположения можно считать опровергнутыми.

Очевидно, вышел из строя змеевик.

Я улёгся в тени под машиной и стал ждать помощи. Рано или поздно кто-нибудь появится, так уж заведено.

От Тунчала до Эль-Амана сто сорок километров. Дорога пыльным шнуром протянулась от горизонта до горизонта. Я проехал ровно половину, и на всём пути мне никто не встретился.

Когда я проснулся, солнце уже зашло. Я вылез из-под машины и встал. Вечер был прохладный. Лёгкий ветерок ласкал лицо и теребил ворот расстёгнутой рубашки. На востоке ползла по песку луна.

Еды у меня не было, зато воды на два дня. О том, чтобы куда-то идти, нечего было и думать. И ведь я стоял на дороге, так что рано или поздно… Мне не было страшно. Только досадно. Я говорил себе, что мне нечего опасаться.

К вечеру следующего дня вода была выпита, а мне всё хотелось пить. Я сидел в машине и обливался потом. Было так жарко, что кровь закипала.

Наконец солнце закатилось в песок. Настала ночь, прохладная, полная звёзд. В лунном сиянии уходила вдаль светлая дорога. Я чувствовал себя так, словно пришёл из другого века. Автомобиль ещё не изобретён. Моя машина — единственная во всём мире. Завтра дотолкаю её до Эль-Амана, возьму патент и стану миллионером. Я барабанил пальцами по капоту и напевал что-то отдалённо напоминающее самбу.

На другой день я начал смеяться.

На закате в пустыне показался маленький человечек. Я сидел у машины в позе лотоса и почёсывал спину.

Это был арабский мальчуган. На нём была странная голубая мантия с красными отворотами. Шея обмотана длинным жёлтым шарфом. В руке он держал саблю.

Рассмотрев цвет его волос, я понял, что это мираж. Правда, говорят, будто в некоторых племенах попадаются светловолосые бедуины, но тогда я этого не знал. И спокойно продолжал почёсывать спину.

Мальчик подошёл ко мне и сказал:

— Мне тоже хочется пить. Пойдём поищем колодец.

Я устало развёл руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но всё-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча. «Я сошёл с ума, — говорил я себе. — У меня лихорадка от солнца, сознание помутилось от жажды. Иду по Сахаре, и в бреду мне мерещится, что кто-то идёт рядом со мной».

— Тебе тоже хочется пить? — спросил я.

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу…

В тот раз я его не понял.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звёзды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно…

Я глядел на волнистый песок, освещённый луною.

— И пустыня красивая, — прибавил он.

Это правда. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И всё же тишина словно лучится…

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — спросил он. — Где-то в ней скрываются родники…

Потом он уснул, я взял его на руки и пошёл дальше. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер.

На рассвете я увидел колодец.

Он был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но деревни тут нигде не было, и я подумал, что это сон.

— Как странно, — сказал я мальчугану, — тут всё приготовлено: и ворот, и ведро, и верёвка…

Он засмеялся, тронул верёвку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал мальчуган. — Мы разбудили колодец, и он запел…

Видно, я уснул возле колодца. А когда проснулся, рядом никого не было. Неподалёку сохранились развалины древней каменной стены. Я пошёл туда. Подойдя поближе, я услышал голос.

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Чужой голос ответил, но так тихо, что я не разобрал слов. Я побежал. И тут я их увидел. Мальчуган сидел на стене, а под ногами у него качалась ядовитая жёлтая змея. Нащупав в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змея тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеёк, и с еле слышным металлическим звоном скрылась между камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего маленького друга. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш? — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Он серьёзно посмотрел на меня и обвил мою шею руками.

И вдруг я догадался, кто он. И он понял, что я догадался. Тихо улыбнулся и сказал:

— Сегодня я вернусь домой.

Мы сидели на песке, разговаривали. И он рассказал мне про барашка, про розу и про три маленьких вулкана.

— Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, — говорил он, — хорошо ночью глядеть в небо. На каждой звезде есть цветы.

Внезапно я вспомнил Его — лётчика. И сказал:

— Жаль, что он умер. Ему так хотелось снова встретить тебя. Он просил весь мир помочь ему в поисках. И если кто-то тебя увидит, чтобы тотчас ему написали. Но он умер. Умер много лет назад.

У меня прервался голос.

А мальчуган покачал головой и улыбнулся.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Он вовсе не умер. Разве его кто-нибудь нашёл? Ты можешь показать мне его могилу?

— Но это было в войну, — сказал я. — Ещё в июне сорок третьего…

— Нет, — ответил он с тихой улыбкой. — Это было тридцать первого июля тысяча девятьсот сорок четвёртого года. Я тоже помню число.

— Пусть так, — сказал я. — Но он точно умер. Все на свете это знают. Он поднялся в воздух на разведчике с аэродрома в Бастии. У него было задание сфотографировать местность вокруг Лиона, Гренобля, Аннеси и Шамбери. Но он не возвратился. Должно быть, его сбили над Альпами.

— Разве в тот день в воздухе было много немецких истребителей?

Я пожал плечами.

— А вот я знаю. Знаю, что в тот день не было воздушных боёв. И не было в воздухе ни одного немецкого истребителя. Можешь проверить по французским лётным журналам.

Я кивнул:

— Я тоже знаю, но не хотел говорить об этом тебе. Да, ходят слухи, будто он сам покончил с собой. Но я в это не верю.

Закрыв глаза, я продолжал:

— Друзья всё надеялись, что он совершил вынужденную посадку в Швейцарии. Но вечером его объявили пропавшим без вести при выполнении боевого задания. На следующий день все лётчики эскадрильи собрались на берегу и танцевали с деревенскими девушками. У них было принято так поминать погибших товарищей. Ведь он сам очень любил танцевать.

— Ты плачешь, — сказал Маленький принц. — Он был и твоим товарищем тоже? Вы хорошо друг друга знали?

— Я его никогда не видел, — ответил я. — Мне было пять лет, когда он умер. Но я его очень люблю и часто думаю о нём.

— Но он вовсе не умер, — серьёзно сказал Маленький принц. — Он не убит и не покончил с собой. Если бы он умер, разве я решился бы оставить свою розу? Если бы он умер, кто бы следил за тем, чтобы барашек не съел цветок? Кто чистил бы мои вулканы? Ты навсегда в ответе за то, что рядом с тобой. Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил. Меня научил этому один лис много лет назад. Я никогда не оставил бы моего барашка, мою розу и мои три маленьких вулкана, если бы не знал, что без меня есть кому за ними присмотреть.

— Постой, неужели ты хочешь сказать…

Маленький принц кивнул.

— Ну конечно. Он не мог больше ждать. А так как я не мог прийти к нему, он сам пришёл ко мне. Ведь я в ответе за мою розу. А у неё всего четыре шипа против всех опасностей на свете. Когда мы встретились в первый раз, он дал мне намордник для барашка, чтобы барашек не съел розу. Но он забыл про ремешок. А без ремешка я не мог надеть намордник на барашка. Как тут уйдёшь! И когда Антуан пришёл ко мне, у него был с собой ремешок. Он сказал, что потому и собрался в путь…

Маленький принц поднялся и сделал один шаг. А я не мог пошевельнуться.

Точно жёлтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

На следующий день его тело исчезло.

Я кое-как добрёл обратно до дороги. Случайный грузовик отвёз меня в Эль-Аман. Там я неделю

пролежал в лихорадке.

Иногда я ночью открываю окно. Смотрю на небо, и мне кажется, что все звёзды смеются. Потому что я знаю — Маленький принц и его Друг живут на одной из них.

Люди очень удивляются, глядя, как я смотрю на небо и смеюсь. А я им говорю:

— Мне всегда хочется смеяться, когда я вижу звёзды.

СТЕФАН ВАЙНФЕЛЬД

ПОЕДИНОК

— Вот здесь, — сказал капитан и ткнул пальцем в карту.

Но под его пальцем ничего не было, кроме сини далеко не тихого Тихого океана. А между тем судно подошло к покрытому скудной растительностью маленькому островку, по всей вероятности, вулканического происхождения. У небольшого пляжа росло несколько пальм, дальше теснились невысокие скалы с редкими султанами травы. Нетрудно было догадаться, что недостаток пресной воды сделал остров безлюдным и голым.

Когда судно стало на якорь, матросы подложили цепи под один из двух огромных ящиков, возвышавшихся на палубе. Прозвучала отрывистая команда, заскрипел кран, ящик дрогнул, повис над бортом и плавно опустился на берег. Другой ящик последовал за ним. Затем по приказу капитана матросы поставили на ближайшем пригорке палатку, в тени которой разместились складной столик и два шезлонга. Туда же отнесли ящик со льдом и прохладительными напитками и кое-какие мелочи.

— Ну, вот и всё, — сообщил капитан.

— Что ж, отлично, — отозвался тот из двух пассажиров, который был повыше ростом.

Капитан знал о нём только то, что его звали Мартин. Именно с ним он договаривался о доставке обоих пассажиров с их странным багажом на безлюдный островок. Через сутки судно должно было вернуться и забрать их по пути в Чили. Что-то здесь было подозрительное, однако ни один рейс «Святой Жанны» нельзя было назвать кристально чистым. «Деньги не пахнут!» — имел обыкновение говаривать капитан, не подозревая, что этим девизом пользуются уже добрых два тысячелетия.

Мартин отсчитал деньги и вручил их капитану.

— Тут половина причитающейся вам суммы. Вторую получите завтра, когда придёте за нами.

Капитан кивнул. У него не было оснований сомневаться — с этого островка никуда не удерёшь.

Был полдень. Потоки зноя лились с солнечного неба. Не чувствовалось ни малейшего движения воздуха, нечем было дышать. Мартин и его товарищ по имени Фретти вглядывались а океан, до тех пор, пока дымок парохода не скрылся за горизонтом. Только после этого Фретти подошёл к одному из ящиков.

— Пора! — сказал он и, открыв небольшую задвижку, просунул в отверстие руку и что-то там повернул. Мартин не спеша подошёл к другому ящику и сделал то же самое. Затем, не обращая больше внимания на ящики, они расположились в шезлонгах.

Сквозь однообразный шум прибоя отчётливо послышался треск. Это стали лопаться, словно яичная скорлупа, толстые доски одного из ящиков. Сначала показалась огромная стальная голова, а затем, хрустя гусеницами, выползло металлическое чудовище длиной в несколько метров. С минуту оно не двигалось, а потом стало расти на глазах. Отдельные его части, сначала плотно прижатые, стали растягиваться наподобие гармошки. Казавшаяся прежде большой голова, теперь, на фоне двадцатиметрового тела была непропорционально маленькой. На ней поблёскивали глазки телевизионных камер: две спереди и одна сзади. Длинный клюв, подвижный, гибкий и сильный хвост напоминали муравьеда, но две пары могучих лап, размещённых перед гусеницами на передней части корпуса, делали чудовище похожим на ископаемого ящера.

— Неплохо придумано! — похвалил Фретти.

Мартин равнодушно заметил:

— Проектируй я сейчас его заново, сделал бы совершенно иначе.

Тем временем с треском лопнул второй ящик, обнаружив своё устрашающее содержимое: отвратительную конструкцию с куполом, снабжённым расположенными вокруг объективами, который напоминал карикатурное насекомое. Купол венчал короткое, покрытое панцирем туловище, опиравшееся на десятка полтора суставчатых стальных лап, снабжённых щипцами, пилами и другими приспособлениями неизвестного назначения. Уступая «муравьеду» в длине, «насекомое» явно превосходило его по высоте: телескопические лапы распрямились, купол поднялся над пляжем на высоту двухэтажного дома.

— На вашем месте я бы иначе разместил камеры. На такой высоте они имеют недостаточный ближний обзор, — сказал Мартин.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — ответил Фретти.

Заметив друг друга, чудовища задвигались, словно в экзотическом танце. Они кружили, то сближаясь, то отдаляясь, сначала медленно, а потом всё быстрей и быстрей. Уже были не видны движения отдельных лап, и только вспыхивающие блики солнца на металле свидетельствовали о точно скоординированной работе всех частей механизмов. Но вот насекомое пригнуло телескопические лапы, напружинилось, оттолкнулось, как кузнечик, от песка и очутилось у хвоста ящера-муравьеда. Две вооружённые щипцами лапы насекомого потянулись к хвосту, который внезапно завертелся с огромной скоростью. Если бы насекомое не отскочило поспешно назад, ему пришлось бы потерять своё вооружение. Воспользовавшись этим, ящер-муравьед с неожиданной проворностью развернулся головой к противнику.

Насекомое, отскакивая и снова накидываясь, старалось схватить ящера за хвост, чтобы лишить его подвижности. Но сделать это ему никак не удавалось. Тогда оно изменило тактику — вытянуло одну лапу и опустило её со всей своей силой на голову противника. Ящер-муравьед замер на мгновение, как боксёр, оглушённый ударом. Насекомое, воспользовавшись моментом, размозжило объектив одной из передних камер металлического пресмыкающегося.

— Правильно сделано. Атакует управляющий центр, — прокомментировал Фретти.

— Не очень-то радуйтесь. Ящер имеет запасное логическое устройство, размещённое внутри корпуса, поэтому он может действовать даже при совершенно разрушенном управляющем центре.

— Любопытно, как вы этого добились? — поинтересовался Фретти, вытирая платком лоб.

— Больше половины деталей, не считая корпуса, сделано из вериетита — специального сплава, по механическим свойствам схожего со сталью, а по электрическим — с полупроводниками. Именно поэтому машина со всеми своими рефлексами, реакциями, способностью к обучению и приспособляемостью аналогична примитивному животному.

— Я поступил иначе: изменил структуру кристаллической решётки материала. Результат получился тот же… Вы только посмотрите: наиидеальнейше разработанная программа не могла бы дать такого эффекта!

Действительно, то, что происходило на пляже, удивительно напоминало борьбу зверей, объятых той решимостью, которая бывает вызвана лишь смертельным страхом. Насекомое, которое уже потеряло одну пару своих клешнёй и две лапы, размахивало обрубками, словно ощущало боль и ужас. Однако оно неустанно продолжало наскакивать на своего врага, атакуя то его голову, то хвост, который вертелся вокруг и, несмотря на потерю одной из гусениц, не уступал в подвижности противнику. Вдруг насекомое замерло на мгновение, и в воздухе, наполненном до той минуты скрипом и лязгом металла, послышались следующие один за другим взрывы.

Поднятый кверху хвост ящера переломился посредине и с треском упал на землю. Насекомое прыгнуло, и ящер оказался под ним. Три лапы опустились на корпус ящера как раз возле основания хвоста. Две лапы с длинными свёрлами на концах прошли сквозь панцирь и пригвоздили ящера к земле, а третья, оказавшаяся молотом, стала методически бить по панцирю.

— Ну что же, Мартин, ему уже недолго осталось жить, — проговорил Фретти.

— Борьба ещё не закончена.

Снова погрохотала серия взрывов, и ящер лишился оставшейся части хвоста. Однако это уже не имело для него значения. Захватив корпус насекомого всеми четырьмя лапами, ящер приблизил к нему свой клюв, на конце которого внезапно вспыхнула ослепительная электрическая дуга. Было видно, как фосфорисцирующий клюв сначала образовал в панцире насекомого проплавленную щель, а потом превратил её в замкнутый четырёхугольник…

Фретти, побледнев, прикрыл рукой глаза. Открыть их его заставил резкий треск. Это одна за другой отвались четыре лапы насекомого. Не выдержав больше собственной тяжести, оно рухнуло на землю.

На песок стали падать куски расплавленного металла. Ящер резал насекомое на части, будто хотел полностью увериться, что противник уже не встанет. Потом он поднял голову и огляделся. Когда фигуры людей попали в поле зрения его единственной оставшейся невредимой камеры, ящер поднялся на лапах и стал медленно взбираться на пригорок, приближаясь к палатке. Фретти вскочил и с криком ужаса кинулся в глубь острова. Мартин продолжал сидеть с бутылкой в руке, хохоча во всё горло. Отбежав метров на сто, Фретти спрятался за ствол пальмы и, тяжело дыша, стал наблюдать за чудовищем. Не обращая внимания на беглеца, оно продолжало двигаться к своей уже недалёкой цели — человеку, спокойно сидящему в шезлонге.

Мартин по-прежнему держал в руке стакан, но уже больше не смеялся. Почему эта бестия не

поворачивает? Отчего не гонится за Фретти? Почему его, Мартина, вид не вызывает рефлекса послушания и покорности?

— Бегите, Мартин! — Фретти высунулся из-за своей пальмы. — Бегите, он вас не узнаёт, он нападает на всех!

Мартин вскочил, перевернул шезлонг и помчался что было сил. Ящер-муравьед, переваливаясь с боку на бок, пополз за ним. Когда Мартин добежал до пальмы, Фретти уже карабкался по его стволу.

— Слезайте, Фретти, это не имеет смысла.

— Он сюда не дотянется!

— Если он свалит пальму, вы уже от него не убежите! Быстрее на скалу, может быть, он не сможет туда взобраться!

Фретти соскочил вниз, и они побежали к небольшой скале, круто обрывающейся в море. Ещё бы немного, и ящер настиг бы их. Лёжа на краю скалы, люди с высоты двух десятков метров наблюдали за чудовищем, которое ворочалось у подножия.

— Пока мы в безопасности, — прошептал обессиленный Фретти.

— Пока да, а что будет дальше?

— Не хотите ли вы пожертвовать мною ради спасения собственной жизни?

— Мы оба в одинаковом положении, — заметил Мартин.

— Да, он явно охотится за нами обоими. Пожмём друг другу руки. Он нас помирил… — раздражённо пробормотал Фретти.

— Но что нам делать теперь?

— Ничего. Мы здесь в безопасности.

— Что из того?. Сколько времени мы будем торчать на скале? Пока не сдохнем с голоду?

— Утром придёт «Святая Жанна»… Хотя… Вот проклятие, ведь это нам ничего не даст! — сообразил Мартин. — Эта бестия ни нам не позволит убежать, ни им высадиться.

— Капитан отчалит в тот же момент, как увидит, что происходит. Даже если мы потом и обезвредим прохвоста, то всё равно останемся тут заживо погребёнными.

— Значит, мы должны ликвидировать его сейчас же, до наступления темноты. Ночью он видит лучше нас и будет иметь больше преимуществ.

— Что же делать?

— Единственная возможность — вывести из строя блок питания.

Они вполголоса обсудили детали предстоящей операции. Прошло ещё несколько минут. Медлить было нельзя. Фретти сделал шагов двадцать в сторону, стараясь не глядеть на ящера. Потом, решившись, стал съезжать по склону вниз. Чудовище, заскрежетав гусеницей, двинулось за человеком, отсекая ему путь к возвращению. Фретти побежал в сторону пляжа. Оторвавшись от своего преследователя метров на двести, он остановился, чтобы отдышаться и сориентироваться. Но страх сковал его. Он не мог ни бежать дальше, ни собраться с мыслями. «Неужели Мартин решил пожертвовать мною? Этот мерзавец на всё способен! Но какой смысл? Он себя так не спасёт. Спускается! Спускается со скалы!..»

Через минуту Фретти почувствовал огромное облегчение: он увидел, что Мартин подкрадывается к ящеру. Снова отбежав на безопасное расстояние, Фретти остановился и посмотрел назад. Мартин догнал ящера и по неподвижной гусенице взобрался ему на спину.

Ящер заметил другого человека и норовил повернуться, чтобы его схватить. Но тщетно: Мартин сидел на ящере, как на коне, и, опираясь руками, постепенно подтягивался к отверстию на месте крепления хвоста.

Механическое чудовище, помогая себе всеми четырьмя лапами, безуспешно крутилось на одном месте. Человек исчез внутри корпуса. Фретти посмотрел на часы. «Если через пять минут меня не будет, — сказал ему Мартин, — спасайся как можешь».

Страх у Фретти прошёл — ящер больше не обращал на него внимания: ведь другой человек, находящийся гораздо ближе, исчез из его поля зрения. Чудовище крутилось и изгибалось, как щенок, занятый только своим хвостом. Уже прошли три минуты… Четыре… Заканчивается пятая… Что он там делает?

Ящер-муравьед по-прежнему старался свернуться в кольцо.

Фретти схватил металлический стержень — какую-то часть от ноги насекомого — и стал осторожно приближаться к ящеру. Тот, помогая себе лапами, вертелся, не реагируя на человека.

«Вообще-то я мог бы спокойно дождаться «Святой Жанны», не подвергая себя лишней опасности. Был бы хоть он моим лучшим приятелем… Тем более что ему уже и не поможешь…» — думал Фретти, но всё же продолжал взбираться, как и Мартин, по неподвижной гусенице на спину ящера. Затем, сжимая стержень в руке, он заглянул в отверстие и с трудом протиснулся в него. Здесь было темно и нестерпимо жарко. Обливаясь потом, Фретти наконец добрался до камеры, где в слабом проникающем сверху свете можно было разобрать очертания металлических шкафов. «Это, должно быть, энергетический центр», — решил Фретти. Споткнувшись о что-то мягкое, он скорее догадался, чем разглядел, что это тело Мартина. Стараясь его поднять, Фретти отбросил в сторону металлический стержень. И вдруг его ослепила вспышка нестерпимо яркого света. Раздалось оглушительное шипение. Фретти на минуту окаменел от страха. В голове проносилось: «Короткое замыкание! Почему он не изолировал провод? Спекусь тут живьём!..»

В панике, спотыкаясь, Фретти бросился к выходу. Перед ним мчалась его угловатая, деформированная причудливыми конструкциями корпуса тень. Шипение не прекращалось. Фретти оглянулся, силясь хоть что-то разглядеть в этом ослепительно голубом свете. Там лежал Мартин. Фретти сделал неуверенный шаг назад, а потом, внезапно решившись, быстро подбежал к сопернику, схватил его под мышки и потащил по узкому проходу.

Казалось, он никогда не выберется из этого жгучего чрева. Сердце рвалось из груди. Думать он уже не мог. Только знал, что нужно тащить это тело к выходу. А за спиной — всё то же угрожающее шипение и резкий свет дуги. Как бесконечно долго это тянется!

Потом, уже свалившись с Мартином на землю, Фретти сообразил, что всё произошло за считанные доли минуты, самое большее — за несколько минут.

Чудовище больше не двигалось, в его развороченном нутре продолжало что-то вспыхивать. Инстинктивно Фретти старался подальше оттащить безжизненное тело Мартина.

Как всегда в этих широтах, внезапно, без сумерек, опустилась ночь. И только тогда опустошённый, изнемогающий от усталости Фретти остановился. Ни с того ни с сего подумалось: «Каким чёрным стал океан!» И тут внезапно яркая вспышка осветила всё вокруг. Прогрохотал взрыв. Стало совершенно черно. И очень тихо.

Через некоторое время взошла луна. Она осветила тёмное море, серебристые гребни накатывающихся на пляж волн, растерзанные остовы механических чудовищ и фигуры двух обессиленных, но победивших людей.

ВИКТОР ЖВИКЕВИЧ

INSTAR OMNIUM

Солнце, вокруг которого обращалась планета, находилось в области Космоса, не слишком приятной даже для тех, кто привык к пустоте. Оно пылало за краем насквозь выметенной солнечным ветром «дыры в небе», которая расползлась пустыней на пятьсот кубических парсеков у окраины пылевой тучи, с одной стороны совершенно заслоняющей звёзды.

Первый самостоятельный полёт — и сразу планета. Старые космические бродяги из Разведки не могут скрыть волнения, когда альтиметр отсчитывает, сколько осталось до поверхности только что открытого мира, а что же говорить, если пригодная для жизни планета попалась в первом самостоятельном полёте? Опытный разведчик знает: он может найти что-нибудь, но может и не найти. Ещё более опытный убеждён, что хоть на голову стань, хоть сломя голову носись вдоль и поперёк Галактики, всё равно ни на что стоящее не наткнёшься. А вот слушатель последнего курса Школы разведки не может непоколебимо не верить в ожидающие его на каждом шагу суперцивилизации, мрачные тирании космического средневековья или кочующие со звезды на звезду стада ракетоподобных чудовищ, с которыми следует вести непрестанные битвы. Надо думать, и среди практикантов порой встречаются кислые скептики, но Бадо не относился к их числу…

Его ракета замкнула второй виток и вошла в коридор спуска, ведущий прямо к намеченной точке посадки. Бадо выбрал плоскую равнину в нескольких километрах от терминатора восхода, где заметил зелёную полосу, с большой высоты напоминающую земной лес. Включил систему гравизамедления, последний раз глянул в сторону тёмной туманности и… увидел вторую ракету.

«А ведь в Комиссии по распределению уверяли, что тут ещё не ступала нога человека, — подумал он с досадой. — Или эти яйцеголовые бюрократы решили, что такой планетки хватит и на двоих?»

Поразмыслив над тем, что делать в этой ситуации, он в конце концов решил игнорировать нежданного да, кстати, и нежеланного соучастника будущих открытий.

Тем временем ракета потеряла орбитальную скорость и начала спускаться. Бадо с удивлением заметил, что второй корабль повторяет его манёвры и бесстыдно готовится к посадке близ выбранного им места. Он хотел было включить рацию и капитально отругать наглеца, но этим намерениям помешал сильный толчок. Чтобы смягчить посадку, ракета выбросила из дюз последнюю порцию гравитонов и, оставив позади все слои атмосферы, села.

Не включая погасших при посадке экранов, Бадо стал надевать лёгкий скафандр. «Уж если сюрприз, так сюрприз, — подумал он. — На экране всё выглядит неестественно».

Биологический анализатор сообщил состав атмосферы. Пользоваться кислородным аппаратом не было нужды, поэтому Бадо сбросил тяжёлые баллоны, отвернул силиконовый шлем и нажал клавишу, открывающую запор шлюза. Лифт опустил его прямо на грунт.

Он подозрительно потянул носом воздух, который оказался приятным и прохладным, вдохнул полной грудью, так что в носу защекотало, и оглушительно чихнул. «Приветствие довольно прозаическое, — подумал молодой разведчик. — Хотя… сойдёт за салют наций».

Он быстро огляделся. На юг, на восток, на север… Вид на запад заслонял корпус ракеты, поэтому он присел, старясь увидеть что-нибудь в просвете между дюзами и грунтом. Но и с этой стороны не было ничего интересного.

Перед кораблём расстилалась самая обыкновенная земная лужайка. Ровная трава казалась подстриженной, только белые головки каких-то одуванчиков торчали над ней, словно мячики для гольфа, которые ударились о землю, подпрыгнули да так и забыли упасть обратно. Слышалось жужжание здешнего подобия пчёл, яростно зудели над густо рассеянными цветами разноцветные мушки. Лёгкое дыхание ветра едва шевелило прозрачный воздух. «Пастораль!» — презрительно скривился Бадо. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, исправил ремни рюкзака и предусмотрительно взятого из ракеты бластера и… снова увидел ту ракету.

Она стояла неподвижно, почти невидимая на фоне близкого леса. И у её подножия тоже кто-то стоял, глядя на Бадо, только солнце светило ему в лицо, и он вынужден был прикрывать глаза рукой. Такого же цвета скафандр — не иначе, какой-то парень из Школы разведки. Бадо хотел направиться в противоположную сторону, но единственным интересным объектом исследований мог быть только лес, и он решил несмотря ни на что идти именно туда. Неожиданно парень сделал несколько шагов ему навстречу. Он оказался довольно симпатичным. Примерно такого же роста, как и Бадо, хотя, пожалуй, помоложе его. Зато с первого взгляда была видна родственная душа: оружие небрежно заброшено за спину, на шее — яркий платок, завязанный таким замысловатым узлом, что управился бы с ним разве что Александр Македонский. В глазах у него играли весёлые

бесенята, а вздёрнутый, усеянный веснушками нос забавно сморщился, когда улыбка открыла ряд белых зубов. В довершение всего он без всяких церемоний подошёл к Бадо и широким свободным движением протянул ему руку.

— Меня зовут Сток, — сообщил он.

Бадо открыл рот — да так и замер, вроде обратившейся некогда в соляной столп жены Лота. Только та стала жертвой излишнего любопытства, а он окаменел от изумления. Ему потребовалась целая минута, чтобы осознать такую простую истину, что парень обратился к нему сразу телепатически.

— Я — Бадо, — представился он наконец тем же способом.

Постепенно он пришёл в себя. В сущности, Бадо был лентяем высшей марки, а потому телепатическую связь предпочитал всякому надрыванию глотки. Так что встреча с тем, кто в этом вопросе разделял его взгляды, привела Бадо почти в восторг. Он счёл это благосклонностью судьбы и уже без особых сожалений смирился с мыслью, что придётся довольствоваться лишь половиной заслуг в раскрытии тайн этой планеты.

— Встретились, значит, — сказал он.

— Сначала тебе это вроде не очень нравилось? — взглянул исподлобья Сток.

— А тебе?

Оба рассмеялись и согласно двинулись к лесу.

— Ты на каком курсе? — спросил Бадо.

— На третьем, — ответил Сток.

Бадо покровительственно похлопал его по плечу:

— Через два года получишь мой ранг.

— Э-э… — Сток сунул руки в карманы скафандра. — Ранг рангом, а голова головой.

— Тоже верно. Только самые лучшие головы я видел в музее. Прекрасные бюсты…

Сток снисходительно скривился и хотел заметить, что ему-то полёт разрешили уже на третьем курсе, но тут они оказались между первыми деревьями, и необычность их форм приковала внимание обоих.

Все деревья выглядели одинаково. Казалось, они одного возраста. Равные расстояния между раздутыми книзу стволами создавали впечатление хорошо ухоженного парка. Деревья напоминали керамические вазы, которые Бадо когда-то видел в доме у бабушки. Вздутый клубень по мере удаления от земли постепенно утоньчался и лишь у самой верхушки его венчала крона складчатых листьев. Поражало полное отсутствие подлеска, свободное пространство между стволами покрывал пушистый ковёр желтоватого мха.

— Интересно, развились ли тут какие-нибудь высшие организмы? — сказал Бадо. — Что-то я начинаю в этом сомневаться. Пока что я ничего не видел, кроме травки на лугу да вот этих деревьев… Если не считать, конечно, мошкары, но этой пакости полно на всех планетах.

— Да, одни мухи, — подтвердил Сток. — Согласно Ильдентену, топология биосферы планет этого типа не способствует развитию высших форм жизни.

— Ильдентен может и ошибаться…

Бадо понятия не имел, кто такой этот Ильдентен, и несмотря на отчаянные усилия никак не мог припомнить ни малейшего упоминания о нём в той кучке учебников и справочников из мнемотеки, которые вынужден был просмотреть, чтобы кое-как сдать зачёты. На всякий случай он решил в присутствии Стока не углубляться в тонкости инопланетной систематики видов и ограничиться скептическими замечаниями. Однако на этот раз юному коллеге надо было дать урок.

— На сегодняшний день существует несколько теорий, описывающих биогенез низшего ряда на планетах одиночных звёзд. Эти теории всё подробно объясняют, однако исключают друг друга. Так что Ильдентен может утверждать своё, а Карден — своё. Ортодромия эволюционных моментов с прагматической оценкой уровня вероятности неизбежно указывает на гетероморфическую природу самоорганизации неживой материи. Поэтому мы может надеяться…

Тут Бадо втиснул в свою лекцию случайно вызубренную цитату из «Естествознания» Кардена, которую, надо сказать, и сам не вполне понимал, и с облегчением убедился, что это произвело

впечатление. Подтвердилась старая истина: всегда предпочтительнее держаться подальше от того, что кажется тебе чересчур умным. Сток предпочёл сменить тему.

— К чертям все эти премудрости, — сказал он. — Мы можем себя поздравить, что получили наконец самостоятельную работу и яйцеголовые со своими слишком любопытными носами не висят у нас над душой. После нескольких лет непрерывных «не знаешь», «не умеешь», «должен подтянуться» нам представился наконец случай пошевелить не только этим, — Сток хлопнул себя ладонью по лбу, — но и этим, — тут он согнул руку так, что бицепс растянул рукав скафандра. Его искренность понравилась Бадо.

— Точно, — подтвердил он. — У меня уже от самой простейшей формулы начинается несварение желудка. Самое время сменить климат…

— И меню, — добавил Сток.

Они уже изрядно углубились в лес, но тот вовсе не спешил хоть чем-нибудь скрасить однообразие их прогулки. Молодые люди шли рядом, болтая и смеясь каждой удачной шутке. Не часто бывает, что двое вот так сразу пришлись друг другу по вкусу. Тем более что случай свёл их не при самых обычных обстоятельствах. Бадо уже благодарил судьбу, так кстати пославшую ему товарища. Он должен был признаться, что разведка в одиночку наскучила бы ему очень скоро.

— Знаешь что? С меня хватит, — заявил Сток. — Тут нечего искать. Лучше сделать несколько коротких перелётов, оглядеться сверху, а если не обнаружится ничего интересного, подготовить рапорт — и адью…

— Посмотрим, — сказал Бадо. — Но на данном этапе отдых был бы весьма кстати.

С этими словами он снял со спины рюкзак и швырнул пистолет под ближайшее дерево.

Они растянулись на жёстком мху. Бадо демонстративно вытащил из кармана коробочку с питательными таблетками и с геройским видом проглотил одну. Вкус у неё был такой, что он не мог не скривиться. Утешила его лишь такая же гримаса на лице Стока, который с неменьшим мужеством сунул себе в рот три таблетки сразу.

Какое-то время они сидели, не глядя друг на друга, пока наконец приунывший Сток с невинным видом не спросил:

— Наверное, следует выполнить кое-какие из предусмотренных наблюдений? Ну… измерить давление, определить напряжённость магнитного поля, оценить излучение и вообще… Ты ведь взял приборы? Рюкзак у тебя набит…

Бадо сразу же понял, о чём речь.

— Взял, но мы ведь садились независимо друг от друга, и каждый рассчитывал на себя… И у тебя мешок не меньше моего…

Они глядели друг на друга, всё ещё не решаясь. Наконец Бадо придвинул к себе рюкзак и начал не спеша расстёгивать его. Мешок был снабжён таким множеством замков, кнопок и молний, что Бадо в любой момент мог отступить. Однако, как и следовало ожидать, осторожность оказалась излишней. Сток не выдержал и расхохотался.

— Я был уверен, что мы с тобой — два сапога пара!

— Если ещё вдобавок окажется, что у нас и вкусы одинаковые…

— То перед такой парой весь мир открыт!

И уже без всяких опасений они стали вытаскивать из рюкзаков мясные консервы и пластиковые мешочки с тайком взятыми на борт лакомствами. Сток не без гордости извлёк огромный термос и разлил по стаканчикам некую жидкость, которую он упорно именовал чаем, хотя Бадо мог поклясться, что запах её странным образом ассоциируется с Ямайкой.

Они уминали пищу, никак не предусмотренную меню для практикантов Школы разведки, и хоть это не пристало будущим космическим волкам, не испытывали при том особых угрызений совести.

Когда от импровизированного лукуллова пира остались жалкие крохи, они почувствовали усталость. То ли пройденный путь, то ли избыток поглощённых калорий сморил молодых пилотов, и, растянувшись в сени похожего на африканский баобаб дерева, они сладко задремали.

Яркое солнце медленно плыло над лесом. Его лучи насквозь пронизывали кроны деревьев, не оставляя затемнённых мест. Стволы в этом необычном лесу оказались зелёными лишь на опушке, а по мере удаления от неё становились всё более жёлтыми, приобретая оранжевый и даже охристый

оттенок, кроны же как бы для контраста становились всё более голубыми. Когда солнце оказалось в зените, первым проснулся Бадо. По привычке он настороженно огляделся, но вокруг царил ничем не нарушаемый покой.

Чтобы размяться, он подпрыгнул, сделал несколько приседаний и энергичных взмахов руками. Потом подобрал разбросанные по мху бумажки, пакеты и пустые тубы, приподнял пласт дёрна и зарыл всё в рыхлый песок. Управившись с этим занятием, он посмотрел на приятеля. Сток лежал вытянувшись, с блаженным выражением на лице.

Бадо решил подсчитать, какова вероятность встретить человека со столь схожей психикой, что телепатический контакт с ним не составил никакого труда. На Земле он знал лишь нескольких людей, общаясь с которыми можно было не молоть языком. Вероятность встречи с таким человеком в космосе была слишком неправдоподобной, так что в численном выражении она составила ничтожную величину. Он хотел уже толчком в бок разбудить Стока, но тут случайно задержал взгляд на его оружии.

У бластера был узкий, поблёскивающий металлом приклад, а ствол заканчивался грушевидным расширением, из которого торчал тонкий рубиновый шип. Ничего подобного Бадо никогда не видел.

Особенно не задумываясь, он поднял оружие. Спускового крючка на нём не оказалось. Но сбоку он заметил небольшое отверстие. Сунув в него палец, Бадо нажал на оказавшийся внутри выступ.

С конца рубиновой иглы сорвалась матовая бесцветная капля, которая поплыла в сторону ближайшего дерева. Но ещё прежде, чем она его коснулась, дерево исчезло. Казалось, это произошло одновременно с нажатием и только потом раздался короткий треск, будто лопнула стеклянная посудина. Бадо не сразу заметил, что исчезло не одно дерево.

«Я не отрегулировал разряд», — подумал он и ещё раз взглянул на Стока. Удивлению его не было границ, когда он присмотрелся к нашивкам на скафандре приятеля. Ничего похожего на знаки Галактического флота. Бадо бросился к лежащему:

— Сток! Проснись!

Сток открыл глаза и сонно улыбнулся.

— Аттаи-даса-утуна, — пробормотал он.

— Что-о-о? — закричал Бадо.

— Туна-са-до-родон, — ответил Сток и сердито наморщил лоб.

Бадо схватился за голову, сообразив, что невольно прибегнул к обычной речи.

— Откуда ты? — на этот раз он задал вопрос телепатически и таким же образом получил ответ.

— Ты что, Бадо, чокнулся? Как это откуда?

Бадо бросился за своим бластером и протянул оба пистолета приятелю. Сток смотрел круглыми от удивления глазами.

— Откуда это у тебя? Какой-то новый тип?

— Который? — спросил Бадо.

— Ну, конечно, вот этот, — Сток указал на бластер, принадлежащий Бадо.

— Фью-ю, — протяжно свистнул Бадо. — А что скажешь об этом?

Он положил оба пистолета и коснулся нашивок на скафандре. Только теперь Бадо заметил, что и сапоги у Стока совсем другие: они переходят в скафандр плавно, без соединения, в то время как его собственные сапоги имеют на высоких голенищах ряд вакуумных присосок.

Сток попробовал улыбнуться.

— Так… — сказал он. — Выходит, за наблюдательность двойка… Обоим.

Бадо постарался как можно равнодушнее пожать плечами. Видно, во всём виновата телепатия, подумал он. Она не требует словесного кодирования понятий, и потому с её помощью могут разговаривать китаец с австралийцем, эскимос с европейцем и даже… Вот именно. Информация в чистом виде одинакова в любой точке Космоса. Бадо наклонился, чтобы поднять неосторожно брошенные минуту назад пистолеты, но Сток был не менее проворен. Каждый схватил своё оружие.

Теперь они, стоя лицом к лицу, внимательно следили за движениями друг друга. Сток морщил веснушчатый нос, а Бадо всё ещё посвистывал сквозь зубы.

— Уже полдень, — заговорил наконец Сток.

— Да… времени много.

— Надо бы проверить, как там ракеты…

— Да, луг… грунт мог быть влажным.

— Думаешь?

— Интересный лес, — ответил Бадо без всякой связи, но ни один этого не заметил. — Какие краски!

— Да и мох тоже какой-то странный, — подхватил Сток. — Временами вроде шевелится.

Бадо будто случайно сделал шаг назад. Едва не споткнувшись о собственный рюкзак, он притворился, что не заметил его. Однако Стоку хватило и мгновения, чтобы оказаться за деревом. Он не сводил глаз с Бадо.

— Интересный лес, — пробормотал Бадо и тоже отступил к ближайшему стволу.

— Тар-дон-то, — услышал он и одним прыжком укрылся за деревом. Некоторое время он стоял притаившись готовый мгновенно отреагировать на любой выпад ещё недавнего приятеля, но вокруг было тихо. Потом ему показалось, что он слышит шум крадущихся шагов. Где-то шевельнулись задетые ветки. Шаги удалялись. Бадо стиснул рукоятку бластера, глубоко вдохнул перенасыщенный кислородом воздух и бросился бежать.

Он рассчитывал, описав широкий полукруг, выскочить из леса прямо к своему кораблю и надеялся, что опыт стайера поможет ему не уступить сопернику, ракета которого стояла ближе. Это ему удалось, во всяком случае, когда он выскочил на опушку, Стока ещё не было. Бадо стрелой помчался к ракете. Добежав наконец до неё и на мгновение повернув голову, он увидел, как закрылся входной люк на корабле, стоявшем ближе к лесу. Бадо вскочил на площадку лифта и через минуту был уже под защитой своего корабля. В навигационной рубке он всем телом навалился на пульт. Локтем надавил на кнопку защитной системы, резким нажатием большого пальца включил экран внешнего обзора и только после этого рухнул в кресло пилота. Теперь можно было перевести дух…

Тем временем его корабль ожил. Пульсировали двигатели, готовые к мгновенной смене позиции в случае нападения. Защитная система развернула на несколько десятков метров аннигиляционные экраны и подала в рубку сигнал готовности к наступательным действиям. Бадо вытер капли пота со лба и направил внешние камеры обзора на чужой корабль. Таинственная ракета стояла неподвижно, будто стальной обелиск. Но она только казалась мёртвой. Бадо знал, что «тот» тоже ждёт.

Он наклонился к экрану — над лугом ещё летали пушинки от сбитых им одуванчиков… Потом открыл находящийся над пультом шкафчик, где хранились предметы первой необходимости на случай непредвиденных осложнений, и вынул из него несколько толстых книг. Начал нетерпеливо листать. На корешках золотое тиснение: «Разумная жизнь в космосе», «Методика налаживания контакта с существами другого интеллекта», «Линкос — проект языка для космических контактов». Бадо надеялся, что сможет исправить допущенные до сих пор ошибки.

«Вот теперь можно приступить к попытке установить контакт», — подумал он.

И он был прав. Теперь уже было можно. Инструкция по первому контакту чётко предписывает максимальную осторожность при встрече с представителями высокоразвитых галактических цивилизаций. Осторожность — прежде всего. Кто знает, какие они?

1. Начало

С командором Миледи я познакомился во время своей пятилетней службы в Королевских космических силах. В те годы он был ещё командор-лейтенантом и командовал девятнадцатой эскадрой, известной особой дисциплинированностью и мастерством. Занятия с новичками он обычно начинал словами: «Моя фамилия Миледи, Миледи с ударением на последнем «и», господа курсанты». Лекции он читал, расхаживая между проекционным экраном и кафедрой, и имел обыкновение выделять наиболее важные моменты ударами стека по широченным немнущимся брюкам. Иногда его массивная фигура замирала, и нацелившись стеком в говорливого курсанта, он бросал: «Повтори!» Не получив ответа, командор-лейтенант обещал: «Я тебя прокачу, пташка!» — и уже спиной к аудитории добавлял: «Ты у меня увидишь небо в алмазах!» Это входило в ритуал, и Миледи ни разу нас не разочаровал. Некоторые утверждали, что в такие моменты Миледи улыбался, тогда это была коварная улыбка: после очередного урока пилотажа провинившийся вылезал из «Старфлеша» бирюзово-зелёным.

И всё-таки мы его любили. Любили его цилиндрический череп и трубный голос. Усаживаясь за рули, мы безоглядно вверяли ему свои жизни. На Земле мы пугали друг друга рассказами о всякого рода ужасах, якобы подстерегавших нас в Космосе, и нередко тот, кому предстояло лететь самостоятельно, не мог сдержать дрожь в коленках; но в то же время вне родных пенатов, когда эскадру вёл Миледи, мы чувствовали себя как в учебном зале перед диарамой тренажёра.

Пятнадцать лет назад глупейший случай вынудил меня бросить службу в Королевских космических силах. Вскоре силы были значительно сокращены, а оставшаяся их часть реорганизована. Я потерял командора из виду. Но вот три недели назад неожиданно я получил от него известие. Посыльный бочком протиснулся ко мне в квартиру и замер на пороге.

— Ждёте ответа? — спросил я молчаливого паренька, по всей видимости курсанта. — Но его может не быть…

— Обязательно будет, — флегматично ответил тот.

Необычная форма связи подогрела моё любопытство. «Если ты, — писал Миледи, — в самом деле такой страстный любитель приключений, как о тебе говорят, то, получив эту записку, незамедлительно захочешь со мной встретиться».

— Миледи в Дексенсе? — спросил я.

— Командор ждёт вас, — неопределённо ответил посыльный.

Я забыл даже предложить ему чашку кофе, уложил репортёрский магнитофон, запасные кассеты, и мы спустились к стоявшей перед домом двухместной «тачке». Курсант уселся за руль, я рядом. Через двенадцать минут мы были за городом, а ещё через двенадцать подъезжали к заброшенному аэродрому. Уже издали я увидел одинокий вертолёт, винт которого перемешивал душный и горячий воздух. Мы влетели в открытый люк, словно торпеда. Вертолёт тут же поднялся. Это напоминало опереточное похищение. Миледи обожал эффектные операции и всегда не торопился сдёрнуть с них флёр таинственности. Он вообще несколько старомоден в своём пристрастии к аксессуарам минувшей эпохи. Скупает деревянную мебель, собирает картины, книги и даже может похвастать такими раритетами, как патефон и керосиновая лампа. Ходила шутка, что, будь на то его воля, космические силы не обошлись бы без монгольфьеров и катапульт.

Через час мы сели на покрытую трещинами полосу бездействовавшего, как и под Дексенсом, аэродрома. Курсант запустил двигатель «тачки», и мы, вздымая тучи пыли, помчались в сторону полуразрушенной диспетчерской башни. У ворот ангара, опершись о крыло рольспида, стоял Миледи. Улыбаясь, он подошёл к притормозившей с писком «тачке».

— Ты не подвёл меня, Лютц.

Это был всё тот же, что и пятнадцать лет назад, грузный и неуклюжий Миледи, добродушный и приветливый во внеслужебное время. Седой ёжик волос ещё больше удлинял его голову. Одет он был в штатское. Протянув медвежью лапу, он внимательно взглянул на меня, словно на новую конструкцию.

— Воздержись от вопросов, Лютц. Я хочу, чтобы ты прежде осмотрел это.

Мы уселись на заднее сиденье рольспида. Миловидный чернокожий паренёк, сидевший за рулём, извлёк из уха магнитофон и вопросительно посмотрел на Миледи. Тот кивнул. Мы двинулись с предписанной скоростью по второразрядному шоссе в сторону Квондемона. Миледи расспрашивал о моих друзьях по Академии ККС, перебивал, комментировал мой рассказ, путал факты, фамилии и выпуски, наконец заметил, что возлагал на меня большие надежды и что, если б не тот досадный случай, сегодня я наверняка был бы его заместителем. (Я понимал, что в настоящий момент такое

заявление его ни к чему не обязывает.) Потом из кармашка на дверце он извлёк два значка спецслужбы, один прицепил к лацкану своего комбинезона, а второй велел приколоть мне.

Километров за пять до Квондемона мы выехали на автостраду, которая привела нас к складам электронного оборудования. Здесь, на утрамбованной площадке, машина остановилась. Три грязно-серых строения, расположенные П-образно, имели по двадцать семь этажей и на восемь этажей уходили под землю. Окна складов напоминали крепостные амбразуры, чем, надо думать, не могли не импонировать такому любителю древностей, как Миледи. В дверях центрального корпуса стоял бравый охранник с травматом на поясе. Увидев наши значки, он немедленно уступил нам дорогу. Миледи подмигнул мне:

— Взгляни.

Двери в склад были сорваны, а дверная коробка вдавлена в стену. Казалось, кто-то пытался въехать сюда на автомашине.

Мы вошли. Пахло свежей краской и олифой. Миледи бесцеремонно выключил магнитофон, который я приготовил для записи, заметив, что наверху нам делать нечего, а в подземелье мне понадобятся главным образом глаза. Мы спустились. От шахты лифта расходились залы, до потолка уставленные аккуратно уложенными коробками. Командор подошёл к ближайшему ряду коробок и провёл пальцем по одной из них. Осталась светлая полоса.

— Лежат тут годами, — проворчал он.

Послышались быстрые шаги. Из соседнего зала вылетел невысокий, похожий на крота в очках мужчина, полы его расстёгнутого халата развевались, будто крылья. Возмущению его, казалось, не было границ:

— Когда-нибудь это наконец кончится? Вы что думаете? Вчера я в четвёртый раз начал инвентаризацию!

— Не волнуйтесь, мы ничего не тронем, — пообещал Миледи. — И уже уходим.

Мы свернули в зал под номером III. Мужчина семенил за нами, сетуя на полицию, которая наделала в его складах больший ералаш, чем взломщик. Я удивлённо посмотрел на Миледи. Конечно, кражи со взломом случаются не каждый день, но это ещё не повод привлекать к следствию Королевские космические силы. Миледи взглядом приказал мне молчать и через некоторое время остановился напротив кучи разбитых ящиков. На сером полу застыло большое рыжее стекловидное пятно.

— Канифоль, — сказал Миледи. — В этих бутылях находится спиртовой раствор канифоли. Взломщик разбил одну из них, а потом наступил в лужу и… — командор приподнял лежавший в нескольких шагах лист пластика, — оставил след.

Я подошёл. Это был отпечаток четырёхпалой ступни с полметра длиной.

— Смех да и только! — фыркнул мужчина в халате. — Кто-то над вами здорово подшутил. Только паломничества сюда не хватало!

Миледи опустил лист и выпрямился.

— Согласен, — сказал он. — Не смеем мешать.

В рольспиде я спросил у командора, что было похищено.

— Дифференциальные схемы устаревших типов, — ответил он. — То ли их держали для киберлюбителей, то ли попросту жаль было выбрасывать — в своё время в них вложили немало средств. Но пока воздержись от выводов.

Местоположение второго пункта нашей поездки из соображений секретности я назвать не могу: это был склад ядерного горючего. Мы прибыли туда в тот же час. Возле автоматизированного турникета для перехода пришлось застрять на полчаса. Миледи сунул руку в дактилоскопический идентификатор, и тут же в блоке за перегородкой загудел сигнал тревоги. Мгновенно спереди и сзади захлопнулись герметические переборки, и в камеру со свистом ворвался нейтрализующий газ. Я успел только услышать: «…небо в алмазах!»… Очнулись мы на воздухе. Вокруг толпились люди в комбинезонах. Среди них оказались врач и тщетно оправдывающийся охранник. Виновных не было: оказалось, что Миледи сунул в идентификатор раненый палец, а папиллярный датчик счёл это попыткой обмануть его. Врач проявлял сверхзаботу — оказать помощь командору он счёл для себя особой честью.

То, что показал мне Миледи, действительно было достойно самого пристального внимания. Он провёл меня в главный склад, огромное массивное строение, похожее на убежище. Дав мне вволю

налюбоваться этой железобетонно-свинцовой громадиной, которая под своей немыслимой тяжестью почему-то не проваливалась под землю (какие же там должны быть фундаменты!), Миледи указал на выход. Створки стальных дверей, покрытые листовым свинцом, были распахнуты настежь.

— Внутрь можно не входить, — сказал Миледи. — Исчез весь запас топлива.

Словно выполняя его тайное желание, я посмотрел себе под ноги. Оказалось, я стоял посреди углубления, оставленного в мягком песке полуметровой ступнёй. Таких следов было несколько. Они тянулись от дверей метров на десять в глубь двора и обратно и обрывались у колеи, которая полукругом огибала двор и скрывалась в воротах.

— Это отнюдь не шутки, Лютц, — горько заметил Миледи, когда мы вернулись в рольспид. — Охранники, дежурившие в ночь грабежа, ещё спят, хотя пошли уже третьи сутки. И мы не можем найти ни одного свидетеля. К счастью, след, оставленный необычным экипажем, привёл нас к месту, достаточно однозначно указывающему, где скрываются грабители.

— Чего же вы ждёте? — спросил я.

Миледи посмотрел на часы.

— Мы успеем до темноты, — ответил он и по коротковолновику, словно ему наскучила эта супертаинственная игра, вызвал вертолёт.

Мы пересели в него на закрытом для движения отрезке автострады.

— Старт-2, — бросил Миледи пилоту и оглянулся, чтобы увидеть, какое впечатление произвели на меня его слова.

Старт-2 — запасной космодром, расположенный к югу от Квондемона. В годы интенсивного изучения Солнечной системы было построено множество космодромов. И хотя их обслуживающий персонал неизменно сетовал на перегрузки, Старт-2 даже в период наибольшего напряжения не принял ни одного корабля. Этот космодром изначально оказался ущербным. Сразу после укладки плит в них обнаружились опасные напряжения. Едва построенная, рухнула контрольная башня. Без конца выходила из строя аппаратура. Пока управились со всеми этими техническими трудностями, интерес к Космосу поостыл и нужда в резервном космодроме отпала. Сегодня он зарастает травой, и мало кто догадывается о его гордом предназначении.

Наш вертолёт сел на краю площадки возле шеренги дремлющих транспо́ртеров, от которых исходил запах разогретой смазки. Впереди шумела полевая энергостанция. На траве отдыхала группа мужчин в мундирах ККС. Покуривая, они проводили нас равнодушными взглядами. Ничего похожего на прежних курсантов прославленной «школы Миледи», которые вытягивались в струнку при виде каждой звёздочки на рукаве. И хотя командор прибыл сюда инкогнито, а потому не мог быть в претензии, это не помешало ему, войдя в транспо́ртер командира, прорычать:

— Бордель! Никакой дисциплины, капитан!

Он сразу подошёл к столику и повернул к себе лежавшие там карты. Капитан застегнул мундир (он был немногим старше своих подчинённых), робко приблизился к командору и встал у него за спиной.

— Заражение уменьшилось на три порядка, — доложил он. — Объект под наблюдением. Он всё ещё на стационарной.

Миледи попросил капитана оставить нас одних, и через минуту мы услышали его приглушённые крики о необходимости соблюдать субординацию и быть подтянутыми.

2. В какой степени…

Миледи проверил, плотно ли прикрыта дверца транспо́ртера, и уселся напротив меня за столиком. В бронированной коробке было душно и жарко.

— Следы машины обрываются здесь, на плите, рядом с радиоактивным пятном. Здесь опустился и взлетел космический корабль. Сейчас он вне Земли, но со стационарной орбиты не уходит. Перестань возиться с магнитофоном. Лучше послушай. Не известно, откуда он прибыл и как давно висит у нас над головой. Станции обнаружили его среди обломков старых ракет только вчера. Нам не известно, как долго он находился на Земле и каковы намерения тех, кто в нём сидит. Зато мы знаем, что чужаки навестили склады. Спёрли — легко сказать! — пятьсот фунтов электронной мелочи и девятнадцать тонн ядерного горючего. Всё это произошло у нас под самым носом два дня назад. Они продемонстрировали отличную ориентацию: выбрали забытый космодром, расположенный вдали от населённых пунктов и вблизи складов с необходимыми им материалами.

— Неужели вы не понимаете, — перебил я, — что мы имеем дело просто-напросто с мистификацией. Я не сомневаюсь, что это проделки хулиганствующих молокососов, этаких любителей приключений, а вы, словно яростный приверженец бредовых теорий о пришельцах, пытаетесь убедить меня…

— Спокойно, Лютц. Ни в чём я не пытаюсь тебя убедить. Таковы факты.

— Внеземной корабль с ядерным двигателем?

— У «Старфлешей» тоже ядерные двигатели, а ведь радиус их действия более 100 миллипарсеков, хотя эти корабли созданы для приорбитапьных задач и на них больше вооружения, чем горючего. Если их бортовые арсеналы заменить на баки, они могут преодолеть расстояние в десятки парсеков.

— За какое время?

Миледи вздохнул:

— Цивилизация, которую зовёт Космос, не задумывается о времени.

— Демагогия.

— Называй как хочешь. Одно ясно: объект ничем не похож на наши современные корабли, а частные заказы не принимаются.

О следах, оставленных на двери, складах и полу, Миледи не вспоминал. Возможно, решил, что такого рода доводы слишком легковесны. Но ведь не притащил бы он меня сюда ради какой-то дешёвой сенсации. Миледи, жаждущий громкой славы?! Несомненно, он не мог не мечтать о контр-адмиральских погонах, как несомненно и то, что он заслужил их, но даже для прозрения адмиралтейства командор не стал бы прибегать к столь дешёвой рекламе. Я смотрел на его покрасневшие и припухшие веки, на потемневшие от однодневной щетины щёки. Он был явно утомлён. По-видимому, эти двое суток он не сомкнул глаз.

— Мы испробовали все возможные сигналы, Лютц. Объект не реагирует на них. Но биологические процессы там прямо-таки кипят. Биофизики с помощью своих пеленгаторов ведут непрерывные наблюдения, однако они не могут установить принадлежность этих процессов именно разумным существам и тем более определить степень их разумности. Тот факт, что эти существа прекрасно сориентировались в районе действия, ещё ни о чём не говорит: здесь мог сработать даже тропизм…

— Что же, по-вашему, их космический корабль тоже результат тропизма?

Миледи вздохнул, положил локти на крышку столика и, опустив на открытую ладонь свой квадратный подбородок, вместо ответа утомлённо посмотрел на меня. Пауза затягивалась. Чего ждал командор? Если там считают, что имеется реальная опасность, надо незамедлительно что-то предпринять. Разумеется, сначала они вышлют разведгруппу… И тут я понял. Миледи всё ещё ждал. Он уже знал, что я догадался. Мы оба отлично понимали, что мне нельзя ни приказать, ни посоветовать, он даже не мог меня просить. Решение должен был принять только я сам. Миледи просто давал мне возможность отказаться, по существу не отказываясь.

Но почему выбор пал именно на меня? Ответа не приходилось долго искать. Реорганизованная и сведённая к роли учебной секции Академия Королевских космических сил вот уже пятнадцать лет выпускала изнеженных неряшливых пилотов, которые шли в ККС чаще всего из снобизма или не попав куда-либо ещё. Адмиралтейству нужен был не только её выходец старых добрых времён, но и человек, смыслящий в биологии, к тому же не из трусливых и… которому нечего было терять.

— Даже компьютер не понадобилось запрашивать, Лютц. Твою кандидатуру приняли единогласно.

Разумеется, приняли за моей спиной, когда я, погружённый в благое неведение, правил чью-то там

статью или лежал рядом с Эли, вслушиваясь в её дыхание, впервые за эти несколько напряжённых дней глубокое и ровное. Тогда я думал только об одном: чтобы никому не пришла охота позвонить. Я не мог выключить видеофон, не разбудив Эли — её голова лежала у меня на плече. Но видеофон, конечно, зазвонил — жена спала час сорок восемь минут. Звонили из клиники. Лицо доктора Зенда светилось счастьем.

— Никаких оснований для волнения, — сообщил он. — Имплантат прижился, как саженец в теплице.

Эли стояла рядом, сжимая мою руку.

— Эли, — улыбаясь, сказал Зенд, — ваш сын будет работоспособнее прежнего.

Моему сыну приживили атомное сердце. Такое же, как у его отца.

Атомное сердце — это люди ещё могут простить. Всякий другой искусственный орган, по мнению большинства, превращает человека в киба, в низшее существо. Слово «киб» порой употребляют даже как ругательство. Однако иногда кибернизация — единственная возможность выжить. Человек не всегда держит свою судьбу в собственных руках. Вряд ли, садясь за рули «Старфлеша», можно предвидеть, что машина, едва стартовав, развалится на куски, потому что электромеханик перепутал провода, дежурный контролёр не разбирается в электронике, а сменный инспектор пробил карточку осмотра, не высунув носа из кабинета. А после падения с километровой высоты не приходится самому что-либо решать. Хирурги решают за тебя. Случается, пациент покидает лечебницу, сохранив лишь собственные — кроме мозга, конечно, — печень, селезёнку да часть пищеварительного тракта, а торс и конечности у него кибернизированы на восемьдесят процентов, так что в следующий раз ему терять нечего. Не то что плакатному вылощенному курсанту. Замена протеза вроде смены обуви.

— Мы подготовим тебе «Старфлеш» из тех, на каких ты учился, — проговорил Миледи. — Риск минимальный.

— Ну, риск — это по моей части. Но вы, вероятно, хотели сказать, что гарантируете мне сменные детали высшего качества.

Миледи внимательно посмотрел на меня.

— Твой организм, — сказал он, — не требует столько пищи и кислорода, как организм обычного смертного, содержащий все эти скользкие и непрочные приборы разового пользования. (Вот вам, — подумал я, — апофеоз киба!) Твоя потребность в углеводах, белках, кислороде и так далее вчетверо меньше. Не тебе говорить, какое это имеет значение вне Земли.

(Как отличить киба от идиота? Дай им решить простую математическую задачку. Идиот не задребезжит.)

— Мы будем присматривать за тобой. Эскадра «Старфлешей»…

— … и кибосервис, — рассмеялся я. — Простите, командор, это во мне заговорили чувства разбитого автомобиля при виде машины техпомощи.

3. Спаситель человечества

Мы переночевали в транспо́ртере капитана. Утром командора вызвали в Адмиралтейство. Он полетел вертолётом. В моём распоряжении остался рольспид и симпатичный чернокожий водитель. Парень не выспался — добирался до нас почти всю ночь. Армейская кружка чёрного кофе и отбивающий дикие ритмы магнитофон в ухе вернули ему бодрость. Я велел отвезти меня домой, но на въезде в Дексенс решил завернуть в клинику. Жена была уже там. Она стояла в коридоре, беседуя с доктором Зендом. Доктор Зенд, небольшой полный шатен, с неизменно сияющим лицом, увидев меня, засиял ещё больше. Он распространял вокруг себя терпкий запах септофоба.

— Спит, — сказала, увидев меня, Эли.

Я заглянул в палату. В большой кровати сын казался ещё более маленьким и хрупким.

— Через три дня мы разрешим ему короткую прогулку, — сказал Зенд. — А через две недели он уже побежит вам навстречу.

— И каждые пять лет, — добавил я, прикрывая дверь, — будет возвращаться сюда, чтобы подзарядить батарею.

Мы попрощались с Зендом и спустились к рольспиду. Водитель дремал, откинув голову. Я попросил отвезти нас в ресторан обедать. Не помню, что я тогда соврал Эли по поводу своего предстоящего отсутствия. Но вечером, когда я проснулся, она упаковывала чемоданы. Хотя штатская одежда мне явно была ни к чему, я не протестовал. Эли сказала, что, если моя командировка затянется, она, как только состояние Альберта позволит, уедет с ним куда-нибудь, к морю.

Я отправился утром, чуть свет. За виадуком Кеннеди образовался затор. Мы обошли его с нарушением, и нас остановил патрульный Дорожного отделения. К счастью, на лацкане у меня был значок спецслужбы, и патрульный, заговорщицки кивнув, позволил нам проехать.

Насколько много внимания уделили моей особе в воротах Учебного центра ККС, настолько безразличен я стал для всех, когда прошёл внутрь. Никто ничего не знал, особенно того, где кого можно найти. Водитель оставил меня с чемоданами на раскалённой, покрытой щебнем площади между двумя рядами пепельно-серых двухэтажных корпусов. Поразмыслив, я направился к заданию, помеченному буквой Е: когда-то там размещался штаб. Дежурный, подозрительно покосившись на мои чемоданы и штатскую одежду, поправил на рукаве повязку и ответил, что командор Миледи, «вероятно, где-то здесь». «Здесь» означало всего лишь 426 гектаров жилых и хозяйственных построек, машинный парк и полосы укороченного старта. Я попросил дежурного присмотреть за багажом и направился напрямик к ангарам. Сквозь синеватую дымку вдали серебрились на солнце треугольники готовых вырулить на стартовые полосы расчехлённых «Старфлешей». Возвышение, на котором они находились и которое курсанты называли сортировочной горкой, отсюда походило на покрытый чешуёй вздувшийся рыбий бок. Ещё издали я услышал трубный голос Миледи, который обещал механикам «показать небо в алмазах». Под одной из машин притаились съёжившиеся фигурки парней из роты обслуживания, предпочитавших не попадаться командору на глаза. Со времён моей службы в ККС Миледи продвинулся от командира эскадры до заместителя начальника центра по обучению технического персонала, хотя, на мой взгляд, любому стратегу из Адмиралтейства он мог бы дать сто очков форы.

Миледи я увидел возле извлечённого из «Старфлеша» холодильного агрегата, он стоял в липкой луже, перед ним вытянулся в струнку побледневший безусый курсантик. Командор, показывая на свои запачканные брюки, за что-то выговаривал ему. Перепуганный парнишка сжимал в руках пустую маслёнку. Когда-то мне доводилось бывать в его положении. В то время Миледи ещё носил стек.

— Я приехал, — сообщил я с непринуждённостью штатского, и командор прервал очередную тираду об аккуратности и порядке.

— Прекрасно, — сказал он, изничтожая парня взглядом, и, словно цапля, выбрался из лужи. — Растяпа.

Я подал ему носовой платок.

— Благодарю, Лютц. Всё равно надо менять брюки.

Мы стояли в треугольной тени машины, опиравшейся о бетон своим ажурным шасси. Почти четверть гектара тени. Ниже стартовые полосы расходились как бы наперекор перспективе.

— Устроился?

Я отрицательно покачал головой.

— В блоке А тебе приготовлена комната. Девятка. Да, из Адмиралтейства сообщили, что на время операции тебе присвоен чин командор-лейтенанта, чтобы не приходилось козырять каждому офицеришке. И только от твоего желания зависит, сохранишь ли ты это звание.

— Меня не прельщает воинская карьера.

Миледи пропустил моё замечание мимо ушей.

— Офицерская столовая, как и раньше, в блоке Б. После обеда можешь заглянуть в ангары и поболтать с механиками. А завтра посмотрим, на что ты годен.

По дороге к блоку А я взял у дежурного чемоданы. Комната напоминала стандартный номер в отеле. Я достал туалетные принадлежности, смену белья, а остальное, не вынимая, вместе с чемоданами сунул в шкаф. В нише висел безразмерный компенсационный костюм цвета маслины с двумя золотыми шевронами на рукаве — широким и узким со звёздочкой. Предел мечтаний всякого курсанта, да и не только курсанта. Освежившись под душем, я натянул новую одежду. Однако не могу сказать, что чувствовал себя в ней свободно.

Наутро у меня был пробный полёт. Единственный, так как Миледи счёл, что я нахожусь в прекрасной форме. Такое заключение не очень вязалось с его обычной требовательностью, и сегодня я склонен думать, что здесь не обошлось без нажима со стороны Адмиралтейства.

Подготовленный для меня «Старфлеш» почти не отличался от знакомых мне модификаций, хотя и принадлежал к машинам восьмого поколения. Изменения коснулись главным образом биологической защиты, системы управления и серворегуляторов. Так что в кабину я уселся, как в собственный автомобиль. Слева, под прямоугольным панорамным иллюминатором, поблёскивали стрелки контрольного пульта, справа — индикаторы системы ВИС. Кресло охватило меня, и я оказался в полулежачем положении. На голову, подобно капюшону, опустился находившийся за спинкой шлем. На долю секунды я почувствовал скорее ожидаемую, нежели действительную боль. Присоски электродов прилипли к черепу, и я перестал быть только человеком. Я слился с машиной. Я чувствовал её всю: блоки двигателей, механизмы управления, ракетную установку — всё дрожало от возбуждения, было готово к действию, полно огня, словно жеребец под седоком. Я нетерпеливо ждал сигнала старта.

Но тут Миледи отложил вылет и пригласил меня по радио в штаб. Здесь я застал долговязого штатского с длинным красным носом, на который, словно повалившаяся на бок восьмёрка, были нацеплены слабые очки в тонкой металлической оправе. Прилизанный, чистенький и чопорный, он протянул мне свою костлявую длань, а при рукопожатии склонился так низко, будто собирался чмокнуть мою руку.

— Командор-лейтенант Лютц, — представил меня Миледи. — Мистер Картвич из Управления по контактам с внегалактическими цивилизациями.

Слово «мистер» Миледи произнёс так, словно представлял подростка, которому хотел доставить удовольствие. Оба только что вернулись с совещания у руководителя Центра. У человека из УКВЦ была обиженная физиономия, и, похоже, он не ожидал от меня особой учтивости.

— Очень приятно, — солгал я.

«Наша система обороны, — говорил позже Миледи, — безотказна, и если какая-нибудь заблудшая комета или болид всё-таки шмякнутся о Землю, это будет заслугой только учёных из УКВЦ, которые не дадут уничтожить метеорит, не удостоверившись в том, не справило ли на нём случайно нужду какое-нибудь внеземное существо».

— Мы отменили операцию, Лютц, так как получили сообщение, что от основного Объекта отделился меньший по размерам объект. Сейчас он находится на более низкой орбите. По-видимому, именно этим кораблём на борт Объекта были доставлены топливо и электроника. Мы думаем, что корабль должен сесть. А мистер Картвич находится здесь для того, чтобы не спускать глаз…

— Простите, э… — Картвич стиснул зубы.

— … разумеется, не с нас, а с ваших гостей, — шутовски закончил Миледи и оставил нас одних. Было тихо. Картвич подошёл к окну, взглянув на посыпанную щебёнкой площадь и высморкался в белый платок.

— Так вы и есть тот самый палач? — спросил он укоризненно.

— Не понимаю, — холодно ответил я. Разговор обещал быть не из приятных.

— Якобы спаситель будто бы попавшего в беду человечества.

Я прекрасно знаю субъектов типа Картвича — при одном виде их меня начинает мутить. Ипохондрики, постоянно мающиеся с насморком или кашлем, сетующие на якобы повышенную кислотность, нытики, на каждом шагу подчёркивающие слабость своего тела, которому они тем не менее не желают помочь даже самым невинным протезом, поскольку это «профанирует совершенство природы». Сопение, кашель, икота — вот чем они подчёркивают своё превосходство над нами.

(Что делает киб, когда заболевает? Звонит механику. А когда умирает? Звонит на свалку.)

В дверях появился Миледи.

— Сел! — сообщил он. — Снова на Старт-2. Лютц, возьми мистера Картвича и садитесь в вертолёт. Я сейчас буду.

4. Как он прекрасен…

Миледи был в бешенстве. С того момента, когда мы втроём забрались в вертолёт, он не раскрыл рта даже для того, чтобы выругаться. Мы летели около часа в сторону Ливингстона, командор рядом с пилотом, а я позади, бок о бок с без конца прочищавшим нос человеком из УКВЦ. Человек из УКВЦ тоже был в ярости; разумеется, он во всём обвинял Миледи.

Когда мы сели на Старт-2, всё уже было кончено. Посреди плиты стояла небольшая ракетка с открытым люком, опалённая снизу, словно её извлекли из музея космических кораблей в Шерридоне. Подопечные светловолосого капитана, расположившиеся вокруг транспо́ртеров, спешно приводили себя в порядок. Миледи спустился на землю. Я побежал следом за ним к идущему навстречу капитану.

— Прилетели из Адмиралтейства, — доложил капитан, — и забрали этого… этого…

— Кого? — спросил я.

— Не могу объяснить, господин командор, — ответил капитан. Когда он перевёл взгляд на мой новый мундир, глаза его ещё больше округлились.

— Зато я могу объяснить! — взорвался Миледи, не думая о том, что его слышат курсанты. — Эти мне адмиралтейские штучки! Человеку приказывают согласовывать с ними любую глупость, а сами, эти надутые индюки, не считаются ни с кем и ни с чем и устраивают такой балаган…

Позади послышалось сморкание.

— Осмелюсь заметить, — вставил Картвич, — вы позволяете себе…

— Заткнитесь! — рявкнул Миледи. Он снова повернул склонённую набок голову к капитану. — Что это было?

Капитан сунул пальцы за воротник и потёр шею.

— Военная терминология не позволяет…

— Где оно сейчас?

— Люди из Адмиралтейства вывезли его в Биофизический центр. Они ожидают вас там. Всех троих.

— А какие вы получили указания, капитан?

— Никаких, господин командор.

— Тогда продолжайте караулить эту развалюху, — Миледи засопел. — В вертолёт, Лютц!

Картвич двинулся следом.

Мы молчали все девяносто минут полёта. Наступили сумерки, а вместе с ними небо закрыли чёрные, тяжёлые тучи. Было душно, парило. Пилот включил освещение приборов. Стрелка тахометра показывала 250, Картвич то и дело вытирал платком шею и лоб. Ручаюсь, он понемногу закипал в своём элегантном тёмно-синем костюме.

— Ничего похожего на то, что было пятнадцать лет назад, — неожиданно заговорил Миледи. В его голосе уже не было злости. — Правда, Лютц? Никакой координации, сотрудничества, соблюдения устава… Кто придёт в штаб первым, тот и командует. Ты слышал, чтобы голова одновременно отдавала телу взаимоисключающие распоряжения?

— Разве что во время приступа эпилепсии.

Мне не было видно сзади, но, кажется, Миледи усмехнулся. Мы пролетали над южным предместьем Ливингстона. Горели уличные фонари и цветные огоньки на верхушках небоскрёбов.

Картвич прильнул к боковому иллюминатору, подчёркивал всем своим поведением, что наши замечания его вовсе не интересуют. Пилот вертелся, словно его подмывало вставить и свои три слова.

Сели мы перед зданием Биофизического центра. Неподалёку стояла колонна машин на воздушной подушке. Эхо наших шагов, когда мы вошли в светлый холл, привлекло внимание дежурного, и он провёл нас в главный зал. В зале были двое — женщина и мужчина. Они стояли перед огромным пультом, усеянным всем тем, что человека, далёкого от техники, может довести до инфаркта. Оба были в халатах. Женщина мне сразу не понравилась, и вовсе не потому, что я не люблю пышных

блондинок, особенно из тех, что, разгуливая по улицам или взбегая по эскалатору, колышут своими прелестями, и отнюдь не потому, что учёный в юбке — само по себе подозрительно. Я решительно за отделение секса от науки; секс и наука — столь же уникальный, сколь и неудачный альянс. Мужчина выглядел любопытно: на полторы головы ниже женщины, подвижный, с растрёпанной сальной шевелюрой, какой-то шершавой физиономией — он даже побрит был неряшливо. Окинув нас пронизывающим взглядом маленьких чёрных глазок, он констатировал фальцетом:

— Приехали.

Фамилия Гном вполне соответствовала его внешности. Когда он говорил, то смотрел на что угодно, кроме собеседника.

— А они уехали.

Мы с Миледи переглянулись.

— Холера! — проворчал командор.

— Простите, — вставил Картвич. — Машины на воздушной подушке перед входом…

— Ах да, — пискнул Гном. — Гостя оставили. Он в виварии.

Гном повернулся к пульту, щёлкнул переключателями, и на одном из экранов появилось изображение. Я долго вглядывался в отдельные элементы, прежде чем смог увязать их в одно целое. У существа, в котором было столько же от человека, сколько и от насекомого, была голова, туловище и две пары конечностей. Оно имело симметричное строение и человеческое тело, но руки и ноги неимоверной длины скорее походили на конечности какого-то членистоногого. Высокий череп был покрыт свалявшейся коричнево-серой шерстью, а под пергаментной кожей маленького туловища резко вырисовывались кольца рёбер и кости ключиц. Это был явно самец. Неестественно большие кисти рук и ступни ног были вооружены поломанными ороговевшими когтями. Гном увеличил изображение, и мы увидели физиономию существа — она была человеческой, но застывшей, словно каменная маска. Только в глубине узко поставленных глаз можно было уловить какое-то выражение, возможно страха.

— Человек-паук, — шепнул Миледи с отвращением.

Женщина, покачивая всем, что у неё было под халатом, повернулась к нам. До сих пор она внимательно рассматривала нагое существо.

— Высота — два двадцать семь, — спокойно сообщила она. — Размах рук — два девяносто шесть. Вес — семьдесят семь килограммов.

— Внутренние органы, как у человека, — задумчиво сказал Гном. — Просто не верится!

Женщина прервала его и несколько минут демонстрировала свои познания в анатомии, а потом заключила с улыбкой:

— Когда его в усыплённом состоянии привезли сюда, он был немыслимо грязен и вонюч!

— Как он прекрасен! — воскликнул Картвич и торжественно высморкался.

— Нам тут делать нечего, Лютц, — проворчал Миледи. — Вы, как я догадываюсь, остаётесь?

Человек из УКВЦ с нежностью взглянул на экран, потом на женщину и утвердительно кивнул.

5. Пожалей наши нервы, Лютц

Следующие четверо суток я провёл в Учебном центре. Немного летал на «Старфлеше» — скорее для того чтобы убить время, чем ради тренировки. Погода испортилась, и достаточно было взглянуть на затянутое тучами небо, чтобы, не обращаясь к синоптикам, понять, что это продлится минимум неделю. Немало времени я проводил и на сортировочной горке. От механиков и курсантов я узнал о недостатках и достоинствах «Старфлешей» больше, чем от дожидавшихся повышения инструкторов. Наведывался и в проектное бюро; конструкторы охотно показывали чертежи, по которым легко было проследить сложную эволюцию машин. От поколения к поколению они становились совершеннее, чувствительнее и в то же время прочнее и безотказнее. «Старфлеш», приняв в себя человека, как бы сливается с ним, и всякий ремонт или замена узла превращается практически в операцию на живом теле. А ведь в боевых условиях производятся только такие исправления; пилот «чувствует», что неисправно в системе. Я инстинктивно возвращался к чертежам, полагая, что именно в них скрыта какая-то важная для меня истина…

Из Биофизического центра до нас доходили скупые вести. Попытки вступить с Пришельцем в контакт ни к чему не привели. От охранников склада ядерного горючего, которые за это время пришли в себя, тоже не услышали ничего нового; они несли службу в соответствии с инструкцией, а потом очнулись в госпитале. Миледи пребывал где-то вне центра. Звонил мне в самое неожиданное время и повторял, что я должен быть готов к вылету. В минуты хорошего настроения делился со мной новостями. Доверительно сообщил, что биофизики решили сконструировать пришельцеподобного киборга, который вместо нашего гостя сядет в его ракету, выйдет на орбиту, а затем проникнет внутрь Объекта. Особого успеха от операции не ждали, поскольку спецкиборг не был приспособлен к самостоятельным действиям и Пришельцы не могли не обнаружить подмены, однако предполагалось, что кое-какую информацию он всё же успеет передать. Управлять им должны были с Земли. Но зачем держали здесь меня?

На четвёртый день я решил связаться с Эли. Мне недоставало её, к тому же мучали угрызения совести за выдумку с командировкой. Она находилась у Альберта. Я давно не видел жену такой отдохнувшей и свежей.

— Альберт ходит на прогулки, и завтра или послезавтра я забираю его домой, — сказала Эли.

Она тяжело пережила несчастный случай с сыном. С того дня, когда Альберт с дружками устроили свой кросс, до самой операции не находила покоя. К счастью, доктор Зенд, опытнейший специалист, в то время отдыхал в Дексенсе и взялся за имплантацию.

Я увидел Альберта.

— Привет, папа! Когда приезжаешь?

— Скоро, — ответил я. Мальчик был ещё слаб. Круги вокруг глаз.

— Через неделю мы с мамой отправляемся на Атлантику. В Массейо или Жуан-Песоа.

— Я прилечу к вам.

— Ну, тогда до свидания. Доктор хочет с тобой поговорить.

Я увидел сияющую физиономию Зенда. На этот раз у него была улыбка триумфатора. Он исправил то, что испортил я.

(Кибка, положив ладонь на округлившийся живот, обращается к кибу:

— Наш малыш чем-то недоволен.

— Толкается?

— Нет, тарахтит.)

Эли должна быть ему благодарна. Очень, очень благодарна.

— Вас ничто не смущает, Лютц?

— Благодарю вас, нет, доктор.

Зенд внимательно смотрел на меня, не переставая улыбаться.

— Если будите в Дексенсе, — сказал он, — загляните в клинику.

Я поклялся навестить его при первой возможности и прервал связь. Потом навёл порядок в своих

вещах и уже стоял под душем, когда прибежал дежурный курсант, запыхавшийся и возбуждённый. В руке он сжимал плоский серый пакет.

— Тревога, господин командор-лейтенант.

Я повязал вокруг бёдер полотенце. Вода стекала по животу и спине.

— А мне-то какое дело? — спросил я. — У меня нет боевых заданий.

— Есть, — ответил курсант, вручая мне серый пакет. — Разрешите идти? — парень перебирал ногами.

В доме выла сирена, снаружи нарастал гул.

— Исчезни!

Мокрыми руками я разорвал пакет и вытащил сложенный вдвое листок.

Командор-лейтенанту Лютцу Сеймуру.

Предписание:

— срочный старт в ИВ 406; машина типа «Старфлеш» № ХНН 164;

— боевой полёт в направлении Старта-2;

— посадка на Старт-2;

— рапорт командующему операцией «Пришелец».

Командующий операцией «Пришелец»

Крики на дворе тонули в ворчании висевших над щебнистым полем вертолётов, ворчание вертолётов перекрывал грохот вдали. Ну да, конечно, тревога, боевые задания, лихорадочная беготня и теряющие голову дежурные — это стихия Миледи. Но соединение Королевских космических сил не поднимают без нужды. Я натянул компенсационный костюм на влажное тело и выскочил наружу. Сортировочная горка сотрясалась в клубах дыма и пыли. В небо взмывали короткие молнии стартующих машин. Рядом, на площади, курсанты ликвидационных групп выносили из штаба бронированные ящики и тащили их к танцующим над землёй вертолётам. Общее возбуждение передалось и мне. Кто-то дёрнул меня за ремень. Сидевший за рулём «тачки» курсант надрывался, стараясь, чтобы я услышал его, и показал на место рядом с собой. Мы помчались между рядами серых казарменных зданий, через стартовые полосы к уже стоявшей одиноко на неожиданно замолкшей горке машине ХНН 164. Миледи оценил бы мою реакцию. Минуту спустя я сидел за рулями «Старфлеша» в объятиях кресла. Шлем опустился на голову…

Блоки двигателей — в норме.

Системы управления — в норме.

Контрольная аппаратура — в норме.

Система ВИС — в норме.

Искра!

С адским визгом я помчался на стартовую полосу. Взмыл почти с места с таким ускорением, что вмешался блок безопасности, призванный пресекать всякого рода лихачества и в случае необходимости принять управление на себя. Сорвать без достаточных оснований пломбы блока безопасности — наказуемо равносильно уголовному преступлению. Я открыл глаза. За носовым иллюминатором — слои перистых и кучевых облаков. Я пробился сквозь них и взял курс на Старт-2. Теперь надо мной висел режущий глаза солнечный диск.

Садился я лихо. Зачем? Может, чтобы доказать, что я ничем не хуже, а то и лучше вымуштрованных субчиков с первой категорией здоровья? Я нырнул и помчался над самой плитой. Там, должно быть, всё задрожало, включая транспо́ртеры (их было значительно больше, чем несколько дней назад) и стройную ракетку, которая торчала кверху, словно гвоздь из доски. Я развернулся и под дикий визг тормозов сел, едва не дав козла. Возле транспо́ртеров сразу же закопошились люди. На плиту вышли несколько человек; я издали узнал массивную фигуру Миледи и выскочил из раскалённой кабины ему навстречу. Мы сошлись возле ракеты. Плита была влажной — накрапывал дождик. Вместе с командором были два контр-адмирала, точнее он был вместе с ними, а также знакомый капитан и человек из УКВЦ. Картвич доброжелательно и вежливо подал мне руку и, так же как и в первый раз, почти клюнул мою своим красным носом.

— Пожалей наши нервы, Лютц, — сказал Миледи и вдруг заинтересовался конструкцией ракеты. Картвич, по-прежнему не выпуская из рук носового платка, недовольно взглянуд в серое небо.

— Моросит. Может, зайдём куда-нибудь?

— О да, — ответил стоявший сбоку капитан. — Прошу в мою машину.

Парни капитана, вобрав головы в плечи, торчали между транспо́ртерами, построенные неведомо для чего в походную колонну. Я шёл рядом с Миледи вслед за капитаном и контр-адмиралами. Картвич плёлся сзади.

— Весь центр ещё наверху? — спросил я вполголоса.

— Их работа, — прошипел Миледи, кивнув в сторону высокого начальства. — Объявили учебную тревогу. Но для тебя это будут не учения.

Оставив капитана с его курсантами, мы впятером вошли в транспо́ртер.

6. В зависимости от обстоятельств…

«Старфлеш» пристал к корпусу Объекта, который был вшестеро больше моей машины, так что, стоя на корме, я с трудом различал нос. Не совру, если признаюсь, что только теперь я мог спокойно обдумать положение. Во время короткого совещания в транспо́ртере мне не дали собраться с мыслями. Один из контр-адмиралов — у него от виска до верхней губы тянулся шрам — тут же заявил:

— У вас двадцать минут до старта. — Он посмотрел на Миледи, потом на меня. — Знаю, некоторые офицеры Королевских космических сил считают, что любую операцию следует детально разработать, даже если она продлится пять минут, а разработка её займёт не менее года, но силы — это военная организация. Армия не имеет права терять время на трёп, армии достаточно общих стратегических посылок, а тактику каждый обязан выбрать сам, на месте.

Миледи внимательно рассматривал свои огромные руки.

— Как вам известно, Объект не отвечает на наши сигналы, — второй контр-адмирал говорил тихо и бесцветно. — Безрезультатными оказались и попытки вступить в контакт с Пришельцем. Мы можем лишь предполагать, что он вторично опустился на Старт-2 с той же целью. Опасности нет, однако нельзя недооценивать серьёзности факта вторжения Объекта в нашу систему. И факт этот не становится менее значительным от того, что пребывание чужаков на Земле, в частности на территории нашей страны, не угрожает жизни наших сограждан. В настоящее время Объект находится на стационарной орбите и, очевидно, ожидает возвращения своего посланца. Ракетка, разумеется, стартует, но за рулями будет сидеть пришельцеподобный киборг. Вероятнее всего, существа с Объекта расправятся с ним, как только он попадёт к ним в лапы, однако мы надеемся, что успеем получить самую необходимую информацию. Вы, командор-лейтенант, вылетите одновременно с ракеткой и на абордажном полёте войдёте в зону Объекта. Важно, чтобы бортовые устройства чужаков не обнаружили ваш «Старфлеш». Возле самого Объекта вы отойдёте от ракетки, ракетка направится к шлюзу, а вы посадите свою машину на Объекте. Это всё.

— Тактику поведения, — добавил контр-адмирал со шрамом, — дальнейшего поведения, вы изберёте такую, какую сочтёте необходимой.

Потом он говорил о необходимости проникнуть внутрь Объекта, но, естественно, не через шлюз, так как чужаки добровольно меня не впустят, и тогда я понял, в чём дело. Человек из УКВЦ. Если б этого типа здесь не было, господа контр-адмиралы сказали бы без обиняков, что я должен вспороть Объект и вылущить оттуда чужаков живыми или мёртвыми или же занять горизонтальную позицию и всадить в Объект весь заряд из ВИСа.

— Кто-нибудь желает высказаться? — спросил контр-адмирал со шрамом.

Картвич рассопливился вконец.

— Да, — прогундосил он в платок. — С вашего позволения… — Он вытер нос и губы и обратился ко мне. — Я верю, что в ходе выполнения задания вы будете руководствоваться прежде всего чувством приязни к нашим гостям и принципами гуманности в самом широком понимании этого слова.

— Вы, мистер Картвич, — язвительно проворчал Миледи, — можете не беспокоиться за судьбу наших гостей. Лютц — человек с голубиным сердцем.

Ракетка скрылась в пасти шлюза, а я, стоя на корме, глядел в сторону носа, хорошо видного на фоне гигантского светлого шара. Над ним висел другой шар, поменьше, покрытый сверху тенью, — Луна. Ну, и вуаль Космоса, густо-усеянная цехинами. Я чувствовал, как под влиянием искусственной гравитации Объекта кровь приливает к вискам, словно я вишу головой вниз, прикрепившись к потолку магнитными ботинками…

— Режь! — приказал я «Бюрнеру».

На мне был компенсационный скафандр, который я надел перед тем, как покинуть кабину «Старфлеша». В лопатки упирался контейнер с сухим кислородом. Суточный запас для нормального человека. Мне наверняка хватило бы на трое или четверо суток. Остатки сомы не поглощали много кислорода, даже когда я выполнял тяжёлую физическую работу. Я положил руку на приклад травмата. Центробежная сила вращающегося Объекта отбросила диск метрового диаметра, вырезанный в броневой оболочке. Я взглянул на обнажившиеся провода. Между пучком разноцветных кабелей и трубопроводом было почти полуметровое свободное пространство. Там, во внутренней оболочке Объекта, я приказал «Бюрнеру» сделать лаз. Через минуту из вырезанной дыры вырвался факел мгновенно замерзающего воздуха. Я почувствовал дрожание корпуса: в глубине Объекта опускались предохранительные переборки. Это был, однако, примитивный корабль.

«Бюрнер» покончил с делом прежде, чем изнутри ушли остатки воздуха. Кусок обшивки устремился в космос. Я наклонился над отверстием. В свете рефлектора были видны прикреплённые скобами к стенам пакеты, ничего больше. Я не ошибся, решив вырезать отверстие в кормовой части, где, как мне казалось, должны располагаться склады и, значит, резкая декомпенсация не могла непосредственно угрожать жизни экипажа. Я отослал «Бюрнера» в багажник «Старфлеша» и медленно вполз в отверстие. Было темно. Рефлектор выхватывал части небольшого и скорее всего редко посещаемого помещения. Единственная дверь, зацепившаяся замком за повреждённую коробку, висела под углом к полу. Когда я притронулся к ней, она беззвучно опустилась на пол, подняв клубы пыли. Дальше был коридор. Вдоль его противоположной стороны тоже размещались складские помещения. Их высосанные пустотой двери лежали искорёженные. Пучки проводов вылезли из стен и висели, словно разорванный серпантин; от арматуры остались только дыры в панелях, С обоих концов коридор был перекрыт газонепроницаемыми переборками. Я оказался в замкнутой камере, из которой ещё можно было выбраться, пока в обшивке корабля существовало отверстие, вырезанное «Бюрнером». Но как только кто-то из экипажа заделает его… Предчувствие заставило меня вернуться на «Старфлеш» за плазменным излучателем. Травмат может с успехом поражать живую силу, но против боевых установок он бессилен. Я втиснулся в угол между пакетами и погасил рефлектор. Сзади, сквозь чёрную прорубь на меня смотрели яркие и острые, как кончики иголок, точечки звёзд… Экипаж, вероятнее всего, сначала заделает отверстие в наружной обшивке. Потом, когда из-за поднятых переборок сюда ворвётся воздух, они займутся исправлением внутренней обшивки и всего прочего.

Запасные двери они могут найти на Земле…

Они опускаются у складов с жилым оборудованием…

Из борта корабля выдвигается трап, и по нему спускается пузатая машина.

«Лютц, — говорит командор Миледи, — мы готовы ко всему. Планы обороны разработаны пятнадцать лет назад».

… и тут из машины вылезает чудовищный паук. Он тянет за собой нить и оплетает ею командора Миледи, и меня, и машины. Адмиралы верещат…

Картвич подпрыгивает и кричит: «Как славно! Как славно! Виват, виват!» Он опускается на колени перед женщиной в заткнутом за юбку халате…

Паутина оплетает нас всё плотнее.

«Миледи, что с вашими планами?»

«Лютц!»…

Я спал сто сорок минут. Заснуть при таких обстоятельствах! Позже доктор Зенд объяснил мне, что в особо трудных психофизических условиях у человека может произойти замедление физиологических функций и временное отключение сознания. Поднимаясь на ноги, я услышал звук собственных движений. Значит, в камерах уже не было пустоты. Да, даже чувствовалось слабое сопротивление воздуха. Движением глаз я включил рефлектор. Недавнее отверстие заполняла броневая пломба. На полу камеры и частично коридора были видны и другие латки. Однако я понял, что они, как и дыры, которые я сначала принял за места крепления вырванного декомпрессией оборудования, возникли не по моей вине. Корабль прошёл сквозь метеоритный рой, и при том очень давно, если судить по толще пыли, покрывавшей растрескавшиеся створки дверей, которые, следовательно, тоже искорёжил не я. Команда ракеты ограничилась тем, что залатала только обшивку. И это было странно. Рассчитывая на то, что никто сюда и на этот раз не войдёт, я вышел в коридор. В тишине шаги звучали, как удары молота, хотя гравитация здесь не превышала четырёх пятых земной и я старался ступать мягко. За поднятой газонепроницаемой переборкой оказалась закрытая дверь. Я освободил замок и осторожно толкнул её. Сквозь щель пробивался свет и слышался слабый шум. И здесь коридор был пуст. Я проскользнул в него и остановился перед первой в длинном ряду дверью. На высоте моих глаз была врезана табличка с выгравированной латинскими буквами надписью «ХОЛОДИЛЬНИК F».

Ничего не понимая, я несколько раз прочёл это слово и бессознательно протянул руку. Дверь отворилась сама собой. Фотоэлемент или сенсор? За первой дверью находилась вторая, утеплённая, закрытая на магнитную защёлку. Я нажал на неё плечом. Внутри зажёгся свет. Весь холодильник занимал покрытый инеем стеллаж, уставленный прозрачными ящиками. Незачем было к ним подходить: и отсюда было видно, что там лежали существа, которых нельзя было назвать иначе, чем людьми. Это были люди.

Мёртвые.

У меня перехватило дыхание. Я почувствовал тошноту и выскочил в коридор. Миновал холодильники E, D, C, B и A. За ними в нише увидел лесенку, ведущую на верхние палубы, и проход,

соединявший параллельные коридоры. Я пошёл напрямик, стараясь попасть в нос корабля. Газонепроницаемые переборки делили нижний уровень на отрезки длиной с железнодорожный вагон. Я остановился в третьей по счёту камере. Здесь размещались, если верить надписям на табличках, кабины экипажа. До сего дня не знаю, открылась ли та дверь сама или её открыл я. Посреди кабины, уставившись на меня, стоял чужак, который, казалось, знал о моём приближении и давно уже ждал, когда я переступлю порог. Он был совершенно гол, паучьи ноги широко расставлены. За ним расхаживал второй. Он двигался подобно механизму: после каждого шага замирал на долю секунды. Тот, что стоял ближе, издал предостерегающий скрежет, и второй повернулся ко мне. Это была самка. Мы молча и не двигаясь стояли друг против друга. Не спуская глаз с чужаков, я разглядел измятые постели на койках, потёртую дорожку на полу, ржавые стены и дверцы шкафов. Слышно было лишь свистящее дыхание пришельцев и далёкий топот. (Страшно сожалею, командор, что не ознакомился с приложением «О вариантах контакта» к вашему, несомненно, тщательно разработанному досье операции «Пришелец».)

Топот приближался. Я отодвинулся от двери, прижался спиной к панели и положил руку на травмат. На пороге появился робот. Ошибки быть не могло: точно такого же я видел в квартире командора. Миледи держал его ради забавы; архаичный урод выполнял функции швейцара и гардеробщика. Ему больше ста пятидесяти лет, кажется, он принимал участие в одной из первых межзвёздных экспедиций, о чём свидетельствует эмблема с названием корабля «Дельта» на груди. У робота, стоявшего сейчас в дверях, была такая же эмблема, только с надписью «Аудакс».

Самец, не раскрывая рта, протяжно заскрежетал. На лбу робота загорелась лампочка. Это была лампочка внутренней связи. Насколько мне известно, таким путём он мог общаться лишь с другим роботом или центральным компьютером корабля. Чужаки по-прежнему стояли неподвижно, робот преграждал мне дорогу к выходу. Было тихо, но вот где-то в глубине послышался быстрый топот. Кто-то бежал, тяжело, словно тащил оружие. Я засунул травмат за пояс и медленно снял с плеча излучатель. Уперев приклад в бедро, левой рукой я взялся за рукоятку, а правую положил на спуск. К чёрту Картвича с его широко понимаемой гуманностью! Я направил ствол в просвет двери. Топот уже был совсем близко. Робот отступил от прохода, и в то же мгновение в кабину влетел боевой автомат. Я забыл о роботе и стоявших совсем рядом существах, что могли в любой момент напасть на меня, и следил только за автоматом, который разворачивался вокруг своей оси. Он сделал три четверти оборота, необходимого, чтобы повернуться ко мне фронтом, когда в его панцире раскрылась щель и там блеснул ствол лазера. Тогда я нажал на крючок. Нет, тогда я решил нажать на крючок. По кибернизированным нервам импульсы расходятся быстрее, чем по соматическим, тем не менее за сотые доли секунды автомат успел повернуться ещё на сорок градусов и открыть огонь. Луч лазера, направленный в мою грудь, полоснул по руке в тот момент, когда я нажал на крючок излучателя. Там, где стояли автомат и робот, вспыхнуло пламя. Огонь лизнул нагие тела чужаков, воздушная волна бросила их на бронзовеющие от жара кровати. Исчезли оба робота, исчезла створка двери и часть стены. Кабину заполнили чёрные клубы дыма. Кибернизованные клетки так же восприимчивы к раздражителям, как и соматические, но я не ощущал боли, не почувствовал её даже тогда, когда, наклонившись, увидел у своих ног собственную руку. Я бросился бегом по коридору. (Хочешь убедиться, что твой знакомый не киб? Намекни ему, что на ближайший склад доставили новые модули. Если он неожиданно не вспомнит, что через четверть часа у него важная встреча, можешь быть за него спокоен.)

У меня начало неметь плечо. На бегу я наложил на культю компенсационную латку. Перед дверью в складские камеры включил рефлектор. Скользя по обломкам пластика, добрался до камеры. Направил излучатель в пол. Ослепительная вспышка — и подо мной раскрылась чёрная звёздная пропасть. Позади загрохотали падающие переборки, движение воздуха толкнуло меня к отверстию. Выпустив из рук излучатель, я уцепился за ещё мягкий конец трубы, которая торчала в выжженном отверстии из-под внутренней обшивки. Подтянув колени, упёрся ногами в наружную обшивку. Подошвы плотно прилипли к ней. Я отпустил конец трубы и выпрямился. К голове приливала кровь, а отрезанную руку разрывала пульсирующая боль. Я взглянул на «Старфлеш». Его панорамный иллюминатор горел на солнце, словно зеркало. Шаг за шагом в абсолютной тишине я преодолел отделявшее меня от него пространство. С трудом вполз в кабину. Сомневаюсь, чтобы хоть кто-нибудь из «настоящих людей» смог управиться с отрицательной гравитацией, имея только одну руку. Честно говоря, не знаю, как это удалось и мне. Я оказался в родных объятиях кресла. Провентилировал кабину и снял вакуумный шлем. К черепу тут же присосались электроды.

Искра!

Гравитация исчезла.

— Я ранен, — громко сказал я.

— Берём управление на себя, — отозвался трубный голос Миледи.

7. Пришло время поговорить откровенно

Я лежал в тишине (земной тишине, у которой нет ничего общего с космической). Прямо со Старта-2 санитарный конверт переправил меня сюда, в клинику в Дексенсе, потому что здесь был доктор Зенд, один из лучших имплантологов в мире.

Я вдыхал больничный запах и тренировал новую руку, которая пока ещё быстро немела. Зенд заверил меня, что онемение прекратится, как только восстановятся связки. Я лежал здесь уже неделю, и антициклон с юга за это время разогнал тучи. Небо стало ясным, чего нельзя было сказать о Миледи: командор сидел на краю койки хмурый и угрюмый. Я отложил гантели и спустил ноги на пол.

— Анализировали сеанс?

Миледи кивнул. Выражение его широкого бритого лица было красноречивее слов.

— Если б я рассказал вам всё без гипнотического сеанса, — добавил я, — вы, пожалуй, не поверили бы.

— Беда в том, что мы и так не очень-то верим. Подсознание не лжёт, но идущая от него информация может быть ложной.

— Вы меня интригуете.

— Так происходит в тех случаях, когда слишком буйное воображение загипнотизированного воздействует на подсознание либо когда в подсознании присутствуют реальные, но ложно интерпретируемые события.

— Предположим, я опять на корабле пришельцев. Чувствую, что мне грозит опасность. В кабину влетает автомат с лазером, готовым к бою. Я убеждён, что сейчас он откроет огонь, поэтому стреляю первым. Однако в действительности он, лучше меня зная ситуацию на корабле и отношение чужаков к людям, неожиданно воспылал любовью ко мне и примчался, чтобы защитить. Увы, то, что было спасением, я принял за нападение, и даже моё подсознание будет настаивать на этом. Так что ли получается, по-вашему?

— Отчасти. Хотя в данном случае у автомата по отношению к тебе были враждебные намерения, о чём лучше всего свидетельствует твоя рука.

— Тогда почему же вы не верите остальным фактам?

Миледи засопел. Вытер ладони о бёдра и встал с койки, тяжело, как вылезающий из грязевой ванны бегемот. Распрямился, потом снова сел на то же место.

— Скажу тебе, что мы видели, — сообщил он.

С самого момента его прихода я ожидал этих слов. Командор же тянул, словно раздумывая, не относится ли то, что он собирался сказать, к секретным сведениям.

— Мы поддерживали непрерывный контакт с киборгом, — сказал он. — Как только ракета оторвалась от твоего «Старфлеша», Объект всосал её через шлюз. Света там было мало, но, когда камера заполнилась воздухом и туда вошли чужаки, стали видны отдельные фигуры. Эти существа двигались, как… Знаешь, что это мне напоминало? Замедленную съёмку строевой подготовки.

— Казалось, они подражают движениям примитивных роботов, верно? — неожиданно для себя подсказал я, поражённый этим подобием.

Миледи кивнул:

— Левая нога вперёд, правая рука назад — пауза, потом наоборот — снова пауза. Каждое движение тела сопровождается паузой. Мы слышали их голоса. Кажется, они обменивались между собой какими-то замечаниями.

— Из всего сказанного следует, что вы отказались от теории космического тропизма?

— Брось, — вздохнул Миледи. — Тогда я хотел тебя подразнить. Вполне очевидно, что мы имеем дело с разумными существами, только не можем установить характер их мышления. Но, надо сказать, за нашего киборга они взялись так же, как и мы принялись бы за чужого. Когда их попытки достичь взаимопонимания со спецкибом не дали результата, они, что-то заподозрив, утащили его в лабораторию. Там подключили его к какой-то странной аппаратуре, похоже диагностической, а позже, проскрежетав около часа, взялись за ланцет. Ну, и обман раскрылся. Вивисекцию докончили их роботы; чётко и безошибочно, словно были к тому специально

приучены. — Миледи хлопнул себя по бедру. — На полу! Операционный стол был слишком мал… — он замолчал. Потом возбуждённо продолжил: — Там всё слишком мало! Их средний рост — два пятнадцать, а койки, которые ты видел, операционный стол, мебель, помещения — всё годится скорее для их роботов. Взять хотя бы ракетку. Чтобы поместиться в ней, спецкиб сгибается в три погибели. Не думаю, чтобы это была их любимая поза, тем более что она почти не позволяет управлять корабликом.

— Вы рассмотрели их роботов? — прервал я.

Миледи на секунду замолчал.

— Я, например, рассмотрел их отлично. Они поразительно похожи на нас.

— Мы наблюдали за одним типом, когда он принимал пищу, — сказал командор, увлечённый собственными мыслями. — Когда нашего киборга ввели в лабораторию, один из них находился там и что-то ел из миски. Еду он брал рукой и засовывал в рот, как это делает моя внучка, когда дорвётся до банки с вареньем.

— И что же вам не понравилось?

Миледи вздохнул. Задумчиво потёр квадратную челюсть. Наконец решился.

— Две вещи нас смущают, Лютц. Первое — таблички с латинскими надписями «холодильник», «склады», «кабины экипажа» и так далее. Второе — замороженные люди. Люди.

— Но я…

— Порядок, Лютц. Мы пришлём к тебе психоаналитика. Во время гипнотического сна ты утверждал, что коридор в корабле был похож на коридор железнодорожного вагона, а двери в нём напоминали тебе двери купе.

— Да, но…

— Так вот, люди из Адмиралтейства предполагают, что в детстве ты был свидетелем катастрофы. Ты ехал поездом, когда случилось что-то страшное: резкое торможение, лопнул рельс… Столкновения скорее всего не было, так как при двухстах километрах в час да ещё двухстах — у встречного поезда, сам понимаешь… Да, значит, ты ехал поездом. Пассажиры, как это обычно бывает, наплевали на указания и не пристегнули ремни, а ты пристегнулся. Когда произошла катастрофа, ты выбежал в коридор: кричал, заглядывал в купе, где лежали перемешанные тела…

— Я бы это помнил!

— Не обязательно. Шок мог вытеснить воспоминания о том случае в подсознание. Только когда ты оказался в столь же стрессовой ситуации, возвратились забытые тобой картины. Их дополнило воображение…

В палату вошёл, как всегда радостно улыбающийся, доктор Зенд:

— Простите. Я не хотел мешать.

— И не помешали, — ответил Миледи, вскакивая с койки. — До свидания, Лютц. До свидания, доктор.

Зенд проводил его взглядом.

— Как рука, самочувствие? — спросил он, когда дверь за Миледи закрылась.

Я поднял гантели над головой.

— Рука работает превосходно, с самочувствием похуже, — ответил я. — Оказывается, я не просто киб, а киб, страдающий психическими расстройствами.

Доктор Зенд не перестал сиять, но смотрел на меня изучающе — как тогда в холле перед палатой Альберта. Взял у меня гантели. От его халата исходил знакомый запах септофоба.

— Пожалуй, пришло время поговорить откровенно, — сказал он.

— Что-нибудь с Альбертом? — насторожился я.

— Нет, с чего вдруг? Мальчик чувствует себя превосходно. Вчера звонила ваша супруга, Альберт очень подвижен, и Эли спрашивала, не повредит ли ему это.

— А как чувствует себя жена?

— Думаю, хорошо, — Зенд присел там, где только что сидел Миледи. Его ноги не доставали до пола.

— Вы хотите поговорить со мной об Эли?

Доктор Зенд заморгал и добродушно улыбнулся.

— Не имею ничего против, но в данном случае я хотел бы поговорить о вас. Точнее, о нас… О нас всех… — он отвернулся, — вопрос достаточно деликатный, к тому же тем самым я нарушаю правила. Но, думаю, мне это простится, так как на полный терапевтический успех я могу рассчитывать только в том случае, если введу вас в суть дела.

— Вы собираетесь продолжить курс лечения?

— Я собираюсь вам помочь.

— Ну, насколько я знаю…

Зенд взял меня за запястье.

— Что вы знаете о кибернизации?

— Доктор!

— Так я и думал: вы оцениваете её субъективно. Я имею в виду кибернизацию вообще, — Зенд не отпускал мою руку. — Сеймур, знаете ли вы… знаешь ли ты, что наши предки уходили в могилу с собственными зубами? Знаешь ли ты, что только сто лет назад люди начали пользоваться средствами для выращивания волос, а прежде волосы росли сами? Знаешь ли ты, что обоняние наших предков было на порядок тоньше вашего, а их ногти легко царапали кожу? Это процесс эволюции, и к прошлому нет возврата. Всегда вперёд, Сеймур. Быть может, мы совершенно потеряем обоняние, быть может, у нас совсем исчезнут ногти и притупится слух, но не исключено, что взамен в нас разовьются другие способности: телепатические, телекинетические, и прочие. Однако пока мы вынуждены пользоваться протезами. Раньше защитой от холода была шерсть, которая покрывала человека с ног до головы, потом человек кутался в шкуры, вначале естественные, потом искусственные, тело теперешнего киборга закалено и почти невосприимчиво к температурам и на экваторе и на полюсе. Раньше у человека были когти и клыки, позже хрупкие ногти и жалкие кариозные зубы, сегодня на кончиках пальцев у нас подобие рыбьей чешуи и уже в шестнадцать-семнадцать лет совершенно голые дёсны. Веками человек изменял условия своего существования и вместе с ними изменялся сам. Природа идеально демонстрирует состояние неустойчивого равновесия; ликвидация или введение даже одного нового экологического фактора неизбежно влечёт за собой лавину последствий, которая катится до тех пор, пока вновь не будет достигнуто состояние равновесия. Человек постоянно нарушал это равновесие с тех пор, как взял в руки первое орудие, а орудиями он пользовался для того, чтобы улучшить условия своего существования. Совершенствуя свой быт, он отравлял воздух, землю и воду, пичкая себя химикалиями, породил такой хаос в своих генах, что ему пришлось думать не только о дальнейшем преобразовании окружающей среды, но и о преобразовании собственного организма. И думать надо было быстро — генетическая метаморфоза превратилась в самый безжалостный фактор селекции. Смерть пожинала обильные плоды, появились мутанты, и, если бы не достижения науки, мы имели бы сегодня такую дифференциацию в человеческих генотипах, что человек от человека отличался бы больше, чем шимпанзе от дюгоня. К счастью, изменения в хромосомах происходили медленно и мягко, а контролируемый отбор и различные общепопуляционные медицинские меры предотвратили дифференциацию нашего рода. За всё надо платить. Но за преобразование окружающей среды человек заплатил сравнительно невысокую цену, больше того, не столько заплатил, сколько выгадал. Ведь твоё тело, Сеймур, сегодня гораздо совершеннее, чем до кибернизации. И это ты должен наконец понять. Впрочем, не только ты, это должны понять все. Это касается подавляющего большинства людей. Люди редко заглядывают в статистические справочники, а заглянув туда, обнаружили бы, что шестьдесят с лишним процентов граждан нашей страны — кибы! Остальных же, молодёжь вроде твоих курсантов, раньше или позже ждёт та же участь. Мы стыдимся своих имплантатов так же, как наши предки стыдились своих болезней, и демонстративно посмеиваемся над кибами, содрогаясь при одной лишь мысли, что кто-нибудь узнает о нас правду. Мы прикидываемся, будто такие клиники, как эта, — исключение, а в остальных лечат обычную простуду или хронический гастрит. В то же время с подземных автоматизированных конвейеров ежедневно сходят тысячи искусственных почек, желудков, лёгких и сердец. Я не могу даже приблизительно назвать число сделанных мною операций, но за всю мою практику не случилось пациента, который бы не спросил, будет ли соблюдена врачебная тайна. Ты сказал Эли, что собой представляешь, Эли рассказала тебе о себе, но никто из вас не отважился бы признаться в этом своим знакомым, хотя шестеро из десяти могли бы подать вам руку. Такую, как эта.

Доктор Зенд отпустил мою руку и сунул мне под нос свою изящную кисть.

— Да, Сеймур, я киб, я ещё больший киб, чем ты, У меня даже физиономия кибернизована.

Я посмотрел ему в лицо. Оно было весёлым и сияющим.

— Это не пластический эффект, Сеймур. Я действительно таков.

— Я знаю, старик.

8. Теория эволюции

Несмотря на протесты Зенда, угрозы порвать со мной отношения и заявление, что, если в будущем мне понадобится его помощь («Желаю тебе, чтобы твой «Старфлеш» после старта потерял двигатель!»), он, рискуя потерять место, не окажет мне её, несмотря, повторяю, на все попытки дружеского шантажа, назавтра утром я сменил больничную пижаму на компенсационный костюм цвета маслины, в котором меня привёз сюда санитарный конверт. Штатская одежда осталась в комнате номер девять корпуса А Учебного центра ККС. Чтобы получить её, я связался по телефону с Миледи и спросил, могу ли пройти на территорию центра. Миледи ответил, что пока на мне мундир, «даже если в нём одним рукавом меньше», центр к моим услугам в любое время дня и ночи, и выразил удовлетворение тем фактом, что я так быстро пришёл в норму. О психоаналитике, который должен был сделать из меня жертву железнодорожной катастрофы, командор даже не заикнулся. Он был «чертовски занят» и к тому же взбешён.

Из больницы я выбрался боковым ходом, чтобы случайно не столкнуться с Зендом. Ах, доктор, клянусь, как только я улажу свои дела, я обязательно навещу тебя, более того — буду часто тебя навещать. Но сначала мне хочется отдохнуть с Эли и Альбертом, хотя бы только месяц, который, я, согласись, заслужил.

В центре я надел штатскую одежду, повесил в шкаф компенсационный костюм и спросил у дежурного, нет ли для меня каких-нибудь распоряжений. Распоряжений не было. Военная вежливость, чёрт побери.

Когда я уже выходил, что-то заставило меня заглянуть в проектное бюро. Перед стартом я рылся там в документах, и с тех пор меня не покидало ощущение, что в этих бумагах скрывается что-то весьма важное. Главный конструктор пустил меня в архив. Помещение архива прилегало к проектному бюро, и сквозь приоткрытые двери были слышны разговоры конструкторов. Я раскрыл папку с планами системы ВИС четвёртого поколения. Почему именно четвёртого? Просто она оказалась сверху.

— … и опустилась.

— Где?

— Где! На Старте-2, разумеется. Наши переждали и вошли внутрь.

— Ну?

— Там никого.

— Вчера?

— Ага. Считают, что пауки выгнали её за своим. Думают, мы его освободим.

— Вероятно, мы поступили бы так же.

— Но сначала бросили бы пилюлю, чтобы показать, какие мы сильные…

Нет, не то. Я отыскал планы модифицированных систем управления. Бегло просмотрел их.

— … старик был в штатском, капитан не узнал его и сказал, чтобы тот не лез не в свои дела. Старик подал на него рапорт.

— Старик прав. Из капитана такой же офицер, как из меня кавалерист, а его парни ведут себя как на отдыхе.

— Знаете, наши записали скрежеты пауков, которые передал спецкиборг. Дали прослушать пауку из Биофизического центра.

— Ну?

— Ничего. Только вытаращил глаза. Потом успокоился.

— Интересно, чем его кормят?

— Какой-то профессор, кажется Гном или что-то в этом роде, сказал, что через несколько сотен лет, если только раньше мы все не превратимся в кибов, будем выглядеть так же. Вроде бы это одна из альтернатив эволюции.

Мне показалось, что я прикоснулся к объяснению того, что меня мучило. Я отложил папку и вошёл в соседнюю комнату. Но ребята уже сменили тему. Я быстро распрощался.

У ворот ждал знакомый чернокожий водитель. Задрав лицо к солнцу и отбивая ботинком ритм, он самозабвенно поглощал музыку.

— Я опять нужен? — спросил я.

— Приказано отвезти вас домой, господин командор-лейтенант.

— Я уже не командор-лейтенант.

Водитель сверкнул зубами.

— Ничего подобного. Теперь-то как раз вы командор-лейтенант. Вчера у нас зачитали приказ вице-адмирала Хопа. Ваши чемоданы в багажнике.

— Пропади оно пропадом, это звание!

— Подумайте о пенсии, господин командор-лейтенант. Музыку оставить?

— Да.

Хлопнула дверца. Машина сорвалась с места так, что щебёнка полетела из-под колёс. Парень умел водить. И было у него одно исключительное качество: во время езды он не болтал и не мучал пассажира вопросами. Отвечал, если спрашивали, вежливо, но лаконично. Его миром была музыка, так же как моим с этого момента становилась Эли.

В Дексенсе я пригласил водителя в ресторан. Парень с радостью согласился: он был не менее голоден, чем я, а у меня со вчерашнего дня не было во рту ни крошки. Мы пообедали — вернее, поужинали — за тем столиком, за которым я сидел с Эли две недели назад.

Пообедав, я отправился за покупками. Я хорошо знаю вкус Эли, так что выбрать ей подарок мне не составило труда. Я купил серебряную статуэтку Девы (Эли родилась 8 сентября) с вырезанными на цоколе остальными одиннадцатью знаками Зодиака. Альберт слишком мал, чтобы радоваться подобным подаркам, и достаточно вырос, чтобы радоваться ерунде. Поэтому я отправился в торговый центр «Мир ребёнка». Зарезервировав по пути билет на самолёт, мы остановились перед салоном игрушек. Едва вступив на движущуюся дорожку, я оказался в воздушной подушке, которая внесла меня внутрь салона.

Чего только не было здесь на полках? Допотопные пресмыкающиеся, механические животные, двух-, трёх-, четырёх- и шестиколёсные летающие и плавающие машины, музыкальные инструменты, движущиеся герои сказок, коротковолновые радиостанции, кибернетические комплекты, проекторы, кинокамеры, строительные наборы, мини-города со всеми коммуникациями… Не было здесь только детей, ни одного ребёнка. Я помню, как сын в прошлом году несколько дней возился с найденной в сквере высохшей корягой, в то время как в детской пылились автоматизированный аэродром, подземная железная дорога, куча животных, колонны автомашин и бог знает что ещё. Каждый, у кого есть дети, отлично знает, в какую бездну сомнений повергает нас необходимость выбрать новую игрушку своему ребёнку.

В толпе покупателей я наконец обнаружил продавщицу, стройную шатенку с зеленоватыми глазами.

— Сколько лет вашему сыну? — спросила она, когда я поведал ей о своих трудностях.

Мы стояли около андроидального робота, который крутил головой и мигал огоньками, то и дело повторяя: «Возьми меня, пожалуйста».

— Одиннадцать. Он увлекается спортом, его интересует природа. Да, природа. Он любит кинофильмы о ней.

Продавщица задумалась.

— Может быть, фильм? На складе есть двадцатипятисерийный фильм «Тарзан».

— Возьми меня, пожалуйста, — проговорил робот.

— О чём это? — спросил я.

— О человеке, вскормленном обезьянами. Киноповесть какого-то то ли древнего, то ли средневекового писателя. Тарзан ещё младенцем попадает к обезьянам и с того времени начинает…

— Возьми меня, пожалуйста, — нахально заскрежетал робот. Голос шёл неведомо откуда.

Продавщица говорила о человеке, воспитанном обезьянами, и о том, что этот человек… Человек? Гомо сапиенс?

Я окаменел. Я был близок, очень близок к чему-то чрезвычайно важному.

— Возьми меня, пожалуйста,

Гомо ферус…

Люди, воспитанные животными… Тарзан, Маугли, Локис… Локис! Реакция Локиса!

Этому меня учили ещё в институте. Я вздрогнул и вцепился в эту мысль. Нельзя было позволить ей ускользнуть. Биологическая защита! «Старфлеши» от первого до шестого поколения, как и все модификации предыдущих космических кораблей, не обеспечивали защиты от определённого типа корпускулярного излучения, обнаруженного лишь несколько десятков лет назад… Вот оно!

И тут я понял всё.

Корпускулярное излучение, ракетка в Музее космических кораблей в Шерридоне, человек, воспитанный животными, робот, который произносил слова без движения губ, реакция Локиса, теория эволюции биофизика Гнома — всё это сложилось наконец в логическую конструкцию.

— … пожалуйста,

Я кинулся к двери.

— Ваши кассеты!

Я перепутал вход с выходом и некоторое время бежал на месте по движущейся дорожке. Дежурный молча остановил двигатель.

— Вперёд!

Отказавшись от зарезервированного билета, я связался с Общегосударственным информационным центром. Потребовал сообщить все данные о слове «Аудакс». Как я и подозревал, они были очень скудными. Тогда я запросил названия первых десяти внесистемных кораблей. «Аудакса» среди них не было. Не было его и в следующем десятке. Меня охватило отчаяние. Я попросил водителя ехать к Квондемону. Набрал номер Учебного центра. К счастью, Миледи был ещё там. Он поздравил меня с присвоением звания и попросил прощения, что не сделал этого утром.

— Командор, — с трудом сдерживаясь, прервал я. — Скажите, нет ли в вашей коллекции газет сто… нет, двухсотлетней давности?

Миледи покрутил цилиндрической головой.

— Есть… Тебя интересуют древности? Условимся на какой-нибудь день.

— Я хотел бы просмотреть их немедленно.

Командор удивлённо округлил глаза.

— Ты что-то…

— Да.

Он думал, чёрт побери, как долго он думал! И глядел так, словно ждал, что я тут же поделюсь с ним своими открытиями.

— Ну что ж… В таком случае поезжай, адрес ты знаешь. Соседи дадут тебе запасные ключи, я им позвоню. В библиотеке, в третьем шкафу слева, внизу, ты найдёшь подшивки «Дейли экспресс». Учти, это экземпляры музейной ценности. Едва ли не уникальные. Когда кончишь, отдохни и дождись меня. Я буду завтра в первой половине дня.

Миледи жил в тридцати пяти милях от Квондемона, в Бельвилле. Мы прибыли туда после полуночи. Я попросил водителя сварить кофе, а сам отправился прямо в библиотеку. Долго искать не пришлось. Я вытащил несколько подшивок почтенного возраста и сразу же напал на то, что искал. Возможно, потому, что все детали экспедиции на «Аудаксе» мусолили в прессе целый год да и позже к ней возвращались довольно часто.

«Аудакс» был третьим межзвёздным кораблём, стартовавшим с околоземной орбиты. 175 лет назад он взял курс на созвездие Центавра. На борту находились двадцать восемь человек и особая аппаратура с не менее особым содержимым. Связь с «Аудаксом» Земля потеряла спустя неполных

три года после старта. За это время корабль прошёл около пяти сотых намеченного пути. Продолжавшиеся несколько лет поиски окончились ничем. Спустя ещё пятьдесят лет «Аудакс» был вычеркнут из реестра космических кораблей.

«Аудаксом» управлял электронный мозг — компьютер с большими по тем временам возможностями. Задача экипажа ограничивалась чётким ведением бортового журнала, несением дежурств и присмотром за аппаратурой, которую тогдашняя печать не очень точно именовала цитогеном. Цитоген представлял собой что-то вроде искусственной матки, в которую поместили сто сорок женских и сто сорок мужских зародышевых клеток. Пройдя две трети пути, на что «Аудаксу» требовалось более сорока одного года, электронный мозг должен был под контролем людей осуществить в цитогене слияние мужских и женских клеток, а затем следить за правильным развитием зародышей. Через год присмотр за младенцами переходил к членам экипажа.

Человека надо учить всему — от того, как правильно держать ложку, до абстрактного мышления. Человеку необходим наставник-человек, в противном случае он превращается в психического гибрида. Я помнил шокирующие лекции доцента Фурлотта, на которых он рассказывал о младенцах, похищенных и выпестованных животными, помнил документальные фильмы о тщетных попытках вернуть таких «озверевших» детей к жизни среди людей и научить их хотя бы нескольким словам или жестам. Эти дети не умели ходить иначе как на четвереньках, ели только с пола, зато прекрасно подражали голосам животных…

Реакция Локиса — именно о ней любил разглагольствовать доцент Фурлотт. Он сокрушался, что прошли те времена, когда животные похищали детей, разве что какая-нибудь алчущая единения с природой семейка забредёт на территорию заповедника и потеряет своего дитятю; но затерявшегося отпрыска мгновенно отыскивают экологические патрули. Фурлотту не хватало подопытных кроликов…

«Аудакс» нёс на борту сто сорок потенциальных зародышей. Замороженные клетки не нуждаются в питании и не расходуют кислород. Чтобы доставить в район Толимака такое количество людей, понадобилось бы четыре дополнительных «Аудакса». Немыслимые для тех времён расходы! Поэтому послали двадцать восемь специалистов-педагогов и цитоген. Будущих сто сорок разведчиков (а возможно, и колонистов) ждали просмотровые залы и аппараты ускоренного обучения, фильмо- и магнитотеки, электронные репетиторы, тренажёры. Под надзором двадцати восьми педагогов им предстояло усваивать знания. Теоретические. К тому же взращённым на «Аудаксе» людям не нужно было забивать головы информацией, необходимой на Земле, но излишней на корабле, где они могли выработать собственные оптимальные для новых условии нормы существования, а самое главное — к Толимаку они прибыли бы молодыми.

Таковы были планы. Однако через два года и двести восемьдесят девять дней полёта «Аудакс» попал в зону убийственного корпускулярного излучения, и когда корабль вышел из зоны, все двадцать восемь членов экипажа были мертвы, а зародышевые клетки в цитогоне оказались генетически деформированными. «Аудакс» мчался дальше, но его электронный мозг, поражённый амнезией, не помнил ни задач, ни целей. Остатки памяти приказали поместить трупы людей в морозильники, а когда пришло время — подали в цитоген необходимый импульс. Слившиеся зародышевые клетки начали размножаться и развиваться. По истечении девяти месяцев из инкубаторов выползли паукообразные созданьица: дефективные потомки доноров, старательно отобранных на Земле по генетическим, психическим и творческим параметрам.

В ячейках памяти сохранилась информация, касавшаяся опеки над новорождёнными. Люди погибли, и цитоген сделал единственно возможное — поручил надзор над младенцами роботам. Результатов этого он предвидеть не мог. Жизнь, дремавшая в цитогене, требовала охраны, и он её обеспечил. При составлении программы не возникло и мысли о возможности каких-либо последствий в подобном случае.

Тот, кто имеет представление о ребёнке, воспитанном волчицей, может предположить, что получится, если роль волчицы исполнит робот. Какие реакции и рефлексы может перенять малыш от механической няньки, которая издаёт скрежещущие утробные звуки, двигается как солдат на плацу, лишена не только всякого проявления эмоций и не только мимики, но и лица? Никакая аппаратура ускоренного обучения, никакие электронные репетиторы не могут научить поведению, свойственному человеческому роду, хотя сказать об этом поведении могут больше, чем армия психологов.

Итак, электронный мозг вёл корабль, хотя и не знал зачем и куда. Его основной задачей стала забота о созданиях, заселяющих палубы «Аудакса», созданиях, для которых «Аудакс» был всем миром.

Почему «Аудакс» вернулся на Землю? И действительно, вернулся ли? Может быть, его электронный мозг по-прежнему направлен был на поиски планеты, подобной Земле, и, когда, дойдя до цели, обнаружил, что орбиты вокруг Толимака и Проксимы пусты, устремился дальше, а потом под влиянием девиации опять случайно вошёл в Солнечную систему и решил, что она достойна

изучения?

Экспедиция «Аудакса» в принципе была рассчитана на посещение незаселённых планет, однако не исключалась и возможность встречи с иной цивилизацией. Была подготовлена даже специальная программа поведения. Но мозг утратил информацию о ней, а новый экипаж не подозревал о её существовании. Так что ничего удивительного, что с нами не пытались установить контакт. И уж никак нельзя отнести к попытке установить отношения посадку ракеты на Старте-2 или приветствие, уготованное мне на корабле. На счету у «Аудакса» было сто семьдесят пять лет полёта, и его запасы были на исходе. Их, равно как и арсенал запасных частей для электронного оборудования, следовало пополнить. «Аудакс» медленно угасал, и содержимое земных складов электронного оборудования и ядерного горючего было для него единственным, если не последним, шансом выжить.

Я отодвинул подшивку «Дейли экспресс» на край стола. За окнами светало. Кофе остыл, из смежной комнаты доносились приглушённая музыка и громкий храп чернокожего водителя.

Мне спать не хотелось,

Я ожидал Миледи.

На этом мы заканчиваем публикацию воспоминаний командор-лейтенанта Королевских космических сил Сеймура Лютца, главного действующего лица операции «Пришелец».

Три дня назад из Института языкознания в Атланте пришла бумага, в которой руководитель криптологического отделения сообщал нам, что исследования языка существ с космического корабля «Аудакс» закончились успешно. В их речи архаичный литературный язык сочетается со слэнгом, в основе которого лежат дидактический и научный языки, и содержит значительное количество гомономических неологизмов. Почти полное отсутствие окончаний и отвратительная дикция сделали этот язык совершенно непонятным для нас.

Одновременно редакция получила заключение экспертов-радиотехников. Воспользовавшись специальной литературой двухвековой давности, они реконструировали приемнопередаточные устройства, которые двести лет назад применялись для космической связи. С помощью этих устройств удалось выяснить, что «Аудакс» всё ещё поддерживает связь с Землёй! Разумеется, связь одностороннюю: он регулярно посылает в космос электромагнитные волны. Вероятнее всего, эти передачи превратились в ритуал. Однако они несут вполне конкретную и актуальную информацию. Электронный мозг посылает сообщения таинственному адресату, не зная даже, существует ли он. Одно из последних сообщений таково: «В обнаруженной Системе только третья планета имеет удовлетворительные экологические условия. Её заселяет среднеразвитая цивилизация, располагающая ядерной энергией… После пополнения запасов в соответствии с программой мы покинем Систему».

Задержанного чужака вернули на его корабль. Сейчас «Аудакс» мчится к центру Галактики. Мы позволили им улететь, но в любой момент можем вернуть обратно. Действительно ли можем? Имеем ли на это право?

Мы столкнулись с потомками наших предков. Встреча была не из приятных. Встретились два разных мира.

Пришельцы не видят возможности понять нас и не хотят этого. Мы такую возможность видим, но хотим ли? В то же время на нас лежит ответственность за судьбу этих существ, как бы там ни случилось, наших близких родственников.

Эту дилемму мы предлагаем обсудить. Пусть каждый, кто хочет, выскажет своё мнение. Однако, прежде чем мы опубликуем первое высказывание, ещё раз дадим слово Сеймуру Лютцу, от которого несколько дней назад получили письмо из Массейо. Вот отрывок из него.

«…и когда мы с Эли и Альбертом стояли, всматриваясь в спокойный океан, жена сказала:

— Два миллиона лет назад похожий на «Аудакс» корабль мог опуститься на Землю. Не исключено, что в нём также находились заблудившиеся существа с нарушенной наследственностью, не знающие собственного прошлого. Они начали творить свою историю заново здесь, на нашей планете. И построили себе новое будущее. А если так, то разве не прекрасна миссия «Аудакса»?

ВЛАДИМИР КОЛИН

ЛНАГА

Я с первого взгляда понял, что этот проклятый гриб ядовит. Только отрава одевается в такой кардинальский пурпур, старательно украшает его золотыми прожилками, а потом выставляет себя на всеобщее обозрение в полной уверенности, что никто не рискнёт к ней притронуться. Мы оба одновременно заметили его на покрытом гнилью, сочащемся зеленоватой водой пригорке у слоноподобного подножия огромного дерева, одного из тех чудовищ растительного мира, чьи могучие ветви раскидываются далеко во все стороны, словно скользкие и липкие змеи, не отличимые ни от обвивающих их лиан, ни от настоящих змей из плоти.

— Чёрт побери! — воскликнул Джим.

До развалин, о которых говорил нам Нгала, было уже недалеко, но сумерки начинали сгущаться, а я вовсе не жаждал встречи с диким зверьём, чьё рычание мы всё время слышали (хотя Джим и утверждал, что это мне чудится). Поэтому я сделал вид, будто поглощён своими мыслями, и продолжал молча идти вперёд. Но Джим окликнул меня, и мне пришлось остановиться.

— Что-нибудь не так, Джим?

— Да! О матерь белого слона! Поди-ка сюда, Вернон!

Тут я сразу стал очень осторожным (когда Джим упоминает белого слона, всегда лучше быть осторожным). Я обернулся и с удивлением увидел, что он стоит как вкопанный над этой пурпурно-золотой ловушкой. Было уже довольно темно, но вокруг гриба дрожало какое-то слабое радужное сияние. Не знаю, почему — может быть, меня просто начинала пробирать вечерняя сырость — я дёрнул плечами под влажной рубашкой, стараясь избавиться от неприятной дрожи. Джим, казалось, был весь во власти странного возбуждения.

— Правую руку прозакладываю, что это лнага! Как ты думаешь, Вернон?

— Вот не знал, что ты интересуешься грибами, — сказал я по-прежнему осторожно. — Они не по моей специальности…

— Чушь! Лнага как раз по твоей специальности. А если ты за все три месяца твоих исследований ничего о ней не слышал, то позволь мне усомниться в глубине и обширности твоих познаний.

Я чуть было не закричал: «Ну вот, тебе мало, что ты нас задерживаешь и мы вместо того, чтобы быть уже в развалинах Нгалы, всё ещё торчим здесь, в лесу, где нам угрожают дикие звери! Ты к тому же меня оскорбляешь!».

Но ведь он упомянул белого слона, а потому я только пробормотал:

— Мне никто ничего не говорил об этом лнаге…

Однако я с тем же успехом мог бы и промолчать — он всё равно не обратил никакого внимания на мои слова.

— Гм…м, — промычал он.

— А что это такое?

Он посмотрел на меня с жалостью — так смотрят на младенца, прикидывая, стоит ли принимать его всерьёз и что-нибудь ему объяснять. Но решив, по-видимому, что сделать это всё же необходимо, он начал длинную лекцию, словно мы были на террасе у Фреда, а не в диких джунглях, на которые спускалась ночь.

— Надо тебе сказать, Вернон, что лнагу можно найти только раз в жизни. А можно и ни разу не найти. Многие люди искали её до конца своих дней, но даже и близко от неё не побывали. Я приехал сюда гораздо раньше тебя (всего на один месяц, сказал я себе, но поостерёгся его перебивать), и у меня было время об этом узнать. Нужно быть сумасшедшим, чтобы пройти мимо лнаги, не обратив на неё никакого внимания…

— Почему не обратив никакого внимания? Захвати свою лнагу с собой, если она тебе так нужна, и поторопимся!

Я уже потерял всякое терпение. Да и далёкий зловещий рык становился всё слышнее.

Джим устало покачал головой.

— Если ты ничего не знаешь о лнаге, то лучше воздержись от глупых замечаний. Любой негритёнок сказал бы тебе, что лнагу ни в коем случае нельзя носить. Она тут же рассыплется в пыль. Иначе говоря, от неё ничего не останется уже через несколько секунд после того, как ты её срежешь.

Я посмотрел на него с самым невинным видом, какой только сумел изобразить.

— Но в таком случае, Джим, — прости мой вопрос, — что же делают с этой самой лнагой?

Он немного помолчал (это окончательно вывело меня из равновесия — ведь уже совсем стемнело!), а потом задумчиво сказал:

— Я думаю, другой возможности у нас нет, Вернон.

В его голосе была мягкость, которая не предвещала ничего хорошего — я знал Джима с детства.

— И что же ты собираешься делать? — возопил я.

— Лнагу надо съесть тут же на месте, — ответил он с насмешливой улыбкой. — Ты не голоден?

Увидев, что он и в самом деле протянул руку к пурпурному наросту, я больше уже не смог сдерживаться. Я со всего размаха ударил его по пальцам и толкнул. Наверное, нервы у меня совсем расходились. Джим никак не ожидал такого нападения — может быть, потому, что он гораздо сильнее меня, и мы оба это прекрасно знаем: он потерял равновесие и свалился на мокрую траву.

— Чтоб тебя растоптал белый слон! — взревел он. — Ты что, с ума сошёл?

— Это ты сходишь с ума! — закричал я, совершенно не думая ни о белом слоне, ни о том, что я посмел сбить Джима с ног. — Как ты можешь хотя бы подумать о том, чтобы набить себе рот такой мерзостью, от которой на сто шагов несёт отравой? И ты что, не видишь, ночь того и гляди застанет нас тут, а до развалин ещё неизвестно сколько идти!

Ему, собственно, полагалось бы вскочить и броситься на меня (он уже довёл меня до того, что я готов был с ним схватиться), но он ни о чём подобном не думал. И я ещё больше встревожился, услышав, что он говорит совершенно спокойно, словно ничего не произошло:

— Не будь идиотом, Вернон. Такое везение два раза в жизни не повторяется. Никто ещё не умирал от лнаги. Наоборот… — он на секунду замолчал. — Наоборот, мы с тобой первыми из всех белых узнаем…

— Да скажи ты мне по крайней мере, что это ещё за важность такая? Объясни, чего ради ты стараешься отравиться этим чёртовым грибом посреди глухих джунглей с единственным утешением, что потом отравятся дикие звери, которые тебя тут же сожрут?

Он опять помолчал, и это молчание показало мне, насколько он меня презирает, — показало лучше, чем это могла бы сделать пощёчина. А когда он снова заговорил, я понял, что его решение бесповоротно. Конечно же, он говорил тем мягким тоном, который не предвещал ничего хорошего.

— Тебе следовало бы остаться дома, Вернон, гулять по своей плантации, а не по джунглям, иметь дело с неграми, которые говорят «да, масса», а не с Нгалой и интересоваться — так, для времяпрепровождения — каким-нибудь линчеванием, а не поисками древне-африканской культуры.

— Всего хорошего, Джим, — только и ответил я и удалился быстрым шагом.

Я прекрасно мог найти дорогу и без него и вовсе не был обязан оставлять свою шкуру в джунглях только потому, что он неожиданно сошёл с ума.

Неожиданно?

Не знаю.

Я пожал плечами и вступил под отвратительную кровлю леса, освещая себе путь карманным фонариком. Ведь я же знал, что Джим всегда был тронутым, что его отец, неудачник Чарли Браун, был самым нищим из всех белых жителей Джорджии, одним из тех бродяг, которые живут вперемешку, с неграми, способны напиваться с ними и даже жениться на негритянках и дюжинами производить на свет несчастных детей, готовых с первых дней своей жизни проклинать родителей. Правда, Чарли женился не на негритянке, а на какой-то Эвдоре, которую подцепил неизвестно где, но оба они надрывались на плантации бок о бок с неграми. И если бы я не повстречался случайно с Джимом…

Как я ни старался, но в этой мгле, под густой листвой, теснящейся на змеевидных ветвях, между стволами, оплетёнными сетью лиан, по неведомой жиже, которую мне не хотелось бы называть землёй, идти быстро было совершенно невозможно. Всё вокруг меня таинственно шелестело и

шевелилось, словно я забрёл в ловушку, чьи стены готовы были вот-вот распахнуться, оставив меня лицом к лицу с каким-нибудь из тех диких зверей, которые, как я чувствовал, бесшумно скользили за зелёными завесами листвы, вынюхивая мои следы и заранее облизываясь. И всё это усугублялось тьмой. А кроме того, в глубине души я не очень-то доверял своему чувству направления, хотя оно и должно было бы вести меня прямо к священным развалинам, о которых рассказывал нам Нгала. Тот, кто отправляется в джунгли — да к тому же ещё ночью, — намереваясь брести наугад, не слишком-то быстро приближается к цели. Я от всего сердца проклинал Джима и прислушивался, надеясь, что он все-таки пошёл за мной. Но я знал, что целый легион демонов не сдвинет его с места, если только он сам не передумает. И хуже того — я знал, целые легионы демонов с их генералами во главе не смогут выбить из его башки то, что он туда вобьёт.

…Мне было тогда, наверное, лет восемь. Стояло лето, и я совсем запыхался, когда прибежал в маленькую рощицу акаций, где прятался старый негр, который гнал самогон в развалившейся хижине, построенной когда-то давно ещё моим дедом Стюартом. Правда, прятался — это мы только так говорили. На самом деле Иаков вовсе ни от кого не прятался, потому что самогон у него покупал сам Хоуард, шериф. Ну, конечно, не сам, а через Верзилу Джо — не мог же шериф сам являться к Иакову за спиртным. Я хочу сказать, что Иаков совершенно открыто жил в этой хижине и, уж наверное, платил моему отцу какую-нибудь аренду, деньгами или самогоном (думаю, скорее самогоном). Иакова я боялся, потому что он всегда был пьян, но мне нравилось подсматривать за ним, пока он возился под акациями, катил бочонок или брёл за водой к маленькому ручейку, который еле сочился позади его лачуги. Я и сейчас ещё помню, с каким восхищением, затаив дыхание, я разглядывал его, потому что такого человека — как бы это сказать? — просто не могло быть. Однажды я слышал, как моя мать неодобрительно говорила о нём с негром-проповедником и обвиняла его в том, что он «делает ещё несчастнее людей, которые и без того уже достаточно несчастны», и в моём детском воображении старик рисовался каким-то демоном, в довершение святотатства носящим имя библейского патриарха. Однако этот демон притягивал меня гораздо сильнее, чем святые, о которых нам рассказывал священник, и, когда я смотрел, как он, пошатываясь, бродит под зелёными кронами акаций, мне казалось, что я присутствую при каком-то таинственном ритуале, смахивающем на чёрную мессу.

Сходство с религиозной церемонией у его более чем светского занятия появлялось потому, что он всё время напевал обрывки духовных гимнов и с его толстых лиловых губ то и дело срывались имена библейских святых. Вспоминая об этом теперь, когда я стал взрослым, я говорю себе, что старик был слишком прост и веровал слишком безыскусно, а потому не видел большого противоречия между библейскими заповедями и тайным винокурением. Однако тогда мне казалось, что он свершает какой-то сокровенный ритуал и, отправляя свою службу, глумится над всем, что должно быть священным для человека. Этим, наверное, и объясняется ужас, который я испытывал, пока за ним следил, — ужас, смешанный с любопытством и отвращением.

Я только что перебежал ручей по перекинутому через него маленькому дощатому мостику и спрятался за деревьями, чтобы незаметно подобраться поближе к хижине, как вдруг прямо над моей головой раздался голос, шедший, казалось, с самого неба:

— Эй, белый, что тебе здесь нужно?

В первое мгновение я было решил, что это какой-то ангел требует у меня отчёта за нечестивый интерес, который я испытываю к старику. Я сразу вспотел и у меня затряслись колени. Но, подняв испуганные глаза, я обнаружил, что на дереве надо мной сидит мальчик примерно моих лет. Я обалдело пробормотал:

— Затем ты залез на акацию? А колючки?

— Это не акация, а туя, болван!

Избавившись от своего страха, я так обрадовался, что даже не обратил внимания на оскорбление.

— Почему ты зовёшь меня белым? Ведь ты тоже белый.

Я просто не смог уследить, как он спрыгнул с дерева. Как кошка. Он был бос, с растрёпанными волосами и одет в рваные штаны и висевшую лохмотьями рубашку. Но больше всего меня удивил лоскуток красной материи, пришитый там, где полагается быть сердцу.

— Да, я белый, но слон! — заявил он так, словно это само собой разумелось. — Что тебе тут нужно?

Мне и в голову не пришло, что я мог бы задать тот же вопрос ему самому, а ответа я придумать не сумел и предпочёл переменить тему.

— А почему у тебя красная тряпка на груди?

— Я ранен, — ответил он мягким тоном, который ввёл меня в заблуждение. Потому что он тут же накинулся на меня.

Мы покатились по траве. Сначала я было подумал, что он просто хочет повозиться, как это часто бывает у ребят нашего возраста, но мой нежданный противник позаботился доказать мне, что я очень и очень ошибаюсь. Он-таки отлупил меня, отлупил по первое число. Я даже начал вопить так громко, что мои крики обеспокоили старого демона с длинными белыми волосами, и он вышел из своей хижины. То, что меня спас именно Иаков, было совершенно неожиданно — от удивления я даже забыл потом пожаловаться отцу. Старик, как обычно, был пьян — ровно настолько, чтобы походка у него стала неуверенной, а язык заплетался. Но он всё-таки держался на ногах ещё достаточно крепко — он схватил нас своими могучими ручищами, точно котят, и посадил около себя справа и слева, добродушно приговаривая:

— Ягнятки господни, маленькие ягнятки… бее… бее…

Мы с Джимом расхохотались, и старик тоже захохотал, тряся толстым, как у Силена, брюхом. Однако с тех самых пор я хорошо запомнил, что, если Джим упоминает белого слона, с ним надо держать ухо востро.

Вдруг мне показалось, что я сбился с пути. Я остановился и посветил фонариком по сторонам. Вокруг не было видно ничего, кроме стволов деревьев, и в их зелёной невозмутимости мне почудилась насмешка. Я уже подумал, не разумнее ли будет вернуться назад по тому же пути, по которому я сюда пришёл, и отыскать Джима. Может быть, он за это время немножко одумался. На самом деле это была попытка обмануть себя (в глубине души я не сомневался, что возвращаться к Джиму совершенно бесполезно), но я чувствовал себя потерявшимся, как слепой щенок. На всякий случай я — правда, без особой надежды — громко прокричал несколько раз имя Нгалы. Ещё и сегодня я предпочитаю не знать, какой зверь рыкнул мне в ответ. Его рычание прозвучало так близко, что я, уже больше не раздумывая, ринулся вперёд, словно ядро из пушечного жерла, перепрыгнул через дерево, лежавшее поперёк тропинки, прорвался сквозь путаницу мокрых лиан и, пошатываясь, еле переводя дух, остановился посреди илистого болотца. Вода тут не доходила до верха моих сапог. Однако я не осмеливался двинуться дальше, потому что вовсе не был уверен, что доберусь до твёрдой почвы — впереди в луче моего фонарика виднелся всё тот же зелёный ковёр, по какому я прохлюпал до того места, где теперь стоял.

Внезапно вокруг воцарилась тишина, словно джунгли затаили дыхание.

Через мгновение послышался какой-то шум. Я посветил фонариком в ту сторону, откуда он раздался, и в пятне света возник Джим. Что-то, случилось. Это я понял сразу.

— Не будь дураком, Вернон, — сказал он.

— По-моему, я сбился с дороги.

Он стоял по ту сторону упавшего дерева.

— Развалины там.

И он показал рукой вправо.

Я зашлёпал сапогами по воде. Странно, насколько меня успокоило одно его присутствие — я даже мог теперь говорить о развалинах с безразличным видом, словно речь шла о каких-то абстрактных проблемах.

— Откуда ты знаешь?

Он не ответил и только протянул мне руку, чтобы помочь перешагнуть через ствол дерева, лежавшего поперёк болотца. Я ухватился за неё, и вдруг что-то со страшной силой потянуло меня вперёд. Через секунду Джим прижал меня к груди так, что я не мог пошевельнуться, и начал набивать мне рот какой-то дрянью — она была липкой, тягучей, жгучей и всё-таки пахла цветами.

— Я не эгоист, — сказал он. — Я оставил кусочек и для тебя.

Он прижал ладонь к моему рту. Этот проклятый кусочек сатанинского гриба обжёг мне язык и нёбо. Но как я ни старался, мне не удавалось его выплюнуть. Когда я попытался вытолкнуть его языком, Джим сильно ударил меня по затылку. Я подпрыгнул и невольно проглотил ту гадость, которой он набил мой рот. Джим выпустил меня и отвернулся.

— Не будь идиотом, Вернон, — повторил он. — Без лнаги мы в джунглях погибли бы. Ни один хищник ни за что не тронет человека, съевшего лнагу.

— Охотно верю! Эти хищники немножко поумнее, чем некоторые выпускники Гарварда…

Мне предстояло умереть от яда, и я прекрасно понимал, что сделать уже ничего нельзя. Я говорил с безнадёжной покорностью судьбе, дрожа всем телом.

— Погаси фонарик, выпускник Гарварда.

— Ещё чего?

— А ещё не будь таким умным.

Мне было теперь всё равно. Я погасил фонарик.

— Ну как?

Я пожал плечами.

— Яд начинает действовать. Я чувствую, как покалывает в губах.

— Твои идеи никогда не отличались многообразием. Наоборот, они скорее были навязчивыми, — воскликнул Джим. — Ты так дорожишь своей жизнью?

Покалывание быстро распространялось. Оно поднялось на щёки, спустилось на подбородок. Я чувствовал, как оно захватывает глаза, веки, лоб, шею.

Джим ждал.

И хотя за мгновение до этого мрак был абсолютным, словно в закрытом шкафу, я обнаружил, что постепенно начинаю видеть. Нет, дело было не в том, что мои глаза привыкли к темноте. Она по-прежнему была совершенно непроницаемой. Но теперь я отчётливо различал всё, на что падал мой взгляд. Я видел деревья, видел Джима.

— Ну как, начинаешь прозревать? — спросил он. И тут я вспомнил, что он нашёл меня без фонарика. У нас был на двоих только один фонарик, и я унёс его с собой. Но теперь я мог больше не упрекать себя за то, что оставил Джима в темноте,

— Да, правда, я вижу.

— Ну и прекрасно. Тогда — вперёд!

Я действительно видел всё лучше и лучше. Джим уверенным шагом двинулся в том направлении, которое указал мне ещё раньше, и я последовал за ним.

— А музыку ты тоже слышишь? — спросил я его. Уже несколько секунд я различал непрерывный тихий звук, похожий на вздох органа, низкий и глубокий, а теперь за ним слышались какие-то другие звуки, мягкие переливающиеся аккорды, словно невидимые пальцы касались струн арфы.

— Остановись на минутку, — сказал Джим.

Мы оба остановились.

Теперь я не слышал больше ничего, кроме органа.

— Это зелёный цвет джунглей.

Его слова не показались мне странными — я сразу понял, что зелёный цвет превратился в звук. Странным, было только спокойное равнодушие, с каким я вспомнил, что отравлен. Впрочем, об этом я больше не думал: если мысль о том, что я проглотил кусок пурпурного гриба, иногда и приходила мне в голову, то лишь как простая констатация факта — с таким же равнодушием мы, заметив кочку, поднимаем ногу повыше, чтобы не споткнуться. Конечно, я знал, что гриб был… Но это тоже уже не казалось таким важным, как вначале.

— Пошли, — скомандовал Джим.

И снова аккорды арфы. Мне уже не нужно было объяснять, что я слышу цвет моих сапог — их я, естественно, видел, когда смотрел под ноги.

— Ну?

— Да, это мои сапоги.

— Ты прогрессируешь, Вернон. А развалины?

— Что — развалины?

Он умолк и продолжал идти впереди меня. Подняв глаза и посмотрев поверх его головы сквозь массу листвы, из которой вырывался могучий и глубокий аккорд органа, я вдруг увидел где-то далеко впереди огромную площадь. Она была окружена стеной, которую ярость дождей, ветров, а может быть, и людей превратила в неправильный, расползшийся зубчатый хребет. И тотчас же я услышал звучание рыжих развалин.

— Джим! — закричал я.

— Мы скоро придём.

И действительно, идти оставалось недолго. Деревья стали ниже, петли лиан исчезли, и мы наконец оказались на твёрдой сухой почве, на настоящей земле, приятно пружинившей под ногами.

Джим протяжно закричал:

— Э-эй, Нгала!

И в это мгновение я заметил луну — прежде её скрывала зелёная кровля лесов. Это была полная луна, круглая и красная, какую можно увидеть только в Африке, луна, словно слепленная из красной африканской земли — из земли, так сказать, пропитанной солнцем, излучающей весь жар, который она накопила за день. Красный свет заливал глинобитные стены, вздымавшиеся над развалинами на головокружительную высоту, и музыкальный эквивалент красного цвета раздался теперь в моих ушах, словно пронзительный вопль саксофона. Глубокие органные аккорды джунглей.

Я смотрел на развалины из-под величественной арки входа и слушал, как на фоне трагической мелодии саксофона эхо голоса Джима летучей мышью перепархивает от стены к стене.

— Нгала... ала... ала».

Внезапно я перестал слышать саксофон. Но зато теперь я видел взрывы цвета, фантастические пятна, вспыхивающие в небе, на глиняных стенах — всюду, куда я бросал взгляд. Эти пятна разрывались, словно фейерверки, и распадались на клубки, на потоки цветов, сплетавшиеся между собой, как в любимой игре нашего детства, когда мы наносили на страницы альбомов разные краски, складывали листы, а потом, разлепив, любовались той смесью оттенков, которая возникала на влажной бумаге.

— Джим! — крикнул я. — Джим!

Взрывы цвета стали такими невыносимыми, их искристое сияние достигло такой интенсивности, что я закрыл глаза, ослеплённый.

— Послушай, не ори ты так, — сказал Джим, и передо мной переливающейся радугой сразу же стали разворачиваться шёлковые реки.

— Я вижу звуки! — пробормотал я, следя за мягкими переходами оттенков.

То были непередаваемо тонкие переливы — зелёный, голубой с перламутровым отблеском, и среди них медлительно разворачивала свой струящийся треугольник трёхлепестковая роза. От этого взрыва красоты у меня захватило дыхание. Цветные полотнища трепетали как крылья, сливаясь в более плотную, покрытую мелкой рябью поверхность, и какая-то внутренняя сила изгибала их, плавила, словно они были восковыми, заставляла скользить и колебаться длинными, мерными, неповторимо изящными волнами. В ослепительном свете возникали и вновь растворялись пляшущие неустойчивые завитки. Они вздымались гармоничной дымкой, неуловимой гаммой цветов, пиршеством форм и оттенков, порождая бесконечные калейдоскопические узоры, лишённые смысла, но завораживающие. Я чувствовал себя так, словно меня перенесли в какой-то несказанный рай, где царит прозрачная воздушность. Всё, что могло бы представиться грубым, как бы утончалось, проходя через феерический прокатный стан невесомости и текучести. Освобождённый от тяжести костей и мышц, я растворялся в нереальном просторе.

— Нгала здесь! Нгала ждать вас!

Сначала вращающиеся круги, потом плавный хоровод объёмов и цветов.

— Я рад видеть тебя, Нгала.

Голос Джима породил могучие артезианские фонтаны. С мучительным напряжением, подхлёстывая непослушное тело всей силой воли, я заставил себя устремить глаза на возникшую перед нами статую из чёрного дерева, посеребрённую луной. Лицо Нгалы было сероватым, какими всегда бывают лица чернокожих, когда они бледнеют от сильного волнения. Он открыл рот, но его губы так дрожали, что он не смог произнести ни слова, а глаза раскрылись так сильно, что белки, казалось, заслонили щёки и достигли бровей,

— Лнага, — выдохнул он наконец, отступая на шаг. — Лнага…

Я с удивлением повернулся к Джиму. Впервые с той минуты, как мы вышли к стене, окружавшей мёртвый мир развалин, с той минуты, как луна залила нас своим кровавым светом, я посмотрел на его лицо. Потрясение было таким сильным, что у меня перехватило дыхание. Серые глаза Джима пылали тем же фиолетовым огнём, что и найденный нами гриб. Даже белки стали фиолетовыми. Золотые искры плясали в их фиолетовых глубинах, точно крошечные существа, наделённые странной самостоятельной жизнью. Вероятно, на моём лице отразилась идиотская растерянность, потому что Джим быстро шепнул мне:

— Не будь дураком, Вернон! Глаза тех, кто съел лнагу, тоже становятся лнагой. Иначе как же Нгала об этом догадался бы?

Цветные полотнища продолжали колыхаться, их пластичные сочетания складывались во всё новые и новые композиции, которые заставили бы побледнеть от зависти любого художника-абстракциониста.

— А мои? — спросил я и сам не узнал своего сдавленного голоса.

— Представь себе, и твои глаза тоже.

Нгала смотрел на нас с суеверным почтением, не осмеливаясь подойти.

— Человек лнага могуч… Человек лнага — не человек… — бормотал он.

Я заметил, что мало-помалу звуки перестают вызывать прежнее волшебство красок. Теперь цвета казались мне более бледными, более прозрачными, и я подумал, не начинает ли действие яда слабеть, но тут же вспомнил, что звуки, преображающиеся в цвета, лишь сменили цвета, преображающиеся в звуки.

— Ну, и какие же ещё сюрпризы заготовила нам лнага? — спросил я с глупой развязностью.

— Не будь таким легкомысленным, Вернон.

Джим проглотил этот яд раньше меня, и вполне естественно, что каждое изменение его действия он ощущал тоже раньше. Вот почему его тон встревожил меня. Я стал вслушиваться в свои ощущения ещё более внимательно.

— Люди лнага… — бормотал Нгала. — И луна… полная луна…

Но его слова уже не порождали хоровода красок. Одни лишь глинобитные стены вздымались передо мной, залитые светом луны, и только теперь, когда пляска фантастических форм перестала отвлекать моё внимание, я почувствовал их странную, необычную красоту. Передо мной была крепость — нечто вроде города, окружённого стенами. Мы прошли через вход, похожий на древнюю триумфальную арку, и теперь шагали между высокими глинобитными домами, уставившими на нас зияющие окна. Кровли их провалились, и там, где они некогда опиралась на стены, глина была выщерблена и как бы изъедена невидимой проказой времени. Дожди оставили свой след на красноватой массе, покрыв её поверхность желобками, унеся деревянные и терракотовые украшения. Но одна жёлтая маска, вделанная в фасад, ещё держалась там, куда её поместили руки, ныне уже давно обратившиеся в прах. Все здания напоминали усечённые конусы, они были похожи на сборище вавилонских башен, перенесённых сюда с библейских равнин, а мы — на трёх путников, заблудившихся среди лунных просторов.

— Мы должны попробовать, Нгала, — сказал Джим.

Чернокожий немного пришёл в себя. Это был крепкий парень — такого мой дед Стюарт купил бы с закрытыми глазами. То есть я хочу сказать, что он лучше всех сумел бы оценить великолепную мускулатуру и могучие плечи Нгалы. Но конечно, теперь всё иначе, да и я был не у себя в Джорджии, а в таинственных глубинах Африки, в стране Нгалы, мечтая изучать её историю. Собственно, именно поэтому он и пришёл в наш лагерь и предложил помогать нам во всех наших изысканиях. Я-то был почти совершенно уверен, что он принадлежит к одной из тайных негритянских организаций: они просто кишели в этих местах и все боролись за независимость. Я хорошо знал чёрных, я жил среди них, и у меня была интуиция — может быть, наследственная, — которая помогала мне угадывать, что творится в их сердцах. Спокойное достоинство Нгалы могло объясняться лишь религиозной фанатичностью или недавно полученными знаниями о том, чего стоит человеческая власть. Я был склонен скорее принять второе предположение. Только наше совершенно неожиданное превращение в людей лнага смогло смутить его, пробудить в его душе атавистический страх — или, быть может, только робкое почтение.

— Да, конечно? — неуверенно сказал он в ответ на эти слова Джима.

— О чём вы говорите? — спросил я.

Но Джим не удостоил меня даже взглядом.

— Ты доверяешь мне, Нгала?

— Я доверять, — ответил негр и добавил в качестве доказательства. — Я привести белые люди сюда.

Я сначала никак не мог понять, по каким соображениям Нгала указал нам местонахождение этого покинутого города, не известного ни одному белому. Но Джим невольно объяснил мне это.

— Ты хочешь знаний, Нгала, не так ли? — сказал он тогда. — Ты хочешь знать о своих предках? Тот, кто не знает своих корней, тот легче листика, уносимого ветром.

Он говорил с неестественным возбуждением, нисколько не заботясь о том, сможет ли Нгала его понять. И не Нгала, а я начал понимать, почему Джим всегда так настаивал на изучении древних африканских цивилизаций, заставил меня разделить с ним его занятия и увлёк в Африку, несмотря на удивление и даже презрение, с которым моя семья встретила этот поступок. Мне пришлось даже прибегнуть к поддержке моего дяди Генри, сенатора, но уж тот сразу почуял, какие политические выгоды может извлечь республиканская партия, щеголяя перед чёрными избирателями именем Вернона Л. Уоррена, «известного специалиста по вопросам африканской культуры, сына благородного Юга».

И вот, оказавшись совсем один рядом с колеблющимся Нгалой и настаивающим Джимом, я впервые спросил себя, почему я, собственно, пошёл за этим бывшим мальчишкой в рваной рубашке, почему я требовал, чтобы мой отец помог ему получить образование, и почему я стою сейчас здесь, у подножия гигантских глиняных зданий, под луной, почти такой же красной, как их стены, на земле этого материка, на другом конце земли, вдали от всего, что я люблю и ценю. Каким нелепым колдовством заставил меня Джим переносить все его прихоти? Ведь на самом-то деле всё должно было бы получиться наоборот, потому что только благодаря мне он смог подняться выше того жалкого положения, в каком прозябала его родня! Вероятно, необычайная ясность моих тогдашних мыслей тоже была вызвана действием яда. Я сердито посмотрел на Джима.

Я увидел его глаза, пожираемые фиолетовой отравой, и понял всю сокрушительную силу любопытства и отвращения. В моём мозгу молнией пронеслось воспоминание о старом Иакове. Джим подчинил себе мою душу той же смесью чар и страха; он будил во мне то же болезненное любопытство, которое в детстве заставляло меня часами прятаться около хижины, скрытой за акациями. Произошло только перемещение — я перенёс на него мой давний комплекс. То любопытство и отвращение, которые вызывал у меня чернокожий пьяница, я перенёс теперь на странного белого бедняка, всегда якшавшегося с чёрными и помешанного на идее братства с ними. И благородная кровь Юга запоздало вскипела в моих жилах, когда я осознал этот преступный гипноз, смешанный с древней ненавистью. В старинной драме, которую разыгрывают белые и чёрные, я оказался в роли недостойного белого, неспособного избавиться от груза своих комплексов. А ведь любой мой нормальный соплеменник сбросил бы их под суком с повешенным на нём негром!

— Ну, скорее! — воскликнул Джим, и я сообразил, что, захваченный своим открытием, я пропустил часть его разговора с Нгалой.

Та порождённая ядом гриба ясность мысли, которую я ощущал в себе, по-видимому, усилила также и обычные свойства Джима и удвоила его способность убеждать. Я понял, что ему удалось уговорить Нгалу, потому что оба они направились теперь в глубь развалин.

— Идём, Вернон!

Джим небрежно бросил эти слова через плечо, словно они адресовались собаке. Меня охватило жгучее желание дать ему пощёчину, унизить его перед этим черномазым… И всё-таки я последовал за ним, словно ничего не случилось. Меня раздирали противоречивые стремления (наверное, это тоже было вызвано проклятым грибом), и моя уверенность в себе постепенно и незаметно исчезла.

Я растерянно брёл между красными стенами. Город был построен без всякого плана, а потому узкие улочки и проходы между зданиями оказались сплошным лабиринтом, и мы осторожно шли по его извивам, нередко перебираясь через груды глины от обвалившихся стен.

На одном из перекрёстков мы увидели диск из слоновой кости, на котором были изображены два столкнувшихся лбами слона. Всё вокруг дышало покоем, и луна то освещала нас, то скрывалась за рыжими домами, овеянными тайной исчезнувших жизней. Город казался таким мёртвым, что я не вздрогнул, даже когда мы наткнулись на львов.

Львица спала лёжа на боку, а два львёнка уснули прильнув к её соскам. Я думаю, только их запах — запах диких зверей — пробудил во мне слабое воспоминание о давнем ужасе. Однако я смотрел на

это зрелище так же спокойно, как на развёртывавшиеся передо мной ряды стен. Но Нгала, скользнув между мной и Джимом, схватил нас обоих за руки. Я почувствовал, что он весь напрягся, с трудом подавляя страх, бившийся в чёрной тюрьме его тела; казалось, он вдруг лишился дара речи. Джим оттолкнул его руку и пошёл прямо к зверю. Львица вскочила, вырвав соски у львят, и секунду мы видели белую струйку молока, к которой смешно тянулись маленькие розовые язычки. Однако в нашем положении не было ничего смешного. Шерсть на загривке львицы встала дыбом, и она приготовилась к прыжку. Но Джим продолжал приближаться к ней с невероятным спокойствием, и я увидел, как она присела и поджала хвост. Она оскалила зубы и рычала, а её рыжая шерсть волнами поднималась на спине и на боках. Совершенно спокойно Джим протянул руку и погладил львицу по морде; львица сразу успокоилась, закрыла глаза и начала нежно мурлыкать,

Чтобы по-настоящему понять то, что произошло в этом мёртвом древнем городе, нужно хоть раз увидеть льва не за решёткой клетки, нужно знать, какова бывает ярость львицы, захваченной в её логовище, когда она кормит своих детёнышей. Я ошеломлённо слушал мурлыканье, громкое, словно храп мужчины, и не мог оторвать глаз от сцены, развёртывавшейся передо мной в бледном свете луны. Ещё и сейчас перед моим взором стоит Джим, наклонившийся над томно раскинувшейся львицей, а львята продолжают сосать, дёргая её кожу лапами величиной с мой кулак.

Пальцы Нгалы сжали мою руку, и он сделал мне знак головой. Мы на цыпочках проскользнули мимо львиного логова, не отрывая глаз от Джима, и он тоже всё время смотрел на нас. На его губах застыла непонятная улыбка, и я заметил, что радужные отсветы, которые я видел вокруг гриба под деревом, теперь окружают его еле видимые в темноте плечи. Я не знаю, как он избавился от укрощённой хищницы, но во всяком случае он почти тут же присоединился к нам. Нгала повернулся и повёл нас дальше. Мы не произнесли ни одного слова.

Я размышлял, не придал ли и мне яд гриба, хотя я проглотил его очень немного, те же замечательные свойства, какие только что выказал Джим.

Мы шли по глинистым улицам, направляясь к какому-то месту, которое, по-видимому, было хорошо знакомо Нгале. Это его предки построили город из красной глины, и воспоминания о нём сохранились в старинных легендах — совсем недавно мы сравнивали эти легенды с реальными результатами раскопок. Именно там лежала драгоценная цель наших поисков. Но я не поклялся бы, что Джим не преследует и ещё какие-то одному ему известные цели. Я уже упоминал, что был почти уверен в принадлежности Нгалы к Политическому движению, чья подпольная деятельность всё время чувствовалась в этих краях, и доверие, которое питал к нему Джим, казалось мне подозрительным. Я спрашивал себя, о чём, собственно, просил у Нгалы, почему ему пришлось так настаивать и почему Нгала проявил такое упорство.

— Куда мы идём? — спросил я.

— Уже тут, — ответил Нгала.

Узенькая улочка расширилась в небольшое подобие площади, густо заросшей кустарником. На ней высилось большое овальное здание. По чудом уцелевшей притолоке над его входной дверью тянулся сложный узор из ослепительных зигзагов. Когда я пригляделся к ним внимательнее, мне показалось, что они шевелятся.

— Ждать... — прошептал Нгала.

Я остановился рядом с замершим в неподвижности Джимом и смотрел, как чернокожий вошёл в здание и почти тотчас же вернулся с красным тамтамом в руках. С первого взгляда я узнал узор, украшавший инструмент. Этот тамтам был музейной ценностью — возраст его примерно четыреста лет. С неба на нас смотрел кровавый глаз луны — гигантская небесная копия древнего инструмента.

— Люди лнага, — сказал чернокожий с неожиданной торжественностью. — Смотреть прямо глаза Нгала.

И он ударил по тамтаму открытой ладонью, пробудив так долго дремавший в нём голос. Его голос высоко поднялся, и я вдруг заметил, что отражаюсь в его широко раскрытых глазах весь целиком. Секунду я колебался, словно какой-то внутренний голос предупреждал меня, что я не должен слепо повиноваться. Но любопытство было сильнее, и я устремил пристальный взгляд на моё собственное крошечное лицо, плававшее в тёмном блеске зрачка Нгалы. Думаю, что Джим сделал то же.

Руки Нгалы ритмично били по тамтаму. Но ритм этот постепенно менялся. Сначала он был медленным и монотонным, словно ладони лишь с трудом высвобождали звуки, запертые в старинном гулком ящике, но потом незаметно начал ускоряться и лишился монотонности. Каждый звук, вырывавшийся из древнего тамтама, потрясал меня — я даже не подозревал, что из столь примитивного инструмента можно извлекать такое богатство оттенков. Я много раз слышал лучших

ударников самых знаменитых джазов мира, и всё же от ритмичных ударов Нгалы у меня захватывало дух, словно каждый звук был ступенькой, на которую я невольно поднимался (или спускался — я никак не мог этого понять), ощущая, что последнее эхо этих звуков отражается от двери — от самой таинственной двери, какую я встречал в жизни. Но новый удар опять вёл меня к новой ступеньке, а далёкая дверь, казалось, отодвигалась всё дальше и дальше. Никогда ещё мне не приходилось подвергаться такой странной проверке, захватывающей всё моё существо. И в том же самом ритме моё отражение в зрачке Нгалы расплывалось и снова становилось чётким, словно я раскачивался в каком-то неведомом пространстве, словно вся моя суть была сведена на нет или словно какая-то неведомая сила на краткий миг уносила меня с этой поросшей кустарником площадки, но я вновь и вновь возвращался сюда — возвращался усилием воли, однако новые раскаты тамтама постепенно делали её всё слабее и слабее. Мягко и незаметно я утрачивал связь со всем, что меня окружало. Я чувствовал, что захвачен вихрем, в котором растворяются и исчезают и моё имя, и моя индивидуальность, во мгле которого всё сливается и стирается. Луна, медленно плывшая над нами, уже склонялась к западу, и тени сгустились, придавая глиняным руинам вид почти непереносимой тяжести. Я видел, Нгала не случайно встал так, чтобы луна освещала его лицо сбоку. Хотя мои глаза не отрывались от его зрачка, я отчётливо ощущал своё нисхождение (теперь я уже не сомневался, что медленно, но непрерывно спускаюсь по тёмным ступеням вниз) и понимал, что постепенно погружаюсь всё глубже и глубже в область тьмы, совершенно не похожей на обычную темноту. Раскаты барабана стали трагическими: в них звучали вожди и сухие взрывы треска, которые можно было принять за ружейные выстрелы. Это и на самом деле были ружейные выстрелы!

Зрачок Нгалы ещё больше расширился, в сгущающейся темноте он стал как бы странным экраном, на нём зашевелились неявные тени. И внезапно моё отражение, плававшее там, словно в тумане, стало чётким, всё моё лицо было в саже, рубашка висела лохмотьями, я держал в руке дымящийся пистолет и что-то кричал невидимым людям. Треск ружей не умолкал, и я удивился, что не слышу собственного голоса. Я видел отблески пожара, освещавшие кучу копошащихся чёрных тел. Потом с рёвом и выстрелами ворвались те, кому я выкрикивал приказания. Я видел их раскрытые рты, но ничего не слышал, хотя различал каждую деталь: налитые кровью лица, движения, даже струйки дыма. Внезапно передо мной, заслонив эту картину, возник чёрный гигант, потрясающий копьём. Я разрядил мой пистолет в его широкую грудь, туда, где болтались ожерелья из львиных клыков. Словно в замедленней киносьемке, я видел, как лицо воина исказила предсмертная мука, как его рот открылся в последнем крике. Но у меня не было времени смотреть, как он падает, потому что я кинулся вперёд. Мои люди окружили город (я знал, что они его окружили) и теперь сжимали кольцо.

Я узнал то овальное здание, перед которым стоял, и унизительная паника залила меня, как океанская волна. Эта паника согнала оцепенение и заставила меня стряхнуть колдовство столь неожиданно развернувшегося передо мной жестокого фильма, бросившись в безумную борьбу с наваждением призрачных образов. Нет, я не стал жертвой кошмарного сна. Просто я снова был в том же самом месте, куда некоторым образом уже приходил в иную эпоху. Ибо я уже понял, что человек, на моих глазах уничтожавший город, в который привёл нас Нгала, — не кто иной, как капитан фрегата (и работорговец) Ной Уоррен, отец моего деда Стюарта. И вокруг меня происходило то, что когда-то уже случилось на самом деле. Я ощущал запах дыма, казалось, стоит мне только протянуть руку, и я почувствую под пальцами чёрную кожу юной девушки, которую Сэм бросил к моим ногам. Я знал, что это самый молодой матрос в моей команде; перед отплытием его мать начертила пальцем невидимый крест у него на лбу и со слезами просила меня позаботиться, чтобы с ним ничего не случилось. Я пытался вырваться из страшного видения, стать самим собой, потому что я-то не имел ко всему этому никакого отношения; но всё же я по-прежнему видел, как я смеюсь и хлопаю Сэма по плечу. Я хотел крикнуть (Ною? Нгале?): «Довольно! Хватит!», но сам не слышал своего голоса, так же как не слышал и голоса человека, который говорил Сэму что-то, что заставляло его смеяться. Тем временем на площадь выводили всё новых и новых негров. Кое-кто тащил великолепные слоновьи бивни. Сэм исчез и вернулся с двумя слитками золота. Другие мои люди срывали золотые браслеты с запястий и лодыжек чернокожих, которых ждали цепи и долгий путь к фрегату.

Я больше не мог, я больше не в силах был смотреть на это! Я сделал отчаянное усилие, чтобы оторвать взгляд от зрачка Нгалы, и почувствовал, как режущая боль насквозь пронзила мой мозг. Жуткие образы заколыхались, и на секунду мне показалось, что я чувствую под ногами грубую плотную землю. Потом я услышал глухое громыхание, похожее на долгое эхо страшного землетрясения. Но это был топот длинной колонны пленников, которых мои люди гнали, как стадо. Я знал, что босые ноги не могут вызывать такого гула. И я опять начал ожесточённо бороться, чтобы вернуться в своё истинное «я», несмотря на весь ужас ожидания боли, пронзившей меня за мгновение до этого, несмотря на жуткое ощущение, что кровь уходит из моих жил до последней капли. Напряжение было чудовищным. Я закусил губы, услышал собственное всхлипывание и против воли закрыл глаза.

Стена тьмы отделила меня от кошмарных видений, словно я перенёсся в область несуществующего, в мир девственной тишины, которому неведомы ни человек, ни пожирающие его страсти. На миг

меня охватило ни с чем не сравнимое ощущение покоя (может быть, оно длилось не только миг, но после предшествовавшего безумия мне необходима была полная разрядка, и это ощущение покоя показалось мне слишком коротким), а потом я слова услышал топот колонны. Однако, открыв глаза, я увидел в чёрном зрачке Нгалы только самого себя. Его руки извлекали из тамтама глухое гудение, звучавшее всё тише и тише, словно замирающее эхо.

«Знает ли он?»

Вопрос этот властно ворвался в мой мозг, вновь всколыхнув едва улёгшиеся пласты страха и стыда. Моё пальцы сжались, словно я кого-то душил. Но с первого же взгляда я понял, что Нгала не переживал этого странного экскурса в историю его предков. Начинала разгораться заря, и в её слабом розовой отсвете кожа негра блестела влагой, словно он только что искупался. Его щёки ввалились от огромной усталости — но только от усталости. Он безостановочно бил по тамтаму, из последних сил поддерживая ту хрупкую лестницу звуков, которая низвела меня в ад. Но сам он не перешагнул этого порога, потому что не был человеком лнага.

Я уверен, что мои сожжённые губы растянулись в страдальческой улыбке. Нгала, всё ещё оглушённый, рассеянно улыбнулся мне в ответ. Собственно говоря, я украл у него эту улыбку, и всё же она принесла мне чувство блаженного успокоения. И как ни странно, именно в эту минуту — только в эту минуту — я вспомнил о Джиме.

Когда я обернулся к нему, весь мой ужас и стыд, казалось, ушедшие из моей души, вновь обожгли меня.

Он лежал на земле ничком, как огромная неподвижная кукла.

Нгала не успел оправиться от утомления, вызванного долгими часами усилий, а потому я подбежал к Джиму первым. Я быстро перевернул его на спину.

И тут же отступил на шаг, потому что его снова ставшие серыми глаза смотрели на меня с неумолимой суровостью, словно выкрикивая беспощадное обвинение.

— Это не я…

Но я не договорил. Ещё не произнеся этих трёх слов, вырванных у меня ужасом, я понял, что с такой стеклянной неподвижностью могут смотреть только глаза мёртвого. Я обернулся к подошедшему Нгале и сказал:

— Закрой ему глаза.

Ни за что на свете не хотел бы я вновь прочесть в них это немое обвинение!

— Я говорить, говорить…

Всё опять обрело привычный вид. Я вспомнил, что Джим съел почти весь гриб, и, значит, эти картины должны были действовать на него с ещё более страшной силой, чем на меня, что он, возможно, даже мог различать слова, издевательства, мольбу, ускользавшие от моего слуха. Может быть, он не испытал той минуты спасительной слабости, которая вынудила меня закрыть глаза, чтобы вырваться из этого жестокого мира, воскресшего, чтобы мучить нас. Я слишком хорошо знал и его самого, и его убеждения, я понимал, как должно было потрясти его это ужасное уничтожение города, а главное — трагическая невозможность вмешаться. А может быть, он тоже заметил, как похож на меня главный герой развернувшейся перед нами драмы? Легенды о моём прадеде Ное вошли в фольклор Джорджии… Как суров был неподвижный взгляд Джима? Скорее всего он умер от боли и ненависти…

— Белый человек видеть что? — причитал Нгала. — Что прогнать жизнь человека лнага?

Тяжёлые веки навсегда скрыли глаза Джима.

— Да ничего, — быстро сказал я. — Как и я, он видел только тени. Но у него было больное сердце. Бедный Джим!

Последние слова я добавил, потому что увидел полные слёз глаза чернокожего — моё слишком уж заметное равнодушие могло бы его удивить. Но уже много, очень много лет я не чувствовал себя таким свободным. Становилось жарко, и я начинал ощущать голод.

ЖАН-ПЬЕР АНДРЕВОН

ЛИЦО

— На Венере…

— На Венере?

— Да, на Венере, именно на Венере. Если опуститься на её поверхность, если ступить на пески Венеры, там, оказывается, вовсе не так жарко, как думали в те времена, когда в её атмосферу засылали автоматические станции, которые разлаживались, прежде чем им удавалось спуститься достаточно низко и выяснить климатические условия на уровне почвы.

— Четыреста градусов?

— Да, четыреста по Цельсию, но только в средних слоях, там, где атмосфера плотнее всего, солнечное тепло аккумулируется в этой открытой оранжерее в триста километров толщиной. Но ниже, у самой почвы, не выше трёхсот-четырёхсот метров…

— В туннеле Форсайта?

— …на узкой полосе поверхности шириной примерно в двести километров, которая охватывает всю планету и проходит приблизительно через полюсы — да, туннель Форсайта, — там довольно умеренная температура. Тридцать, сорок градусов — ну, как на Земле, в Манхэттене в середине лета.

— Это благодаря ветру, да?

— Да, это благодаря ветру, благодаря постоянному урагану, который возникает из-за соприкосновения масс горячего воздуха солнечной стороны и холодного воздуха стороны, погружённой в тень.

— Это гигантский ветровой туннель…

— Это гигантский ветровой туннель, заполненный вечным потоком воздуха, летящего со скоростью триста километров в час. Ветер защищает его и от холода, в от жары, которые царят выше, всего в нескольких сотнях метров. Но ты же всё это знаешь…

— Да, я знаю всё это. Я слышал это по радио, видел по телевизору, я читал об этом в газетах, в журналах, в книгах, в твоей книге: в туннеле Форсайта, в биосфере туннеля Форсайта удалось провести изучение микроэкологии. Растения, бактерии, амёбы и даже черви…

— Да, даже черви, которые никогда не видели звёзд, потому что никогда не покидают глубин песка: они копошатся в нём и там они защищены от ветра, который всё время перекатывает дюны и который швырнул бы их в небо или расплющил бы о скалы. Экология туннеля Форсайта — это хрупкий ансамбль, и трудно сказать, ведёт ли эта жизнь непрерывную битву с ветром или же, наоборот, его вечное всеприсутствие помогает ей. В туннеле Форсайта существуют мхи, лишайники, грибы — в общем, все виды таллофитов, которым удаётся прорасти на скалах. Они остаются неподвижными в этом вихре. Там есть даже миниатюрные папоротники, а ещё — странствующие сосудистые растения, они никогда не касаются почвы, они рождаются, растут, воспроизводятся и умирают в атмосфере, пока ветер мчит их со скоростью трёхсот километров в час, а их микроскопические тонкие корни плавают среди частиц песка и пыли, принесённых со всей остальной планеты.

— Растения, несколько беспозвоночных. Это значит…

— Немного воды в этой песчаной почве и немного кислорода и азота, которые циркулируют под слоем углекислого газа.

— Это значит…

— Да, жизнь. На Венере. На планете, которую считали смертоносной, пока не высадились на ней.

— И ты высадился на ней…

— Да, я высадился на ней. И я видел жизнь на этой кипящей и ледяной планете, где не видно ни Солнца, ни звёзд, где не видно ничего, кроме жёлтых и рыжих струй ветра, который вечно дует, и воет, и стонет.

— И там, на Венере, ты нашёл…

— Да, на Венере. Но ты же знаешь это наизусть. В туннеле Форсайта. Где ещё это могло быть? Но ты же знаешь всё это…

— Я ничего не знаю. Я слушаю тебя.

— Сволочь этот ветер.

— Что ты сказал?

— Сволочная сволочь этот ветер.

— Ты повторяешься, старина.

— И ветер тоже повторяется. Он только и делает, что повторяется. За десять метров ничего не видно. С меня хватит. Я отказываюсь. Вернёмся.

— Нет, не вернёмся. Это же моя поездка, чёрт побери! Единственная поездка для меня! Я ведь не метеоролог. И не эколог, и не вулканолог, и не геолог… И не военный! Я…

— Да-да, я знаю. Ты археолог, палеонтолог, антрополог и ещё дюжина всяких «логов». Но я скажу тебе одну вещь: я всё спрашиваю себя — какого чёрта ты здесь делаешь? Я всё спрашиваю себя — на кой чёрт в эту третью венерианскую экспедицию впихнули археолога, палеомашинолога… ну, короче говоря, такую бесполезную фигуру, как ты? Что ты надеешься найти на этой проклятой планете? Храм? Город, погребённый в песках? Полчища скелетов, которые приветливо помашут вам рукой за ближайшим поворотом? Да ведь яснее ясного, что в этом мире так же пусто, как у тебя в голове, бедняга! Всякая всячина, — бактерии, простейшие, черви — это пожалуйста, этого сколько угодно! Но какая-нибудь форма разумной жизни? Ах, оставьте! Это же пустые грёзы. Ты просто мечтаешь!

— Ты действительно мечтал об этом?

— Да, я действительно мечтал об этом. И продолжаю мечтать. Несмотря на всё.

— А в тот день на Венере?

— В тот день…

— Я мечтаю. Ну ладно… так дай мне домечтать до конца. Это моя поездка. Мы должны проехать сорок километров. А мы не сделали и тридцати. Так что давай, разберись со своими педалями, рукоятками, указателями, циферблатами, радиолокаторами — и вперёд! А философствовать тебя никто не просит.

— Он ещё говорит — философствовать! Ничего себе философия… Ты хоть видишь, куда мы ввалились? В щебень по самые глаза. А что если этот проклятый песок залезет туда, куда ему не следует — в трансмиссию, в карбюраторы, вообще в мотор? Мы так и будем сидеть тут, пока не сдохнем, понял!

— И вовсе нет. За нами придёт второй «скарабей», ты это знаешь не хуже меня. Постой-ка! Поверни чуть-чуть вправо… Там что-то вроде трещины в скале. По-моему, я видел в ней растения. Жизнь тут легче всего развивается в углублениях — ветер так быстр, что у него даже нет времени их засыпать. Да, вот тут… Придержи-ка… Гм… Нет, ничего особенного. Ладно, двинулись. Я соберу ещё зелени чуть дальше.

— Как? Ещё? Ну, нам остаётся только найти где-нибудь здесь кусок антрекота, и вечером можно будет соорудить недурное рагу.

— Ты сегодня полон остроумия, дорогой полковник.

— А ты полон надежд. По-моему, вся эта поездка — чистое бросание денег на ветер, если хочешь знать. Ты представляешь, сколько на эту сорокакилометровую прогулочку пойдёт кислорода, воды и горючего?

— Не знаю и плевать на это хотел. Ах как ужасно! Можно подумать, что все эти деньги тянут из твоего кармана…

— Погоди-ка! Сильный отражённый импульс, двести метров слева… Их, конечно, тянут не из моего кармана, а из кармана всех налогоплательщиков, но я тоже налогоплательщик, и ты, и Теодор, и Пьер… Осторожнее! Сейчас тряхнёт.

— Давай переваливай… Так что это за эхо? Утёс?

— Ну, во всяком случае, каменный обрыв. Сейчас мы его увидим. И там ты сможешь набрать

сколько угодно мха.

— А, вон он, я его вижу. Прямо впереди. Очень маленькая антиклиналь. Приближайся поосторожнее… Что?.. А это что ещё за номер?!

— Где?

— Вон… Видишь столб, который торчит… Можно подумать… Да нет! Подвинь машину ещё чуть-чуть… Господи! Майк!

— И вот тут вы его нашли?

— Да, как раз тут. Просто столб около метра высотой и сантиметров сорок в диаметре. Он торчал над слегка наклонённой каменной стенкой метров тридцати или сорока в длину, а высотой метра три. Сначала я в этих вихрях песка ничего не разобрал, но когда мы подъехали совсем близко…

— Ну, Форстер?

— Что?

— Что ты об этом скажешь?

— Что я скажу? Ты ждёшь чего-нибудь вроде «я не верю своим глазам»? Ну так вот, я вполне верю своим глазам. Но прежде всего я верю моему сердцу, моей интуиции, моим мечтам, если хочешь. И чудеснее всего, что это только начало. Совсем скромное начало. Но завтра… но в следующем месяце, но в следующем году… Кто знает, что мы теперь найдём!

— Да… Извини меня, старина.

— Что?

— Я говорю — извини меня. За то, что я поставил на тебе крест, и что рычал на тебя, и что заставлял заниматься всякой ерундой…

— Да брось ты, чудак. Ну какая теперь разница? Какая разница? Я выиграл, ты понимаешь? Я был прав. Ты понимаешь? Против всех! Знаешь, как трудно было добиться, чтобы меня включили в эту экспедицию? Ты даже не представляешь себе, сколько было хлопот: писать доклады, осаждать канцелярии, собирать комиссии, и убеждать, и убеждать… Вплоть до президента! И в ответ на всё я слышал: «Дорогой Фостер Бонниуэлл, да, на Венере, в туннеле Форсайта, есть жизнь. Это несомненно. Но жизнь ещё не означает разум, не правда ли?» Ну, пусть. Теперь это всё неважно. Всё позади, когда они увидят это…

— Да. Но что надо сейчас сделать? Я сообщу на базу?

— Нет. Погоди. Я хочу сначала посмотреть.

— Ты хочешь выйти?

— Да, я сейчас выйду.

— Только не отключайся. На таком ветру…

— Не беспокойся. Я хорошенько закреплюсь. Придвинься ещё немного и развернись так, чтобы встать вдоль скалы. Любой ветер разобьётся о тяжесть «скарабея». Да и вообще я быстро. Я только хочу…

— Что?

— Потрогать. Я только хочу её потрогать.

— Ну, давай поскорее. Долго стоять нельзя. Люк может занести песком. И болты…

— Я всё сделаю быстро. То есть… я постараюсь всё сделать быстро.

— И ты вышел?

— Да, я вышел в венерианскую бурю. Я кое-как вскарабкался в моём металлическом скафандре на скалу. Кабели прочно связывали меня с разведывательным вездеходом. Пять кабелей: два — управляющих движениями рук, ещё два — движениями ног, и один, укреплённый на поясе. И трубки подвода и отвода воздуха. Самый настоящий скафандр! Но чтобы передвигаться в туннеле Форсайта, такая экипировка необходима. И всего на несколько метров. И всего на несколько минут… Когда я добрался до гребня, я вышел из-под защиты «скарабея», и мне показалось, что

ветер сейчас оторвёт мне голову. Я прижался к каменному столбу. Мне казалось, что я его обнимаю. Я смог провести руками по поверхности камня. Это было что-то вроде…

— Да?

— Ну, я не знаю. Я провёл руками по камню, вот и всё. Это был инстинктивный символический жест. У меня не было рук — только металлические рукавицы, а ими ничего ощупать нельзя. Но может быть, через них прошли какие-нибудь флюиды…

— Ты улыбаешься. Тебе не грустно вспоминать всё это?

— Грустно? Почему?

— Я не знаю. Что ты почувствовал в ту минуту? И о чём ты думал?

— О чём я думал? Не знаю. Нет, правда, я не помню.

— А потом?

— Потом?

— Да, что произошло на следующий день и после?

— Мы вернулись на базу и объявили о своей находке. На другой день мы опять подошли к скале, уже на двух «скарабеях», и сняли с неё каменный столб. А ещё через день мы улетели с Венеры на Землю, увозя нашу добычу. Ты же знаешь всё это наизусть.

— Конечно. Но я хочу слушать, как ты рассказываешь.

— Почему?

— Потому что ты пережил необыкновенное приключение.

— Ты правда так думаешь?

— Ну, конечно.

— Это очень любезно с твоей стороны…

— Да нет же. Я действительно так думаю… Скажи, а вы не пытались найти что-нибудь ещё, перед тем как улететь?

— О, мне этого, конечно, очень хотелось бы. Но программа была вся выполнена. Можно убедить человека, но нельзя уговорить компьютер. Мы вернулись. Четыре месяца полёта…

— Но Земля знала…

— Да. Земля знала.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА ВЕНЕРЕ

Сенсационное открытие профессора Фостера Бонниуэлла. Каменная скульптура, изображающая человеческое лицо, летит к Земле на борту космического корабля.

Только сегодня Координационный центр управления космических полётов в Хьюстоне сообщил корреспондентам эту потрясающую новость, которая в его кругах была известна уже позавчера. Во время обычных исследований в туннеле Форсайта члены третьей венерианской экспедиции обнаружили обломок скалы высотой около метра, обработанный в форме человеческого лица.

Точный вид этой скульптуры пока неизвестен, но самый факт её обнаружения на Венере делает совершенно бесспорным существование на нашей соседке гуманоидной цивилизации! Исчезнувшая ли это цивилизация? Или цивилизация, находящаяся в начале своего пути? Эти вопросы задают себе все — от простых прохожих на улице до величайших учёных. Однако отсутствие значительных поселений и воздушных или космических кораблей доказывает, что венериане пока не находятся — или более уже не находятся — на стадии развития, сопоставимой с нашей.

Как бы то ни было, чтобы выяснить это, необходимо дождаться четвёртой экспедиции, что не мешает, однако, создавать самые фантастические гипотезы. Во всяком случае, ясно одно: в споре между сторонниками теории существования внеземных цивилизаций и теми, кто до сих

пор отрицал эту возможность, последние потерпели поражение, которое представляется едва ли не окончательным.

Открытием статуи мы обязаны профессору Фостеру Бонниуэллу, доктору археологии и палеонтологии. Как, вероятно, помнят наши читатели, профессор Бонниуэлл…

— И через четыре месяца ваш корабль опустился на Землю…

— Да.

— Для тебя это был триумф.

— Да, если хочешь, триумф.

— А что ты тогда думал?

— Что я думал? Не знаю… Я правда не знаю.

— Были репортёры, приёмы, экспертизы, конференции, интервью, турне…

— Я встретился с твоей матерью.

— Ты встре…

— Да, я встретился с Элен. Мы не виделись уже пять лет. Она приехала ко мне. Сюда. Она сказала мне…

— Я горжусь тобой, Фости.

— Гордиться тут нечем. Я… или кто-нибудь другой. Какая разница? Важно открытие. А не человек, который его сделал.

— Но всё-таки его сделал ты. И я рада за тебя.

— Пожалуй, немножко поздно, как ты думаешь?

— Фости!

— И пожалуйста, не называй меня Фости, Элен.

— Послушай, Фостер. Я думала… Почему бы нам не видеться опять? Послушай! Я знаю, что ты думаешь, я знаю, что ты скажешь. Ты не хотел меня видеть! Но ведь прошло столько времени… Мы с тобой уже не дети. И даже не очень молоды…

— Зачем ты пришла сюда? За пять лет ты совсем не изменилась. Тебе не дашь больше двадцати пяти. У тебя сияющее лицо счастливой женщины, Элен. Пусть прошлое останется в прошлом.

— Фостер, я…

— Почему ты не привела Дика?

— Он… ну, он же в колледже. Я не хотела… И потом, ведь уже так давно…

— Вы иногда говорили обо мне?

— Фостер! Мы всё время говорим о тебе. Особенно теперь…

— Конечно — особенно теперь.

— Фостер…

— А что думает Генри?

— Генри?

— Да. Я хочу сказать — о моём открытии.

— А! Генри… он… — Он ничего не думает.

— Нет-нет. Он… он не верит.

— Это была зависть. Он завидовал твоему успеху.

— Нет. Он рассуждал как учёный. Учёный должен сомневаться во всём, даже в том, что представляется ему очевидным. Никогда, ни при каких обстоятельствах исключение не должно быть принято за доказательство, за правило…

— Я не знал, что ты тогда встретился с мамой. Она мне ничего об этом не сказала. Но мы и в самом деле часто говорили о тебе… Не смейся. Это правда. Но эти воспоминания тяжелы для тебя. Мне не хотелось бы…

— Тяжелы? Ну что ты! Я был героем. Я пробыл героем год. У меня не оставалось времени, ни чтобы предаваться сожалениям, ни чтобы думать о прошлом. С моей венерианской скульптурой, которую репортёры сразу же прозвали Каменной Улыбкой, я совершил кругосветное турне. Ты же всё это знаешь.

— Я знаю. О твоей Каменной Улыбке столько писали…

— Да. И иногда очень красиво:

Лицо из красного песчаника высится над скалой, из которой оно высечено, с выражением кроткого упорства и спокойной силы. Это каменное лицо, освещённое неподвижной улыбкой, столько веков бичуемое песчаными вихрями, говорит с нами, не произнося ни слова — только с помощью истекающей из него эманации, окружающего его ореола.

Над каннелированной шеей внезапно возникает подбородок с изгибом нежным и в то же время волевым, переходящий в овал симметричных щёк. Нос прямой, со слегка расширенными ноздрями — он заметно повреждён песками, хлеставшими по его высокомерной горбинке. Глаза без зрачков — это овальные озёра под широкими дугами бровей, чьи грациозные очертания напоминают скорее женские брови (хотя лицо несомненно мужское). Выпуклый, но не очень высокий лоб обрывается у границы густых, плоско зачёсанных назад волос, накрытых остроконечной конической шапкой, которая венчает эту каменную маску и завершает всю статую, если только этот острый известняковый конус не свидетельствует о лени скульптора, оставившего нетронутой верхушку использованного им каменного столба.

Но главное, что властно останавливает наше внимание, — это широкий рот с полными губами, которые безмятежно улыбаются какой-то внутренней мысли. Говорили, что эта каменная улыбка — улыбка Джоконды. Как это неверно! На прекрасных губах венерианской статуи читаются внутренний мир, уверенность, мирное счастье, которые невозможно сравнить с гримасой скрытой печали, увековеченной кистью Леонардо. Почему он так улыбается, этот человек с Венеры? Кому он улыбается? Какое послание несёт нам это каменное лицо, обработанное столь тонко, что на нём не видно ни малейших следов инструмента художника?

Ответы на все эти вопросы скрываются на той планете ветров, которая мчится в пространстве вдали от нашей скромной Земли, на планете, где нас, быть может, ждут иные улыбки, не застывшие в камне, но рождающиеся в упругой плоти живых существ, похожих на эту статую — похожих на нас.

— Это мог бы написать ты.

— Я это и написал, если не считать отдельных деталей. Я не обладаю талантом журналиста и не владею романтическим пером. И всё это, конечно, сплошное сплетение ошибок. Но…

— Да?

— Бывают моменты, когда ошибки и истина переплетаются между собой так тесно, что их трудно отделить друг от друга. Уже в этой статье можно было бы увидеть ответы на все вопросы. Но я не мог их прочесть, я не хотел их прочесть. Я жил в мечтах… Я жил в моей мечте.

— Тогда этого ответа не мог прочесть никто.

— Никто? Может быть, Генри… Уже тогда.

— Генри — сухая душа.

— Дик! Ты не любишь Генри?

— Генри — муж моей матери. Кроме того, он — человек, который разлучил меня с моим отцом. Он есть, и это всё. Я не сужу его. Он есть… Но он уничтожил тебя.

— Генри меня не уничтожил. Он столкнул меня с моего фарфорового пьедестала, а это вовсе не одно и то же. Генри нашёл ответ, он открыл истину. Он ли или кто-нибудь другой… На что годны

мечты, если действительность их не подтверждает? И чего стоит ошибка отдельного человека в сравнении с истиной? А истину установил Генри. То, что когда-то между нами была женщина, ничего не меняет. Важна истина. А не глупые мечты археолога, захваченного славой.

— Отец!

— Да-да… Я ошибался с самого начала. Генри — очень трезвый человек. Нам всем необходима трезвость. Теперь. И потом. И всё больше и больше. Не думай, пожалуйста, что перед тобой — человек, переживающий давние обиды. Не думай, пожалуйста, что я питаю к Генри какую-то злобу. Ни за статую, ни за Элен.

— Извини меня. Наверное, нам лучше этого не касаться…

— Нет, почему же? Ты пришёл поговорить со мной о том, что ты назвал чудесным приключением. Давай продолжим. В первый раз за всю мою жизнь я говорю с тобой как с мужчиной. Тебе двадцать лет. Истина не должна внушать тебе страха. Наоборот, ты должен искать её — всегда, всю свою жизнь, даже если она уничтожит какие-то твои мечты. Но ты знаешь, мечты очень живучи, и непременно кончается тем, что они вырастают вновь. Даже на истине, которая должна была бы их уничтожить…

— Да, я понимаю. Несомненно, ты прав. Ну, а потом…

— Потом? Пока я со своим каменным лицом изображал в музеях и университетах учёного-одиночку, к полёту готовилась четвёртая венерианская экспедиция.

Ускоренная программа. Миллионные расходы. Двенадцать человек. И я — руководитель! А газеты играли вокруг меня оглушительную симфонию. Ну, короче говоря, мы отправились. Мы оставались на Венере три месяца. Мы искали, рылись, мы перекопали весь песок по всей длине туннеля Форсайта. И мы вернулись…

— С пустыми руками.

— С пустыми руками. Не найдя ничего. Ни обломка пальца. Ни кусочка камня, на котором можно было бы хоть заподозрить следы разумной обработки. Нет… жизнь на Венере не дошла в своём развитии даже до насекомых, И мы были уверены в этом уже давно. Но делали вид, что забыли. Это было крушение. Конец мечты… Нет, для меня это не было концом мечты. Я говорил тебе — я просто пошёл другим путём. Тогда я ещё не понял истины, и никто ещё её не понял, кроме, может быть, Генри. Но и сегодня, четыре года спустя, моя мечта жива. И будет жива всегда.

— Что ты сделал, когда вернулся из экспедиции? Или вернее, что сделали с тобой? Что тебе сказали?

— Ничего. Наука не знает злобы. Мне дали понять, что результат не оправдывает расходов; и меня назначили на хорошо оплачиваемое и очень спокойное место. Его я занимаю и сейчас. И меня оставили в покое. Ну конечно, Венера была для меня кончена. И венериане тоже — для всех. Зачёркнуты. Понимаешь, о них больше не говорили…

— Но было лицо…

— И были статуи острова Пасхи. Да, было лицо. Ну и что? Оно осталось необъяснённым. Единственным и непонятным. Но у науки нет не только злобы — у неё нет и памяти. Лицо было забыто до тех пор, пока Генри…

— Но ты? Что думал тогда ты?

— Что я думал? Не знаю… Это было давно. Это — прошлое. Я не знаю. Я говорил тебе: моя мечта пошла по другому пути. Я не был побеждён. И не лелеял никаких шрамов.

— И вот тогда-то ты написал свою книгу?

— Да, вот тогда-то я и написал свою книгу:

«Из застывших черт каменного лица на нас смотрит бесконечность времени и пространства.

Я долго верил, что коснулся бесконечности. После моего открытия я указал для неё единственное место — Венеру. Но я ошибся. Никакая венерианская рука не создавала из песчаника эту улыбку Сфинкса. Венерианской цивилизации не существует. Есть только этот один-единственный часовой, каменный часовой в мире пустыни. Каменное изваяние, улыбающееся нам из глубины бесконечности.

Кем оно оставлено? Когда-нибудь мы это узнаем. Черты лица с Венеры очень сходны с чертами некоторых статуй майя. И мы знаем, что индейцам майя был известен венерианский календарь.

Я верю, что несколько тысячелетий назад — может быть, три или четыре — и Землю, и Венеру посетили какие-то существа, которые высекли из камня послания для тех, кому предстояло позже в свою очередь путешествовать в космическом пространстве.

Теперь этот день пришёл для человека.

И скоро на какой-то дальней звезде мы увидим потомков неведомых скульпторов. И тогда мы встретимся не с загадкой каменной улыбки, а с дружеской тёплой улыбкой живых губ.

Ничто ещё не кончено.

Наоборот: ничто ещё и не начиналось».

— Эта последняя фраза потрясла меня: «Ничто ещё и не начиналось». Ты веришь в это и сейчас?

— Да, я верю в это и сейчас — больше, чем когда-либо.

— Несмотря на твои ошибки?

— Несмотря на мои ошибки… Видишь ли, когда я писал мою книгу, я всё ещё исходил из совершенно ложной предпосылки. Но вывод остаётся правильным. Я знаю. Ты в это не веришь?

— Нет, отец, я верю в это. Я прочёл твою книгу три года назад. Это тот экземпляр, который ты прислал маме. На нём есть надпись.

— Да, на нём есть надпись… «Элен, замкнутой улыбке из плоти, — разглагольствования о каменной улыбке, которая обещает нам другие улыбки из плоти — открытые». Несколько напыщенно. Я всегда любил громкие фразы. Это один из моих пороков.

— Твоя книга прекрасна. Она мне очень поправилась. И маме она тоже очень понравилась. Несмотря на надпись…

— Да, я знаю. Она прислала мне потом письмо…

«Дорогой Фостер!

Читая твою книгу, я вспоминала о юноше, которого знала когда-то и который говорил мне о звёздах — одновременно и близких, и далёких. Этот юноша, так же как и звёзды, и близок, и далёк. Но для меня…»

— И что ты сказал?

— Ничего. Я ничего не сказал.

— Да, конечно. История каменного лица закончена…

— Закончена? О нет. Надо ещё рассказать тебе о самом главном — о разрушении мечты из камня и о воссоздании истины. Я опять повторяю: истина важнее мечты.

— Я помню. Генри…

— Генри. Как-то раз он пригласил меня в свою лабораторию. Это было через два или три месяца после выхода моей книги. Генри была передана на хранение статуя. Он сказал, что раскрыл её секрет. Управление НАСА больше не интересовалось каменным лицом и отдало его ему. Генри изучил структуру венерианского песчаника. Он мне объяснил. Песчаник — это хрупкий агломерат кварца, скреплённого кремнём. Это твёрдый камень, но он легко поддастся эрозии, особенно если подвергать его постоянной бомбардировке песком, который несётся со скоростью триста километров в час. Но ты же знаешь всё это…

— Я знаю.

— Генри сказал мне, что скульптура, несомненно, не могла сохраняться тысячелетиями в условиях, которые царят в туннеле Форсайта; что моя теория о внеземных скульптурах нереальна. И он сказал мне, что знает, как возникло это лицо. Он показал мне блок красного песчаника, похожий на тот, из которого было высечено лицо. Он сказал мне, что определил и воспроизвёл расположение молекул того каменного столба, из которого была изваяна статуя, — со всеми неправильностями структуры, то есть точно так же располагая более твёрдые, более устойчивые против эрозии части. Я понял не сразу. Тогда Генри поместил блок в специальную камеру и подверг его бомбардировке песком, несущимся со скоростью пятнадцать тысяч километров в час. Бомбардировка длилась полчаса.

— И в конце этого получаса…

— И в конце этого получаса у него было второе каменное лицо.

— И что ты думал тогда?

— Я не знаю, Дик. Я правда не знаю. Позже я сказал себе: хорошо, что некоторые люди — открыватели истин, и так же хорошо, что другие гонятся за мечтой. Но видишь ли, как я тебе уже говорил, эта истина не уничтожила мою мечту. Она только заставила её отступить, удлинить свой путь настолько, что он потерялся в бесконечности. Это было неважно.

— Однако Генри восторжествовал…

— Над чем? Он не восторжествовал, Дик. Наука скромна. Она скромнее воображения.

— Но ведь были опять статьи и конференции. И теперь ты оказался жертвой.

— В очень малой мере, Дик, очень малой. Каменное лицо уже давно было забыто. Оставалось только любопытство. И в сущности, я оказался жертвой только в представлении твоей матери. Этого она мне никогда не простила. А может быть, не простила и Генри. Я не знаю… Я не хочу знать. Это — прошлое.

— А прошлое тебя не интересует?

— Нет. Меня интересует только будущее.

Высокий, худой, слегка сгорбленный человек с залысинами на лбу и длинными седыми волосами, ниспадающими на шею, встал с кресла и подошёл к окну. Снаружи была ночь. Над огнями Манхэттена небо было затянуто дымкой смога, которая давно уже становилось всё гуще и гуще. Но за удушливыми миазмами, поднимающимися от бесконечных пространств всепожирающего города, всё-таки слабо поблёскивала горстка далёких звёзд. Высокий, слегка сгорбленный человек долго смотрел на эти таинственные, подмигивающие, полузабытые искры. В его ушах звучали слова, которые много лет назад сказал ему Генри Сандерс…

— Вы видите, Фостер, случай тоже участвует в формировании природы. И иногда он скрывает от нас истину, потому что мы проецируем на проявления этого случая наши собственные мечты и фантазии, то есть побочные продукты подсознания нашей культуры. Вы помните старинную гипотезу: если бы обезьяна провела миллиарды лет за клавиатурой пишущей машинки, она в конце концов напечатала бы полное собрание сочинений Шекспира. Ну так вот, это произошло, Фостер. Обезьяной послужил ветер Венеры. Пишущая машинка — это блок песчаника. А собрание сочинений Шекспира — те несколько выступов и углублений в камне, которые благодаря вам некоторое время питали межпланетную мечту, эту сознательно допускаемую мистификацию… Но никто не ждёт нас на звёздах, Фостер, и это так же печалит меня, как и вас. Бесконечность остаётся тёмной и немой. Никто не оставил там для нас знака. Это всего лишь прихоть ветров.

Высокий, слегка сгорбленный человек повернулся спиной к окну и улыбнулся, глядя на своего сына. Но это была улыбка, обращённая внутрь, адресованная только самому себе. Потому что слова профессора Сандерса не испугали его.

— Я ошибся, — сказал он. — Никто не оставил для нас знака. Но разве это важно? Когда-нибудь мы полетим ещё дальше, к звёздам. Я не увижу этого дня, Дик. Не увидишь его, наверное, и ты. Но другие увидят. И наши потомки встретят не загадку каменной улыбки, созданной ветром, а дружескую теплоту живых улыбок. Ничто ещё не кончено…

— Наоборот, — подхватил Дик. — Ничто ещё и не начиналось!

ФРАНСИС КАРСАК

ГОРЫ СУДЬБЫ

В контрольной башне астропорта Джонвиль вспыхнула красная лампочка и зазвенел звонок. К Офиру II приближался звездолёт. Бент Андерсон отложил книжку, которую лениво перелистывал — торопиться было некуда, — и повернулся вместе с креслом к пульту управления.

— Внимание, ребята, по местам!

Джон Кларк поднял голову от шахматной доски и ответил, не выпуская ладьи из пальцев:

— Погоди, время ещё есть. Дай нам закончить.

Но Чунг уже встал и занял своё место справа от Андерсона.

— Закончим потом, — сказал он. — К тому же тебе всё равно мат через три хода!

Кларк наградил маленького корейца уничтожающим взглядом, пожал плечами и тоже занял своё место у пульта. Экран осветился, на нём появилось лицо капитана звездолёта.

— Вызывает «Денеб», смешанный грузовоз «Денеб» компании Межпланетных перевозок. Прошу разрешения на посадку. Должен высадить двух пассажиров. Вернее — одного с половиной.

— Что это значит?

— Увидите сами. Какой квадрат вы мне даёте?

— Любой на ваш выбор. Астропорт пуст. Впрочем, какой у вас тоннаж?

— Двенадцать тысяч шестьсот тонн.

— Тогда садитесь в девятом квадрате. Мы вас поведём.

— Успокойся, Лео! Оставайтесь на койке. Не очень-то я верю в надёжность инертонов этой старой калоши! А я поднимусь в кабину управления. Капитан оказал мне честь: пригласил к себе перед посадкой.

Сверхлев повернул к Тераи Лапраду свою огромную голову, наполовину прикрыл жёлтые глаза и зевнул.

— И это всё, что ты мне скажешь, Лео? Ну ладно, пока.

Тераи пришлось нагнуться и боком протиснуться сквозь узкую дверь каюты, не предусмотренную для такого гиганта, как он, — два метра десять нечасто встретишь даже среди олимпийских атлетов. Так же он вынужден был скорчиться и в лифте, поднимавшем его в кабину управления.

— А, вот и вы, Лаприд! Садитесь, чемпион. Места здесь хватает с тех пор, как господа из дирекции решили, что на этих лоханках типа «Звезда» можно обходиться без третьего пилота и навигатора. Мы прибудем через пять минут. Вон уже астропорт, и даже передатчик материи виден. Когда они лет двадцать назад изобрели эту штуку, я думал, что останусь без работы. Но к счастью, всё что они передают, прибывает на место в виде мельчайшей пыли. Для минерального сырья это роли не играет, а вот для машин, для товаров — ха-ха! О людях или животных я уже не говорю: даже сосисочного фарша не получается. Так что пока без нас и без наших кораблей не обойтись, дружище!

И капитан Лутропп захохотал, откинувшись на спинку своего кресла. Тераи обвёл глазами остальных членов экипажа — Мак-Нейша и Ямамото. Вместе с механиком Байлом, сидевшим сейчас в машинном отделении, они были его единственными спутниками в течение трёх долгих недель перелёта. Конечно, гениями их не назовёшь, хотя в области математики и астрономии они могли бы посоперничать со многими учёными Земли. Но зато весёлые собутыльники и грозные противники за карточным столом! Скоро они исчезнут из его жизни, как исчезли уже многие другие, оставшиеся позади за миллиарды километров. Или унесённые смертью. Как его отец и мать. Снова перед глазами Тераи взметнулись языки пламени, в котором погибла лаборатория отца, подожжённая бомбами фанатиков-фундаменталистов. Отчаянно и тщетно искал он тогда родителей в горящем здании; Лео, совсем ещё маленький львёнок, прыгнул к нему на руки; в застрявшем лифте обугливались трупы двух ассистентов; один поджигатель замешкался, и он свернул ему шею — впрочем, кому до этого дело? — крыша обрушилась, и они с Лео спаслись только чудом… Пропади она пропадом, эта Земля, со всеми её сумасшедшими!

Ведомый направленным лучом, «Денеб» плавно опустился на гравитронах и коснулся бетона.

— Ну вот, Лаприд, желаю удачи! Не представляю, чем может привлечь эта богом забытая планета такого человека, как вы… Молчу, молчу, меня это не касается! Не исключено, мы когда-нибудь ещё увидимся, а? Мир тесен, это говорю вам я, капитан Лутропп, старый космический волк! Сейчас выгрузим ваш багаж и отправимся дальше. Мы и так из-за этого крюка потеряли время, а для компании время — деньги, не так ли?

Тераи пожал руку капитану, Мак-Нейшу и Ямамото.

— Спасибо, дружище, за уроки каратэ!

Механик Байл ожидал его у двери каюты, не осмеливаясь войти из-за Лео.

— Ваши вещи уже внизу. Я за всем проследил. До свидания, Лаприд! Пассажиры у нас иногда бывают, но такой, как вы, — первый. А жаль…

— Пойдём, Лео, дай я тебе надену ошейник! Ясно, ясно, ты этого не любишь, но не все же знают, что ты — сверхлев, а не зверь, сбежавший из цирка. А вдруг кто-нибудь с перепугу откроет пальбу, если увидит тебя на свободе? Я его, конечно, уложу на месте, но тебя это не воскресит.

С недовольным видом Лео позволил надеть на себя ошейник, покорно последовал за Тераи в пассажирский лифт, и они вместе вышли на трап. В это мгновение служащий второго класса Луиджи Тачини, сидевший в башне астропорта, взглянул на экран телетайпа и невольно воскликнул:

— Вот это да! Знаешь, дядя, кто к нам прибыл на «Денебе»? Лаприд, трижды рекордсмен мира, олимпийский чемпион!

— Не болтай глупостей, малыш, — отозвался Тачини старший, начальник астропорта. — Лапрадов в одной Франции сотни.

— Тераи Лапрадов?

— Тераи? Тогда это, наверное, в самом деле он. Но что ему здесь понадобилось?

— По документам он геолог. У него контракт с Межпланетным Металлургическим Бюро. И с ним ещё некий Лео.

— Лео, а дальше?

— Просто Лео. Больше ничего. А вот и они!

На площадке у трапа появился высокий человек, за которым важно выступал лев.

— Подумать только, встретить его здесь, быть может, даже поговорить!

Голос Луиджи прерывался от восторга.

— Подумаешь, такой же человек, как и все.

— Такой же, как и все? Вы слышите? Три мировых рекорда за два дня последней олимпиады — такой же, как и все? Нет, дядя, ты просто ничего не понимаешь в спорте!

— Ладно, главное, не подходи близко к его приятелю Лео.

Зазвонил телефон. Тачини старший взял трубку:

— Говорит Старжон, директор ММБ на Офире II. На «Денебе» должен прибыть один из наших геологов, господин Лаприд. Немедленно направьте его ко мне и не морочьте ему голову всякой чепухой. Понятно?

— Да, господин Старжон. Будет исполнено, господин Старжон.

Тот молча отключился.

— Луиджи, вот тебе случай познакомиться с Лапрадом. Отвезёшь его в город. А сейчас я должен избавить твоего кумира от формальностей. Слышал, что сказал господин Старжон? Если хочешь здесь чего-нибудь достичь, помни, Луиджи, что вся эта планета принадлежит ММБ.

Необычные пассажиры заняли места в открытом глайдере. Луиджи ощутил на своём затылке горячее дыхание и обернулся. Огромная морда Лео была в нескольких сантиметрах.

— Месье Лаприд, скажите вашему зверю, чтобы он не дышал мне в затылок. Меня это… отвлекает.

— Ему незачем повторять. Он уже понял, месье…?

— Тачини, Луиджи Тачини.

— Так вот, Тачини, Лео не простой лев. Это паралев или, как говорят газетчики, сверхлев. С помощью направленных мутаций удалось создать существо, равное по уму семилетнему ребёнку. Он уже не зверь! Видите, какой у него мощный выпуклый лоб? Лео понимает простую речь и может по-своему отвечать.

Сверхлев испустил полувнятное ритмичное рычание.

— Он с вами поздоровался.

— Потрясающе! Кто же такое сотворил?

— Мой отец и его друзья. Они погибли. А вместе с ними моя мать.

— Что же, эти сверхльвы… взбунтовались?

— О нет. Десятки психопатов забросали лабораторию зажигательными гранатами. Только мы с Лео и остались в живых.

— Но за что?

— Кто знает, что творится в головах некоторых так называемых людей! Наверное, они просто обезумели от страха. Но Лео нервничает, Луиджи. Он не любит, когда об этом говорят. И я тоже.

— Извините меня, месье Лаприд… А скажите, какой ваш лучший результат на полторы тысячи метров?

— Три минуты пятьдесят. Для меня это трудная дистанция, как и для всех спринтеров. На более короткие я бегу быстрее, а на длинных под конец не хватает дыхания. Впрочем, вот уже четыре года я не участвую в состязаниях.

— Но почему же? Ведь вам совсем немного лет!

— Да, двадцать четыре. Но мне нужно было писать диссертацию. Научные исследования и большой спорт даже сегодня трудносовместимы. А я всего лишь олимпиец, а не сверхчеловек, Луиджи.

— Вы француз?

— Нет. Во мне течёт кровь четырёх рас: полинезийской, китайской, европейской и индейской. Однако, похоже, мы уже на месте. Благодарю вас, Луиджи.

— До тех пор пока вы будете здесь, если вам что-нибудь понадобится, я всегда…

— Спасибо. И один совет, Луиджи: совершенствуйте своё тело, но не забывайте, что человеком быть важнее, чем чемпионом!

Тераи не понравился Старжону с первого взгляда. Высокий, атлетически сложён. Директор не любил людей выше и сильнее себя, а потому встретил геолога холодно.

— Нам рекомендовали вас университеты Парижа, Чикаго и Торонто. Кроме того, я прочёл вашу диссертацию о Баффиновой Земле и других северных островах. Неплохая работа. У нас здесь немало блестящих изыскателей, но ни одного настоящего геолога. Вы нам подходите, несмотря на молодость. Для начала займитесь составлением карт. Мы предоставим в ваше распоряжение все необходимые средства, конечно, в пределах возможного, однако потребуем соответствующей отдачи. И ещё одно. Этот ваш зверь. Он будет вас стеснять и может оказаться опасным. Советую вам избавиться от него, пока не случилось беды.

Тераи встал.

— Лео включён в подписанный мною контракт. Он сопровождает меня повсюду. Если вы не согласны, контракт будет расторгнут, и я немедленно улечу. «Денеб» ещё здесь.

— Не будьте таким вспыльчивым! Я забочусь о ваших же интересах, но если вы смотрите на это таким образом… Короче, ваш зверь целиком на вашей ответственности, понятно?

— Понятно. Вы не можете порекомендовать мне отель?

— В Джонвиле нет отелей. Мы тут все пионеры, господин Лаприд, не забывайте! Кстати, здесь

немало таких молодцов, которых не испугают ни ваши мускулы, ни ваш лев. А хижина для вас ещё строится. Мы думали, что вы прибудете на корабле нашей компании, то есть не раньше чем через месяц. А пока — есть лишь маленькая гостиница при харчевне, может быть, там найдётся для вас комната. Не знаю только, примут ли они вашего зверя…

— Попытаю счастья…

— Да, ещё одно, Лаприд! Как можно меньше якшайтесь со стиками.

— Со стиками?

— Это аборигены. Так их называют изыскатели: «стики», палки. Они похожи на палки. К счастью, стики не относятся к гуманоидам и у нас здесь нет никаких историй с их женщинами. А ведь, говорят, на других планета мужчины… Ну ладно, грузовик доставит вас с вашим багажом до гостиницы. Завтра жду вас с докладом в дирекции ровно в восемь. Кстати, купите себе офирские часы — их продают в магазине компании. Здесь на Офире сутки составляют двадцать пять земных часов и двенадцать минут, а я привык к точности, господин Лаприд.

Харчевня-гостиница оказалась приземистым бревенчатым домом в два этажа, стоящим в конце улочки из хижин изыскателей, рабочих и инженеров. Содержала это заведение ещё молодая вдова, мадам Симпсон, с помощью своей семнадцатилетней дочери Анны. Несмотря на опасения Старжона, Лео здесь приняли хорошо. Мадам Симпсон зачитывалась журналом «Райдер Дайджест», а как раз недавно там появилось сокращённое изложение книги знаменитого Джо Диксона «Создания божьи», в которой этот журналист попытался донести до широкой публики суть сложных биохимических и генетических изысканий Генри Лаприда.

Тераи едва сдержался, когда любезнейшая мадам Симпсон, преисполненная гордости от того, что у неё поселится сын прославленного учёного, упомянула об этой книге. Ведь именно её крикливое название вызвало ярость американских фундаменталистов, всё ещё влиятельных в отдельных штатах, и привело к трагедии. Анна же лишь молча покраснела, что очень шло к её личику полненькой блондинки.

— Обед через два часа, месье Лаприд, — сказала мадам Симпсон. — А пока приготовят вашу комнату, можете посидеть в соседнем баре. Он тоже принадлежит нам, пиво там отменное, да и выбор напитков неплохой.

Тераи вошёл в бар и уселся в углу, Лео растянулся у его ног. Бесцветная служанка спросила, что им подать.

— Для меня пиво. Для Лео кока-колу в большой миске.

— Кока… для этого зверя?

— Что поделаешь, в смысле напитков у него дурной вкус.

— Вы что, смеётесь?

— Принесите, и увидите сами!

Посетители столпились вокруг них, с любопытством ожидая продолжения. Раздосадованный Тераи встал:

— Послушайте, друзья! Я только что прибыл, а потому ставлю выпивку на всех. Вы, наверное, работаете на ММБ? Я тоже. Я хочу лишь одного: жить в мире со всеми. Но я не желаю, чтобы меня разглядывали как какое-то чудовище, только потому; что я олимпиец и со мною Лео. Лео — паралев, его разум был искусственно развит. Вот и всё. В остальном он обыкновенный лев. Он очень мирный, когда ему не досаждают и не угрожают. Но в противном случае… Вы знаете, на что способен разъярённый лев? Так вот, Лео способен на большее!

— Мы не хотели тебе мешать! — воскликнул рослый изыскатель. — Но согласись, посмотреть, как лев будет пить кока-колу, такое не каждый день случается!

— Ладно, смотрите, а потом оставьте нас в покое. Я здесь пробуду по крайней мере год, ещё успеете на нас налюбоваться.

Служанка вернулась с банками пива и кока-колы, рядом на подносе стояли стакан и небольшая супница. Тераи открыл банки, вылил кока-колу в супницу, и Лео под восхищённые взгляды зрителей вылакал свой напиток до дна.

— Ну что, посмотрели? А теперь оставьте его в покое! Я уже сказал: сегодня всем по стакану за мой счёт!

Так Тераи впервые встретился с теми, кому суждено было стать его товарищами по работе. Тут были самые разные люди: дипломированные геологи-разведчики и изыскатели-практики; европейцы, американцы, русские, китайцы, несколько африканцев и даже один малаец. Все они переговаривались на англо-русском жаргоне или — в зависимости от культуры говоривших — на более или менее правильном английском или русском языке, которые давно стали языками космоса. Когда Тераи объяснял уже в десятый раз, зачем он прибыл на Офир II, в бар вошёл человек, при виде которого все понизили голоса. Маленький механик-парижанин, сидевший слева от Тераи, привстал на цыпочки и шепнул ему на ухо:

— Это Голландец! Не вздумай с ним связаться…

Лаприд обернулся, окинул вошедшего оценивающим взглядом. Почти такого же роста, как он, но шире в плечах, тяжелее, с уже выступающим животом. Лет тридцати пяти. На узком лице близко к сломанному носу глубоко посаженные светло-голубые глазки. Могучая челюсть и длинный шрам на левой щеке. Он направился прямо к геологу.

— Так это вы новый босс? Сразу из детского сада? Так вот, со мною держите себя потише. Я — Ван Донган! Мне наплевать на всяких там ваших покровителей: я не позволю, чтобы мною командовал какой-то желторотый. Запомните это, повторять не стану!

Он резко повернулся и, направившись в дальний конец бара, уселся там в стороне ото всех.

— Что это ещё за субъект? — спросил Тераи соседа.

— Он открыл рудник Магрет, пока что самый богатый. До вашего прибытия считался большой лягушкой в нашей маленькой луже. И постарается таковой остаться.

— И может в этом преуспеть?

— Да, чёрт побери! К несчастью, может.

— Похоже, вы его не очень-то жалуете.

— Его никто не жалует, эту скотину. Он силён как бык и избивает до полусмерти всех, кто ему противится. Вы тоже видно не из слабеньких, но вряд ли имеете такой опыт, как он. Главное: для Голландца нет запрещённых приёмов. Вернее, он только и пользуется запрещёнными!

Тераи пожал плечами: поживём, увидим. В бар вошёл старик с красным носом и глазами пьяницы. Его когда-то великолепный комбинезон изыскателя совершенно выгорел и был вытерт до дыр, каждая из которых свидетельствовала о нищете хозяина… или о полном безразличии ко всему и вся.

— А это кто?

— Старина Мак-Грегор. Пьёт мёртвую. А жаль. Ведь это он первым высадился здесь двадцать лет назад и обнаружил первые месторождения. Прекрасный инженер, первый здешний директор. А теперь… — Механик приумолк, затем продолжал: — И всё-таки он прекрасный человек, а когда трезв — настоящий кладезь самых разных сведений об Офире. Он единственный, кто знает язык стиков, единственный, кто может с ними свободно говорить.

— С чего же он так спился?

— Никто не знает. Одни говорят, что он не может смотреть, как компания обращается со стиками, другие — что у него своя любовная драма, третьи — что с ним в горах случилась какая-то странная история, после которой он слегка тронулся. ММБ продолжает ему выплачивать жалованье, потому что никто не знает Офир лучше, чем он. Но в последнее время он так часто напивается, что вряд ли это протянется особенно долго.

Мак-Грегор заказал ещё одно виски. У него было мрачное опьянение, каждый раз он долго смотрел на свой стаканчик и потом подносил его ко рту и выпивал до дна большими глотками. Никто, казалось, не обращал на него внимания. Лаприд снова заговорил с соседями, пытаясь по их рассказам составить себе представление об условиях работы, об опасных животных и растениях, узнать о труднопроходимых тропах. Мак-Грегор подошёл к стойке за новым стаканчиком виски. Он увидел Тераи, внимательно вгляделся в него и пробормотал:

— Ах это ты, тот самый? Значит, мне осталось уже недолго…

И он, пошатываясь, двинулся к своему столу.

— Что он хотел сказать?

— Да так, ничего, — ответил механик. — просто он с причудами. Говорит, что точно знает день

своей смерти. Особенно когда выпьет, как сегодня…

Его прервал глухой удар и последовавший за ним крик. Тераи обернулся. Мак-Грегор лежал на полу с окровавленным лицом, а над ним со сжатыми кулаками склонился Голландец.

— Что, получил, проклятый пьянчуга? Может, хочешь ещё? — Голландец выпрямился с холодной усмешкой. — Пьяный боров толкнул меня, вот я и преподал ему урок. Кто-нибудь имеет что-нибудь против?

Послышались невнятные голоса, глухой ропот, который быстро стих. Лаприд пожал плечами. В конечном счёте это его не касалось. Тем не менее он подошёл к Мак-Грегору, чтобы помочь ему подняться.

— Эй, ты! Не трогай его!

— А если трону?

— Я тебя отучу соваться не в свои дела!

Тераи внезапно ощутил смертельную усталость. «Только из-за того что я олимпиец и на две головы выше других, — подумал он, — всякие скоты повсюду лезут со мной в драку, чтобы убедиться, что они не слабее и я не представляю для них опасности. Это было уже столько раз, что кажется, будто без конца повторяется одна и та же сцена. Ладно, быть по сему!»

— Ну что ж, попробуй, отучи. Лео, ни с места!

Удар ногой последовал с такой внезапностью, что Тераи не смог его полностью избежать. Он успел только повернуться, и удар пришёлся по рёбрам, а не в живот. Несмотря на боль, он смог отскочить назад и этим смягчить прямой в челюсть, который скользнул по его левой скуле. Он отступил, чтобы не споткнуться о Мак-Грегора, всё ещё лежавшего без сознания. Ван Донган тотчас бросился в атаку, но теперь он остановил его резким прямым в подбородок. После этого Тераи только парировал удары противника, спокойно изучая его и выжидая подходящего момента. Наконец такой случай представился, и он смог провести двойной удар: левый крюк в печень и тотчас — прямой в солнечное сплетение. Оба удара глухо прозвучали почти одновременно. Ван Донган согнулся вдвое, рухнул на колени, а затем медленно повалился на бок под восторженные крики изумлённых зрителей. Один из них встал перед Тераи и воскликнул:

— Эй, парень, теперь ты можешь просить у старого Жюля, что хочешь! Этот мерзавец украл у нас две заявки, а когда мы с Дугласом попробовали поднять голос, он уложил нас обоих в больницу. Я надеялся, что кто-нибудь продырявит ему шкуру, но, чтобы кто-то по всем правилам набил ему морду, об этом я даже не мечтал! Где ты научился так драться?

— Так, занимался немного боксом. А потом стычки с матросами на островах…

— Немного боксом! Боже милостивый, от твоего прямого свалится и чемпион, рука так сама и бьёт.

— Значит, Луиджи был прав? Ты тот самый олимпиец… Берегись!

Рыжее тело мелькнуло в воздухе и сбило его с ног. Раздался короткий вопль.

— Назад, Лео! Я тебе приказал…

— Он спас тебе жизнь, твой лев, — сказал Жюль. — Голландец едва не всадил тебе в спину нож!

Тераи вцепился в гриву льва и потянул его изо всех сил назад. Лео взревел, повернул голову с окровавленными клыками, но увидел, что это Лаприд, успокоился, мирно уселся в углу и принялся облизываться, как кошка.

— Доктора! — крикнул кто-то.

— Какого доктора? Он своё получил!

Голова Ван Донгана была странно деформирована, скальп сорван. Его правая рука всё ещё сжимала нож. Изыскатели, побледнев, переглядывались.

— Знаешь что, старина, — сказал один из них, — ты и твой лев… Лучше уж быть вашими друзьями!

— Я займусь Мак-Грегором. Если полиция будет меня искать…

— Полиция? — в толпе послышались иронические смешки. — Ты хочешь сказать директор? Он один здесь и суд, и полиция. Старжон, конечно, взбеленится. Голландец был его ближайшим подручным. Но ты не волнуйся. За тебя будут стоять столько свидетелей, сколько понадобится, даже те, кто

ничего не видел!

Тераи нагнулся и поднял Мак-Грегора.

— Где его хижина?

— Пойдём, я тебя отведу, — предложил Жюль. — А ты, Лоуренс, беги за врачом.

От харчевни до хижины Мак-Грегора было метров двести. Уже наступала ночь, первая ночь Тераи на этой планете. Всё казалось ему необычным: воздух, слегка отличавшийся от земного, запахи, крики ночных животных. Две луны преследовали друг друга в незнакомом небе. Лео, бежавший за хозяином, то и дело останавливался, принюхивался к ветру. Внезапно откуда-то слева раздался пронзительный яростный свист, лев ответил угрожающим рыком и присел для прыжка.

— Успокойся, приятель! — усмехнулся Жюль. — Никакой опасности! Зверь, который так громко свистит, всего лишь лягушка величиной с кулак. В окрестностях нет опасных животных. Ну, вот мы и пришли.

Лаприд вошёл в комнату и опустил Мак-Грегора на неприбранную кровать. В бревенчатом доме была всего одна комната с большим почерневшим камином — очевидно, зимой здесь стояли холода. Стол, хромоногие табуретки да масса растрёпанных старых книг — вот и вся обстановка.

Пока Жюль смывал кровь с лица шотландца, Тераи посмотрел несколько томов — труды по практической геологии и рудному делу, романы, и всё это на пяти или шести различных языках.

— Мак говорит на всех этих языках?

— Да, и ещё на языке стиков. Он здесь единственный, кто хорошо знает их язык. Я вот могу связать только пару слов. Чертовски трудный язык! Маг-Грегор, без сомнения, был культурным человеком.

— Ты говорил, что он инженер?

— Да, и он был первым директором, до Старжона, до того, как запил.

— Как он себя чувствует?

— Скоро очнётся. У Ван Донгана были преподлые удары… Были, к счастью! Смотри-ка, как здорово, что можно говорить о нём в прошедшем времени!

— Неужели вы его так ненавидели?

— Он был сволочью. Мерзкой сволочью на службе у человека, который не знает жалости и думает только о прибылях. Ты сам убедишься. Зачем ты прилетел сюда, Лаприд?

— На Земле слишком много сумасшедших. Я сыт ими по горло.

— Ну, сумасшедших ты найдёшь и здесь. На сколько у тебя контракт?

— На год, с правом продления.

— Всего на год? Видно, им позарез нужен хороший геолог, раз они согласились на такой короткий срок. Работать на ММБ — не орешки щёлкать. Всё, что они печатают в своих рекламных проспектах, — враньё! Девиз ММБ «иди или подохни», а чаще «иди и подохни».

— Что же, посмотрим!

— Похоже, ты умеешь за себя постоять, олимпиец, однако… ага! Мак очнулся и снова с нами.

Старик попытался приподняться на кровати, но Жюль удержал его.

— Где я? Что со мной? О, моя голова!..

— Ты случайно толкнул Голландца, и он тебе врезал, разбил башку. Когда Лаприд хотел вступиться, он и ему попытался врезать. Только он малость ошибся и сам в два счёта очутился на полу! Тут ему вздумалось поиграть ножом, тогда лев Лаприда его прикончил.

— Прикончил? Ах да, Лаприд. Олимпиец. Человек судьбы! Я знал, что ты должен прийти, но не знал когда. В жизни всего не запомнишь. А теперь мне осталось полгода жизни и заплатить один долг. Горы Судьбы! Пухи, или стики, как вы их называете, знают об этом. И от этого умирают. Голос мне всё объяснил…

Он снова упал на постель и умолк. В хижину поспешно вошёл врач.

— Что ещё стряслось? Снова шуточки Ван Донгана? Когда это кончится?

— Уже кончилось, доктор. Вам больше не придётся ухаживать за жертвами этого мерзавца. Познакомься, Лаприд, это доктор Вертэс, друг бедных изыскателей.

Доктор Вертэс был высок и худ, остроконечная бородка и пронзительный взгляд придавали ему почти мефистофельский вид. Он уставился на Тераи.

— Хм, великолепный образчик! Метис, да?

— Да, и тем горжусь.

— Тут нечем гордиться и нечего стыдиться. Посмотрим-ка лучше нашего пострадавшего. Если бы он не пил как свинья, прожил бы до ста лет без всяких гериатров! Ступайте, я сам им займусь.

Когда они вернулись в бар, волнение ещё не улеглось. Труп Голландца убрали, однако на полу ещё оставались тёмно-коричневые пятна. Тераи встретили криками «ура», дружескими похлопываниями по плечу, приглашениями выпить. Вызванная на подмогу Анна стояла за стойкой, не сводя с Тераи восхищённых глаз. Всё это его стесняло.

— Послушайте, друзья! Я хотел бы пообедать спокойно. Я голоден и устал. Так что, будьте добры, оставьте меня. Мы ещё увидимся.

Он пообедал один вместе с Лео в маленькой комнатке. Анна подавала ему, вспыхивая каждый раз, когда он к ней обращался. Потом он поднялся в отведённую ему комнату. Лео недоверчиво обследовал её и наконец улёгся поперёк порога.

— Что, Лео, опасаешься? Может быть, ты и прав, хотя не думаю, что сегодня нам ещё что-нибудь угрожает. Завтра и позднее — всё возможно, если, конечно, то, что мне порассказали, правда.

На следующее утро Старжон принял Тераи более чем холодно.

— Итак, едва появившись, вы со своим львом убиваете одного из моих лучших людей! Да, я знаю, что он был не прав, когда помешал вам поднять этого алкоголика. И был также не прав, когда схватился за нож. Ваше счастье, что столько людей свидетельствуют в вашу пользу, Лаприд. Иначе вы бы уже сидели за решёткой, ожидая ближайшего звездолёта рейсом на Землю. Впрочем, оставим это: что было, то было. А сейчас мы должны немедленно заняться картами. До сих пор из-за отсутствия настоящего геолога мы работали, полагаясь лишь на опыт изыскателей, которые обследовали только поверхностные рудные выходы вдоль сбросов плато Вира и каньона реки Бероэ. Здесь, здесь и здесь. — Он указал точки на висевшей на стене карте. — В вашем распоряжении будет карта, составленная по данным аэрофотосъёмки и докладам изыскателей. Изучите её хорошенько, там множество данных, но их следует уточнить и дать правильное толкование. Я наметил вам в помощники Ван Донгана, но вы его убили! Вот и выпутывайтесь теперь сами, как знаете.

— Я возьму Жюля Тибо. Но какова ваша система? Я думал, что всеми изысканиями занимается только ММБ, однако вчера мне сказали о каких-то индивидуальных заявках.

— Вот как? Никаких индивидуальных заявок на самом деле нет. Если отдельные изыскатели находят по-настоящему ценное многообещающее месторождение, они ставят заявочные столбы от своего имени и после тщательной проверки получают от нас дополнительное вознаграждение, иногда довольно значительное. Это они и называют индивидуальными заявками.

— Ясно. Понял. Каким штатом я могу располагать?

— У вас будут три чертёжника-картографа. Что касается изыскателей, используйте, кого хотите. Единственное, что меня интересует, — это результаты. Ваша комната номер шестнадцать в конце коридора. Но чтобы ваш лев не путался у меня под ногами!

В течение долгих недель Тераи работал как одержимый и даже по вечерам уносил материалы к себе, в бревенчатую хижину, которая теперь была его жилищем. Жилищем простым, но вполне комфортабельным, с рабочим кабинетом, спальней, ванной и кухней, которой он, впрочем, почти не пользовался, предпочитая столоваться в харчевне. Он уже познакомился почти со всеми членами земной колонии, что было, кстати, совсем нетрудно, так как всё её население не превышало трёхсот человек, в основном мужчин; помимо них было также несколько незамужних женщин и несколько супружеских пар с детьми. С юными колонистами Лео подружился очень быстро, а когда на десятый день пребывания на планете он догнал и убил спустившегося с плато «горного волка», то приобрёл друзей и среди их матерей. Этот «горный волк» был первым крупным зверем, которого Тераи увидел на Офире II. Он и в самом деле отдалённо походил на волка, хотя кожа его была совершенно голой и лишь череп венчал пучок жёсткой шерсти.

— На плато их полно, особенно вблизи Гор Судьбы, — объяснил ему Жюль Тибо. — К счастью, они редко собираются в стаи, а то были бы по-настоящему опасны для изыскателей-одиночек. Малышу повезло, что твой лев подоспел вовремя.

— Как он себя чувствует?

— Укус глубокий, но доктор Вертэс говорит, что всё обойдётся.

— Горы Судьбы! Откуда такое странное название?

— Это Мак-Грегор их так назвал. Он утверждает, будто это точный перевод туземного названия. Признаться, я никогда не задумывался, почему их так называют. Скорее подошло бы: «Мёртвые горы» или «Горы отчаяния».

— Неужели там настолько худо?

— Сам увидишь, если пойдёшь со мной в следующий раз. Пора заняться разведкой в новом районе. Обрывы плато Вира уже достаточно известны.

— Смотри, — сказал Жюль. — Вот там внизу деревня стиков. Я знаком с их вождём. Хочешь, навестим его?

Деревня, скорее деревушка, притаилась в узкой долине, окружённая со всех сторон бревенчатым палисадом и рвом. В ней было не более полутора десятков домов, вернее хижин из глины и камней, покрытых широкими листьями, уложенными подобно черепице. На площадке посреди деревни можно было различить несколько необычайно тонких, высоких фигур.

— Собственно говоря, Старжон запретил мне с ними общаться, но будем считать, что у меня плохая память. Спустимся к ним, Жюль!

Когда они приблизились к деревне, узкий подъёмный мостик был торопливо поднят, а в землю перед ними вонзилось несколько стрел.

— А, чёрт побери! Это из-за твоего льва! Я совсем забыл. Подожди меня здесь.

Жюль спокойно двинулся вперёд, выкрикивая какие-то слова на местном языке. Стрелы перестали свистеть, над палисадом показалась голова. Тераи взял бинокль, чтобы получше её рассмотреть. Голова была карикатурно человеческой, с хохолком зеленоватых волос, двумя глубоко посаженными глазами, длинным узким носом, щелевидным ртом и подбородком галошей. Больше всего она походила на отражение человеческой головы в искажающем зеркале из комнаты смеха, настолько она была немыслимо узкой и вытянутой.

Жюль позвал Тераи:

— Можешь спускаться, всё в порядке. Только оставь Лео снаружи, хотя бы на этот раз!

Чтобы пройти в узкие воротца, Тераи пришлось наклониться. Жюль стоял в окружении туземцев, и геолог сразу понял, почему изыскатели прозвали их стиками: они и в самом деле походили на палку или скорее на тех земных насекомых, которых называют богомолами. Прямые хрупкие ноги опирались на узкие ступни, тело сужалось к голове, подобно горлышку бутылки, тонкие руки заканчивались худыми, как у скелета, кистями с шестью длинными пальцами. Стики были одеты в короткие юбочки и вооружены луками и стрелами с искусно обработанными каменными наконечниками. Кое у кого были металлические ножи, превратившиеся от долгого употребления и многократных заточек в своего рода плоские стилеты. Тераи тотчас узнал их — такие ножи поставляли за бесценок Земля и Нью-Шеффилд, лишь бы избавиться от своих излишек. Самый высокий из туземцев был Тераи едва по грудь. Жюль говорил, неуверенно произнося шипящие или щёлкающие слова.

— Я стараюсь им втолковать, что твой лев — друг, — объяснил он, — но, на беду, он очень похож на одного из здешних хищников. Правда, теперь в этих местах их не осталось, но изображение этого зверя есть у них в храме. Они говорят, что Лео — это Чуинга-Гха, и попробуй докажи им, что это не так!

К двум десяткам туземцев неуверенно присоединились женщины, а затем со всех сторон высыпали и крохотные дети, стремительные и юркие, как зелёные ящерицы, поднявшиеся на задние лапы. Один из малышей встал перед Тераи, осмотрел его с ног до головы, завертелся на месте, рассмеялся до странности человеческим смехом, а потом прокричал пронзительным голосом что-то, от чего развеселились все окружающие.

— Что он сказал? — спросил Тераи.

— Я не совсем понял. Я ведь знаю всего несколько их слов. Но похоже, он сказал, что ты самый большой зверь, каких он видел в жизни!

— Хм… Ты не знаешь, кто им дал эти ножи?

— Мы, изыскатели. Стики — славные ребята и порой служат нам проводниками. Они живут охотой, да ещё что-то выращивают. Вымирающая раса, и на сей раз земляне тут ни при чём. Они вернулись в каменный век, и вернулись задолго до того, как мы пришли на эту планету. Их осталось немного, они совершенно безобидны, и, поскольку никто не собирается колонизировать Офир II, они потихоньку исчезнут сами, без всяких трагедий.

— Но почему они вымирают? Смотри, сколько детей и все живые, здоровые на вид!

— Они часто умирают, не достигнув зрелости. И никто не знает почему. Этот мир принадлежит ММБ, а компания интересуется отнюдь не ксенологией. Её волнуют только прибыли. Стиков никто никогда не изучал. Мак-Грегор говорит, что вскоре после обряда посвящения они совершают массовые самоубийства. И он сознался, что знает причину. Спроси у него сам. Если есть на этой несчастной планете специалист по стикам, так это он. Но взгляни на взрослых!

Рядом с весёлыми энергичными детьми мужчины и женщины со своими вытянутыми лицами и усталыми редкими жестами казались особенно унылыми и малоподвижными.

— Болезнь?

— Неизвестно. Доктор Вертэс пытался найти возбудителя, но безуспешно. К тому же у него нет необходимых приборов, а Старжон смотрит на такие исследования косо. Лишняя трата времени, по его словам.

— Хорошо. Я спрошу у Мака. Да ещё попрошу его научить меня их языку. Этот народ меня заинтересовал. Много их осталось?

— На исследованной части континента мы нашли с дюжину деревень. И гораздо больше покинутых городов. В других местах их не видели. Но когда-то это была великая раса. Вся планета покрыта развалинами. Ты сам увидишь руины огромного города на плато Вира. Мы будем там завтра.

Жюль сказал на прощание несколько слов, которые остались без ответа, и они вышли через низкие воротца из деревни. Лео встретил их недовольным широким зевком, а затем подошёл к воротцам и нахально окропил столб.

— Лео! — возмущённо крикнул Жюль.

— Он обиделся, что мы его оставили снаружи, — со смехом объяснил Тераи. — Вот и поставил свою метку, чтобы знали, что теперь его охотничья территория распространяется и на эту деревню!

На следующий день с вершины холма они увидели древний город. Он лежал в низине на восточном берегу большого синего озера. Руины тонули в зарослях, но кое-где над зелёным покровом ещё возвышались отдельные башни. «По земным нормам, — подумал Тераи, — в этом мёртвом городе когда-то могло проживать от трёхсот до пятисот тысяч жителей». Они спустились в низину и проникли в город, прорубая себе путь мачете. В центре, возле самого озера, мостовая оказалась сделанной так совершенно, что даже спустя века растения нигде не смогли пробиться сквозь кладку. С десяток улиц сбегалось к полукруглой площади, выходившей на набережную, от которой в озеро протянулись многочисленные молы и причалы. Два маяка, почти не тронутых временем, сторожили гавань.

— Заночуем в левой башне, — сказал Жюль. — Я здесь частенько останавливался. Там есть сухие комнаты, и потолки ещё прочные. Древние стики умели строить…

И на самом деле камни в стенах были так точно пригнаны, что порой невозможно было различить места соединений.

— Известно хотя бы приблизительно, сколько лет этому городу?

— Да. Будучи директором, Мак отослал образцы дерева на Землю для радиоуглеродного анализа. Город не так уж древен — ему от четырёх до трёх тысяч двухсот земных лет. Интересно другое: по-видимому, это был первый покинутый стиками город. Чем дальше отсюда, тем время запустения городов ближе к нашему, будто из этого места исходило какое-то смертоносное излучение. На северном материке, например, города были обитаемы ещё две с половиной тысячи лет назад. Так или иначе, кончилось всё быстро: на всей планете цивилизация стиков погибла за какие-нибудь шестьсот лет. Когда из Ксенологического бюро Объединённых Наций узнали об этом, сюда хотели послать научную экспедицию, но ММБ воспротивилось. У них неограниченные права, эта планета целиком в их власти ещё на сорок лет!

Пока Жюль устраивался на ночлег, Тераи с Лео осматривали развалины. Лапраду хотелось определить уровень исчезнувшей цивилизации. В одном из сохранившихся домов стены украшали роспись и барельефы. На изображениях не было сложных машин, но стиков всюду окружали домашние животные, верховые или вьючные, похожие на лошадей и быков. Встречались и какие-то подобия собак в сценах охоты на шуин-гагха — этих хищников Тераи узнал сразу, они действительно походили на короткопалых львов. Стики были вооружены луками, копьями и своего рода арбалетами с прицельной рамкой. У некоторых были щиты или что-то вроде нагрудных панцирей. «Непременно надо произвести раскопки, — думал Тераи. — Но готов биться об заклад, что они почти не уступали европейцам XIV века. Судя по изображённой на стене карте, они уже плавали по всем морям. Что же случилось с этой могучей цивилизацией, что её остановило? Три тысячи лет назад! Они явно опережали нас. Три тысячи лет назад у нас только начинался железный век! Мои галльские предки сражались между собой, мои китайские предки лишь учились философствовать, мои предки маори ещё не вышли из Азии, а что до моих индейских предков, один великий Маниту знает, что они тогда делали!»

Он вернулся в лагерь и рассказал Жюлю о своей находке.

— Да, я знаю этот дом. Там есть и другие, где уцелели даже деревянные балки и двери. Они всё делали из стволов гаю, а эту древесину никакая гниль не берёт. Мы её используем для креплений в шахтах. А черепица? Ты видел, как она у них плотно пригнана? Даже ураган не может её сорвать. Каменщики они были отменные и работали на века, как наши египтяне или строители средневековых соборов. Но о стиках мы не знаем ничего, или почти ничего.

Ночь они провели спокойно в башне, в сухой, хорошо закрывавшейся комнате со стрельчатыми сводами, и на рассвете покинули город. И тут для Тераи началось настоящее знакомство с Офиром.

Сначала тянулся лес, затем — обширная зелёно-рыжая савана, дальше пошли глубокие каньоны, в которые река Ото-Ото низвергалась великолепными водопадами. Солнце множеством радуг расцвечивало висящую над ними водяную пыль. Кое-где вдоль древней полузаросшей дороги попадались развалины отдельных ферм или сторожевых постов. Ночи, когда луны гнались друг за другом, отбрасывая многочисленные подвижные тени, бывали так прекрасны, что порой путники не могли уснуть, несмотря на усталость.

Днём часто разражались грозы, тогда взбухали — не пересечь! — реки и приходилось пережидать спада воды. А потом начался подъём через девственные леса, к подножию Гор Судьбы. Но отсюда они повернули назад по долине реки Бероэ, пересекли каньон Мертвеца (здесь когда-то нашли труп изыскателя, наполовину обглоданный хищниками). Наконец они поднялись на плато Вира, где их уже дожидался вертолёт, чтобы доставить обратно в Джонвиль.

А затем потянулись долгие дни: обработка записей, уточнение карт, анализ образцов, предварительное оконтуривание месторождений и прочая лабораторная рутина. Похоже было, что Горы Судьбы богаты самыми разными рудами, и Тераи решил сосредоточить изыскания в этом районе. Но он не забыл о тайне стиков и однажды вечером отправился к Мак-Грегору.

Старик читал за столом. Он теперь не пил и почти не выходил из своей хижины.

— А, вот и вы! Что же, вам первое слово. Я уже не помню, кто кого должен был навестить, вы меня или я… Всего не упомнишь! Впрочем, неважно. Вы пришли учиться языку стиков, не правда ли?

— Как вы догадались?

— Я о многом догадываюсь, Лаприд, много знаю, но предпочёл бы этого не знать… или забыть! Нам осталось всего четыре с половиной месяца, а язык пухи труден. Однако я успею дать вам основы, и вы сможете потом заниматься им сами, когда… когда меня не станет. Где вы были последнее время?

— Ходил на разведку с Жюлем к Горам Судьбы. Похоже, там есть богатые месторождения.

— Да, весьма. Я сам бывал там и заходил ещё дальше за первую горную цепь и даже за Барьер! До безымянного притока речки Фаво, которая южнее впадает в Сапро. Лучше бы я тогда переломал себе ноги!

— Но почему же? И почему вы не оставили свои записи в конторе, если уже побывали там? Ведь никто другой ещё не обследовал этот район…

— Бесполезно задавать мне вопросы на эту тему, Лаприд! Я вам не отвечу. Займёмся лучше языком пухи, ради которого вы пришли. Для начала, в нём семь времён…

Это были поистине удивительные уроки! Тераи владел семью земными языками и в этом отношении был способным учеником, однако язык пухи и в самом деле оказался очень трудным. К тому же Мак-Грегор был странным учителем. Иногда он мог часами объяснять какое-нибудь сложное время,

но чаще предавался воспоминаниям о своих геологических разведках на Офире II или на других планетах. Тераи не жалел об этом, так как черпал из его рассказов массу полезнейших сведений.

Не будучи силён в современных теориях, Мак-Грегор оставался непревзойдённым во всём, что касалось практической геологии. Иногда он вдруг останавливался на половине фразы и долго смотрел перед собой в пустоту, затем спохватывался и продолжал рассказ, никогда не путаясь и не ошибаясь. Но однажды, очнувшись после такой паузы, он выругался и потускневшим голосом медленно проговорил:

— Видишь ли, мальчик, я знаю, что умру 17 января 2224 года ровно в восемь часов двадцать пять минут, но я не знаю, как это произойдёт. И это сущий ад! Он мог бы мне рассказать, негодяй! Но может быть, он рассказал? И я просто забыл?

— Кто? — спросил Тераи.

— Этого я тебе не скажу! И ты будешь сумасшедшим, если тоже захочешь узнать. В этом есть что-то страшное, колдовское… Послушайся меня, улетай отсюда, как только закончится твой контракт. В небе тьма других планет!

Так Мак-Грегор в предпоследний раз упомянул об ожидавшей его судьбе. Наступил день, когда Тераи почувствовал себя достаточно поднаторевшим в языке, чтобы снова посетить деревню пухи. Под предлогом какой-то проверки он отправился к ним на вертолёте, оставив Лео на попечение Анны. Паралев в девушка успели очень подружиться, и Лео частенько сопровождал её с наступлением темноты. Вертолёт не испугал пухи. Некоторым из них уже приходилось летать на винтокрылой машине в качестве проводников. Однако Тераи приняли недоверчиво. Недоверие рассеялось, когда он кое-как растолковал им, что пришёл от Мак-Грегора. Тогда его пригласили войти в хижину.

Пока, сидя у центрального очага, он курил свою трубку, хозяева меланхолично жевали листья «шамбалы». Только при вторичном посещении, почувствовав, что говорит уже достаточно свободно и что туземцы относятся к нему дружелюбнее, Тераи решился задать вождю вопрос, который давно его мучил.

— Скажи, Ихен-То, если это не против ваших обычаев, почему в противоположность вашим радостным и счастливым детям вы так печальны? Это из-за болезни?

Вождь долго молчал, прежде чем ответить:

— Их судьба ещё не прочитана!

— Прочитана? Кем?

Ихен-То трижды, склонив голову, коснулся груди длинным острым подбородком, отгоняя злых духов.

— Ты не нашего закона. Ты не прошёл испытания. Послушай меня, не ходи больше в горы, где заходит солнце, не ходи в Горы Судьбы! Не пересекай Барьер!

Тераи было известно, что Барьером называют обрывистый хребет, откуда берёт начало Бероэ, — он издали видел эту каменную стену во время своей экспедиции с Жюлем Тибо. По данным воздушной разведки за Барьером с юга на север тянулась глубокая долина с тем самым безымянным притоком Фаво, о котором говорил Мак-Грегор. За нею была ещё одна горная цепь, от которой до конца материка простиралась западная равнина. Мак-Грегор пересёк Барьер и вот говорит, что знает день и час своей смерти. А теперь Ихен-То объясняет беззаботность детей племени тем, что судьба их ещё не прочитана, и заклинает Тераи, который «не прошёл испытания», никогда не пересекать Барьер. В этом было что-то странное, даже зловещее. Но Тераи знал, как настораживаются люди, когда дело касается их верований, и поэтому на сей раз больше не стал задавать вопросов.

Роковая дата, 17 января 2224 года, приближалась, и Тераи ждал её с тревогой и любопытством: осуществится ли предсказание Мак-Грегора?

Он ещё не раз побывал в деревне пухи, но так и не проник в их тайну. Туземцы были гостеприимны, привыкли даже к Лео, но сразу замыкались, как только речь заходила о Горах Судьбы или вообще о том, что лежало к западу от их плато. Но по обрывкам разговоров Тераи установил любопытную вещь: достигнув определённого возраста, все без исключения подростки совершали своего рода паломничество в горы, однако через несколько дней возвращалась лишь часть из них. Шестнадцатого января, когда Тераи вернулся к себе после обеда, он услышал тихий стук в заднее окно, выходившее на заросли кустарника. К его великому удивлению, это оказался Луиджи.

— Ты что, забыл, где находится дверь? Юный Луиджи, искренний почитатель олимпийца, частенько заглядывал к нему.

— Тс-с-с! Можно я влезу в окно?

— Конечно. Но к чему такая таинственность?

Одним прыжком Луиджи очутился в комнате и, убедившись, что снаружи его не могут заметить, заговорил:

— Меня послала Анна! Она вас любит, и… Знаете, если бы это были не вы, я бы ревновал!

Анна и Луиджи недавно обручились.

— Для ревности у тебя нет никаких оснований. Но чего хочет Анна?

— Предупредить вас. Сегодня утром она подслушала разговор двух мужчин. Старжон, директор, приказал пристрелить Лео.

— Пристрелить Лео? Но почему?

— Не знаю. Может быть, для того чтобы заставить вас улететь. Или, если вы будете защищать Лео, — а вы ведь так и сделаете! — воспользоваться случаем и убить вас тоже. Люди поговаривают, что директором должны быть вы, а не он!

— Ну, это уж ты выдумываешь, Луиджи! Я не питаю к Старжону симпатий, и он платит мне тем же. Но из-за этого пойти на преступление? Ты ведь знаешь, Лео, как и человек, находится под охраной Закона о правах разумных существ от 2080 года! Правда, закон этот и нарушался: взять хотя бы Тикану — наёмники ММБ убивали там безнаказанно. Но в нашем случае — я просто не вижу причины!

— Анна кое-что слышала. Похоже, это связано с вашими планами начать разведки в Горах Судьбы.

— Вот как? Интересно. И кто были эти люди?

— Она их никогда раньше не видела. Говорит, чужие.

— Откуда им взяться? Ты же сам дежуришь в астропорту и знаешь, что уже два месяца не было ни одного звездолёта.

— Они могли спуститься и в другом месте и добраться сюда пешком или на вертолёте. Вчера вылетели и возвратились три вертолёта.

— Да, это уже серьёзно, Луиджи. Может Анна показать мне их или описать? И когда они собираются нас прикончить?

— Завтра! Но она не знает точно, когда и где.

— Ладно, а сейчас беги! Смотри, чтобы никто тебя не заметил. Если всё, что ты сказал, правда — ты рискуешь не меньше меня. Спасибо тебе! Сегодня уже поздно, но завтра пораньше я постараюсь увидеться с Анной наедине. Если застанешь нас в каком-нибудь укромном уголке, пожалуйста, не стреляй!

При встрече Анна подтвердила всё, что говорил Луиджи, и добавила немало подробностей. Накануне в харчевне завтракали двое. Они устроились в самом дальнем углу, не подозревая, что лишь дощатая перегородка отделяет их от комнаты, где девушка писала в этот момент письмо своим австралийским родственникам. Сначала она не обращала внимания на их невнятный разговор вполголоса, но вдруг отчётливо расслышала обрывок фразы: «прикончить этого паршивого льва». Тогда она приникла ухом к доске и совершенно ясно услышала продолжение:

— Не пойму, какого чёрта директору так загорелось? — удивился один из говоривших.

— Не нашего ума дело, Джо. Старжон платит, и хорошо платит. А на остальное мне плевать!

— Похоже, с хозяином зверя так просто не справишься. Спортсмен, олимпиец! Да и лев от него не отходит.

— Ба, нас же двое! Один займётся человеком, другой — зверем. Думаю, если мы в порядке законной самозащиты прихлопнем Лаприда, директор на нас не рассердится. Будет знать, как лазать по Горам Судьбы против воли босса!

— И когда ты думаешь лучше?

— Да завтра же днём. При первой возможности.

Тут Анна услышала стук монеты о стекло и поспешила через кухню в зал, бросив на ходу матери: «Не беспокойся, я сама получу!» Она подошла к столу, когда двое мужчин уже встали, и, пока они расплачивались, успела хорошо разглядеть их.

— Один — высокий, не такой, правда, как вы, но в общем высокий, худой, брюнет с чёрными усами, в сером костюме, как у туриста. Другой — поменьше, блондин со свёрнутым носом, в рабочей одежде. Когда высокий клал сдачу в карман, пиджак распахнулся, и я увидела у него на ремне такой пистолет, который стреляет лучами, ну, вы понимаете…

— Лазер?

— Да-да, он самый!

— Ты уверена, Анна?

— Да. Несколько лет назад — я тогда была ещё маленькой — здесь останавливался корабль Звёздной стражи. Один офицер показывал, как это стреляет. Я уверена!

Тераи присвистнул: никто, кроме полицейских и военных, не имел лазеров на Земле и никто, кроме Звёздной стражи, — в космосе. Остальным иметь лазерный пистолет запрещалось законом: это было тяжкое преступление, каравшееся пятнадцатью годами тюрьмы. Даже полиция ММБ не имела лазеров, во всяком случае официально.

— Спасибо, Анна, твоё предупреждение для меня и для Лео означает жизнь. Но прошу тебя, ни с кем не говори об этом, ни с кем, и держитесь от всего этого подальше оба, и ты и Луиджи.

— Будьте осторожны, месье Лаприд. У этих людей вид настоящих убийц!

Тераи вернулся к себе сильно озабоченным. Он проверил свой револьвер, хотя и не строил особых иллюзий: пуля против луча лазера — слишком неравная партия! Он видел, что Лео тоже нервничает; лев метался по комнате, то и дело издавая глухое рычание.

— Лео, старик, плохи наши дела! Два джентльмена охотятся за твоей шкурой, наверное, для того чтобы сделать из неё ковёр, за моей тоже, только не знаю уж для чего. Не думаю, чтобы Старжон был фундаменталистом, как те сволочи, которые убили наших родителей. Ты ему мешаешь, и я, видно, тоже. Но почему, в чём дело? Ладно, в общем сделаем так… Эти два мерзавца вряд ли когда-либо охотились на львов, а паральвов они наверняка и в глаза не видели, а потому не знают, на что ты способен в зарослях или в лесу. Вот там-то мы и скроемся на несколько дней. Но сначала надо снарядиться для такой прогулки и заглянуть к старине Маку. Может быть, он что-нибудь присоветует.

Было уже восемь часов, но озабоченный Тераи совершенно забыл о роковом дне и часе. Полагая, что двое негодяев не посмеют убить его первым, особенно среди бела дня — в конце концов, приказ Старжона относился только ко льву, — он отослал Лео кружной тропой в заросли кустарника, уверенный, что там ни один земной охотник не сможет его выследить. А сам прямиком направился к Мак-Грегору. Старик сидел за столом, перед ним стояла бутылка настоящего виски, маленький магнитофон тихонько наигрывал шотландские мелодии.

— А, вот и вы, Тераи! Сегодня не будет урока пухи: не осталось времени. Сегодня тот самый день и почти тот самый час. Я не знал, придёте ли вы, голос предсказал только мою судьбу, но, кажется, в конечном счёте она связана с вашей! Может быть, и вы умрёте сегодня? Но раз вы здесь, выпейте со мной! Я вижу, вы готовы к походу. Но вы дождётесь конца? Я бы хотел, чтобы именно вы меня похоронили, а не какой-нибудь равнодушный кретин.

— По совести говоря, Мак, я забыл о ваших мрачных предсказаниях. Я не знаю, угрожает ли вам что-нибудь, но знаю, что моя жизнь в опасности. Что мне делать, по вашему мнению?

В нескольких словах он рассказал старику о наёмных убийцах.

— Гм, я думаю, самое умное скрыться на некоторое время. Убийцы, наверное, последуют за вами, но там в зарослях против вас и вашего…

Внезапно он вскочил и вытянутой рукой изо всех сил оттолкнул Тераи, а сам упал поперёк стола… с чёрной дырой во лбу. На другом конце комнаты вспыхнула деревянная перегородка. Тераи с револьвером в руке бросился к окну. Какой-то человек, согнувшись вдвое, бежал к зарослям кустарника.

Тераи дважды выстрелил и со свирепой радостью увидел, как человек подпрыгнул и покатился в траву, словно заяц. Почти сразу вслед за этим из кустов послышался вопль боли и ужаса и торжествующий рёв Лео. Плеснув воды из ведра, Тераи погасил пожар. Одного взгляда на Мака было достаточно, чтобы убедиться, что старый инженер может подождать — перед ним уже была

вечность.

Тераи выбежал наружу. Убийца не дышал: одна из пуль попала ему в спину, другая — в затылок. Это был высокий брюнет, описанный Анной. Лазерный пистолет валялся в нескольких шагах.

— Лео! — позвал Тераи. В ответ он услышал рычание, и вскоре нашёл своего друга за кустами: Лео вылизывал лапу, а перед ним валялся второй труп — блондина с лазером в правой руке. Голова его превратилась в окровавленную лепёшку — последствие удара львиной лапы. Тераи нагнулся, подобрал лазер, сунул его в карман, затем обыскал труп; он нашёл запасную батарею и тоже взял её себе. У блондина на поясе оказался и обыкновенный пистолет: вполне достаточно для «оружия, найденного на трупе». Лео «рассказывал», тихонько порыкивая в определённом ритме.

— Значит, ты их увидел и пошёл следом, — проговорил Тераи. — Тот, кто стрелял в меня, был слишком далеко, и ты начал со второго. Правильно? Ты хорошо сделал, Лео. Они убили Мака, но им нужен был я. Я и ты тоже!

Уже отовсюду сбегались люди, привлечённые выстрелами. Тераи посмотрел на часы: было восемь часов двадцать семь минут. Старый Мак умер примерно две минуты назад.

— Отнесите трупы на площадь и положите перед конторой директора, — сказал он прибежавшим изыскателям. — Они целили в меня, но убили Мака.

Ропот прокатился по толпе: все в Джонвиле любили старого Мак-Грегора.

— Идите за мной, надо поговорить с господином директором!

Старжон, уже кем-то предупреждённый, ожидал их на пороге своей конторы.

— Итак, Лаприд, вы убили ещё двоих… Да вы просто-напросто убийца! Эй, люди, что вы смотрите, хватайте его!

— Извините, господин директор! — возразил ему только что прибежавший Жюль Тибо. — Вас ввели в заблуждение. Это они — убийцы! Они убили Мак-Грегора, а Лаприд только защищался.

— И это ещё не всё, — вмешался Тераи. — У одного из них был лазер…

— Только у одного?

— Что вы хотите этим сказать, господин директор? — иронически спросил Тераи. — Разве недостаточно, что у них был хотя бы один лазер? Должно быть, у них очень высокие покровители или же они принадлежали к очень опасной шайке. А впрочем, может быть, вы и правы. Может быть, у того, которого прикончил Лео, тоже был лазер. Не исключено, он отлетел в кусты. Пошлите кого-нибудь, пусть поищут.

— Если только вы его сами не подобрали!

— Я? — воскликнул Тераи с видом оскорблённой невинности. — А зачем он мне? Разве я не доказал сегодня, что настоящий спортсмен может обойтись и без лазера?

В толпе послышались смешки. Однако Старжон не отступал.

— Я вижу, вы снаряжены для похода. Куда вы собрались?

— На разведку. Вы сказали, что я могу вести изыскания по своему усмотрению.

— На разведку? Один?

— Вовсе не один. С Лео. Это верный друг.

— И куда?

— В Горы Судьбы.

— Я вам запрещаю!

— Почему бы это? Впрочем, мне и не нужно вашего разрешения.

— Вы не получите вертолёта!

— Он мне ни к чему. Если понадобится помощь, я вызову по радио Жюля Тибо или кого-нибудь ещё, кому я доверяю. А сейчас пусть никто не вздумает следовать за мной! После этой истории Лео нервничает. И я тоже. Но прежде мы похороним Мак-Грегора. Вашего предшественника, господин директор!

Уже второй день Тераи с Лео исследовали Горы Судьбы. Жюль Тибо довёз их на своём вездеходе до края плато Вира. Расставшись с ним, они преодолели предгорье и сейчас находились перед Барьером. Это была горная цепь высотой не более трёх тысяч метров, но чрезвычайно крутая, сложенная из сверкающих сланцев на гранитном основании. Тераи долго отыскивал в бинокль проход.

— Разгадка тайны по ту сторону Барьера, Лео. Именно там побывал старый Мак, именно туда уходят молодые пухи. Но где, чёрт возьми, они пробираются? Вряд ли через верховья Бероэ; мы знаем, что долина там заканчивается непроходимым тупиком. И уж, конечно, не на севере: там отвесные скалы. Остаётся юг. Что ж, пойдём вдоль Барьера на юг, пока не отыщем прохода!

В высоких предгорьях, где они находились, растительности почти не было, только худосочная трава между бесформенными валунами, остатками древнего ледника. С севера на юг тянулась безводная долина; видимо, старое русло Бероэ, подумал Лапрад. Ниже она прорезала холмы и сворачивала прямо на восток. Они спустились в долину. Там кое-где росли деревца с перистой листвой, типичные для этих высот. Попадалось ещё довольно много животных, травоядных — какого-то подобия земных каменных баранов и серн — и хищных — вроде «горных волков». Встречались и другие звери, которых Тераи до сих пор никогда не видел, но все они не представляли опасности ни для него, ни для Лео. Мясо травоядных оказалось вкусным и вполне съедобным, его следовало только хорошенько выварить и добавить витаминизированые пилюли. Впрочем, долго питаться им не следовало — оно содержало слишком много тяжёлых элементов. Но пока свежее мясо приятно разнообразило пищу из обезвоженных продуктов. Они двигались на юг уже несколько дней, когда Лео, всегда бежавший впереди, внезапно остановился и призывно зарычал. Тераи бросился к нему и увидел отчётливо различимую тропу, которая бежала с востока и упиралась прямо в скалу. Они двинулись прямо по ней и вскоре очутились перед входом в пещеру. В этом месте известняковый обрыв был пронизан множеством гротов. Вход в пещеру скрывал огромный выступ; на площадке перед ней сохранились следы многочисленных кострищ.

— Ну, вот мы и нашли становище молодых пухи. Здесь они отдыхают во время своего таинственного паломничества. Остаётся лишь идти по их следам, и они приведут нас к разгадке тайны. Что скажешь, старина Лео?

Лео коротко рыкнул.

— То есть как? Что ты хочешь сказать?

Но он и сам быстро понял: только одна тропа упиралась в пещеру, второй, уходившей от неё, не было.

— Ну что ж, значит, где-то неподалёку тропа разветвляется. А сюда они заходят только для того, чтобы с удобствами переночевать… Опять не то?

Лео принюхался и, не отвечая, двинулся в глубь пещеры. Тераи последовал за ним и вскоре обнаружил в тёмной нише целую кучу факелов и толстых свечей из растительного воска, которыми пухи в деревне освещали хижины.

— Всё ясно! Наружного пути через Барьер нет, значит, должен быть проход сквозь гору. Надеюсь, мы по нему проберёмся. Эти тонкокостные пухи — прирождённые спелеологи. Увы, в отличие от нас с тобой!

Тераи вынул из мешка атомный фонарь, и они двинулись в глубь горы. Вначале идти было легко: перед ними открывалась длинная сухая галерея с мёртвыми беловатыми сталактитами. Затем начались трудности, и Тераи пришлось дважды прибегнуть к молекулярному щуп-зонду, чтобы расширить проход. Наконец они очутились в большом зале со спокойным подземным озерцом, где и заночевали. И тут они не были первыми: мусор и сгоревшие факелы говорили о том, что паломники-пухи тоже останавливались здесь. Дальше им уже не попадалось по-настоящему трудных проходов: узкие щели были расширены, видимо, в незапамятные времена металлическими кирками, их следы ещё проступали из-под известковых налётов; об особо опасных местах заранее, за десяток метров, предупреждали красные знаки на стенах, а там, где зияли глубокие щели, тянулись примитивные барьеры. В одном месте через пропасть был перекинут даже маленький мост, совсем недавно укреплённый стволами деревьев. Всё говорило о том, что пухи регулярно проходили по этой дороге и старались содержать её в порядке.

К вечеру второго дня они снова увидели свет. Солнце склонилось над болотистой и лесистой долиной. На противоположном берегу ленивой реки деревья карабкались на склоны третьей горной цепи, гораздо более низкой, чем Барьер. Пещера, из которой они выбирались, была меньше первой и выходила прямо на закат. Здесь они и устроились на ночь. Пользуясь последними отсветами дня, Тераи осмотрел ближайшие подступы к пещере. Он немного спустился по тропинке, которая была

тут менее отчётливой и поросла травой. Оказалось, метрах в пятистах ниже она сливается с другой, более широкой тропой, идущей с юга. Он вернулся к пещере, убеждённый, что цель близка.

Ночь была ужасной. Вскоре после заката поднялся ветер, завывая в деревьях, он со свистом гнул кусты. Затем обрушился ливень, и им пришлось спрятаться в глубь пещеры — у входа окатывало как из ведра. Завернувшись в одеяло, Тераи спал урывками, хотя Лео и согревал его своим теплом. Лев тоже волновался и время от времени глухо рычал во сне. Перед рассветом странное чувство овладело Тераи: словно что-то торопило его поскорее разжечь костёр и приготовить скудный завтрак до восхода солнца. Ему казалось — он сам не знал почему, — что должен проникнуть в тайну пухи как можно скорее, непременно сегодня же. Какая-то неведомая сила заставляла его спешить, увлекая вперёд, и это ощущение росло с каждой минутой. Лео, видимо, чувствовал то же самое, потому что, едва проглотив свой кусок сырого мяса тут же двинулся к выходу из пещеры, призывно рыча.

— Хорошо, Лео, в путь! Не знаю, что мы найдём — свою ли судьбу, как старый Мак, или смерть, как многие пухи, — однако уверен, что это случится сегодня. Но будь я проклят, если понимаю, откуда во мне такая уверенность!

Дождь перестал. Жалкая заря никак не могла пробиться сквозь тучи, клубившиеся над Барьером. Почва под ногами напоминала пропитанную водой губку, а деревья орошали путников подобно душу. Лео моментально промок, шерсть его прилипла к телу, но он, ни на что не обращая внимания, упрямо шёл вперёд. Между тем тропа, по мере того как в неё вливались всё новые тропинки, становилась шире и шире. Тераи следовал за Лео с карабином в руках и лазером за поясом, готовый к любым неожиданностям. Так они шли несколько часов, не видя ничего, кроме тропы и мокрых кустов по сторонам. Ни одного животного, разве что жучок в трещинке коры! В полдень они остановились под выступом песчаника, чтобы наскоро перекусить. Пока они шли, гнавшая их тревога утихла, но сейчас она снова вернулась вместе с ощущением, что они теряют драгоценное время, что они должны идти, идти не останавливаясь и как можно быстрее.

К двум часам они добрались до сорокаметровой скалы, которая преграждала тропу. Вокруг неё не было никакой растительности, кроме редкой и жёсткой травы. Лео без колебаний свернул налево, где виднелась вырубленная в отвесной стене по диагонали каменная лестница с высокими ступенями. Тераи остановил его.

— Подожди, Лео! Я сначала хочу взглянуть, что это!

«Это» — оказалось огромной кучей тонкокостных скелетов.

— Вот, значит, какова судьба тех, кто не возвращается, — пробормотал Тераи. — Они бросаются с вершины скалы. Кончают с собой. Но почему? Или, быть может, кто-то сталкивает их вниз?

Тоненький голосок осторожности в глубине сознания взывал к нему остановиться и как можно скорее бежать прочь отсюда. Но Лео уже взбирался по лестнице. Пожав плечами, Тераи снял карабин с предохранителя и последовал за ним. Ступени были истёртыми и скользкими, и, поднимаясь по ним, Тераи позавидовал уверенности Лео. Наконец они добрались до широкой, совершенно ровной площадки с навесом, вырубленной в теле скалы; в конце её зияло отверстие пещеры. Лео ждал его, нетерпеливо похлёстывая себя хвостом. Тераи сделал над собой усилие и остановился. Ни этой площадки, ни геометрически правильного входа в пещеру не могли вырубить ни современные пухи, ни их предки. Чуть поглубже там, куда не захлёстывали дожди, известняк до сих сор был как бы отполированный, будто его, словно масло, резали каким-то сверхмощным ножом.

— Не иначе, здесь не обошлось без молекулярной пилы, — громко сказал Тераи. — Пожалуй, нам надо быть поосторожнее. Эту галерею не могли создать ни туземцы Офира, ни земляне. А до сих пор мы не находили следов других странников Вселенной. Правда, у некоторых рас есть корабли, но только межпланетные. Только мы способны преодолевать межзвёздные бездны! Вернее — были только мы… ибо те, кто создал это, опередили нас по крайней мере на тысячелетия!

Лео зарычал.

— Ты хочешь идти вперёд? Я тоже. И это как раз меня беспокоит. Какая-то сила влечёт нас, заставляя забыть осторожность, какой-то гипноз… Там, в глубине, есть нечто для нас неведомое и, похоже, очень опасное. Нет, Лео, мы возвращаемся! Мы вернёмся с подмогой и тогда…

И тут он ощутил власть неведомого. Помимо его воли, ноги сами понесли Тераи в глубь галереи, в темноту. Напрасно он пытался остановиться: мышцы не повиновались ему. Лео уже исчез во мраке. Так он шёл несколько минут, включив фонарь — сделать это ему ничто не помешало, — по галерее, украшенной барельефами, которые он не успевал рассмотреть, но явно отличными от тех, что он видел в мёртвом городе. Затем впереди забрезжил свет, и он очутился в храме.

Но был ли это храм? Правда, в глубине огромного зала, ярко освещённого невидимыми

источниками, находилось нечто вроде алтаря, и лев, опустив голову, уже стоял перед ним в центре красного инкрустированного в полу круга. Тераи тоже вошёл в этот круг, и ноги его остановились. Он стоял неподвижно с карабином в правой руке и с фонарём в левой. Фонарь он смог выключить, но при попытке поднять карабин рука его онемела, как парализованная.

— Ещё не время, человек судьбы! — раздался бесстрастный голос, исходивший, казалось, из алтаря.

Тераи не почувствовал ни страха, ни даже удивления. Он был весь ожидание. Он ждал спокойно, и спокойствие это явно внушила ему та же сила, что и привела его сюда.

— Кто вы? Чего вы хотите? — спросил он просто.

— Кто я? Это долгая история, которая подходит к концу. Скоро ты меня уничтожишь. Ты освободишь меня от рабства, которое длится уже более трёх тысяч лет! Страшно ли мне умирать? Уже более трёх тысяч лет я не живу. Кто я? Мозг, биокибернетическая машина, единственное назначение которой — творить зло — так захотели её хозяева! Хозяева, исчезнувшие давным-давно. Ты освободишь меня сегодня до заката, но прежде я должен в последний раз совершить зло, ибо нет у меня своей воли с того проклятого дня, когда акнеане появились в небе моей планеты!

— Какой планеты? Офира?

— Нет, это было не на этой планете, которую ты называешь Офиром. Моя родина — ныне ледяной мёртвый шарик в глубинах Вселенной. Когда-нибудь, может быть, вы её найдёте. Вы — юная раса в самом начале расцвета. Пока ты шёл по галерее, я прочёл всё в твоём сознании, я знаю всё, что знаешь ты, знаю кто ты есть и кем ты будешь. И о том, что будет с тобой, я тебе сейчас расскажу, ибо в этом и заключается навязанная мне роль: приносить несчастье, открывая будущее!

— Открывая будущее? Значит, Мак-Грегор был здесь?

— Да. И ещё один представитель твоей расы. Я не скажу тебе, кто это был, ты сам узнаешь это, и очень скоро.

— Открывать будущее? Значит, всё предопределено, значит, свобода воли — пустой звук?

— Нет. Хотя туземцы Офира и называют это место Храмом Судьбы — для них я божество, — свобода существует. Твоё будущее зависит от тебя, ты сам его творец, и воля твоя в достаточной мере свободна. Я не могу предопределять, могу лишь увидеть то, что произойдёт. Для этого я посылаю мои сенсоры в будущее по линии твоей жизни. Представь, что ты сам можешь перенестись в будущее и прочесть свою собственную биографию, написанную после твоей смерти. Разве это ограничит свободу твоих поступков?

— Да, потому что я буду знать заранее всё, что сделаю!

— Нет, ибо в твоей биографии будет написано о том, что ты сделал по собственной воле, и это путешествие во времени будет там записано тоже. Нет никакой судьбы, навязанной внешними силами. Разумеется, ты станешь делать лишь то, что обусловлено твоими генами, твоим воспитанием, твоим опытом, твоими личными качествами. Ты свободен, ибо ты сам действуешь. Твои действия предопределены, ибо ты есть ты. Ты такой, каким тебя создали, и такой, каким ты стал сам. Но время бежит, и я должен открыть тебе твоё будущее. Особенно твоё будущее на планете Эльдорадо. Смотри на эту блестящую точку. И ты смотри тоже, несчастный зверь, который себе на беду перестал быть зверем!

Калейдоскоп образов, мелькавших с невероятной быстротой и тем не менее чётких и ярких, мгновенно запечатлялся в памяти Тераи. Разговоры, путешествия, дни сражений, ночи любви, разные звёзды, разные небеса, целые годы — в несколько секунд. Новая планета с бесконечными рыжеватыми джунглями, туземцы-ихамбэ, его спутники и друзья, женщина чужой расы, другая женщина, красивая, белокурая и опасная, любовь и ненависть, и Лео, умирающий у его ног, скошенный автоматной очередью, и юная блондинка поперёк порога со стрелой в груди и мёртвыми глазами, уже не видящими ни чёрного неба, ни струй дождя, огромная волна горя и бессильной ярости, и конечная победа, бессмысленная и тоскливая. Затем — новая подруга, сильная и нежная, и снова сражения и долгая жизнь созидателя новой цивилизации, многочисленные могучие сыновья, красивые и здоровые дочери, верный друг, прилетающий время от времени, и предатели, и новые города, и опасность, грозящая с Земли, и под конец покой и ночь.

Тераи встряхнулся, удивляясь, что он всё ещё жив, всё ещё молод. У него раскалывалась голова. Лео рычал, обхватив голову лапами, словно старался вырвать засевшую в черепе стрелу.

— Не старайся зря, Лео! Нам придётся научиться жить, зная своё будущее. Мы с этим справимся, Лео, потому что…

Он умолк, не договорив. Лео оставалось всего десять лет жизни. Он умрёт на Эльдорадо, спасая ему

жизнь. Затем головная боль прошла. К нему вернулось спокойствие, внушённое существом, которое скрывалось за алтарём.

— Я совершил зло в последний раз, — послышался голос. — Прежде чем ты меня уничтожишь, я хочу тебе ещё кое-что сказать. Ты умрёшь в возрасте ста двадцати четырёх лет, могучим, любимым и… одиноким, как все разумные существа. Но всё-таки не таким одиноким, как я, ибо я — последний и со мной умрёт моя раса.

— Кто же ты?

— Я был разумным существом на планете, которую мы называли Риа. Наша цивилизация расцветала, мы были на пороге открытия тайны межзвёздных полётов, когда появились те, другие, акнеане. Они уничтожили нашу расу, планету и все наши колонии в нашей солнечной системе. Никто не спасся! А кое-кого акнеане захватили, чтобы использовать их мозг. Я был одним из таких пленников. Меня звали Фленг-Ши… три с лишним тысячи лет назад. Меня усыпили, а когда я очнулся, то был всего лишь частью огромного компьютера. Здесь, на Офире. Скоро моя гипнотическая сила иссякнет, ты отыщешь дверь и уничтожишь меня.

— Но для чего всё это делалось? С какой целью?

— Мои хозяева принадлежали к расе, умирающей от вырождения, которое все их огромные знания не могли ни замедлить, ни остановить. А ведь они властвовали над всей этой частью Галактики! И вот, осознав, что им суждено исчезнуть, они сделали так, чтобы ни одна другая раса не смогла занять их место. В бессильной ярости разыскивали они планеты с разумными существами. Одни уничтожали, а на иных устанавливали Храмы Будущего, как здесь, на Офире.

— И план их удался?

— Здесь удался. Пухи быстро развивались. Но через несколько сот лет после моего появления они были сломлены навсегда и вернулись в каменный век. Они исчезли, не правда ли?

— Да.

— Лишь немногие существа могут вынести бремя знания своего будущего.

— Но ведь никто не заставлял их приходить сюда!

— Никто, если они находились вне поля моего гипнотического действия, которое было достаточно мощным, особенно вначале. Но существует притягательная сила тайны, которой трудно противостоять. Достаточно было прийти ко мне их правителям, как все другие следовали за ними. Ну, а потом, по мере того как цивилизация рушилась, я становился всё более всесильным божеством. Ко мне приходили за советом, это стало обязательным ритуалом посвящения. Похоже, так же было и на других мирах.

— К счастью, они не нашли ни Земли, ни Тиксаны, ни…

— Скорее всего они исчезли раньше. Я, наверное, последний из Храмов Будущего. Да и мне осталось уже недолго, даже если бы ты не пришёл, человек судьбы. Знания моих хозяев были огромны, однако никто не может тягаться с вечностью. Моя власть со временем ослабела. Ты её ощущал, да и то в малой степени, только здесь, близ меня. А теперь она вовсе исчезла: ты свободен!

Тераи шагнул из круга следом за выскочившим Лео. Ничто уже не удерживало его. Он вскинул карабин и выстрелил в алтарь.

— Ты видишь, я больше не могу тебя остановить. Сейчас ты найдёшь за алтарём дверь. Защитный механизм там тоже больше не действует. Ты сможешь войти.

Тераи вскарабкался на алтарь, увидел дверь и открыл её одним толчком. Слабый луч скользнул перед ним по полу и бессильно упал — защитное поле истощилось. Он вошёл в колоссальный зал, вдоль его стен тянулись ряды бесчисленных блоков, сделанных из неизвестного металла. В центре зала на усечённой пирамиде под прозрачным куполом покоился огромный мозг.

— Да, мы были великанами, землянин! Возьми свой лазер и целься лучше, прошу тебя. И не испытывай угрызений совести. Так или иначе я бы всё равно скоро умер. Посылка сенсоров в будущее требует невероятного расхода энергии, а у меня её оставалось совсем немного. Последнюю я истратил на тебя. Я знаю, ты мудр, и надеюсь, что ты разрушишь и электронную аппаратуру, чтобы никакая раса не построила подобных храмов. Но я не могу предсказывать будущее рас… Целься точнее, и… благодарю!

Тераи нажал на кнопку лазерного пистолета. Раздался глухой взрыв, и зал наполнил запах горелой плоти. Тогда он начал бешено хлестать лучом по стенам, плавя щиты, сжигая соединения, взрывая

блоки, пока не иссякла последняя батарея. Но вокруг были уже бесформенные, искорёженные, оплавленные груды металла — он и Лео будут последними, кто испытал этот ужас проклятого знания! Затем они вышли наружу. Жестокая головная боль вернулась, и Тераи ускорил шаг; он машинально шёл, ведомый одной лишь мыслью: бежать от этого зловещего места, где им довелось узнать свою судьбу! Лео жалобно стонал на ходу, и этот почти детский плач был настолько несвойствен ему, что в другое время Тераи не удержался бы от смеха. Но не сейчас. Он плохо помнил, как они возвращались при свете фонаря через галерею, а потом через долину, пока не добрались до входа в пещеру. С трудом собрал он немного хвороста и разжёг костёр. Но и тогда он не смог унять дрожь во всём теле. Похоже, Лео лучше перенёс психологический шок. Тераи привлёк его массивную голову к себе на колени.

— Ничего удивительного, старина, что пухи толпами кончают самоубийством! Мне предсказали много приключений, и горя, и побед. А что бы я делал, если бы впереди меня ждали одни поражения и скука? Но может быть, они кончали с собой потому, что им это предсказывали? А может быть, такова была их судьба? Насколько свободны были они в своём последнем поступке? Могли ли они, узнав своё будущее, изменить его?.. Нет, я не метафизик! Всего лишь несчастный человек, у которого раскалывается голова! Если бы они хотели жить, Фленг-Ши не смог бы предсказать им смерть. Так отчего же они кончали самоубийством? Что скажешь, Лео? Тебе это ещё труднее понять, чем мне? Подожди-ка! Уж не потому ли, что, приходя в Храм Судьбы, они получали знание, которое их толкало на смерть, не потому ли, что они были к тому предрасположены, Фленг-Ши мог им предсказать, что они умрут. О Лео, я многое бы отдал, чтобы всё позабыть! Понимаю теперь, почему старый Мак пил без просыпу…

Наконец он забылся лихорадочным сном. Следующие два дня словно в кошмаре они пробирались по подземному лабиринту. От невыносимых мигреней Тераи временами бредил, вновь погружался в свои метафизические размышления и, не находя ответа, терялся, как в заколдованном кругу. Когда они выбрались на свет по другую сторону Барьера, у него достало сил послать призыв о помощи.

— Доктор, он приходит в себя!

Голос Анны вывел его из оцепенения. Он лежал в постели, вокруг него стояли Анна, Вертэс, Жюль и Луиджи.

— Где Лео?

Радостное рычание ответило ему. Оттолкнув Жюля, лев просунул к постели свою могучую голову, и чудовищная лапища робко легла на грудь Лаприда.

— Ну, приятель, можешь гордиться: нагнал ты на нас страху, — сказал Жюль. — Восемь дней в бреду! И чего ты только не наговорил! Верить тебе, так все, кто пересечёт Барьер, свихнутся, как бедняга Мак и наш директор…

— Старжон?

— Да, он к тебе заходил. Ты в этот момент рассказывал, будто разрушил какой-то Храм Судьбы. Он побелел как полотно, вернулся домой и пустил себе пулю в лоб. Если верить записям в его дневнике, он тоже побывал за Барьером. Что касается меня, то я туда не пойду ни за какие блага, клянусь!

— Теперь можешь идти. Но там действительно было нечто ужасное, может быть, самое ужасное во всей Вселенной. Штука, которая предсказывала будущее… Я её разрушил, но… слишком поздно. Теперь я знаю…

И тут он остановился. Что же он знал? В памяти остались только несвязные обрывки! Он обретёт могущество, проживёт очень долго. Но образы были так неясны, так расплывчаты. У него мелькнула мысль: чудовище — он уже не помнил его имени — истратило последние запасы энергии. Может быть, потому его предсказания запечатлелись так смутно? Господи, если бы он мог всё забыть! Если бы это было неправдой!

— Вот видишь! — снова заговорил Жюль. — Ты просто бредил. Подхватил какую-нибудь болотную лихорадку. Как, по-вашему, доктор?

— Разумное объяснение, Жюль, — ответил Вертэс. — Но в этом мире есть вещи, которые даже не снились философам всех мыслящих рас! Кто знает? Дайте ему теперь отдохнуть. Во всяком случае жизнь его вне опасности.

На следующее утро Тераи всё забыл, кроме своего похода за Барьер и Храма Судьбы, но даже это казалось ему не столько явью, сколько кошмарным сном, да и то увиденным кем-то другим. Он знал только, что чудовище предсказало ему будущее — и всё! Отчего директор Старжон покончил с

собой? Это оставалось загадкой. Только в романах всё разъясняется в последней главе. А тут неожиданно пришло сообщение, что он временно назначается директором.

И жизнь потекла своей чередой: работа, обычные неприятности и простые радости. Он был шафером на свадьбе Анны и Луиджи, пропустил с Жюлем бог знает сколько стаканчиков и под конец устроил с молодёжью соревнования по толканию ядра. Так продолжалось до тех пор, пока не прибыл новый директор, а вместе с ним кипа научных журналов. Однажды вечером Тераи сидел в своей хижине, листая журнал «Звёзды и планеты». Внезапно его внимание привлекла коротенькая заметка: «Планета III звезды Ван Паепе переименована: отныне она называется Эльдорадо. Нам сообщили, что Межпланетное Металлургическое Бюро получило ограниченную лицензию на эксплуатацию Ван Паепе III. Эта планета оказалась настолько богатой, что те немногие частные предприниматели, которые работали там до сих пор, окрестили её Эльдорадо. Она населена туземцами, близкими к гуманоидам. Именно поэтому ММБ смогло получить лишь ограниченную лицензию». Эльдорадо! «Я должен открыть тебе твоё будущее… на Эльдорадо». Смутные образы замелькали в его памяти, приключения, битвы, любовь и горе…

— Лео, ты помнишь?

Лев утвердительно кивнул.

На следующий день Тераи пришёл к новому директору.

— Срок моего контракта истекает через месяц, — сказал он. — Я не буду его возобновлять. Я улечу на «Альдебаране», который прибывает на Офир через пять недель.

— Но почему, Лаприд? Я знаю, что вы не ладили с моим предшественником, но вы работали превосходно и много сделали, поэтому, несмотря на вашу молодость, предлагаю вам пост моего заместителя.

— Благодарю вас, господин Томпсон, но я должен лететь на Эльдорадо.

— Эльдорадо? Где это?

— Не знаю точно. Это планета III звезды Ван Паепе. Новый мир. Там моя судьба!

Там его судьба… Не судьба ли вложила в его руки этот номер «Звёзд и планет», чтобы пробудить на миг воспоминание о будущем? А может быть, устав от Офира, он сам решил отправиться на новую планету? Кто знает? Будущее было снова скрыто от него, если не считать коротких, отрывочных картин.

Лео ждал у дверей.

— Мы летим на Эльдорадо примерно через месяц, старина! Что ты об этом думаешь?

Лев потряс головой. Он-то ничего не забыл. Он знал, что умрёт в том новом мире, куда его звал Тераи. Но это случится только через десять лет! Для его детского разума десять лет были вечностью! Уверенный в своём бессмертии Лео блаженно зевнул и растянулся на солнце.

МОРИС РЕНАР

ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

— Надевайте плащ, Шантерен, — сказал мне мой друг Флери-Мор. — Становится свежо, а я хочу показать вам свои грибные плантации.

— А это далеко?

— В двух шагах. Там, наверху. — Геолог показал на вершину холма. — Видите эту шишку? Она заслуживает того, чтобы быть знаменитой. Из её камня сложен Реймсский собор, во всяком случае частично. Гора буквально пронизана подземными галереями; это заброшенные каменоломни. Две из них я использую для разведения грибов; они открываются по другую сторону холма. Можете взять ружьё, мне здесь дано право охоты. Идёмте!

— Уже поздно… четвёртый час…

— Мы успеем вернуться до наступления темноты. Ну, в путь!

Я взял своё ружьё двенадцатого калибра и сумку. Честно говоря, я ничего не имел против экскурсии — мне, давнему любителю природы, никогда не надоедает наблюдать сумерки.

Было 26 октября 1907 года.

Тропинка полого поднималась среди убранных виноградников и спаржевых плантаций. Крестьяне собирали опавшую листву и складывали в кучи, чтобы сжечь; повсюду мелькали огни, и в тихом воздухе стояли столбы дыма. Мы не спеша поднимались к полосе леса, окрашенного в цвета осени. Я часто поглядывал через плечо на открывавшуюся внизу лощину. Когда мы подошли к опушке, тропинка, сделав крутой поворот, открыла всю лощину сразу — широкий, уходящий вдаль полукруг, прекрасную картину начала брюмера — месяца туманов. Несмотря на неприветливую, холодную погоду и тусклое небо, на дымку, слишком рано затянувшую болотистые дали, покров пожелтевшей листвы сверху казался освещённым солнцем. Поднимаясь всё выше, мы прошли лес. Ни одно дуновение не шевельнуло ветвей. Иногда только внезапно осыпалось дерево, и тяжёлый шорох листвы походил на шум дождя. Ощущалось непреодолимое замирание природы, предвестник зимы; осень подходила к концу…

Дорога спустилась в какую-то песчаную выемку, похожую на траншею. Но прежде чем двинуться дальше, мы поговорили о тумане, дымка которого, словно серая плесень, сгущаясь на глазах, уже затянула почти всё внизу. Над Кормонвиллем нависло плоское облако; невидимые руки ткали из конца в конец долины паутинные покрывала, неподвижные и всё более плотные, а на равнине возникали, неведомо откуда, всё новые длинные дымные полосы. Не успели мы сделать и несколько шагов, как они уже затянули всё вокруг до самого края обрыва, откуда вскоре должна была подняться ночь.

— Поторопимся, — сказал Флери-Мор. — Так недолго и простудиться.

Я спустился следом за ним в выемку.

Через минуту мне показалось, что всё вокруг становится призрачным. Я провёл рукой по глазам, но дымка не исчезала. Это был туман. Своей кисеёй он уже окутал и нас.

— Вы не боитесь заблудиться в тумане? — спросил я.

Мы шли между стенами прослоённого рыхлой землёй песчаника. Мой спутник взял горсть этой земли, растёр между пальцами и показал мне. Я увидел множество известковых частиц, крохотных осколков аммонптов и других доисторических представителей морской фауны; некоторые из них благодаря своей миниатюрности сохранились в целости.

— Ну, что я вам говорил утром?

Я прекрасно помнил всё, что услышал от него, и сейчас опять, словно бы со стороны, увидел, как наш автомобиль вырвался из Арленского леса. Это было так неожиданно, как если бы снова взошло солнце. Насколько хватал глаз, перед нами раскинулась равнина Шампани — белёсая от меловых отложений, всхолмлённая крупными красивыми складками; казалось, они движутся, будто волны. Разбросанные кое-где селения походили на скалистые островки. Сосновые рощицы темнели своими, как по шнурку протянутыми прямоугольниками. Вдали виднелась дорога, она была такой прямой, что её можно было принять за причал.

«Мы делаем по семьдесят пять километров», — сказал тогда Флери-Мор. А мне хотелось услышать: «Мы делаем, по сорок узлов», — настолько всё вокруг внушало иллюзию моря.

«Конечно! — воскликнул Флери-Мор, когда я сказал ему об этом. — Шампань похожа на океан, как дочь на отца. Всё говорит о её бывшей принадлежности Нептуну, о том, что на её месте в древности было море. И смотрите: вон те холмы стали первой сушей — это произошло в эпоху эоцена, когда море постепенно отступило…»

Вот о чём я вспомнил сейчас.

— Всё это очень хорошо, друг мой, — сказал я. — Но этот туман! Вы не боитесь заблудиться, если он станет гуще?

— Ничуть! Я знаю эти места как свои пять пальцев. Я дошёл бы до плантаций с закрытыми глазами! Впрочем, туманы у нас никогда не бывают густыми. Если хотите, мы ускорим шаг и быстро выйдем из него.

Действительно, миновав выемку, дорога сделалась круче, и дымка вокруг нас стала прозрачнее. Я воспользовался этим, чтобы осмотреться, и увидел, что внизу, под нами, туман стал ещё гуще и уже совсем скрыл Кормонвилль. Клубы тумана заполняли всю долину.

Наконец мы поднялись на усеянную щебнем горную террасу, поросшую можжевельником. Это место показалось мне очень печальным, было даже как-то неловко находиться здесь не в трауре и отчаянии. Уединение, тишина и неподвижность всего вокруг дополняли впечатление. Местность, овеянная какой-то тайной меланхолией, напоминала готовый растаять пейзаж, написанный пастелью.

Флери шёл не останавливаясь. Наши башмаки топтали жёсткую, режущую траву.

— Чёрт! Это всё-таки странно! — воскликнул мой проводник.

Глядя отсюда, можно было подумать, что Шампань превратилась в огромную снежную равнину. Всё исчезло, поглощённое арктическим покровом, который отсвечивал под тусклым солнцем. И самым удивительным здесь было острое чувство одиночества. У меня было ощущение, что этот пушистый всемирный потоп пощадил только нас на нашей вершине. Полную иллюзию нарушали лишь голоса дровосеков, странно звучавшие где-то ниже этого непроницаемого для глаза слоя.

— Здесь и устроил я свои грибницы.

Флери свернул с дороги на тропинку. Слева от нас, на круто поднимающемся откосе, теперь тянулась сосновая посадка; справа — спускался, теряясь в тумане, крутой склон, поросший терновником и ломоносом с засохшими, похожими на пауков цветами.

Склонившееся уже солнце, которое ещё совсем недавно ярко сияло, было теперь бледным диском, затуманенным испарениями, — двойником луны. Вдалеке уже ничего не было видно. Возле кустов фестонами клубился туман, готовый затопить и нашу тропинку.

И вдруг солнце погасло, словно китайский фонарик, в котором задули свечу. Нас окружила белёсая тьма. Только кусты орешника расплывчатыми пятнами то появлялись, то исчезали вновь. Леденящий белёсый мрак всё сгущался.

Не внимая моим советам, любитель грибов упрямо двигался к своим плантациям. Я видел перед собой лишь его смутную тень. Теперь мы с трудом различали только тропинку под ногами. Тяжёлый влажный воздух распирал мне лёгкие, зубы у меня стучали, брови и борода намокли, одежда покрылась росой. Мне казалось, я превращаюсь в пропитанную талым снегом губку.

А туман всё густел. Он был так плотен, что в нём не задохнулась бы и рыба. Положительно, воздух превращался в воду!

Я попытался выразить свою тревогу шуткой:

— Не придётся ли нам плыть, друг мой, как в те незапамятные времена, когда над этими холмами шумел океан?

Голос звучал как сквозь кляп. Флери-Мор меня не услышал или притворился, что не слышит. Но безмолвный призрак, шедший впереди меня, вдруг замедлил свои беззвучные шаги. До этого момента я мог видеть вытоптанную почву, по которой ступали мои блестящие от росы башмаки, теперь и она исчезла. Флери-Мор остановился. Я взглянул на его ноги — их не было видно. Снизу поднимался какой-то второй туман. Он доходил нам уже до колен. Холодный как лёд, он пронизывал нас насквозь.

Флери-Мор наклонился ко мне.

— Лучше подождём, пока это пройдёт, — сказал он самым естественным тоном. — Право, так

можно и заблудиться! Но это не продержится долго. Очень интересный случай, прямо-таки редчайший!

Туман тут же поглощал клубы пара, которые вырывались у него изо рта.

— Любопытно, что будет с нами дальше? — с трудом произнёс я. — У меня в ногах адские боли… и они поднимаются всё выше…

— А что, по-вашему, может с нами случиться? — фыркнула грязно-серая тень.

Я схватил Флери-Мора за руку, и мы стали следить за своим исчезновением. Сначала мы превратились в тени бюстов, потом в тени голов, а потом растворились совсем. И пока мы следили за исчезновением своих тел, сами эти тела испытывали ужасную муку, ибо погружались постепенно в какую-то давящую, леденящую сердце среду. Я не видел даже своих пальцев, поднесённых к самым глазам. Я словно ослеп… И тут нервы мои напряглись до предела. Я понял, что происходит что-то небывалое!

Геолог приблизил губы к моему уху. Он говорил громко и спокойно:

— Удивительно, знаете ли, что такой насыщенный туман не разрешается дождём… куда там, снегом, градом!.. И ещё меня удивляет, что при таком страшном холоде пропитавшая нас влага, не замерзает…

Я лизнул свои мокрые усы и убедился, что этот туман не только холодный, но и солёный.

— Ну, скажите, слыхали вы когда-нибудь о подобном приключении? Это словно слёзы самой смерти… Только не отходите от меня!

— Нет, я не двигаюсь… Мы сделаем доклад. Определение: полный мрак, но белёсый, тускло-белого цвета… А! Смотрите, кажется, светлеет!

— Да, начинает светлеть.

И в самом деле неосязаемая вата, окутавшая нас, окрасилась намёком на зарю. Слабый свет, трепеща, уже расползался в нём, но прозрачность ещё не возвращалась.

Я увидел прежде всего тень Флери-Мора, который постепенно материализовался. Мой коллега удивлялся:

— О чёрт! Где?.. Что такое?.. И всё-таки я уверен, что остановился на тропинке…

— Ну? — встревоженно спросил я.

— И что это за красный песок у меня под ногами?

— Мы, вероятно, сбились с дороги.

— Сбились с дороги? Где? Каким образом? Откуда здесь этот красный песок? С каких пор?

— Может быть, что действие солёного тумана…

Флери наклонился, разглядывая красный песок.

— Вот и ветер поднимается, — заметил я.

Он быстро выпрямился.

— Что вы говорите?

— Я сказал, что ветер поднимается. Разве вы не слышите его шум в сосняке?

— А разве вы не видите, что туман неподвижен и, значит, ветра нет и не может быть?

— Но вы вслушайтесь.

— Да, но этот шум… шум ветра… он идёт справа…

— Ну, так что же?

— Справа сосен нет! Это не шум ветра,

— А что же тогда?

— Сейчас мы узнаем. Этот проклятый туман рассеивается.

Освещённость усиливалась с какими-то утомительными колебаниями. Становилось теплее. Проступили неясные предметы: камни, пучки травы. Присмотревшись к ним, геолог вскричал:

— Смотрите!

Но тут откуда-то из непроницаемой глубины раздался резкий вопль — хриплый, свирепый трубный клич, напоминавший мне зверинцы, цирки, зоопарки…

Бледнея, мы смотрели друг на друга расширенными от ужаса глазами, осенённые одной и той же невероятной догадкой.

Испуг не помешал Флери упрямо прошептать:

— Вы ботаник — рассмотрите-ка получше эти травы!

Но, охваченный инстинктом самосохранения, я сдерживал лишь судорожный порыв к бегству. Мне захотелось умчаться отсюда, бежать, бежать без оглядки. Флери удержал меня.

— Стойте на месте, ради всего святого стойте! Я не знаю точно, где мы находимся… Обрыв должен быть где-то здесь, совсем близко. Вы можете упасть. И потом, — прибавил он повелительно, — вспомните, кто вы, чёрт возьми! Подумайте о своём звании. Мы должны благословлять то, что с нами происходит. Мы обязаны достойно провести наблюдения! И сказать только, что всё это кончится лишь докладом в той или иной секции института!

Эта нотация вернула мне хладнокровие.

— Согласен, — сказал я. — Но согласитесь и вы, что можно же потерять рассудок, увидев посреди Шампани тропические травы и услышав…

— Погодите! — прервал он, протянув руку в направлении предполагаемого обрыва. — Вот что вы считаете ветром!

— Оно усиливается… Это не ветер!

— Я вам не подсказывал.

— Это шум реки… или потока… большой реки…

— Внимание! Вот что-то новое, Шантерен!

Дрожащий свет всё усиливался. Стала различимой суживающаяся кверху качающаяся колонна, за нею ещё и ещё… Однако предметы не выходили из туманной дымки, а проступали карандашными набросками. Казалось, они созданы из тумана. И самый шум реки представлялся звуком, присущим туману, как присущей ему представлялась и тёплая свежесть со смолистым запахом.

— Ах, Шантерен! Дерево! Там!

— Боже мой!..

Вершина колонны проступила из небытия. Это был пучок листьев. Перед нами выросла пальма. Мы видели её в неверном, трепещущем свете, как в колеблющемся мареве. За нею возникала целая пальмовая роща, колеблемая теми же волнами.

Так пляшут отражения в воде у берега. Всё, что мы видели вокруг себя, трепетало и переливалось. К тому же происходило постоянное чередование света и тени. Я заметил, что и смолистый запах усиливается волнами, как толчками, подчинявшимися фантастическому всеобщему ритму; возрастает теплота. Все эти ритмы совпадали.

Однако по мере того как становилось светлее, они сглаживались. Местность проступала, как изображение на экране, когда его наводят на фокус при колеблющемся освещении. Любителям фотографии легче понять сравнение с изображением, появляющимся на бумаге, покачиваемой в ванночке с проявителем. С каждой секундой невероятный пейзаж становился яснее, прочнее, глубже. Круг — вернее, цилиндр — видимости достигал уже шагов двадцать в радиусе, когда Флери-Мор сделал вывод:

— Это мираж, как в пустыне. Только мираж особенный, он охватывает нас; даёт не просто иллюзию оазиса над озером вдали, а иллюзию того, что мы находимся где-то в Африке или ещё где-нибудь.

— Да, — поддержал я друга, — действительно, особенность его в том, что он нас окружает. К тому же он воздействует не только на зрение, но и на слух и обоняние.

— Превосходно! Это мираж, при котором мы видим, слышим и обоняем то, что находится очень далеко от нас. В пространстве есть какая-то — хотя бы односторонняя — зрительная, слуховая и обонятельная связь между тем местом, где мы находимся в действительности, и тем, которое проецируется на туман вокруг нас. Я знал, что красный песок… Посмотрим, Египет, не правда ли? Нет…

— Нет, — повторил я, изумлённый и взволнованный, — южнее… Я думаю… Мне кажется… Это всё экваториальные растения… Но вот нопалы… баобаб… И всё-таки…

— Что такое?

— Боже мой! Флери, это… этот веер на пальме, словно павлиний хвост… вон там, просвечивает в тумане… Вы узнаёте его?

— О, это невозможно! Дихо… дихотом Капской области… или Мадагаскара…

— Да, Флабеллярия Ламанонис! Из Капской области, с Мадагаскара — или из третичного периода!

— Третичного? Что вы говорите?!

— Присмотритесь! Взгляните на эти древовидные папоротники рядом с нею!

— Это осмондии… Цейлонские осмондии…

— Нет-нет! Это вымерший вид!

— Вы уверены?.. Ах, ну конечно! Смотрите, смотрите, это пальма… зонтичная пальма!.. А что ещё? Олеандры… камфарные деревья… мирты… берёза!

— Виноградные лозы! Плющ! Орешник!

— Да, покрытосеменные.

Тут шум воды усилился до такой степени, что мы круто повернулись в его сторону. Там был туман, и красный песок спускался туда отлогим склоном. Шум за завесой утих. Брызнула пенистая волна и грациозно рассыпалась шуршащим кружевом. За нею последовала другая, шумная, как водопад. Песок увлажнился, зашипела пена, полетели брызги…

— Море! — пробормотал я. — Море, которое было здесь миллионы лет назад!

У края прибоя чернели два утёса.

— Значит, это мираж не только в пространстве, — заявил в полном восторге Флери-Мор. — Это ещё мираж и во времени!

— Это мираж только во времени, — возразил я. — Место, где мы себя видим, — это и есть то, где мы находимся в действительности. Всё дело в том, что мы сдвинулись во времени, а не в пространстве. Смотрите сами!

Туман продолжал рассеиваться. Однако всё ещё нависал над нами, словно облачный потолок. Вокруг же пейзаж был виден совершенно ясно. Во всяком случае достаточно, чтобы узнать очертания Кормонвилльского холма, его выступов и долины, с излучиной которой совпадало это древнее взморье. Сомнении не было: анахронический каприз природы позволял нам увидеть Марну в её доисторические времена. Эти дубы и клёны были первыми дубами и клёнами Европы; эта виноградная лоза — первым виноградом Шампани…

В этот момент тучи над нашими головами разорвал леденящий кровь крик. Мы подняли головы, но увидели только исчезающую тень, огромную и крылатую. Я не мог понять, почему этот крик так потряс меня, но знал, что никогда не забуду его. На Флери-Море лица не было. Нас обоих била дрожь. И тут мы снова услышали из тумана тот трубный клич, что недавно так встревожил нас. Он повторился несколько раз с разных сторон.

— Хоботное, не правда ли? — прошептал Флери-Мор.

— Несомненно.

— Чёрт! А затрагивает ли этот мираж и осязание?

Он наклонился и сорвал несколько стебельков альфы.

— Гм! — проворчал он.

— Что такое?

— Смотрите сами.

В результате я счёл необходимым зарядить ружьё двумя пулевыми патронами. При виде этого Флери-Мор сказал:

— Это безумие! Или мы видим сон? То, что вы сейчас сделали, — нелепость! Всё это нам снится — видения, вызванные туманом! Может быть, он ядовит, и мы бредим…

— Сновидений вдвоём не бывает, а такие люди, как мы с вами, не могли бы галлюцинировать одинаково и в одно и то же время. Нет, нет, Флери, такого фокуса не мог бы проделать ни один фокусник, значит, это мираж нового типа — целостный мираж во времени. Мы видим, слышим, обоняем, осязаем и чувствуем на вкус картину прошлого, как иногда в пустыне видим и только видим! — картину того, что находится за пределами видимости.

Теперь нас угнетала тепличная жара. От нашей промокшей одежды валил обильный пар. Я снял плащ.

И море — было. И небо — было. Блестящее море под тёмно-синим небом. В туманном ореоле поднималось большое розоватое солнце. Значит, было утро, и всё же…

Я взглянул на свой компас-брелок.

— Посмотрите на солнце, Флери, как странно оно расположено…

Мой спутник не мог удержаться от улыбки.

— Вы забываете, — сказал он, — что с момента своего рождения Земля не переставала подниматься по эклиптике.

Он вынул часы и продолжил:

— Фактически сейчас четыре двадцать. Но судя по солнцу миража, сейчас около десяти утра. И ещё — здесь сейчас весна.

Я признался, что такое множество аномалий лишило меня большей части моих способностей, и поздравил геолога с проявлением отваги. Он возразил, что чувствует только досаду, так как не захватил ни записной книжки, ни карандаша, ни фотоаппарата.

Мы беседовали, но не отрывались от магического видения, воспроизводившего детство Земли. Свободная от туманов зона расширялась. Но перспектива всё ещё уходила в вибрирующий трепет, похожий на тот, что можно наблюдать при сильном зное. Это заставило нас подумать о живых существах. Мне хотелось, чтобы предметы вдали задвигались; я полагал, что в случае опасности мы сможем укрыться в утёсах на берегу. Но тут я заметил в море усаженный зубцами спинной плавник; он вынырнул, потом погрузился снова.

Мы слушали море, не отрываясь. Его запах в сочетании со смолистым ароматом бодрил нашу кровь. И вскоре мы поняли, откуда исходит этот аромат. Пальмовая роща вперемежку с другими деревьями занимала низменность у красного пляжа; но дальше вглубь шёл высокий откос, заросший сосняком. В просветах между пальмами виднелся его мергельно-глинистый срез, в котором темнело отверстие пещеры.

Понятно, что растения интересовали меня больше всего остального. Они были удивительных размеров. Одни украшали плотные, мускулистые венчики ярко-фиолетового цвета с золотистыми пестиками. Другие, неизвестные мне, из семейства магнолиевых, щеголяли в восхитительных двухцветных листьях, которые были прекраснее цветов. У подножия стволов царила свирепая, многоликая теснота фантастической теплицы, неразделимая путаница, где изгибались колючие щупальца алоэ, где вздутые ракетки кактусов потрясали пучками щетины или волосяными султанами, где смешные и страшные травы состояли словно из толстых, сросшихся концами гусениц. Это было летаргическое месиво искривлённых лап, нагромождение гладких, голых или тёмных шерстистых торсов, над которыми сгибались огромные мохнатые посохи древовидных папоротников. Жизнь нападающая и жизнь защищающаяся демонстрировали своё изобилие стручков, сложное переплетение побегов, рога и когти своих параличных чудовищ, колючих и зубчатых, словно юрские драконы, или выкидывающих колосья из карибских кинжалов. Всё это шевелилось, не трогаясь с места. Неправдоподобный зимний сад, где эвкалипт, евфорбия, мирты и вымершие дриофиллы, долиостробы, кампистры, лепидодендроны перемежались с ольхой и осиной, с буками и каштанами! В полумраке подлеска маячили голубоватые пирамиды, полупапоротники-полулиственницы, не то травы, не то деревья.

По нашим лицам струился пот. Воздух оставался мутным; к тёмной синеве неба примешивался

неуловимый чёрный оттенок; и я заметил, что, вероятно, атмосфера не очистится более и что именно такой она была в ту жаркую влажную эпоху. Луна, заканчивавшая свой срок, рисовалась в виде тонкого, прозрачного серпа. Несмотря на сияющий дневной час, в зените стаяла большая круглая звезда. Мы заметили её оба сразу… Ах, нам не нужно было обмениваться впечатлениями! Невыразимая нежность переполнила наши сердца, мы готовы были разрыдаться, увидев эту звезду, этот второй, безвозвратно исчезнувший спутник нашей планеты — вторую, меньшую Луну нашей Земли!

Мы не могли оторвать глаз от зенита. Когда же мы отвели взгляд, чудо завершилось. Последний клочок тумана растаял вдали. Море, кудрявое от волн, простиралось далеко к востоку, и закруглённый берег теперь вставал из него, как только что вставал из тумана. Это была бухта между двумя мысами; мы находились на одном из них, а другой виднелся впереди. Длинная красноватая коса поросла мастиковыми деревьями и секвойями; ближе к суше их становилось больше, так что задний план сливался в сплошную зелёную полосу, которая к концу нашего мыса снова редела. Посреди подковы выше леса выступал голый гребень обрыва, красневший на фоне лиловатой синевы.

Оттуда, тяжело ступая, один за другим двигались четыре слона, таких громадных, что, для того чтобы определить разделявшее нас расстояние — свыше восьмисот метров, — мне понадобилось представить реальные пропорции этой местности. Как бы то ни было, мы, не сговариваясь, очутились под прикрытием утёсов и даже не успели понять, что делаем.

— Будем наблюдать, — сказал геолог.

— Будем наблюдать, — согласился я.

Титанические животные шли гуськом. Отчётливо были видны лишь их силуэты. Даже бивни трудно было рассмотреть; близорукий Флери-Мор насчитал их по четыре у каждого слона, мне казалось, что их по два и они изогнутые. Он считал, что животные мохнаты, я — что они голые. Словом, не в силах сделать выбор между слонами Мериднонали́с, Антиквус или Примигениус, мы не могли решить, в какой из периодов кайнозойской эры мы перенесены. Не эоцен; ещё менее — плиоцен: об этом говорят море и растительность. Но олигоцен ли это или миоцен? Однако наш спор решил ещё один эпизод.

Головной слон даёт сигнал остановиться. Он широко раскидывает свои гигантские уши, словно его череп хочет улететь, издаёт хаотические трубные звуки и галопом удирает за холм. Следом за ним и его товарищи выполнили то же неуклюжее «налево кругом» и исчезли, глухо сотрясая Землю. И вот на севере появляется какая-то тёмная гора, которая движется по лесу, превосходя самые высокие деревья. Это исполинский тапир, толстокожее животное с коротким хоботом и загнутыми вниз бивнями, он идёт среди гигантских деревьев, как обыкновенный тапир среди травы.

— Динотерий! — прошептал я совсем тихо.

— Да, динотерий: это миоцен!

Флери-Мор произнёс слово «миоцен» с непередаваемым выражением, Я смотрел на него; я знал, что он ощущает безграничную гордость, сумев вот так, мгновенно, определить точку во времени за мириады веков от нас.

Что до меня, то динотерий меня ошеломил. Похожий на сухопутного кита, он был «не по масштабу» со своим окружением. Он казался не на своём месте: он был создан для гораздо более обширных декораций или для колоссального океана. Чувствовалось, что на Земле он больше не дома, и ему остаётся только уйти.

Нам повезло — мы могли вволю насмотреться на него. Подняв обрубок своего хобота в сторону, куда скрылись слоны, он, казалось, поколебался, а потом, повернувшись на пол-оборота, словно ураган, пронёсся в самый конец северного мыса. Там он тяжело опустился на землю и принялся рыться в песке.

Ещё через несколько секунд мы увидели над морем стаю больших птиц или громадных летучих мышей, которые неслись от берега, по временам снижаясь к воде и даже задевая её, чтобы схватить рыбу. Мы сосчитали: их было двенадцать, летели они удивительно легко и красиво. И вдруг, испустив тот самый сверхъестественный вопль, который так испугал нас, они, словно крылатые стрелы, кинулись на динотерия.

Исполин вскочил. Большие птицы напали на него со всех сторон, как крикливый вихрь. Стая носилась вокруг, неотвязно и злобно. Потом один за другим нападающие опустились ему на спину, сбившись в копошащийся, похожий на гидру клубок. Животное заметалось — четвероногий замок, опрокинутый четырехбашенный собор, повернулся и с рёвом умчался в оглушительной буре. Его протесты были похожи на ярость взбесившегося парохода, а мучители, снова взвившись в воздух, гиканьем провожали беглеца. Мы долго следили за ними, заслонив глаза от солнца.

— Я отдал бы пять лет жизни за бинокль, — сказал мой спутник. — Трудно рассмотреть… Ах, если бы только я знал! Чего бы я не захватил с собой, Шантерен! А у меня только часы!.. Что это за летучие твари? Вот грязные скоты! А голоса у них!..

— Конечно! Но я не знаю… Птеродактили?

— Нет. И всё же… О нет, нет! Крылатых ящеров в эту пору уже не было, ручаюсь головой… У, противные твари! — повторил он, вытирая потное лицо. — Какой гадкий крик! Я не помню ничего отвратительнее… не считая одного впечатления детства…

— Какого же?

— О, пустяки. Я имею в виду первую увиденную мной обезьяну. Эта пародия… Так вот, крик этой птицы…

— Вы правы, — сказал я, поражённый верностью этого сравнения. — Но лучше говорить потише. Мы не знаем, что скрывается вокруг.

Синяя тень рощи сохраняла свою таинственную враждебность. Листва деревьев вздрагивала, колебленая невидимыми птицами. В сквозной тени висели судорожные рои мух. Чаща явно пробуждалась, встревоженная чьими-то тайными передвижениями. Стебли трав пригибались и замирали с пугающей внезапностью, заставляя думать, что нас увидело какое-то животное или чудовище.

— Нужно обогнуть эту скалу, — предложил я, — чтобы она была между нами и сушей. Океан кажется более безопасным.

— Давайте обогнём, — согласился Флери-Мор. — Но я всё время ожидаю, что этот мираж вот-вот исчезнет. Наблюдайте, старайтесь ничего не пропустить.

Мы обошли скалу. Оказалось, море лизало здесь подошву утёса.

— Тут нам будет не очень удобно, — заметил я.

— Всё равно лучше остаться, — ответил Флери-Мор, стоя одной ногой в воде. — Главное — не делать лишних движений, чтобы не выдать своего присутствия. Впрочем, передвигаться в мираже вообще опасно, так как мнимая местность маскирует ловушки действительной. Не забывайте этого, Шантерен, и, что бы ни случилось, не бегите. Местность, которую мы видим, попросту наложена на ту, где мы находимся. В видимой пустоте этой допотопной поляны вы можете налететь на плотный ствол теперешнего дерева. Это, кажется, единственная угрожающая нам опасность. Потому что… Ну да! — вскричал он, хлопнув себя по лбу. — Каким бы полным мираж не был, он всегда мнимый! Это отражение, иллюзия! Следовательно, друг мой, — боже, как мы были наивны! — следовательно, изображение слонов, издохших несколько сот тысяч лет назад, не могло бы причинить нам никакого вреда. Оно остаётся в своём времени, как мы остаёмся в своём.

Его уверенность передалась и мне.

— И потом, — сказал я, — вот что хорошо: существа прошлого, которых мы видим, не могут видеть нас, потому что мираж не может быть двусторонним. Африканские миражи никогда не бывают двусторонними.

— Разумеется, — подтвердил геолог. — Можно получить от прошлого непосредственное впечатление: небосвод со своими более или менее удалёнными звёздами даёт нам каждую ночь столько изображений прошлого, сколько имеется на нём звёзд. Но непосредственного впечатления будущего получить нельзя. Значит, если бы мы, скажем, вскочили и закричали, динотерий ничего не увидел бы и не услышал.

Мы вышли из-за своего скалистого укрытия, вернув себе всю свою беспечность. Наши башмаки оставляли на влажном песке отпечатки. Современные башмаки… доисторический песок…

Флери-Мор некоторое время, скрестив руки на груди, смотрел на волны, потом заговорил:

— Вы не знаете, какое волнение испытываю я перед лицом этого юного моря, этого моря первых времён мира, ещё близких к той первобытной эпохе, когда вся Земля была единым морем!.. Отсюда вышла вся жизнь. Всё, что дышит и движется, вышло из недр этого океана, который и сам словно дышит и движется, как несчётное множество живых существ… Вот первоначальное море, и вот оно близ своего первого начала! Вот колыбель всего живого, праматерь человека, где уже есть вкус слёз и крови и звук рыданий!

Нам выпало несказанное счастье видеть это море в дни его юности. В этот возродившийся для нас

час оно едва только окончило своё великое дело. Оно выслало на ещё узкие материки все создания, порождённые его лоном. Эпоха ящеров давно миновала. Они изменились, превратились в птиц и млекопитающих. Гигантские драконы не вернутся больше. Теперь должен появиться некто другой. Теперь в недрах обезьяньего племени смутно зарождается человек, и в мозгу какого-нибудь шимпанзе начинает свой путь Вергилий…

Наступило недолгое молчание, заполненное шумом прибоя.

Я осмелился заговорить:

— Ну, уж если путешествовать во времени, то я предпочёл бы зайти дальше, в эру, предшествующую этой. Прекрасное зрелище — динозавры, Флери-Мор! Быть может, самое удивительное на всей Земле во все её времена!

— Ну! — возразил Флери-Мор. — Все ваши диплодоки, мегатерии и прочие игуанодоны были морским населением. Они жили в воде почти всегда, а не так, как нам показывают книги и музеи. Не жалуйтесь: разве динотерий, которого мы видели, не кажется запоздалым осколком гигантской фауны?

— Это не ящер, — сказал я с сожалением.

— А я, — продолжал он, всё время переводя взгляд с моря на пальмовую рощу и с берега на сосняк, — если бы я мог выбирать, я бы остановился на менее отдалённой эпохе, на том геологическом времени, когда в животном окончательно проявился наконец человек. Ах, увидать первых людей! Адама и Еву неоспоримой геологической книги бытия!..

— Вот и птицы возвратились, — заметил я. — Они ловят рыбу вдали. Оперение у них кажется белым, или же так оно выглядит издалека на солнце… Это огромные чайки.

— Мне бы так хотелось узнать, что это за птицы, — пробормотал Флери-Мор. — Но не будем терять драгоценного времени и постараемся разглядеть по крайней мере то, что есть поблизости. Вон там я вижу чудовищные груши. Попробуем подойти к лесу.

Геолог сделал несколько шагов, нащупывая почву ногой и вытянув руки, словно вдруг ослеп: боялся реальных препятствий, скрытых миражем.

— Ого! — вскрикнул он, резко остановившись, повернулся ко мне и, прикрывая рот рукой, прошептал нерешительно и восхищённо: — Пещера! Смотрите…

Я молча сделал ему знак вернуться и вдруг ощутил несказанное отчаяние от мысли, что мы, быть может, навсегда останемся на этой Земле, где ещё нет человека. Во мраке пещеры зажглись огоньки. Это были маленькие яркие точки, расположенные попарно, красно-зелёные и зелёно-красные, бесспорно знакомые, — глаза!

— Я иду туда! — заявил Флери-Мор.

— Нет! — И я кинулся к нему.

— А вдруг мираж рассеется? — убеждал он меня. — Потом вы будете вечно раскаиваться, что упустили такую возможность. Воспользуемся ею, друг мой! Воспользуемся этим благодетельным миражем!

— Но разве вы не видите, что эти глаза смотрят на вас?

— Вы с ума сошли! Смотрят в будущее?!

Но я держал его крепко, ибо и сам был под властью неудержимого любопытства. Он должен был уступить мне и ограничиться наблюдением на расстоянии.

Глаза сверкали, как парные звёзды, иногда мигали, закрываясь пугающими в своей незримости веками. Моя фантазия пририсовывала к ним целое семейство наводящих ужас медведей ростом с бегемота.

— Обратите внимание, — прошептал я.

— На что?

— Видите луч солнца?..

— Какой луч?

— Тот, что проникает в пещеру, — вот эта косая полоса света…

— Ну?

— Так вот, пара глаз, ближайшая ко входу… Не находится ли она выше полосы света?

— Да, действительно.

— Значит, если бы это были глаза животного, стоящего на земле, мы бы увидели его в луче…

— Браво! По всей видимости, эти глаза принадлежат животному, свисающему со свода… Если только оно не парит прямо в воздухе…

Между тем парные звёзды в глубине пещеры всё умножались и умножались.

Мы стояли очень открыто, и я не мог не следить за всем, что происходило вокруг. Пальмовая роща, разделённая надвое полосой красного песка, бросала тень своих стволов справа и слева от пещеры. Я не мог сдержать дрожи ужаса: эта тень тоже была усеяна красно-золотыми огоньками! На каждой из исполинских груш блестело по паре огоньков. Их было сотни. И лес, как Аргус, смотрел на нас всеми своими неподвижными зрачками.

Мысль о том, что грушевые деревья не растения, проползла у меня в мозгу, как мохнатый паук.

Но Флери-Мор рассудил разумно.

— Ваши груши, — сказал он, — это попросту летучие мыши; это вампиры-гиганты, свисающие, как обычно, вниз головой и с ветвей, и с потолка пещеры. Но они должны быть дневными, потому что ваши так называемые чайки — это тоже вампиры, за это я ручаюсь. Те, что окружают нас, вероятно, спят.

— Просыпаются, вы хотите сказать!

Я предпочёл бы не поправлять его. Мне до тошноты отвратительна даже обыкновенная летучая мышь; судите же, что я мог испытывать в окружении этого сонма вампиров, чудовищных в своих размерах. Я видел только их, переводя взгляд с пещеры на пальмовую рощу. Флери-Мор старался рассмотреть тех вампиров, что вились вдали над водой.

Так прошла минута, ничто не двигалось.

Невероятно, но эта неподвижность, усиливающая тревогу ожидания, толкала меня, более робкого из двоих, к действию. Я порывисто подобрал несколько камешков.

— Можно? — спросил я, нацеливаясь в тёмный провал пещеры.

Флери-Мор рассеянно кивнул.

Первый камень не попал в цель и, ударившись о стену, упал на груду рыбьих костей у входа. Второй полетел прямо в глубь пещеры.

Тотчас же в её недрах поднялся ужасающий гвалт, от которого волосы у меня встали дыбом. Пещера наполнилась сатанинскими завываниями, словно вела прямо в преисподнюю. Мрак внутри усеяли пылающие угольки. И мы увидели, наконец, что в недрах тьмы что-то задвигалось, всё яснее вырисовываясь посреди горящих глаз и направилось к выходу.

— Человек! — прошептал я.

— Обезьяна! — шепнул Флери-Мор.

Он был и тем и другим, и ни тем ни другим; прямостоящий, двуногий, страшно худой, с жалким, маленьким круглым черепом, курносым носом, выдавшейся челюстью, с ушами, как капустные листья, и весь в шерсти! Сомнений не было: перед нами стоял питекантроп! Питекантроп, именно такой, каким реконструировал его Дюбуа по яванским костям… Плиоценовый питекантроп здесь, в миоцене, в Европе, в Шампани… живой! Да ещё по какой-то чудовищной странности он был союзником вампиров и делил с нимя пещеру!..

— Ба! — сказал я себе, чтобы успокоиться. — Да он использует их как рабов или как охотничьих собак, вернее как рыболовных собак!

Обезьяночеловек остановился на пороге пещеры и раскрыл свои до сих пор полузакрытые близко поставленные глаза.

На свету стало видно то, чего мы уж никак не могли ожидать. Этот дикарь из дикарей, который должен был быть совсем голым, оказался закутанным в широкий до самых пят кожаный плащ, тонкий, тёмный и блестящий, с симметрично падающими складками!

— Плащ! — изумился геолог. — Уже цивилизован! Орангутан в одежде!.. К чертям этот плащ! Он мешает нам увидеть его внешнюю анатомию…

Питекантроп по-обезьяньи сморщился и, как человек, повернул голову к пещере. Гам в ней сразу утих.

— Он смотрит на нас, говорю вам!

— Похоже на то, — согласился Флери-Мор. — Но если он нас видит, то и слышит! Полноте, это невозможно! Эй, дедушка! — крикнул он человеко-животному и засмеялся, конечно, чтобы подбодрить меня.

Но мне было не до смеха.

Тем временем наш предок, приоткрыв полу кожаного плаща, протянул свою длинную руку. Его рот, разинувшись, превратился в клыкастую пасть, извергшую визгливые, лающие звуки, которые сотрясали его тощую грудь; что-то вроде: «Аттуи, туи, туи! Хира-ха! Рато! Рато!»

По этому зову, вернее по этому приказу, стая антропоидов вырвалась из пещеры, они высыпали и из пальмовой рощи и ринулись на поляну, даже с гребня откоса на нас смотрела «толпа» наших предков, выскочивших из сосняка. Аммиачный запах обезьянника стеснил дыхание. Тишина наполнилась отвратительным гиканьем. Нас замыкало плотное враждебное кольцо. Все, как и их предводитель, были облачены в тёмные плащи, складками которых они яростно потрясали.

Я обернулся к утёсам на берегу моря… Над волнами стремглав неслась стая этих гигантских чаек или огромных летучих мышей… Сейчас мы узнаем, кто летит на подмогу…

— Крылатые люди! — вскричал Флери-Мор.

Да, это были крылатые люди! И тёмно-бурый плащ, этот мундир окруживших нас приматов, что это было? Вы угадали: это были широкие свёрнутые крылья. Груша, птица, летучая мышь, питекантроп — всё это было одним и тем же существом: нашим праотцом — Адамом, царившим на земле, как и в небесах.

Мы были окружены со всех сторон. Даже сверху над нами был купол из хлопающих крыльев. Они взяли нас под колпак, и этот живой колпак затмевал солнце. Бегство было немыслимо.

Инстинкт прижал нас спиной к спине. Таким образом, двое в одном, зоркий двуликий Янус, мы могли преодолеть жалкую слепоту нашего тела. Я судорожно сжимал ружьё.

— Вы видите, это мираж двусторонний, — с трудом выдавил я из себя. — Мы видим их, а они — нас.

Я почувствовал, как Флери-Мор пожимает плечами.

— Призраки, призраки! — пробормотал он. — Понимаете? Восхитительная иллюзия. Постараемся запомнить всё, что можем. Ха-ха-ха! Так человек в конце концов потерял свои крылья! Потерял потому, что не пользовался ими! Эволюция покарала его за леность, как пингвина! Ха-ха-ха! Постараемся же запомнить, что только можно!

— Хорошо, согласен. Вы всё время твердите одно и то же.

Крылатые люди довольствовались пока тем, что держали нас под наблюдением. На нас были устремлены все взгляды, и это не могло не вселять в меня робости. К тому же непрерывный гам, крики, хлопанье крыльев — от всего этого голова шла кругом. Я старался побороть чисто физическую слабость; все мои силы уходили на борьбу с самим собой, и я страстно ожидал конца всех этих чудес. Флери-Мор, напротив, думал о мираже вслух. Чтобы лучше запомнить виденное, несравненный наблюдатель делал устные заметки. Я слышал, как он бормочет:

— Лицо негроидное. Никакой цивилизации. Огня нет. Зачатки языка. Вожак — самый сильный, а не самый старший. Как у животных, полное равенство самцов и самок. Никакого оружия. Крылья… ах, несравненные крылья, которыми соединяются руки и ноги!.. Ха-ха!.. Вот они, промежуточные существа, среднее между летучей мышью и летучей белкой! Но они не насекомоядные и не грызуны. Рыбоеды, да, пожиратели рыбы. Словом, они происходят от птеродактилей; да и вся наземная фауна произошла от ящеров. Вы тоже так думаете, не правда ли, Шантерен?

— У меня всё вертится перед глазами, словно при морской болезни! — отвечал я. — Надо что-то делать! Я хочу что-нибудь предпринять…

Мой арьергард недовольно заворчал:

— Глупо… Безобидное представление… Живые картины… Галерея… Портреты предков…

Потом он начал проклинать отсутствие всяких инструментов.

— Используйте хотя бы хронометр, — посоветовал я. — Засеките время. Который час?

— Пять минут шестого.

— Спрячьте их! — вскричал я. — Они блестят! Спрячьте часы, они сыграют с вами глупую шутку. Спрячьте скорее!

Что-то тёмное, тяжёлое обрушилось на нас. Я отлетел в сторону. Когтистая, мохнатая лапа схватила руку с блестящими часами. На земле, подмяв под себя упавшего Флери-Мора, барахтался, сверкая крыльями, питекантроп, отвратительный как дьявол. Зверь словно подставлял мне свой плоский затылок. Я вскинул ружьё и выстрелил.

На этот раз выстрел грянул как гром. Густой дым окружил меня, закрыв первобытное солнце. За ним последовали холод и молчание...

Дым не рассеивался.

Он и не мог рассеяться, ибо это был вновь появившийся туман. Вспышка пороха всколыхнула его и погасила удивительное видение. Мы снова были в двадцатом веке.

Тут же, словно от того же сотрясения, дым превратился в изморось. Меня обдало мелким, леденящим дождём.

Настал вечер в вечере. В полумраке, где ночь сливалась с туманом, я увидел на земле ноги Флери-Мора, ничком лежащего на земле.

Он очнулся и застонал:

— Меня убили! Убили!..

И действительно, он словно жаловался по ту сторону смерти. Руки у него были как у мертвеца, и я напрасно старался растереть их. На неподвижном, будто маска, лице застыло выражение ужаса.

Я показал ему в сумерках на тень орешника. Это знакомое зрелище немного успокоило его. Он сказал, что видит достаточно хорошо, чтобы вернуться, и хочет сделать это как можно скорее.

Я быстро связал крестик из веточек и воткнул его в землю. Флери-Мор торопил меня уйти.

Метрах в двадцати отсюда мы нашли тропинку. Ещё один крестик. Снова нетерпение Флери-Мора.

Ещё дальше нам встретились каменотёсы, возвращавшиеся в Норуа Ле-Кормонвилль. На мои вопросы они ответили, что не видели ничего, кроме тумана, и не слышали ничего, кроме выстрела.

— Странный феномен ограничивался очень малым радиусом, — заметил я, когда они ушли. — Это очень удачно. Иначе сколько селений оказалось бы под водой!

Я хотел засмеяться, но тщетно...

Флери-Мор во всю прыть спускался с холма, иногда он внезапно останавливался, испуганный чёрными молниями летучих мышей или зелёным туманом спаржевых посадок. Пролетевшая беззвучно, как тень, сова заставила его в страхе съёжиться.

Я кое-как едва поспевал за ним. Мы вернулись в замок.

Мы договорились, что сохраним случившееся с нами приключение в тайне. Не было ничего проще. Вечером мои друг занемог. Руки у него были ледяными, лицо окаменело. Его уложили. Я дежурил возле него вместе с его женой.

Утром лихорадка уменьшилась. Доктор прописал покой, сон и молчание. Прежде чем начать лечение, Флери-Мор захотел поговорить со мною наедине.

Он попросил меня вернуться на место миража, чтобы определить положение пещеры: «Её нужно найти во что бы то ни стало. Там должны быть бесценные окаменелости». Он горячо поблагодарил меня за поставленные вехи и заклинал беречь их, чтобы ни ветер, ни какой-нибудь прохожий не свалили эти метки.

Я отправился туда с землекопами, захватившими свои орудия.

Крестики оказались нетронутыми. Первый из них указывал на второй, а второй — на пещеру. Зрительно я представлял себе, что между местом, где упал Флери-Мор, и входом в пещеру было

метров тридцать. Но протёкшие тысячелетия сдвинули край обрыва метров на двадцать, и нам пришлось бы рыть траншею именно такой длины, если бы двумя метрами левее в нужном направлении не протянулся карьер. Я отсчитал по его фронту двадцать метров; землекопы начали рыть и почти тотчас же наткнулись на глину.

Часа в три пополудни я остановил работы. Пещеры не было. Я думаю, она обрушилась под действием геологических сдвигов. Но в своих поисках мы обнаружили в мергелистой массе конгломераты красной земли, перемешанной с костями.

Я тут же выделил части скелета. На всех костях рук и ног виднелись какие-то наросты; они не были ни механическими повреждениями, ни следами артрита, а попросту природными выступами, к которым прикреплялись сухожилия перепончатых крыльев. (Эти части, надлежащим образом собранные, образуют почти полный составной скелет; любители могут видеть его в музее под названием Pteropithecantropus erectus, которое считается фантастическим. Его называют также антропоптериксом, или, чаще всего, кормонвилльским летучим человеком.)

Как я и предвидел, раскопки не обнаружили ни керамики, даже грубой, ни кремней, даже необработанных; ни слоновой кости, ни палицы; не было и рога нарвала, который мог бы служить копьём. Тем более велико было моё изумление при виде извлечённой из земли затылочной кости черепа с круглым отверстием в ней.

Я размышлял над этим обломком усерднее, чем Гамлет над черепом Йорика. Это загадочное нечто, этот пустой кружок не давал мне покоя. Мне пришло в голову измерить его. Диаметр отверстия точно совпадал с размером пуль моего ружья двенадцатого калибра!

Не успел я опомниться от догадки, вызванной этим совпадением, как один из рабочих принёс мне только что выкопанную добычу: хрупкую белую кисть правой руки, плотно впаянную в глыбу глины. Решётчатый кулак сжимал какой-то предмет, который я решил высвободить.

Вот уже миллионы лет, как эта рука была погребена в недрах горы. И всё-таки она держала золотой хронометр.

Никогда ещё мне не попадалась столь жалкая реликвия. На остатках циферблата сохранились кусочки стекла. Я открыл часы ножом, как устрицу. От стального механизма осталась лишь ржавая пыль с искорками рубинов. Но нетленное золото устояло перед натиском времени. На потускневшем корпусе можно было прочесть: «Самуэль Гольдшмидт, авеню Опера, 129, Париж». А покрывшиеся минеральной коркой стрелки показывали через целую вечность пять минут шестого.

Не могу и сказать, что делалось у меня в голове.

Не прошло и тридцати минут, как с часами и затылочной костью в руках я, нарушив запрет, силой проник в комнату Флери-Мора. Он сидел на постели. Его приём разочаровал меня. Моё сообщение его ничуть не заинтересовало; рассеянно потрогав обе реликвии, он сказал громко и решительно:

— Шантерен!

— Ну?

— Не нужно говорить этого людям.

— Чего, друг мой?

— Что они когда-то были крылатыми…

— Как?!

— Это будет слишком большим ударом для них, знаете ли… Не нужно ничего говорить… Я много размышлял, после того как вы ушли.— Да, Шантерен, оказывается, наше желание бороздить небеса, наше неумирающее стремление летать — это не надежда, не порыв к лучшему, более прекрасному! Это лишь смутное сожаление… Сожаление об утраченных крыльях… О потерянном рае… Не об этом ли говорит нам и Библия? Что символизирует изгнание Адама и Евы? Ах, поверьте мне: все мифы древности основаны на какой-нибудь доисторической реальности! Каждый герой поочерёдно изображает в них человечество. Прометей — разве это не завоевание огня? Падение Икара — разве это не потеря крыльев?.. И в злых и в добрых чувствах плоти сама собой передаётся какая-то первобытная, глухая и цепкая традиция. Когда мы хотим летать, мы, сами того не зная, оплакиваем свои потерянные крылья; а когда мы испытываем тоску по морю, нас волнует нежность изгнанника к запретной родине… Нет-нет, не нужно говорить людям, что они падшие ангелы. Это было бы слишком грустно!

— Как! — вскипел я — возмущению моему не было границ. — Вы посмеете промолчать? Но ведь наше открытие принадлежит не нам; это достояние всего человечества! И я не понимаю, что может

быть грустного в том, если оно узнает, что некогда люди летали, но душа у них ползала! Сознайтесь, что от перемены мы только выиграли.

— Не нужно говорить.

— А истина? — вскричал я. — Истина! Разве ей не следует служить наперекор всему и всем? Разве не стоит пожертвовать всем ради неё? Разве не она окрыляет душу и возносит её выше серафимов в небесах?

— И всё-таки говорить не нужно, — упрямо твердил Флери-Мор.

Честь нашего открытия в равной мере принадлежала нам обоим. Ни один из нас не мог распоряжаться своей долей прав на него без согласия другого, Итак, я покорился…

Вот почему прошло столько времени, прежде чем антропоптерикс появился в музее. Он обязан этой милостью изобретению самолёта. На следующий же день после решающего испытания Флери-Мор разрешил мне открыть тайну.

Хотя эти летательные аппараты смахивают на крылья, как костыль на ногу, сказал он, но мне кажется, что теперь мы можем говорить, ибо Адаму возвращён рай и Дедал снова поднимается в небо.

Мы сказали. Кто нам поверил? Никто. Почему же?

Потому что скелет в музее — это скелет, и только. Крылья антропоптерикса были похожи не столько на крылья летучей мыши, сколько на перепонки летучих белок; основой у них были только мышцы, которые не сохранились.

И нет никаких доказательств, кроме нашей памяти, что на самом деле был мираж, посетивший нас в туманный день 26 октября и подаривший видение тех времён, когда люди могли летать.

АНРИ ТРУАЙЯ

ПОДОПЫТНЫЕ КРОЛИКИ

Едва Альбер Пенселе повис на крюке от люстры, как открылась дверь и в комнату, приветливо здороваясь, вошёл чёрный человечек. Висевший задушенно выругался и в знак негодования задрыгал в воздухе ногами. Ничуть не смутившись таким приёмом, чёрный человечек положил на кровать объёмистый сафьяновый портфель, котелок, зонтик и сивые перчатки.

У него было помятое бледное лицо, прямой и грустный взгляд голубятника и бородавка на подбородке. Он не торопясь влез на табурет и перерезал верёвку. Тело Альбера Пенселе рухнуло на пол с шумом устраивающейся на отдых коровы. После чего чёрный человечек поправил манжеты и сказал:

— Меня зовут Фостен Вантр. Вы забыли запереть дверь.

Альбер Пенселе не ответил, потому что считал себя мёртвым. Обеспокоенный этим молчанием, чёрный человечек извлёк из портфеля бутылку рома, веер, нюхательную соль, губку и принялся воскрешать несчастного.

Он делал это точными скупыми движениями, сгибался, распрямлялся, проворачивался, и слышно было только сухое потрескивание его суставов, словно в комнате грызли сухари.

Он напевал:

— На море, спокойном море… на-на…

Альбер Пенселе открыл глаза и глубоко вздохнул:

— Что вы здесь делаете?

— Возвращаю вас к жизни, — ответил Фостен Вантр.

— Не ваша забота.

— Вы рассуждаете как дитя. Пропустите лучше стаканчик, хорошая штука.

Альбер Пенселе приподнял голову, втянул глоток и сплюнул на пол:

— Я ко всему потерял вкус. Если бы вы только знали…

— Знаю. Всё знаю. Знаю, что вам двадцать пять, что у вас ни положения, ни будущего, ни семьи, ни любовницы и последние девять месяцев вы не вносите плату за комнату.

— Замолчите! — простонал Альбер Пенселе.

— Я слежу за вами уже несколько недель. Я послал вам проспект: «Отчаявшиеся, превратите своё отчаяние в деньги. За всеми сведениями обращаться к г-ну Фостену Вантру, улица Орельен Ломбер, 17». Почему вы не откликнулись?

— Я не думал, что это всерьёз.

— Ох!.. Все вы одинаковы! Слушайте, я пришёл предложить вам способ заработать деньги и обеспечить себе безбедную старость.

— Так спать хочется, — пробормотал Альбер Пенселе.

Фостен Вантр нетерпеливо пощёлкал пальцами:

— Минутку! Сначала выслушайте меня. Вы, конечно, слыхали о профессоре Отто Дюпоне?

— Он — ортопед?

— В некотором роде. Только он исправляет не конечности, а характеры.

— В таком случае нет, не слышал.

— Клиника профессора Отто Дюпона известна во всём мире. Он применяет в ней собственный метод лечения, предназначенный для изменения и моделирования характеров. Например, робкий человек говорит: «Хочу стать властным». Укол. Десять дней покоя. И вот наш приятель возвращается домой с диктаторскими замашками площадного оратора. Психическая ортопедия — дело молодое, щекотливое. Малейшая ошибка может повлечь за собой неизмеримые катастрофы.

Поэтому, прежде чем делать уколы клиентам, профессор Дюпон проверяет эффективность своих лекарств на сотрудниках, которых мы называем «испытателями характеров». Их около двадцати. Но поскольку с каждым днём клиентура становится всё больше, я получил приказ нанять ещё несколько сотрудников. Я сразу же подумал о вас. Условия превосходные. Стол, обслуживание, парк для прогулок, изысканное общество коллег. Жалованье королевское. Через два года вы можете нас покинуть и до конца жизни будете получать пенсию в соответствии со служебным стажем.

Фостен Вантр передохнул и с наслаждением сглотнул слюну.

— Ну-с, молодой человек, — продолжал он. — Вы в раздумьи?!

— Если так выгодно работать на вас, тогда почему вам сложно вербовать подопытных кроликов?

— Испытателей характеров? Но ведь не всякий подходит! Необходимы определённые физические данные. Сопротивляемость. Кристально чистая нравственность. Гармоничное физическое развитие, психическая уравновешенность, первоклассный ум! Все те качества, которыми вы так щедро наделены. Читайте договор! Подпишитесь внизу, слева. Но поторопитесь. Мне сообщили о верном самоубийстве около площади Бастилии.

Он уже затыкал бутылку с ромом и по-матерински заботливо укладывал своё снаряжение.

Альбер Пенселе посмотрел на крюк в потолке, на гербовую бумагу контракта и пожал плечами:

— Либо это, либо петля!

— Хорошо сказано, — провозгласил Фостен Вантр, протягивая ему руку. Альбер Пенселе положил листок на пол и устало расписался.

— Будьте готовы завтра к девяти утра. За вами пришлют машину. Перед уходом я оплачу ваш счёт за комнату.

Когда он вышел, Альбер Пенселе бросился на постель, и его сейчас же охватил тяжёлый, полный видений сон. Он бредёт по пыльной дороге к оранжевому свету, который мерцает вдалеке. Через каждые три шага он теряет часть самого себя. Палец, губу, веко. «Лишь бы продержаться до конца!» — думает он. Внезапно он оборачивается и видит Фостена Вантра, который рысцой семенит за ним с сафьяновым портфелем под мышкой. Через каждые несколько шагов он наклоняется, чтобы подобрать кусок его плоти, и приговаривает: «Ням-ням! Хорошенький палец! Ням-ням! Чудесное веко!» «Остановитесь! Остановитесь!» — кричит Альбер Пенселе. Но тот только головой качает: «По какому праву? Вы же сами подписали, не так ли? Ням-ням! Замечательное ухо!»

Когда Альбер Пенселе проснулся, то заметил, что плакал в подушку.

Клиника профессора Отто Дюпона находилась под Парижем. Большое прямоугольное здание, всё из окон в балконов, возвышалось посреди парка, аллеи которого своей замысловатостью не уступали бухгалтерской подписи. В тени высоких деревьев прятались шезлонги для выздоравливающих, они отдыхали здесь, предаваясь размышлениям о последних глубинных толчках своей личности. Флигель испытателей характеров, трёхэтажный розового кирпича дом с нарядным подъездом, находился за главным корпусом. Коридоры в нём были устланы линолеумом спокойного синего цвета. На каждой двери имелась табличка: «Раздражительный», «Задумчивый», «Добродушный», «Любитель литературы и искусств», ниже следовала дата последнего укола с указанием: «Не использовать до…»

Справа от двери висела небольшая грифельная доска с отметками дежурного врача: «Состояние удовлетворительное», или «Необходимы исправления», или «Отрицательный результат». Медсестра показала Альберу Пенселе его комнату. Голые стены, походная кровать, книжный шкаф.

— После испытания мы, разумеется, меняем подборку книг, — сказала она. — Каждому характеру своё чтение. Профессор просит вас быть готовым через час.

Профессор Отто Дюпон принял Альбера Пенселе за массивным письменным столом величиной по меньшей мере с римский саркофаг, ощетинившимся телефонами, диктофонами, сигнальными лампочками на эбонитовых панелях, компьютерами и самопишущими ручками с выдвижными перьями. Стопки книг с ослепительно белыми обрезами каннибальски скалились по обеим его сторонам. И ещё была лампа на коварно изогнутой ножке, освещавшая гигиеническим светом лицо хозяина. Цвет лица у него был свежим, взгляд приветливым, усов профессор но носил.

— Вы испытатель 14? — спросил он Альбера Пенселе.

— Таков номер на двери моей комнаты…

— Он останется за вами. Садитесь. Посмотрим ваше дело. Двадцать пять лет. Пороки: не имеется.

Альбер Пенселе счёл за лучшее скромно опустить глаза.

— Характер: обычный. Реакция «зед»: обычная. Умственное развитие: обычное. Культурный уровень: обычный. Сексуальные комплексы: обычные. Превосходно! Превосходно! Вы как раз такой человек, как мне нужно.

— Весьма польщён, — выдавил Альбер Пенселе.

— Сегодня я впрысну вам сыворотку неограниченной самоуверенности с оттенком горделивости и едва заметным налётом мистицизма. Это очень сложный раствор, я составил его впервые, по заказу одного политика. После укола вы отдыхаете десять дней. Потом я пробую на вас сыворотку мечтательности. Затем…

— Так значит мой характер будет меняться каждые десять дней?

— Приблизительно.

— Но это чудовищно!

— Вы ошибаетесь. Любой из ваших коллег подтвердит, что эти превращения совершенно безболезненны.

— И так в течение двух лет?

— Даже больше, если вы пожелаете. А вы, безусловно, сами захотите этого. Обновляя свою натуру, вы увеличиваете свои жизненные возможности. Вы проживёте тридцать-тридцать пять жизней в год, тогда как другие вам подобные живут лишь одну, да и то, что это за жизнь!.. К тому же вы хотели убить себя, правда! А люди убивают себя, когда не могут вынести своего положения, самих себя…

— Да.

— Вот я вам и предлагаю перестать быть самим собой. Вы должны быть удовлетворены.

Альберу Пенселе было как то не по себе. «А если я сойду с ума? — думал он. — А если опыт окажется неудачным и я умру?» Умирать ему расхотелось. Но профессор уже встал и сдвинул в сторону замаскированную в стене дверь.

Альбер Пенселе последовал за ним в белое, как молочный магазин, помещение. Там пахло аптекой и жжёной резиной. На стенах висели полки, уставленные склянками с разноцветными жидкостями. Посреди комнаты на мраморной стойке теснилась целая армия колб, пробирок, перегонных аппаратов и змеевиков. И на всём этом лабораторном стекле разбивался и дробился оконный свет. В стеклянном пузыре яростно булькала какая-то зеленоватая жидкость с сиреневым отливом.

Фостен Вантр в очках электросварщика наблюдал за её кипением.

— Всё готово? — спросил профессор Дюпон.

Белый, как стенка, помощник отделился от задника и принёс в изъеденных кислотой пальцах крохотную пробирку, заткнутую ватным тампоном. Профессор посмотрел её на свет и прищёлкнул языком:

— Думаю, надо бы немного разбавить. Ну, увидим по результату. Регистрационный номер 14, спустите брюки, друг мой. Повернитесь ко мне спиной. Не напрягайтесь.

Альбер Пенселе, носом в стенку, подставил свой голый зад под неизвестную хирургическую операцию. По лицу его крупными каплями стекал пот. Сзади, за спиной, позвякивали неизвестные инструменты. Звон иголки, падающей в металлическую коробку, вздох вытаскиваемой пробки, жалобное всхлипывание крана. Потом приближающиеся шаги. Горячее дыхание в затылок. Запах юфти. Осторожное касание влажного комка ваты. Он закрыл глаза. Сжал челюсти, готовясь к раздирающей боли. Лёгкий укол в ягодицу заставил его вздрогнуть. Он ожидал продолжения.

— Всё! — сказал Отто Дюпон. — Вы свободны.

— А?..

— Вы ожидали, что я вас на кол посажу, что ли? Через десять-пятнадцать минут вы почувствуете эффект. Вы смените индивидуальность, как змея кожу. Вы обретёте волю, трезвость рассудка и веру в себя, которых вам так не хватало.

— Благодарю вас, — сказал Альбер Пенселе.

Он осторожно выпрямился, привёл в порядок одежду и в сопровождении Фостена Вантра покинул комнату.

По парку Альбер Пенселе шёл очень медленно, наблюдая за рождением в себе новой личности. Подобно беременной женщине, он старательно избегал резких движений, боясь оступиться или упасть, чтобы как-нибудь ненароком не уничтожить новое существо, которое росло в нём. Чувствует ли он что-нибудь? Нет, пока ничего. А сейчас? По-прежнему ничего. Может быть, только лёгкое головокружение, слабую тошноту, страх, радостное ожидание рождения. Кем станет он завтра? Через час? Ощутит ли переход? Пожалеет ли о своём прошлом? О самом себе?

Чем больше он размышлял, тем грустнее ему становилось. Ему казалось, что он присутствует на проводах: уезжает его лучший друг, уезжает навсегда; друг со множеством недостатков, ничтожный и безвольный, не очень добрый, не совсем искренний, но всё равно — славный парень. Он думал о старой одежде, поношенной, привычной, с которой так трудно расстаться, он думал о тихом очаровании грязных пригородов, которое не покидает вас до конца жизни. Он растроганно думал о своей судьбе. Он оплакивал собственную гибель. Лучше было умереть, чем становиться кем-то другим. И для чего всё это, господи? Жалкие деньги, отдых на свежем воздухе? И это плата за измену? А если он не захочет меняться? Если он предпочтёт остаться самим собой?

Лёгкое жжение в ягодице вернуло его к действительности. Он повернул к Фостену Вантру искажённое гневом и решимостью лицо:

— Вы, вакцинный повар, меня накололи! — закричал он. — Но я вас предупреждаю, что завтра же оставлю эту лавочку! Я донесу полиции о вашей торговле экспериментальным мясом! Я засажу вас обоих, вас и вашего милейшего Отто, пока вы меня не изрешетили! И нечего скалиться, а то дух выпущу!

— Боже! — воскликнул Фостен Вантр. — Доза оказалась слишком велика.

Он поднёс к губам маленький серебряный свисток,

— Чего это вы? — спросил Альбер Пенселе.

— Ничего-ничего, дорогой друг. Продолжим нашу прогулку. Видите тех двух молодых особ? Это тоже испытательницы характеров. Регистрационные номера 1-бис и 5-бис, если не ошибаюсь. Женщины носят у нас частицу «бис».

— Та, что справа, мне нравится, — заявил Альбер Пенселе. — Не возьмёте ли на себя труд…

Но ему не удалось закончить. Двое молодчиков, прибежавшие на свисток Фостена Вантра, схватили его.

— К профессору, — распорядился Фостен Вантр. — Передадите, что необходимо срочное исправление.

Альбер Пенселе отбивался, как одержимый, кричал, плевался, кусался. Профессор Отто Дюпон приказал привязать его к стулу и сделал ему новый укол, в двух сантиметрах от прежнего.

— Извините, — сказал профессор. — Не всегда сразу удаётся нащупать заказанный характер. Издержки производства. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — ответил Альбер Пенселе. — Но я не хочу, чтобы ко мне прикасались. Я вернусь в комнату самостоятельно.

В полураскрытой двери показался Фостен Вантр.

— Ну вот, — сказал он. — Вот мы и успокоились.

Пенселе пожал плечами. Он чувствовал себя спокойным, сильным, уверенным. Он ощутил зуд от желания приказывать, приказывать неважно что, безразлично кому.

— Я хочу цветов в свою комнату, — произнёс он. Собственный голос доставил ему удовольствие. Он был звучным, мужественным.

— Думаю, на этот раз мы попали в точку, — сказал профессор Дюпон Фостену Вантру. Один из самых моих удачных опытов.

Альбер Пенселе испытывал некоторую гордость от того, что вызвал восхищение обоих специалистов.

— Уберите верёвки, — сказал он.

Когда его освободили, он поднялся и подал профессору руку.

— До свидания, номер 14, — отозвался тот. — Увидимся через десять дней.

Внезапная тоска пронзила сердце Пенселе.

— Как это через десять дней?

— Ну, конечно, чтобы сделать из вас мечтателя.

— Но я не желаю! Вот ещё! Мне и так прекрасно! — Он стукнул кулаком по столу. Отто Дюпон ничего не ответил. И регистрационный номер 14 торжественно удалился, размахивая руками и печатая шаг по плиткам.

На следующий день номер 14 проснулся поздно, надел коричневый халат и больничную шапочку и спустился в сад. От парка, по которому прогуливались клиенты, сад для испытателей отделяла лёгкая ограда. Альбер Пенселе устроился под дубом с книгой на коленях. Воздух был тёплым. В зелёной листве дрожали солнечные пятна. Он скоро задремал, книга выскользнула из рук.

Звонкий смех разбудил его. Он открыл глаза. В нескольких шагах сидели и оживлённо разговаривали две вчерашние дамы.

Альбер Пенселе приветствовал их снятием шапочки. Они кивнули ему. Неожиданно более молодая заговорила:

— Вы — новый испытатель?

— Да, мадам.

— Мадемуазель.

— Простите…

— А что в вас сегодня?

— Что во мне?

— Ну, какой у вас характер?

— Властный, с оттенком горделивости и едва заметным мистицизмом.

— Какая прелесть! А у меня нежность с оттенком невинности и зёрнышком поэтичности.

— Тоже недурно. На сколько дней?

— Ещё пять.

— А у меня полных девять.

— Вам везёт.

— Почему вы так говорите?

— Ах, меняться неприятно.

— Откажитесь!

— Слышите, мамочка, какая решительность! Это замечательно!

— Мадам — ваша матушка?

Она засмеялась:

— Нет, мы зовём её мамочкой, потому что она здесь дольше всех. Она даёт нам советы, наставляет…

Альбер Пенселе придвинулся ближе к дамам, и разговор продолжался так весело и непринуждённо, что они даже забыли об обеде. Номер 14 рассказал о своих несчастьях и узнал, что молодую женщину зовут Иоландой Венсан, что родители её умерли и что Фостен Вантр спас её, когда она собиралась броситься в Сену. У неё был приятный овал лица, бледные щёки и большие сине-зелёные глаза, взгляд которых, казалось, освежал.

— Я хотела утопиться. Мне было страшно. И вдруг меня схватили за руку.

— Какое счастье!

— Вы очень любезны.

— Нет, я просто эгоистичен.

Мимо них прошли двое испытателей в таких же тёмных халатах, как и у Альбера Пенселе.

— Номер 7 сегодня «замкнутый», — сказала Иоланда. — А 12 сегодня последний день «раздражительный, но в глубине души добрый».

— Да, жизнь здесь невесёлая, — отметил Альбер Пенселе.

— Не думайте так, — возразила «мамочка». — У нас небольшой, но очень дружный кружок… И если вы останетесь надолго…

— Я останусь надолго, — объявил Альбер Пенселе.

И посмотрел на Иоланду с видом монгольского завоевателя, отчего та потупилась.

В течение дня Отто Дюпон вызвал все чётные номера для демонстрации моделей. В большом зале с нарядными диванчиками устроили сцену, рампу, поставили микрофон. В полумраке зала сидели клиенты, Фостен Вантр со сцены зачитывал характеристики, потом зрители задавали представленному номеру вопросы. Политик, который заказал темперамент Альбера Пенселе, оказался невысоким розовым толстячком с рыжеватым пухом и хитрыми слоновьими глазками. Он был восхищён результатом.

— Вы уверены, что на меня это окажет такое же действие? — спросил он профессора.

— Абсолютно уверен. Мы только должны будем принять во внимание вашу комплекцию, результат будет аналогичным.

— Отлично! Отлично! А скажите-ка мне, номер 14, вы никогда не сомневаетесь в правильности собственного мнения?

— Никогда! — отвечал Альбер Пенселе.

— А если партийная дисциплина не позволяет до конца выразить ваши взгляды?

— Я всё равно их выскажу!..

— Ой-ой-ой! Но это опасно!

— Я сменю партийную принадлежность… или создам себе новую партию.

— Хорошо. А если вы узнаете, что ваша дама вам не верна?.. Речь идёт всего лишь о предположении, вы понимаете?

— Я выставлю её вон.

— Ну что же. Видите ли, последнее надо немного ослабить, — вздохнул толстячок, поворачиваясь к Отто Дюпону.

— Как пожелаете. Но имейте в виду, что вы в любой момент сможете обратиться к нам за дополнительными поправками.

Альбер Пенселе сошёл со сцены под одобрительный гул. Какая-то дама даже крикнула ему из глубины зала:

— Браво!

За кулисами его, не без колкости, поздравили.

— Вы понравились.

— Вы напрасно так стараетесь.

— Ещё бы, характер очень выигрышный. Интересно, как бы вы справились с другим.

Альберу Пенселе стало противно от всей этой профессиональной зависти, от жалкого кривлянья и он ушёл в сад. Иоланда Венсен ждала его на прежнем месте. На этот раз она была одна.

— Вот и вы! Как хорошо! — обрадовался он. — Мне необходимо отвлечься от этой глупой комедии. Люди мелочны и недоброжелательны,

— Значит, у вас всё прошло успешно?

— Да, я так полагаю.

Она сложила ладони, и взгляд её осветился подкупающей преданностью:

— Я горжусь вами. Расскажите о ваших впечатлениях.

Он сел рядом с ней и во время всего разговора не сводил с неё глаз. Она была трогательно хороша и так хрупка, что невольно хотелось защитить её, к тому же Альбер Пенселе испытывал непреодолимое желание кому-нибудь покровительствовать. Рядом с этой беззащитной девушкой он чувствовал себя сильнее, мужественнее, ощущал приятную ответственность. Хозяином положения был он. Он положил руку на колено Иоланды. Она вздрогнула и низко опустила голову.

Следующие дни Альбер Пенселе с увлечением боролся с мыслями о любви. И вовсе не потому, что влюблённым быть неприятно. Просто он полагал разумным не принимать всерьёз свои чувства, чтобы трезвее оценивать их. Очень скоро он понял, что при одном виде Иоланды самые тяжкие его сомнения рассеиваются. Он думал о ней, мечтал о ней, рисовал в своём воображении сцены страсти, утомлявшие его больше, чем настоящие ласки.

Воскресным вечером, за несколько минут до отбоя, он поцеловал её. Она не сопротивлялась, только тихонько, как зверёк, застонала. В сумерках он едва различал её лицо. Он нашёл её полураскрытые губы по лёгкому запаху ананаса. Он был опьянён счастьем.

На следующий день он встретился с Иоландой только в пять часов вечера. Она чётко и решительно шагала по аллейке, которую они избрали для свиданий. Он подошёл к ней и взял её руки в свои. Но она резко высвободилась и расхохоталась.

— Что с вами? — спросил он.

— Что? А ничего.

Он посмотрел на неё внимательно. Что-то в ней изменилось. Взгляд стал колючим. Иоланда высоко держала голову и смеялась во весь рот, откровенно и даже дерзко. Это поразило его.

— Почему я не видел вас утром?

— Я была на уколе.

Ужас объял душу Альбера Пенселе.

— И кто же вы теперь?..

— «Женщина рассудительная, властная, деловая, любящая хорошо поесть». Профессор вполне удовлетворён.

Казалось, она радуется новой личине, как радовалась бы новому наряду.

Альбер Пенселе рухнул на скамью в полном отчаянии.

— Не может быть! — простонал он. — Очаровательное создание, сама нежность, чувствительность, мечтательность, сама поэзия.

— Вы можете проститься с ним.

— Значит, я должен проститься со своей любовью!

— Ну, это другое дело! Начнём с того, что вы — мой тип мужчины. Я только попрошу вас начать отпускать усы и покороче стричь ногти.

— Иоланда! Иоланда! Возможно ли это?

— Здесь, в этом доме, всё возможно, дорогой мой. Нет ли у вас сигары? Жаль. Я их обожаю. Сядьте ближе. И не устраивайте трагедий. Дайте-ка я вас поцелую.

Она наклонилась к нему и раздавила на его губах умелый поцелуй многоопытной женщины.

— Уф! Вкусно! — заключила она.

Глухой гнев поднимался в Альбере Пенселе. В этом катастрофическом превращении он обвинял

Иоланду, как будто оно зависело от неё самой. Он презирал её за её радость.

— Вы… мужлан! — прошипел он сквозь зубы. — Но не забывайте: распоряжаюсь я. Я вас согну, я вас уничтожу.

Она засмеялась дурацким смехом.

— Замолчите, — крикнул он.

Рука его поднялась для пощёчины. Но он не успел, оплеуха обожгла ему щёку.

— Потише, дорогой, — сказала она.

И пошла прочь, громко и фальшиво высвистывая какой-то ковбойский мотивчик.

После этого происшествия Альбер Пенселе прожил несколько тяжких часов. Он оплакивал свою загубленную любовь, испытывал ненависть к профессору, клялся завтра же покинуть лечебницу. Но какое-то непонятное малодушие удержало его. Больше того, он искал встреч с Иоландой, бродил около женского корпуса, когда она с сигарой в зубах прогуливалась вдоль решётки. Когда он видел её, ток бежал по его нервам. Он вынужден был признать, что любит её и сквозь новое обличье. За темпераментом амазонки, который приводил его в отчаяние, за удручавшим его холодным замкнутым лицом притаилось нежное существо, чары которого не рассеялись. Уколы профессора Дюпона изменяли поверхность, но глубинные силы, скрытые уголки души, горячие источники жизни и любви оставались нетронутыми. Альбер Пенселе нашёл в себе мужество помириться с Иоландой, терпел её прихоти, стоически выслушивал несносную болтовню. Он смотрел в глубь неё. Он попытался объяснить ей это. Она ничего не поняла и обозвала его умником.

Впрочем, несколько дней спустя регистрационный номер 14 также изменил своё лицо. Сыворотка «мечтательности» в недостаточной концентрации обернулась «анемичностью». Тем временем заказ был аннулирован, и Отто Дюпон не спешил исправлять допущенную ошибку в характере своего испытателя. Иоланда Венсан с неудовольствием встретила это превращение:

— Для меня любовь — это сражение, — говорила она. — А как можно сражаться с подобной амёбой?

— Вы правы, я сам себе противен, — хныкал Альбер Пенселе. — Я — жалкий ничтожный человек! Я вас не достоин. О, если бы у меня хватило мужества покончить с собой!..

Охваченная жалостью, она пыталась вдохнуть в него хоть немного мужества, уверенности. Но не смогла завершить воспитания, так как очень скоро была обращена в «хорошую хозяйку со склонностью к ханжеству и математическими способностями». С этого дня Альбер Пенселе перестал её занимать. Он волочился за ней, нашёптывал признания, подсовывал под дверь записки. Однажды даже попросил Фостена Вантра заступиться за него. Но на следующий день сам стал «прожигателем жизни, баловнем женщин, увлечённым карточной игрой». Обескураженная и очарованная, Иоланда Венсан пыталась сблизиться с ним. Он обращался с ней высокомерно, бравировал наглостью записного донжуана и предпочитал гоняться за медицинскими сёстрами. Он не пропускал ни одной из женщин. Останавливал их, брал за подбородок, говорил бархатным голосом:

— Что за глазки!.. Утонуть в них, забыться!..

Но в глубине души его склонность к Иоланде Венсан ничуть не уменьшилась.

Эти два существа, чьи характеры менялись невпопад, страдали от возможности лишь случайного и быстро преходящего счастья. Шприц Отто Дюпона с неумолимостью рока вершил их судьбу. От ничтожного укола в ягодицу зависели все радости и огорчения. В редкие часы полной гармонии они оплакивали непрочность своего союза. Находиться рядом, разговаривать, понимать, любить друг друга, как любят они, и знать, что скоро, по воле какого-то одержимого, они снова станут чужими. Жить в вечном страхе перед будущим. Бояться самого себя. Бояться любимой. Ссориться, оскорблять, прощать, удивлять и удивляться и меняться снова и снова. Этот калейдоскоп чувств настолько утомлял их, что они теряли голову. Они уже больше не говорили: «Люблю тебя», но: «О как я люблю тебя сегодня!», они больше не говорили: «Сделаем это, пойдём туда-то», но «Если ты не очень изменишься, мы сделаем это, пойдём туда-то». Медицинский график был для них сводом надежд и страхов:

— Я назначена на двадцать пятое «легкомысленной женщиной, любящей чужих детей».

— Как ты думаешь, сможем мы поладить?

Она смотрела на него с глубокой грустью:

— Боюсь, что нет, Альбер.

Он бежал к Фостену Вантру, умолял хоть немного отсрочить укол и привить Иоланде характер, более соответствующий его собственному. Всё напрасно. Коллеги Альбера Пенселе сочувствовали влюблённой парочке. «Чета хамелеонов», как называл их номер 13, служила извечной темой всех разговоров. Альбер Пенселе попытался использовать эту популярность, чтобы поднять мятеж испытателей против профессора Дюпона. Но его не поддержали. Как и следовало ожидать, заговорщикам не хватало последовательности в мыслях.

Иоланда, со своей стороны, просила о помощи мамочку.

— Ах, лишь бы я завтра по-прежнему любила его! — повторяла она.

— Будущее в руках профессора, — качала головой мамочка.

К концу сентября истерзанные влюблённые приняли решение уволиться. Они отправились к Отто Дюпону, объяснили ему причину и извинились за то, что не могут полностью отбыть двухгодичный срок, предусмотренный контрактом. Отто Дюпон не только великодушно простил им неустойку, но обещал дать маленькую пенсию на первые три года их семейной жизни. Последний укол вернул им исходные характеры. Они приняли его с благоговением.

Через месяц они поженились и сняли двухкомнатную квартиру у Итальянских ворот.

Первое время их брак был безоблачным. Молодым с трудом верилось, что они наконец вместе. Засыпать и просыпаться рядом с тем же самым человеком! Знать, уходя, что по возвращении тебя ждёт то же лицо, те же слова, а в возможных недоразумениях виноват ты сам и никто иной!

— Мне кажется, я грежу! — шептала Иоланда.

Альбер подносил к губам её пальцы:

— Как хорошо надеяться, верить, строить планы! Помнишь твои смешные выходки амазонки?

— Смешные? Вовсе нет. Вот ты в роли потасканного донжуана!

Они смеялись над прошедшими горестями. Как-то в воскресенье они решились нанести дружеский визит профессору Дюпону. Они вернулись чуть погрустневшими и слегка встревоженными.

— Ты заметил, к корпусу испытателей пристроили ещё одно крыло, с женской стороны?..

— И уменьшили сад…

— Нет, это он нам раньше казался большим…

Дни шли за днями, и Альбер Пенселе становился задумчивым, молчаливым, нервным. Иоланда отказывалась выходить из дому и проводила в кресле перед окном целые дни, смотрела в дождь на проезжающие машины. Он поднимался, подходил к ней, целовал в лоб и шёл, волоча ноги, в свой угол. Вызванивали время часы.

— Что будем делать вечером, дорогая?

— Что хочешь, дорогой.

Альбер Пенселе вынужден был сознаться, что с женой ему смертельно скучно. И ей пришлось признать, что характеру её мужа не достаёт неожиданности.

Всё тот же мужчина, та же женщина. Они вспоминали о клиническом прошлом, когда всякая встреча несла в себе непредвиденное. Этот разгул фантазии плохо подготовил их к настоящему. Теперь уже ничего не могло произойти, ни мучительного, ни восхитительного. Ад монотонности и благополучия. Альбер Пенселе завёл себе любовницу в страшной тайне от жены. Иоланда завела себе любовника. Но обе эти связи оказались недолговечными. В тоске и раскаянии они вернулись друг к другу. Они исповедовались:

— Я изменила тебе, дорогой.

— И я изменил тебе, дорогая.

Они были очень бледны. Морща лоб, Альбер Пенселе хмуро оправдывался:

— Видишь ли, раньше я изменял тебе с тобой самой. От недели к неделе ты была и ты и другая, и я был и я и не я…

— О, как я тебя понимаю!

— Я боялся потерять тебя. Но теряя тебя, я всякий раз необъяснимо обретал тебя в другой. Ты была явной и ускользающей. Ты мне и принадлежала и нет.

— Помнишь, когда я сказала тебе: «Для меня любовь — это сражение!»? Ты был жалким раздавленным человечишкой. О, как бы я хотела, чтобы ты снова стал им.

— А я бы хотел, чтобы ты опять превратилась в карикатурный синий чулок с математическими способностями.

— О, Альбер! Альбер! Как много мы потеряли!

Она заплакала:

— Всю жизнь, — горько жаловалась она, — ты будешь — ты, а я — я! Это невыносимо, правда?

Стирая её слёзы ласковыми поцелуями, он шептал:

— О да, Иоланда! Это нестерпимо! Нестерпимо!

На следующий день Альбер Пенселе с супругой вернулись на службу к профессору Отто Дюпону.

Б. КОЗАК

ГОЛОВА МЕДУЗЫ

…Полон мощи Атлас!

Кто бы посмел дерзко послать ему вызов?

Но восклицает герой: «Ты дружбу мою отвергаешь?

Вот же тебе!» и пред взором его, сам отвернувшись,

Левой рукою возносит голову страшной Медузы!

Дрогнул гигант и вот — на глазах превращается в камень.

— Что это там шевелится? Видите? — возбуждённо спрашивал стоящий у ограды худощавый человек, глядя широко раскрытыми глазами на крону развесистого дуба.

— А это какая-то птица, — ласково отвечал служитель. — Скорее всего воробей.

— Воробей! Неужели воробей? — восклицал человек, размахивая руками. — Смотрите, крутится, крутится, видите? Ну посмотрите же! — Он радостно хлопнул своего спутника по спине и залился счастливым, по-детски радостным смехом.

Потом справа что-то зашуршало.

— А, кошка! — ахнул человек. — Так это кошка? Я и не думал, что она такая красивая!

У свидетеля этой сцены повлажнели глаза. Человек лет тридцати, впервые видящий мир зрячими глазами, словно впервые ступает по нашей земле. Пусть же Солнце щедро одарит его красками и формами, пусть засветятся для него все звёзды космоса!

Когда получасом позже посетитель, потрясённый виденным, сидел в мягком кресле перед старшим врачом, доктором Роубалом, с которым познакомился накануне на довольно весёлом праздновании десятилетия санатория, с уст его сыпались самые восторженные эпитеты.

— Но, доктор, это невероятно! Вы способны вернуть зрение практически каждому слепому!

— Теоретически каждому, друг мой, теоретически, — скромно поправил его доктор Роубал. — Практически ещё далеко нет! Прошу вас, ещё кусочек кекса, это изделие моей жены, — угощал он гостеприимно. — Кое-чему мы действительно научились, но отнюдь не всему, чему хотелось бы. Всё, чем мы располагаем, основано на опытах. Так что видите, никакая слава…

— А неудач у вас много?

— Ну, теперь не очень, раньше бывало больше. Один случай, к сожалению, имел даже трагический исход!

— Трагический?

— Да, если хотите, я расскажу вам. Вы, наверное, слышали имя Родриго Нбаньес-и-Морелья?

— Разумеется. Это ведь основатель нашумевшего в своё время морелизма? Он, кажется, умер года три назад?

— Да, — кивнул старший врач. — Он тоже был нашим пациентом.

Лицо его собеседника выразило крайнюю степень удивления.

— Погодите, погодите, — засмеялся Роубал. — Разумеется, художником он стал после того, как мы восстановили ему зрение. А прежде — вы, наверное, не знаете этого — он был скрипачом-виртуозом. Я познакомился с ним на его концерте. Он и аргентинец Перес были тогда в большой моде. Вы не можете этого помнить: вам в ту пору, лет 10 назад, могло быть — попробую угадать — лет 15, да?

Морелья был тогда ещё молод… и слеп. Он играл вместе с Пересом, тем самым, что начал вводить в музыку ультразвуки. Человеческое ухо воспринимает лишь звуки определённой частоты, звуки ниже и выше этих пределов человек не слышит. Но если эти неслышимые звуки соответствующим образом усилить, они оказывают на человека удивительное воздействие — вас охватывает

невыразимая радость или гнетёт беспричинная тоска. Звук определённой частоты может, говорят, даже убить человека. Ну вот, чем-то в этом роде и воспользовались композиторы. Искусство всегда идёт в ногу со временем, не правда ли? Словом, Перес стал добавлять эти ультразвуки к обычной музыке. Изобрёл беззвучные инструменты, вместе с которыми обычные инструменты приобретали совершенно новое звучание!

Меня довольно трудно вывести из равновесия — очевидно, это профессиональное качество, — но тогда, на том концерте я буквально витал на крыльях блаженства!

Мы в ту пору только начинали. Ну, так и случилось, что Морелья стал моим седьмым пациентом.

Для слепого обретение зрения сопряжено с сильным потрясением, вы это и сами видели. Морелья не составил исключения. Тем более что он был человеком весьма эмоциональным. Он, как дитя, бегал по лестницам, по саду, каждую минуту обо что-то ударяясь — трудно сразу ощутить себя в пространстве, — и кричал, и смеялся, и плакал, ну словом, безумствовал, как мог. Увидев цветник, стал кувыркаться по клумбам! Заметив красочный бордюр под потолком, решил взобраться по стене, чтобы его лучше рассмотреть, — пришлось принести ему лестницу. Это всё надо было видеть!

А как он испугался, когда начало темнеть! Служитель не предупредил его вовремя, и бедный Морелья решил, что снова лишается зрения. Как сейчас вижу — ворвался ко мне: «Негодяи! — кричит. — Зачем вы дали мне посмотреть на мир? Чтобы я потом всю жизнь мучился воспоминаниями? Лучше бы мне никогда ничего не видеть!» — Нервы, нервы. Но именно за это я и любил его.

Пока Морелья отсутствовал, Перес нашёл для своего оркестра — обычно так и бывает — нового исполнителя, вернее исполнительницу, и в один прекрасный день появился здесь с нею! Это была знаменитая Эстебан, Юлия Эстебан, певица. Статная, смуглая, с чёрными, как смоль, роскошными волосами, уложенными в высокую, словно Пизанская башня, причёску — казалось, это сооружение вот-вот рассыпется! Не оторвать взгляда! Даже доктор Хмеларж заявил, что будь он несколько моложе…

Морельо она покорила с первой минуты. Одно слово — художник! Повёл её в сад показать клумбы, и вдруг — бац! упал перед ней на колени, и слёзы из глаз — как горох, друг мой, как горох! Она вспыхнула, оттолкнула его и убежала. Перес к Морелье больше и не подошёл, уехал, не простившись. Словом, стали совсем чужими.

Человечество сумело избавиться от многих бед: от нищеты, голода, войн. Мы устраняем болезни, удлиняем жизнь, но вот сердечные тревоги — они по-прежнему остаются! И это, наверное, к лучшему — ведь без этих чувств человек не был бы человеком. Только как врач я считаю, что здесь нельзя переходить определённых границ. Безумства не по мне, но я, вероятно, в этом не разбираюсь.

Мы полагали, что Перес намерен забрать Морелью, но тут уж для безопасности оставили его у себя, порядком взбудораженного. Он ходил сам не свой, никого не замечая вокруг, и думал только о ней. Писал ей, но письма возвращались нераспечатанными. И тогда, к счастью, он схватился за палитру. Как видите, к живописи его по сути дела привело несчастье… Думается, он намерен был писать только её.

Но у кого он учился! Я не могу сказать, что понимаю современную живопись, мне гораздо больше нравятся старые мастера, однако перед тем, что творил Морелья, — шапку долой! Это было новое, но сразу видно, настоящее искусство.

Морелизм — это, собственно говоря, только Морелья, он один, так и знайте! Те, что появились после него, лишь подсмотрели его технику, но у них нет его глаз, нет! Удивительно, что мы ещё тогда не заметили особенностей его зрения. Не от небрежности не заметили — у нас не было опыта. Но не буду забегать вперёд.

Доктор умолк и загляделся куда-то в окно.

— Что же было дальше? — спросил собеседник.

— Дальше? Морелья вышел из санатория, и имя его, как вам известно, стало знаменитым. То он писал Гималаи, то море, то до нас доходили слухи, что он где-то во льдах у полюса — уж такая это была беспокойная душа. На самом же деле он просто искал забвения. Надеялся, что смена впечатлений поможет прогнать мысли о Юлии. Он первым из художников побывал на Луне. Первым написал пейзажи Марса, Венеры. Вы, должно быть, видели их репродукции, они стали хрестоматийными! Однако характерно, что репродукции полотен Морельи дают лишь отдалённое представление об оригинале. Они лишены того волшебства, тех чар, что скрыты в подлинниках.

И вот стали появляться странные сообщения. На Марсе благодаря Морелье был открыт некий крайне необычный вид растений. Каждый день все мимо них ходили, никому в голову не приходило,

что это представители тамошней флоры! Какие-то там образования неопределённой формы и неопределённой окраски! А Морелья, всем на удивление, зарисовал их, изобразил на них прожилки, которые никто не видел. Сначала все смеялись, говорили — вымысел художника. А потом исследования подтвердили, что Морелья прав.

Или на Венере. В жарком, влажном климате, где весьма ограничена видимость, Морелья различал местность на больших расстояниях, был там практически вожаком экспедиции! После всех этих сообщений мы решили, что наградили его не просто зрением, присущим нормальным людям, а каким-то сверхзрением.

Я написал Морелье письмо. Так, мол, и так, в интересах науки необходимо как следует вас исследовать, это может оказаться очень важным для человечества. Морелья согласился, больше того, обещал устроить внизу, в городе, выставку своих картин.

Торжество было огромное. Город у нас небольшой, и вдруг такое событие! Римского цезаря так не встречали!

А потом началось обследование. Признаюсь, пришлось испытать неловкость от того, что мы не заметили в своё время столь очевидных отклонений. Но тогда нам недоставало опыта, и тем усерднее мы взялись за работу теперь.

Морелья видел детали, неразличимые для нормального человеческого глаза. Он читал книги с трёхметрового расстояния. Безошибочно узнавал издали людей. Нам даже стало казаться, что и цвета-то он видит по-другому, что мир представляется ему гораздо красочнее, чем нам. Этого нельзя было объяснить только художественной одарённостью! Совсем напротив: одарённость была скорее следствием, чем причиной загадочных свойств его зрения. Так что мы никак не могли понять, в чём тут дело.

И вдруг однажды вернулся из города коллега Хмеларж и прямо с порога загремел:

— Все вы слепые мыши, возитесь тут за закрытыми дверьми, а разгадка-то там, в его картинах! Извольте признаться, уважаемые, кто из вас побывал на его выставке?

Мы со стыдом признались, что никто.

— Вот видите, — заключил Хмеларж. — Мчитесь туда сию же минуту!

Ну, мы и помчались. Я там попросту потерял дар речи. Глаз не мог оторвать! Была там картина, которая называлась «Радость». Двое влюблённых глядят друг другу в глаза. Казалось бы, самая обычная композиция. Но когда я стоял перед ней, меня вдруг пронзила какая-то странная тихая радость, словно бы в мире не было никаких забот, никаких печалей, я чувствовал, что испытываю какое-то уже знакомое, уже пережитое ощущение. И тут я вспомнил концерт Морельи в сопровождении оркестра Переса с этими проклятыми ультразвуками. Картина на меня действовала точно так же. Или взять большое полотно «Горе»! Опять-таки всё предельно просто: юноша, склонившийся над письмом. Во всём его облике, в положении рук, в согнутой спине было столько отчаяния, что у зрителя слёзы навёртывались на глаза. Словно бы я видел на картине Морелью в пору, когда он писал те злосчастные письма к Юлии Эстебан. Бедняга, подумал я, так ты её не забыл!

И тут вдруг я услышал шум спора. И оглянулся, удивлённый тем, что кто-то может ссориться на выставке; и увидел перед одной из картин группу посетителей, в числе которых были и мои коллеги, яростно жестикулировавших с горящими злобой глазами. С намерением прекратить ссору я подошёл к картине и, представьте себе, едва сам не кинулся в драку! Картина называлась «Гнев», на ней была изображена ссора.

Словом, просмотрев выставку, мы сошлись на мнении, что картины Морельи оказывают чрезвычайно сильное воздействие на человеческую психику. Доктор Хмеларж предложил подвергнуть картины экспертизе и, как оказалось позже, не без оснований.

А тут стало известно, что в наш город приезжают композитор Перес и Юлия. Поговаривали даже, будто после многолетней ссоры супруги хотят помириться с Морельей.

— Я сам присутствовал при встрече бывших друзей. Морелья и Перес тепло обнялись, казалось, забыв все старые счёты. Встреча с сеньорой Юлией была более сдержанной. Ну, это и естественно — она дама! В тот же вечер Морелья отправился к Пересам в отель с визитом. Ничто не предвещало беды.

Но какое потрясение ожидало нас на следующее утро! Часов около девяти стало известно, что Морелья и супруги Перес найдены мёртвыми в номере отеля!

Ну, тут в действие вступила полиция. Как обычно бывает в подобных случаях, трупы отправили на

экспертизу. Было однозначно установлено, что все трое скончались от мгновенного паралича сердца. Не было обнаружено никаких признаков насилия, никаких следов яда.

Морелья был найден мёртвым с палитрой в руке перед мольбертом с почти законченным портретом Юлии, а супруги Перес — там, где, очевидно, стояли, глядя на последние движения его кисти. Я попал на место происшествия, когда полиция пыталась реконструировать обстоятельства печального события, и тут впервые увидел этот портрет. На нём была изображена Юлия Перес во всей своей гордой красе. Мы с моим ассистентом Марке и все участники реконструкции так и окаменели перед портретом, ощутив всю силу любви художника и всю безмерность его отчаяния. Гениальное творение! Мы от него глаз не могли оторвать! Картина затягивала как омут. Её краски излучали нестерпимый свет. Мне казалось, что я вот-вот ослепну, но отойти я не мог, не мог! На меня наступала какая-то болезненная тоска, я чувствовал, как участился пульс, как прилила к голове кровь, но не в силах был отвести глаза от глаз этой женщины на портрете! Я буквально оцепенел, когда…

…когда в номер ворвался доктор Хмеларж.

— Прекратите на неё смотреть! Это настоящая Медуза! — приказал он и вместе с мольбертом опрокинул картину на пол.

В первый момент мы ничего не поняли, но вскоре оправились.

— Так сколько времени вы смотрели на эту картину, мои дорогие? — Иронический тон не изменил коллеге Хмеларжу.

— Как сколько? Минут десять, наверное, как вы думаете? — обернулся я к остальным.

— Ну, так вам ещё повезло, — с облегчением сказал доктор Хмеларж. — Я думаю, вы избежали огромной опасности.

— Опасности? Какая может быть опасность?

— Обнаружилось, — заявил Хмеларж не без гордости, — что Морелья работал, если можно так сказать, ультракрасками! Я попросил подвергнуть анализу несколько его картин. Представьте себе, кроме обычных красок он пользовался и невидимыми для нас особыми красками, которые готовил из каких-то там лиан или чего-то подобного, найденных на Марсе, на Венере или где-то там ещё. Его чемоданы полны банок… Это всё его глаза…

Ну, вот вам и всё объяснение! Как существуют неслышимые для нас звуки, так существуют и невидимые для нас краски. И точно так же, как могут подействовать на человека некоторые неслышимые звуки, так могут подействовать и некоторые невидимые краски.

Мы оставили за портретом название «Голова Медузы», данное ему доктором Хмеларжем. Помните греческий миф о Медузе Горгоне, на которую достаточно было взглянуть, чтобы окаменеть? Оказалось, что среди применённых Морельей красок была и такая, которую человек не может видеть более пятнадцати минут — она оказывает необратимое воздействие на зрительный нерв, на нервную систему, на деятельность мозга. Сейчас картина хранится в подвалах Народной галереи — обёрнутая, запечатанная, как говорится, за семью замками.

Я знаю, о чём вы хотите спросить. Хотел ли Морелья убить себя и Пересов или же он сам не знал о смертельном действии своей краски? Было ли тут намеренное убийство или только несчастный случай? Этого теперь уже никто никогда не узнает.

Старший врач встал и подошёл к окну. Приподняв занавес, он несколько минут наблюдал за пациентом, который, только что обретя зрение, впервые вышел в парк.

— Теперь мы тщательно следим, чтобы ничего подобного не повторилось, — заключил он.

Источники

Hubert Lampo, De geboorte van de God. В авт. сб. Dochters van Lemurie, Meubnhoff, Amsterdam, 1964.

Емил Христов, Стачка. Наука и техника sa младежта, № 9, 1964. John Вгиспсг, No future in it. В авт. сб. No future in it, London, 1962.

Gerald Kersh, The unsafe deposit box. В сб. The best of Sci-Fi N 4, 1963.

Niels E. Nielsen, At lege skjul om natten. В авт. сб. Noget rigtig tosset, Kebenhaon, 1964, M. Gareia-Vin6, Amor fuera del tiempo. В авт. сб. El pacto del Sinai, Madrid, 1968.

Lino Aldani, Carnavale cosmico. Lecodi Bergamo, февраль 1963.

Emio Donaggio, Rispettare i microbi. Interplanet, N 2, 1963.

Primo Levi, Pieno impiego. В сб. Storie naturali, Einoudi, 1966.

Ermanno Libenzi, Irotauuri. В сб. II pianeta del matti, Garzanti, 1971.

Gianni Rodari, Carlino, Carlo, Carlino. Paese sera, N 1, 1973, Belcampo, Een kenze uit de verhalen. В сб. Bevroren vuurwerk, Amsterdam, 1967.

Tor Age Bringsvoerd, En sau, en rose og tre sma vulkaner. В сб. Probok, Gyldendal, 1968.

Stefan Weinfald, Pojedynek. Miody technik, N 9, 1966.

Wiktor Zwikiwicz, instar omnium. Mtody technik. N 11, 1971.

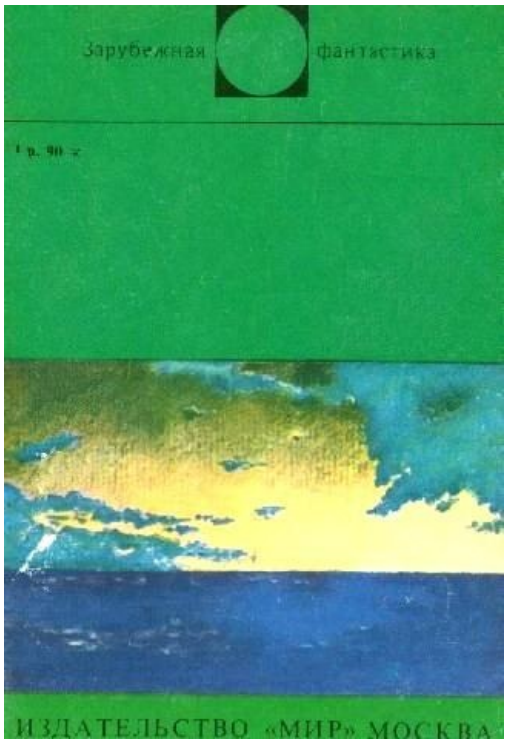
Jacek Sawaszkiewicz, Przybysz. В авт. сб. Stalo sig jutro, Warszawa, 1979, Vladimir Colin, Lnaga. Fiction, N 203, 1970.

Francis Carsac, Les Monts de destin. В сб. Lo regard dans Failleurs, Paris, 1966.

Maurice Renard. Le brouillard du 26, octobre. В авт. сб. Monsieur dOntre-Mort, Paris. H. Troyat. Les ailes du diadle. Raris, 1966. 3.

P. Andrevon, La Face. Fiction, N 222, 1972.

B. Kozak. Hiava Meduzy, Veda a technika rnladezi, N 7, 1964.



О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

Notes

1

И. Патипир — фламандский художник, известный XVI в. — Прим. перев.

2

Ирод I Великий — царь Иудеи (ок. 74–73 гг. до н. э.). В христианской мифологии известен как Ирод, ему приписывается «избиение младенцев» при известии о рождении Христа. — Прим. перев.

3

Х. Картер (1873–1939), английский археолог, открывший в 1922 г. гробницу фараона XVIII династии (XIV в. до н. э.) Тутанхамона.

4

Именем Бельфегора вызываю тебя (лат.).

5

Во имя Бельфегора, Адониса, Озириса, Ламахтани (лат.).

6

Заклинаю тебя (лат.),

7

Персонаж американских комиксов — мальчишка-шалопай, гроза родителей. — Прим. перев.

8

Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства. — Прим. перев.

9

Выдержки из произведений Антуана де Сент-Экзюпери даны в переводе Норы Галь.

10

Подобно всем, как все (лат.).

11

Тропизм - автоматизмы, включённые в сложное поведение животных

12

Цехин - старинная венецианская золотая монет весом 3-4 г, а также название монет ряда других итальянских и прочих государств в эпоху Возрождения.

13

Сома - совокупность клеток многоклеточного организма.

14

Версификатор — человек, легко слагающий стихи, но лишённый пэтического дара.

15

Глоссарий — словарь узкоспециализированных терминов